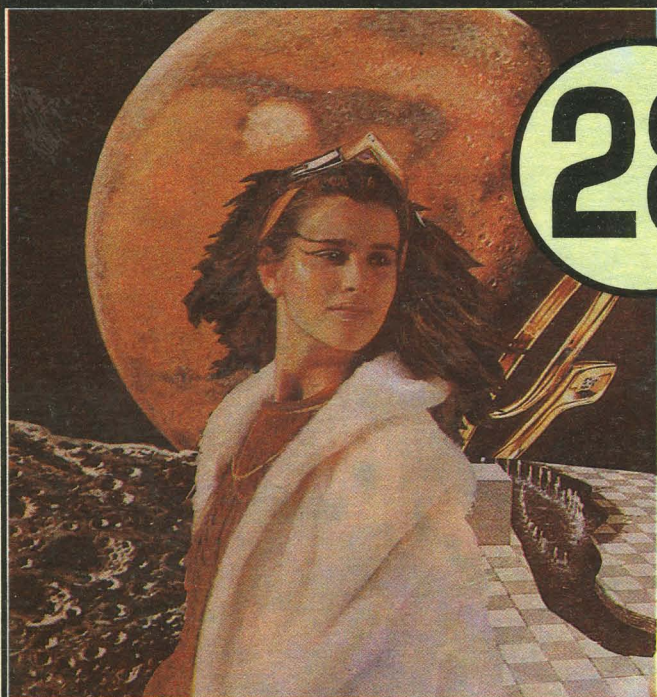

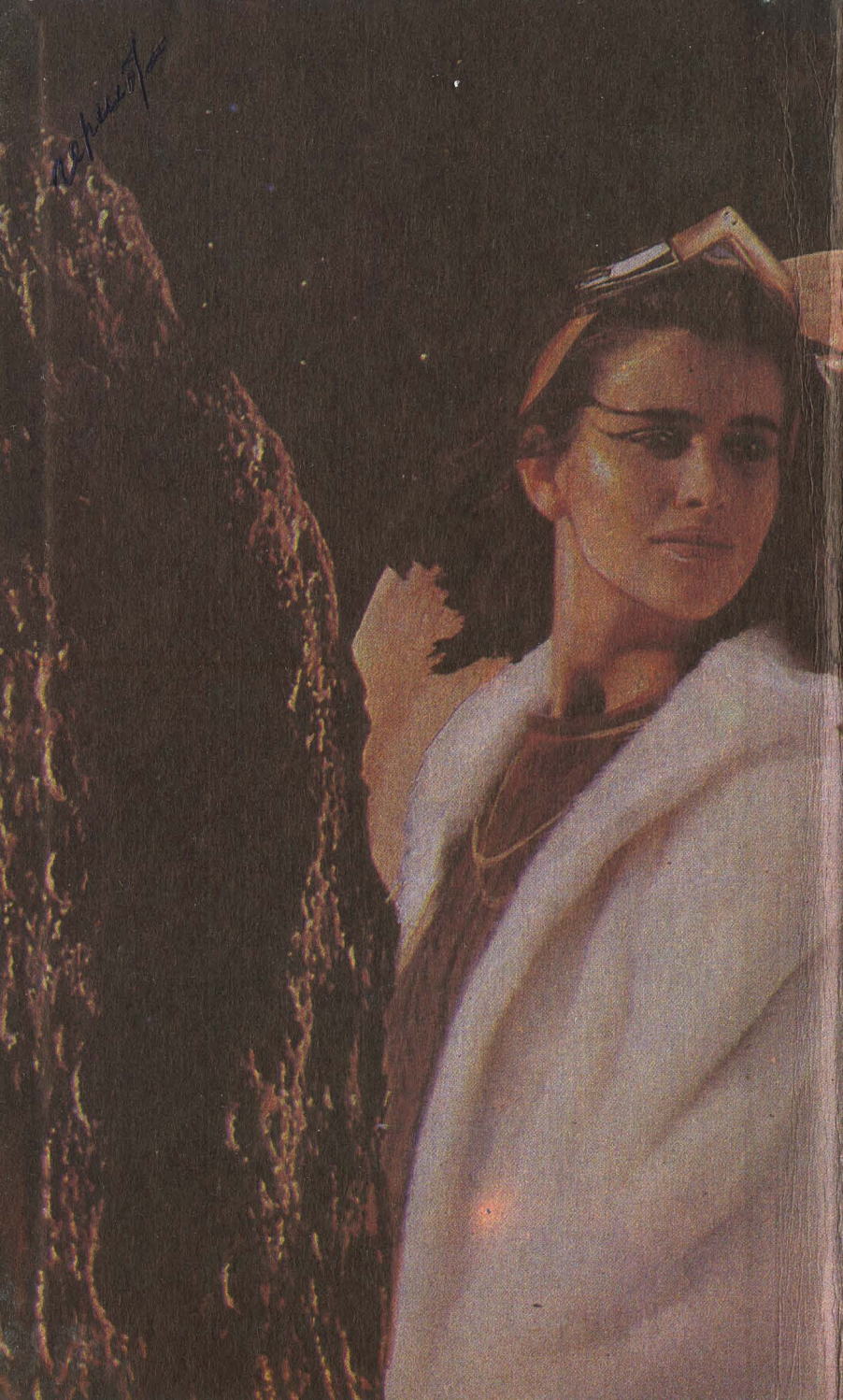
ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

28

П Р И Н Ц Е С С А М А Р С А
Б О Г И М А Р С А
В Л А Д Ы К А М А Р С А

22/10/07/08

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЛАДЫКА МАРСА

ПРИНЦЕССА МАРСА
БОГИ МАРСА
ВЛАДЫКА МАРСА

ТАЛЛИНН

1992

Перевод с английского В. Каротам.

ISBN 5-7985-0028-4

© Перевод В. Каротам, 1992.
© А/о «Принтэст», 1992.

ПРИНЦЕССА МАРСА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуя эту необычную рукопись капитана Картера, я хочу сказать несколько слов о замечательной личности автора.

Будучи другом моего отца, он по несколько месяцев проводил в нашем доме в Виргинии. Перед началом гражданской войны мне было всего пять лет, но я хорошо помню высокого, смуглого, безбородого человека атлетического сложения, которого я звал дядей Джоном.

Он как будто всегда смеялся. В детские игры вступал с тем же добродушным весельем, с каким принимал участие в развлечениях общества взрослых мужчин и дам. Он мог целыми часами сидеть с моей старой бабушкой, занимая ее рассказами о своих необыкновенных похождениях во всех частях света.

Капитан Картер, всеобщий любимец, был воплощением мужской красоты. Рост его достигал шести футов и двух дюймов, плечи его были широки, бедра узки. У него была осанка тренированного спортсмена. Он был наделен чрезвычайно правильными и резко очерченными чертами лица. Коротко стриженные черные волосы, стальные глаза, полные огня и решительности, подчеркивали его сильный и прямой характер.

Манеры его были прекрасны, и он отличался изяществом, типичным для южных джентльменов высшей породы.

Его умение ездить верхом было настоящим чудом и вызывало восторг даже у соперников. Я часто слышал, как мой отец предостерегал его от неудержимой отваги, но он в ответ только смеялся, говоря, что не родилась еще та лошадь, со спины которой он упадет и разобьется.

Когда началась война, он покинул нас, и в течение пятнадцати или шестнадцати лет я его не видел. Вернулся он неожиданно, и я с удивлением заметил, что он почти не постарел и не изменился ни в каком отношении. В обществе он был таким же жизнерадостным весельчаком, каким мы его знали раньше, но когда он оставался наедине с собой, я замечал, как он часами сидел, устремив взгляд в пространство; лицо его выражало тоску и безграничное горе. Он просиживал ночи напролет, устремив взор в небо. Лишь несколько лет спустя я узнал причину подобного поведения.

Капитан Картер поведал нам, что после войны занимался изысканиями и разработкой копей в Аризоне. Успех его предприятия был очевиден по неограниченному состоянию, которым он владел. Он неохотно и очень сдержанно говорил о своей жизни, проведенной за эти годы.

Прожив с нами около года, он перебрался в Нью-Йорк, приобрел там небольшой клочок земли на Гудзоне, где я навещал его раз в год во время моих наездов на нью-йоркский рынок — мы с отцом в то время имели целый ряд небольших магазинов в Виргинии. Капитан Картер владел маленьким, но красивым коттеджем, расположенным на возвышенности, откуда открывался чудесный вид на реку. Во время одного из моих посещений, я обратил внимание, что он занят работой над рукописью.

Тогда же он сказал мне, что в случае какого-нибудь с ним несчастья, он хотел бы, чтобы я распорядился его имуществом. Капитан Картер дал мне ключ от несгораемого шкафа в его кабинете, где находились завещание и некоторые указания, которыми он попросил меня руководствоваться с абсолютной точностью.

Отправляясь спать, я видел из своего окна, как он стоял, освещенный лунным светом, на небольшом холме с простертыми к небу руками. Мне показалось, что он молился, хотя я никогда не считал его набожным.

Несколько месяцев спустя после моего последнего визита, первого марта 1886 г. я получил телеграмму с просьбой немедленно приехать к нему. Хотя он одинаково хорошо относился ко всем членам нашей семьи, но я всегда был его любимцем; немудрено, что я поспешил исполнить его просьбу.

Утром четвертого марта я прибыл на маленькую станцию, расположенную на расстоянии одной мили от его поместья. Лакей, встречавший меня, сообщил мне печальную весть: сегодня сторож соседнего имения ранним утром нашел капитана Картера мертвым.

Я предчувствовал нечто неладное, поэтому эта весть не очень поразила меня. Я поспешил в его поместье, чтобы позаботиться о похоронах и его делах.

В маленьком кабинете капитана я увидел сторожа, полицию и нескольких незнакомых мне горожан. Сторож подробно рассказал, как и где он нашел тело, которое еще не успело остыть. Капитан лежал на снегу, вытянув руки над головой, на краю берега. Когда сторож показал это место, я вспомнил, что это то самое место, где я видел его ночью с простертыми к небу руками!

Следов насилия на теле не обнаружили, мне выдали документ, заверенный местным врачом, что смерть последовала от разрыва сердца. Оставшись один в кабинете, я открыл нестораемый шкаф и извлек содержимое того ящика, в котором должен был найти инструкции. Они были несколько странные, но я постарался выполнить их весьма добросовестно.

Он просил, чтобы я перевез, не бальзамируя, его тело в Виргинию и положил его в открытом гробу в склеп, который он сам выстроил и которой, как я узнал позже, был снабжен хорошей вентиляцией. Согласно его распоряжению, я должен был сам проследить, чтобы все было сделано так, как он хотел, и сохранено в тайне, если это будет нужно.

Своим состоянием он распорядился так, что в течение двадцати лет я буду получать весь доход с поместья, а потом оно все перейдет ко мне. Дальнейшие распоряжения касались этой рукописи, которую я не должен был распечатывать и читать одиннадцать лет. Я имел право огласить ее содержание только через двадцать один год после его смерти.

Гробница, в которой лежало его тело, имела ту особенность, что ее массивная дверь запиралась только одним огромным позолоченным пружинным замком, который отпирался только изнутри.

*Искренне преданный
ЭДГАР БЕРРОУЗ.*

Глава I

В ГОРАХ АРИЗОНЫ

Мне очень много лет; сколько — я и сам не знаю. Быть может сто, быть может больше. Точно ответить не могу, так как я никогда не старился, подобно другим людям, и детство тоже не осталось в моей памяти. Насколько я припоминаю, я всегда был мужчиной в возрасте около тридцати лет. Вид у меня теперь точно такой же, как и сорок лет назад, но все же я чувствую, что не буду жить вечно, что однажды умру реальной смертью, после которой нет воскрешения. Не знаю, почему боюсь смерти, ведь я умирал дважды, — и все же я жив. И все-таки я ощущаю перед ней такой же ужас, как и вы, которые не умирали ни разу, и мне думается, что именно этот страх смерти внушает мне такое твердое убеждение в моей смерти.

Итак, я решил написать повесть об интереснейших моментах своей жизни и смерти. Объяснить эти сверхъестественные происшествия я не могу; я могу лишь изложить простыми словами обыкновенного искателя приключений хронику странных событий, случившихся со мной за десять лет, в течение которых мое мертвое тело лежало не найденным в одной из пещер Аризоны.

Я никогда еще не рассказывал этой истории, и ни один смертный не увидит эту рукопись, пока я не отойду в вечность. Я знаю, что средний человеческий ум не верит тому, чего он не в состоянии постичь, и потому несколько не буду поражен, если общество, ученый мир и пресса осмеют меня, и я прослышу лжецом, а между тем, я сообщу здесь лишь весьма простые истины, которые когда-нибудь будут признаны наукой. Может быть, сведения, добытые мною на Марсе, и все данные, которые я впишу в эту хронику, будут способствовать тому, что человечество скоро узнает тайну родственной нам планеты, тайну, которая, впрочем, для меня уже давно раскрыта.

Мое имя — Джон Картер, но я более известен как капитан Картер из Виргинии. По окончании гражданской

войны я оказался обладателем нескольких сот тысяч долларов (к сожалению, в банкнотах Конфедерации), в чине капитана кавалерийского эскадрона уже несуществующей армии, слугой государства, исчезнувшего вместе с надеждой юга на победу. Итак, без службы, без родины, совершенно разоренный, обладая единственным средством к существованию — готовностью к борьбе, — я решил направиться на юго-запад и попытаться там восстановить свое состояние, найдя золото.

В этих поисках я провел около года в обществе другого офицера Конфедерации, капитана Джемса К. Поуэля из Ричмонда. Нам чрезвычайно повезло — в конце зимы 1865 г., после целого ряда неудач, мы нашли богатейшую золотоносную кварцевую жилу, которой не могли представить себе даже в самых дерзновенных мечтах. Поуэль, горный инженер по образованию, определил, что за три месяца мы нашли золота на сумму более миллиона долларов.

Экипировка нашей экспедиции была крайне примитивна, поэтому мы решили, что один из нас должен вернуться в цивилизованный мир, чтобы закупить необходимое оборудование и нанять достаточное количество людей для разработки рудника. Так как Поуэль хорошо знал местность, а также был достаточно осведомлен в вопросах горного дела, то мы решили, что отправится он. Я же должен был оставаться на страже нашей жилы и оберегать ее от захвата каким-нибудь странствующим искателем.

Третьего марта 1866 г. мы навьючили двух осликов багажом Поуэля и распрощались. Сев на лошадь, он стал спускаться по горному хребту в долину, через которую лежал его путь. Утро было ясным, как обычно в Аризоне. Я следил за ним и его маленькими навьюченными спутниками, спускавшимися с откоса горы вниз к долине. Они мелькали перед моими глазами, то отступая немного назад и вверх, то появляясь на ровном плоскогорье. В последний раз я видел Поуэля около трех часов пополудни, когда он вступил в тень горной цепи, видневшейся по ту сторону долины.

Через полчаса я случайно бросил взгляд в сторону долины и был чрезвычайно изумлен, увидев три маленькие точки, черневшие в том месте, где я в последний раз заметил своего друга и двух его осликов. Я не склонен к излишней мнительности, но чем больше я старался убедить себя, что с Поуэлем все обстоит благополучно и что точки, которые я виделдвигающимися по его следам, были антилопы или дикие лошади, тем не менее мне это не удавалось.

С тех пор, как вступили на эту территорию, мы не встретили ни одного враждебного индейца, и потому беззаботность наша дошла до крайнего предела. Мы высмеивали все слышанное нами об этих хищных мародерах, якобы шнырявших по горным тропам, где они жалко выслеживали добычу. По оассказам очевидцев, они полвеогали жесточайшим мучениям всякого белого, попавшего в их беспощадные когти.

Я знал, что Поуэль прекрасно вооружен и, кроме того, обладает большим опытом, приобретенным в стычках с индейцами; но я жил в течение ряда лет на севере, где мне неоднократно приходилось сталкиваться с сиксами, и мне было ясно, что шансы его против шайки хитрых апачей весьма слабы. В конце, концов, мучимый состоянием неизвестности, я вооружился двумя кольтами и карабином и, вскочив на верховую лошадь, направился вслед за Поуэлем.

Въехав на более или менее ровную дорогу, я пустил свою лошадь галопом и таким образом продолжал свой путь до самых сумерек. Было уже почти темно, когда я вдруг заметил какие-то следы, присоединившиеся к следам Поуэля. Это были следы трех неподкованных жеребцов, и было видно, что они мчались галопом.

Я спешно продолжил свой путь, пока не наступила полная темнота, вынудившая меня дожидаться восхода луны. В ожидании мне оставалось только углубиться в размышления о целесообразности моей погони. Возможно, что я сам, подобно нервной женщине, придумал несуществующие опасности, и что при встрече с Поуэлем все мои опасения разрешатся смехом. Однако я не был склонен к чувствительности, но чувство долга, к чему бы оно ни вело, было главным на протяжении всей моей жизни. Именно ему я обязан всеми почестями, которыми удостоили меня три республики, а равно и орденами, и дружеским расположением, которыми дарил меня старый могущественный император, а также и некоторые другие, менее именитые властители, на службе у которых я состоял.

Я смог продолжить свой путь около девяти часов, когда луна светила уже достаточно ярко. Без особого труда я довольно быстро продвигался вперед по тропинке, местами пуская коня легкой рысью. Около полуночи я добрался до водоема, у которого, как я знал, Поуэль предполагал сделать привал. Я выехал на это место совершенно неожиданно для себя и не нашел там даже малейших признаков недавнего пребывания человека.

Я заметил, что следы преследующих всадников,— а в

том, что это были преследователи, я был теперь совершенно убежден,— шли все время за следами Поуэля, лишь с коротким перерывом на остановку у водоема, и все время скорость их движения оставалась равной скорости движения Поуэля. Теперь я знал совершенно определенно, что преследователями были апачи, и что они намеревались захватить Поуэля живым, чтобы насладиться его мучениями. Поэтому, несмотря на опасность дороги, я галопом погнал коня в надежде догнать краснокожих варваров раньше, чем они настигнут моего друга.

Дальнейшие мои размышления были прерваны отзвуком выстрелов, раздавшихся далеко впереди меня. Я понял, что в данный момент Поуэль нуждается во мне больше, чем когда-либо, и я немедленно пустил лошадь бешеным карьером вверх по узкой горной тропе. Я проскакал целую милю или даже больше, не слыша ни одного звука. Внезапно тропинка оборвалась и перешла в небольшое открытое плоскогорье, вблизи которого возвышалась вершина горы. Чтобы выбраться на это плоскогорье, мне пришлось проехать через узкий проход, у конца которого я остановился, как вкопанный, так как зрелище, открывшееся моим глазам, наполнило мою душу изумлением и ужасом.

Небольшая полоска равнины сплошь белела индейскими шатрами. С полтысячи краснокожих воинов сгрудились посредине лагеря, что-то внимательно разглядывая. Никто даже не заметил моего приближения, и я мог бы с легкостью повернуть назад под темные своды ущелья и ускользнуть от них. Но эта мысль возникла у меня лишь на другой день.

Не думаю, что я был создан из материала, из которого делаются герои, так как из всех тех многочисленных случаев, когда вольные мои поступки ставили меня лицом к лицу со смертью, я не могу припомнить ни одного, когда возможность иного образа действия, нежели предпринятый мною, открылась бы мне ранее, чем через много часов. Разум мой, по-видимому, устроен таким образом, что я подсознательно следую велению чувства долга, не прибегая к излишним размышлениям. Во всяком случае, я никогда не сожалел, что трусость и чрезмерная осторожность не свойственны моей натуре.

В ту минуту я, конечно, понял, что центром всеобщего внимания был никто иной, как Поуэль. Что последовало раньше — мысль или поступок — я не знаю, но через мгновение я выхватил из-за пояса свой револьвер и стал стрелять в самую гущу толпы краснокожих, издавая в то же время дикие крики изо всей силы своих легких. В моем положении

я вряд ли мог бы придумать что-нибудь лучшее, так как ошеломленные неожиданностью краснокожие, в полной уверенности, что их настиг целый отряд регулярной армии, бросились врассыпную за своими луками, стрелами и карабинами.

Кровь похолодела в моих жилах, когда я увидел Поуэля, освещенного ярким светом луны: тело его было покрыто густой щетиной вражеских стрел. В том, что он уже мертв, не могло быть ни малейшего сомнения, и все же я постарался спасти его тело от поругания, как если бы дело шло о спасении его жизни. Подъехав к нему вплотную, я нагнулся и, ухватившись за его патронташ, взвалил тело на холку моей лошади. Взгляд, брошенный мною назад, убедил меня, что возвращение более рискованно, нежели продолжение пути вперед через плоскогорье. Пришпорив моего измученного скакуна, я помчался к ущелью, видневшемуся вдаль по ту сторону равнины.

Тем временем индейцы успели сообразить, что я один, и мне вслед полетели стрелы и пули, сопровождаемые проклятьями. То обстоятельство, что при лунном свете может попасть в цель, пожалуй, только проклятье, в совокупности с их крайне неуравновешенным душевным состоянием, а также быстрый бег моего коня — все это спасло меня от гибели, и я получил возможность добраться до прикрытия ближайших возвышенностей прежде, чем дикари успели организовать настоящую погоню.

Конь мой продвигался вперед без поводьев, так как я знал, что он найдет верный путь скорее, нежели я. Но на этот раз он ошибся и пошел по тропе, ведущей к вершине горной цепи, а не к ущелью, через которое я надеялся выбраться в долину и таким образом спастись от погони. Однако возможно, что именно этой ошибке я обязан жизнью и теми замечательными происшествиями, которые произошли со мной в течение последующих десяти лет.

Первая мысль о том, что я на верном пути, мелькнула у меня, когда вопли преследователей стали доноситься до меня слева и притом стали менее внятными. Я понял, что они направились по левую сторону зубчатой скалистой возвышенности, окаймляющей плоскогорье, в то время как мой конь вынес меня и тело Поуэля по ее правую сторону.

Я очутился на небольшом ровном выступе скалы, с которого можно было разглядеть тропинку вниз, и увидел, как кучка преследовавших меня индейцев исчезла за вершиной соседней горы. Мне было ясно, что они скоро обнаружат

свою ошибку, и тогда погоня будет возобновлена по верному направлению, стоит им только напасть на мой след.

Я успел проехать лишь очень небольшое расстояние, как вдруг перед моими глазами вырос большой скалистый утес. Тропинка, по которой я ехал, была ровная, довольно широкая и вела вверх именно в этом направлении. По правую руку от меня возвышалась скала, вышиной в несколько сот футов, а по левую сторону оказался такой же крутой, почти отвесный спуск, ведущий на дно скалистого оврага. Я не проехал и ста ярдов, как резкий поворот вправо вывел меня к большой пещере. Вход в нее был высотой четыре фута и шириной от трех до четырех футов. Тропинка кончалась у самой пещеры.

Уже наступило утро, и, как всегда в Аризоне, все внезапно озарилось ярким светом. Сойдя с лошади, я положил тело Пуэзэ на землю. Тщательно осмотрев его, я не обнаружил ни малейших признаков жизни, но я вливал воду из своей фляги в его мертвые губы, смачивал его лицо, тер руки, словом, провозился с ним около часу, будучи в то же время совершенно уверенным в его смерти.

Я очень дорожил дружбой с Пуэзэ. Он был настоящим мужчиной, джентльменом и хорошим верным товарищем. Прекратив тщетные попытки оживить его и оставив тело Пуэзэ там, где оно лежало, на самом краю площадки, я отправился изучать пещеру. Забравшись в нее ползком, я обнаружил затем большое помещение, примерно в сто футов в диаметре и в тридцать или сорок футов в высоту. Ровный, хорошо утоптаный пол и многие другие внешние признаки свидетельствовали о том, что когда-то, в отдаленные времена, пещера эта была обитаемой. Задняя стена ее была настолько скрыта в густой тени, что я не смог разобрать, имеются ли там еще выходы в другие помещения или нет.

Продолжая свой осмотр, я начал ощущать приятную сонливость, охватившую мое существо, что я приписал своей усталости от длительной и напряженной верховой езды, а также реакции после возбуждения борьбы и погони.

Я чувствовал себя в своем новом убежище в относительной безопасности, так как видел, что и один смогу защитить тропинку, ведущую в пещеру. Охватившая меня дремота вскоре так меня одолела, что я с трудом противостоял властному желанию броситься на землю и заснуть. Я сознавал, что это совершенно недопустимо, так как это означало бы верную смерть от рук апачей, которые могли нагрянуть ко мне каждую минуту. Сделав над собой усилие,

я направился к выходу из пещеры, но сильное головокружение отбросило меня к боковой стене, и я навзничь упал на землю.

Глава II

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СМЕРТИ

Блаженное ощущение охватило меня, мускулы мои ослабели, и я был уже близок к тому, чтобы уступить желанию заснуть, как вдруг до моего слуха донесся звук приближающегося лошадиного топота. Я сделал попытку вскочить на ноги, но, к величайшему своему ужасу, обнаружил, что они отказываются повиноваться моей воле. Я был в полном сознании, но не мог пошевелить и пальцем, как бы превратившись в камень. И в этот самый момент я впервые заметил, что пещеру наполняет какой-то прозрачный туман, заметный лишь у самого выхода, озаренного дневным светом. Из всего этого я заключил, что подвергся действию какого-то ядовитого газа, но не мог понять, почему сохранил здравый ум, в то же время будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Я лежал лицом к выходу из пещеры, откуда мне была видна узкая полоса тропы, проходившая между пещерой и поворотом утеса, который огибала эта тропа. Звук приближающегося лошадиного топота прекратился, и я понял, что индейцы осторожно подкрадываются ко мне вдоль выступа, ведущего к моей страшной могиле. Я припоминаю теперь, что надеялся на то, что они быстро покончат со мной, так как меня не особенно радовало предвкушение тех многочисленных пыток, которым они меня подвергнут, если последуют своим ритуальным законам.

Ждать пришлось недолго. Легкий шорох известил меня, что враг рядом. Из-за гребня скалы показалась ярко раскрашенная физиономия в боевом головном уборе, и дикие глаза впились в меня. Я был уверен, что, несмотря на царивший в пещере полумрак, он прекрасно видел меня, так как лучи утреннего солнца падали прямо на меня через входное отверстие.

Однако вместо того, чтобы приблизиться, краснокожий стоял неподвижно с вытаращенными глазами и открытым ртом. Затем показалось еще одно лицо, потом третье, четвертое и пятое, причем каждый перегибался через плечо своего соседа, так как выступ скалы был слишком крут, чтобы

обойти его кругом. Каждая физиономия являла собой воплощение страха и ужаса, но причина их испуга была мне так же непонятна, как и десять лет спустя. По тому, что вожди шепотом передавали что-то стоящим сзади, можно было предположить, что их достаточно много.

Внезапно из глубины пещеры, откуда-то позади меня, раздался слабый, но внятный стон. Услышав его, они повернулись и бросились бежать, охваченные дикой паникой. Их стремление ускользнуть от невидимой опасности, находившейся позади меня, было настолько велико, что в спешке один из них оступился и упал с утеса вниз головой. В течение нескольких мгновений в округе раздавались их дикие крики, затем все стихло.

Звук, испугавший моих врагов, больше не повторялся, но и одного раза было достаточно для того, чтобы заставить меня подумать о неизвестном чудовище, скрывавшемся во мраке за моей спиной. Страх — относительное понятие. Поэтому я могу измерить мои ощущения только путем сравнения их с тем, что было испытано мною в других опасных положениях, в которых я оказывался не раз в своей жизни до и после того дня. Я могу без зазрения совести сказать, что если ощущения, испытанные мною в течение последующих нескольких минут, были страхом — да поможет господь бог трусу, так как трусость, несомненно, является его собственной карой.

Быть совершенно неподвижным, лежать спиной к ужасной и неизвестной опасности, один звук которой обратил в дикое бегство бесстрашных апачей, — вот уж поистине ужасное положение даже для человека, испытанного в борьбе за свою жизнь.

Несколько раз мне казалось, что я слышу позади себя слабые звуки, как будто кто-то осторожно двигается. Но и это скоро прекратилось, и я был предоставлен мыслям о своем положении. Я мог лишь смутно догадываться о причине моего паралича, и единственная моя надежда была на то, что он прекратится так же внезапно, как и начался.

К концу дня мой конь, стоявший до сих пор непривязанным у входа в пещеру, повернулся и стал медленно спускаться вниз по тропинке в поисках пищи и воды. И вот я остался совсем один с таинственным существом позади себя и с мертвым телом моего друга, лежавшим там, куда я положил его на рассвете.

С этой минуты и до полуночи вокруг меня царила тишина — мертвая тишина. И вдруг ужасный стон вновь достиг моего слуха, заставив содрогнуться; из густого мрака пеще-

ры позади меня ясно слышалось движение какого-то существа и как бы слабое шуршание сухих листьев. Это потрясение оказалось чрезмерным для моих напряженных нервов, собрав всю волю и разум, я попытался разорвать свои невидимые оковы, но — увы, я не смог пошевелить даже мизинцем. Затем я ощутил сильный внутренний толчок, мгновенно подступившую тошноту, услышал треск как бы ломающегося стального прута и почувствовал себя прислоненным к стене пещеры, лицом к лицу со своим неизвестным врагом.

В эту минуту лунный свет озарил пещеру, и... прямо перед собой я увидел свое собственное тело, распростертое в той же позе, в какой оно пролежало все эти часы: с широко открытыми глазами, устремленными к выходу пещеры, с безжизненно раскинутыми руками. Охваченный полнейшей растерянностью, я переводил взгляд со своей недвижимой земной оболочки, лежащей на полу, на себя, стоящего у стены. На земле я лежал одетый, и в то же время стоял у стены совершенно нагой, как в час своего рождения.

Превращение было настолько внезапным и неожиданным, что на минуту я забыл обо всем, кроме своей чудесной метаморфозы. Первой моей мыслью было: неужели это и есть смерть?! Неужели я действительно перешел по ту сторону жизни? Но я не мог вполне поверить этому, так как ясно ощущал сильный стук сердца — результат моего усилия освободиться от сковавшего меня онемения. Дыхание мое вырывалось из груди быстрыми, короткими порывами, холодный пот выступил из пор моего тела. Я даже ущипнул себя, чтобы убедиться, что я не призрак.

В эту минуту повторившийся глухой стон из глубины пещеры напомнил мне об опасности. У меня не было ни малейшего желания встретиться с угрожающим мне невидимым врагом совершенно безоружным. Мои револьверы были пристегнуты к моему безжизненному телу, к которому я, по какой-то непреодолимой причине, не мог заставить себя прикоснуться. Карабин мой был прицеплен к седлу, а так как конь ушел, то я остался безо всяких средств для защиты. Единственным выходом из создавшегося положения было бегство. Решение мое бежать укрепилось, когда я вновь услышал шуршащий звук приближающегося ко мне существа, которое, как показалось моему расстроенному воображению, осторожно ползло на меня из мрака пещеры.

Я быстро проскользнул в отверстие входа и очутился под звездным небом ясной аризонской ночи. Резкий, све-

жий горный воздух по ту стороны пещеры сразу оказал на меня свое подкрепляющее действие, и я почувствовал, как вливается в меня новая жизнь и новая отвага. Остановившись на несколько мгновений на краю выступа, я старался восстановить свое помутившееся сознание. Я размышлял о том, что в течение многих часов пролежал совершенно беспомощный в пещере, и все же ничто не причинило мне вреда. Логика и здравый смысл подсказывали мне, что слышанные мною шорохи происходили, по-видимому, по каким-нибудь естественным и совершенно невинным причинам. Может быть, само строение пещеры таково, что легкое дуновение ветра производило услышанные мною звуки.

Я решил вновь вернуться и разведать. Но прежде чем двинуться с места, я поднял голову, чтобы вдохнуть в легкие чистый горный воздух. В эту минуту взгляд мой упал на расстилающуюся передо мной прекрасную панораму горных хребтов и равнин, поросших кактусом. Под фосфорисцирующими лучами луны картина эта казалась сказочной и овеянной каким-то особым очарованием.

Немногие чудеса Запада могут так вдохновить человека, как освещенный луной горный пейзаж Аризоны: посеребрённые горы вдаль, странное сочетание света и тени, причудливые контуры своеобразно красивых кактусов создают восхитительную картину, и человеку, наблюдающему ее, кажется, что он впервые заглянул в какой-то мертвый или забытый мир, совершенно непохожий на все другие места земного шара.

Погруженный в созерцание, я перевел взор с земли на небеса, где мириады звезд раскинули великолепный шатер над красавицей Землей. Внимание мое внезапно привлекла большая красная звезда, видневшаяся недалеко над горизонтом. И, смотря на нее, я почувствовал себя во власти какой-то могучей, волшебной силы. Это был Марс, бог войны, который мне, воину, всегда представлялся чем-то непреодолимо влекущим.

И в ту далекую незабвенную ночь, когда я как заколдованный не мог оторвать от него своего взора, мне показалось, что он властно зовет меня к себе через необозримое пространство, манит меня ринуться к нему, как магнит притягивает к себе кусок металла.

Тяготение мое к нему оказалось непреодолимым. Я закрыл глаза, простер руки по направлению к призывавшему меня богу войны и почувствовал, как какая-то волшебная сила понесла меня в необозримое пространство с быстротой молнии. На мгновение резкий холод и непроницаемый мрак окружили меня.

Глава III

МОЕ ВСТУПЛЕНИЕ НА МАРС

Открыв глаза, я увидел странный пейзаж. Я знал, что нахожусь на Марсе. Я ничуть не сомневался, что нахожусь в здравом уме, а также и в том, что все происходит наяву. Я не спал. Мое внутреннее сознание с такой же уверенностью говорило мне, что я на Марсе, с какой ваше говорит вам, что вы на Земле.

Я нашел себя на ложе из желтоватой растительности, похожей на мох, расстилавшейся вокруг меня на целые мили. Вероятно, я лежал в глубокой круглой впадине, над краем которой были видны неопределенные очертания низких холмов.

По-видимому, был полдень, так как солнце светило прямо надо мной и нестерпимо обжигало мое обнаженное тело. Эной был значительно сильнее, чем бывает в то же время дня где-нибудь в пустыне Аризоны. Повсюду возвышались небольшие кварцевые скалы, сверкавшие на солнце, а влево от меня, на расстоянии ста ярдов, виднелось низкое строение высотой около четырех футов. Я не увидел ни воды, ни какой-либо иной растительности, кроме мха. Мучимый нестерпимой жаждой, я отправился на поиски воды.

Как только я вскочил на ноги, Марс преподнес мне свой первый сюрприз: усилие, которое на Земле лишь поставило бы меня на ноги, подняло меня на Марсе в воздух на три ярда. Я плавно опустился вниз, не испытав ни малейшего потрясения или повреждения. Так начался процесс моей адаптации, который даже и тогда казался мне крайне забавным. Я с удивлением обнаружил, что должен снова учиться ходить, так как движения мышц, легко и крепко носивших меня по Земле, здесь, на Марсе, заставляли проделывать меня самые неожиданные действия.

Я попытался двигаться вперед нормальным, достойным джентльмена образом, однако, все мои усилия ничего не дали, кроме ряда комичных прыжков. Каждый шаг отрывал меня от почвы одновременно обеими ногами и через два или три скачка швырял меня навзничь. Мускулы мои, прекрасно приспособленные к закону тяготения на Земле, разыгрывали со мной злейшие шутки, когда я впервые попытался вступить в поединок с меньшим тяготением и более низким атмосферным давлением на Марсе.

И все же я твердо решил осмотреть окрестности и строение, которое являлось единственным признаком присутствия

в этом месте живых существ. Итак, я ухватился за единственный представлявшийся мне возможным способ передвижения: впад в детство, я пополз на четвереньках. Это мне хорошо удалось, и через несколько мгновений я уже добрался до низкой стены, окружавшей интересующее меня здание.

Ближайшая ко мне стена не имела ни окон, ни дверей. Так как высота ее была не более четырех футов, я осторожно поднялся на ноги и заглянул через нее вниз, внутрь строения, — и тут моим глазам представилось необычайное, фантастическое зрелище.

Крыша строения была из крепкого стекла, толщиной в 4—5 дюймов, а под ней лежало несколько сот больших яиц, совершенно круглых и белоснежных. Все яйца были почти одинакового размера — в два с половиной фута в диаметре. Четыре или пять штук из них уже открылись, и причудливо-карикатурные фигурки, сидящие возле них, поразили меня своим строением. Большую часть такой фигурки составляла голова, к которой при помощи длинной шеи присоединялось маленькое слабое тельце с шестью ногами, или, как я узнал позже, с двумя ногами, двумя руками и парой промежуточных конечностей, которые могут быть применены как в качестве рук, так и ног. Глаза посажены по краям головы, немного выше ее центра; они вращаются таким образом, что могут быть направлены как вперед, так и назад, причем оба глаза совершенно независимы друг от друга, благодаря чему это уродливое, на мой взгляд, существо может смотреть в любом направлении или даже сразу в двух направлениях одновременно, не поворачивая головы.

Уши, помещающиеся близко над глазами, но несколько более сдвинутые, нежели глаза, имеют форму небольших куполообразных щупальцев. Они выдаются над головой примерно на один дюйм. Нос представляет собой продольную расщелину в центре лица, между ртом и ушами.

Тела их совершенно лишены растительности, а кожа имеет светлую, желтовато-зеленую окраску. Как я узнал позднее, у взрослых марсиан эта окраска переходит в зелено-оливковый цвет, причем у мужчин она темнее, нежели у женщин. Кроме того, у взрослых голова не так непропорционально велика, как у детей.

Радужная оболочка глаз кроваво-красного цвета, как у альбиносов, а зрачок темный. Глазное яблоко совершенно белое, как и зубы. Последние придают особенно хищное выражение и без того неприятной и страшной физиономии, так как нижние клыки загигаются вверх, переходя в острые концы, оканчивающиеся там, где у землян находятся глаза.

Белизна зубов не напоминает слоновую кость — она сверкает, как алебастр. На темном фоне оливковой кожи клыки эти выделяются необычайно резко, придавая этому своеобразному оружию особенно страшный вид.

Многие из этих деталей я заметил значительно позже, так как тогда у меня оказалось слишком мало времени для созерцания обнаруженных мною существ. Это был как раз момент появления их из яиц, и я с большим интересом следил за тем, как маленькие уродцы выползали из своей оболочки. Между тем, сзади ко мне приближалась группа взрослых марсиан.

Бесшумно двигаясь по мягкому мху, покрывавшему всю поверхность Марса (за исключением, как я потом выяснил, замерзших областей у полюсов и некоторых обработанных площадей), они могли бы легко схватить меня, но намерения их были более значительными. Бряцанье оружия переднего воина предупредило меня об их приближении.

Такая ничтожная случайность предупредила меня об их приближении, что я диву даюсь, как мне удалось так легко спастись. Если бы карабин вождя отряда не покачнулся и не ударился о конец копья — я был бы уничтожен в мгновение ока, не успев даже ощутить приближение смерти. Но этот легкий звук заставил меня обернуться, и я увидел, что на расстоянии десяти футов от моей груди сверкает острое ужасного копья, длиной футов в сорок, с блестящим металлическим наконечником. Передо мной был отряд воинственных всадников, явившихся на защиту маленьких дьяволят, которых я наблюдал.

Какими ничтожными и безобидными показались мне теперь малыши в сравнении с приближавшимися ко мне взрослыми, показавшимися воплощением ненависти, мести и смерти. Рост мужчины — буду называть эту особь таким именем — достигал пятнадцати футов; на Земле он, вероятно, весил бы около десяти пудов. Он восседал на своем Россинанте, как мы сидим на лошади, обхватив его корпус своими нижними конечностями, в то время как кисти его двух правых рук были протянуты в стороны для сохранения равновесия, так как животное, на котором он сидел, не имело ни поводьев, ни узды, ни малейшего приспособления для управления.

А чего стоил вид этого животного! Как описать его человеческими словами! Рост его от плеча был не менее десяти футов, с каждой стороны его туловища было по четыре ноги; широкий плоский хвост, расширяющийся к концу, во время бега был горизонтально вытянут в воздухе, огромная пасть

разверзалась посреди головы, занимая место от носа до длинной массивной шеи.

Подобно своему господину, животное было совершенно лишено растительности. Огромное его тело было покрыто кожей темно-грифельного цвета, чрезвычайно гладкой и лоснящейся. Живот был белый, а окраска его ног, начиная сверху от темных плеч и бедер цвета сланца, постепенно переходила в ярко-желтый цвет на ступнях ног. На самих ступнях виднелись как бы огромные подушки, и совершенно отсутствовали копыта или когти, чем также в значительной степени объяснялась бесшумность их приближения. Между прочим, эта особенность, в совокупности со множеством ног, является характерной чертой фауны Марса. Только высший тип человека, а также еще одно животное — единственное млекопитающее на Марсе — имеют настоящие ногти. Копытные животные на Марсе вовсе не живут.

Вслед за передовым демоном тянулось еще девятнадцать, похожих на него во всех отношениях. Но, как я узнал позже, каждый все-таки отличался какими-либо индивидуальными особенностями: среди марсиан, как и среди людей, не бывает двух абсолютно похожих.

Картина эта, или, вернее, материализованный кошмар, произвела на меня впечатление поражающее и ужасающее. Я был наг и безоружен и поспешил применить первый, уже открывшийся мне закон природы к единственно возможному варианту спасения моей участи: выйти из пределов досягаемости острия нацеленного на меня копья. Для этого я совершил весьма земной и в то же время сверхчеловеческий прыжок, чтобы достигнуть верхушки марсианского инкубатора, как я определил это строение.

Попытка моя увенчалась успехом, ошеломившим меня не менее, нежели марсианских воинов, так как я почувствовал себя поднятым в воздух на тридцать футов, а затем отброшенным на сто футов в сторону от моих преследователей. Я легко и благополучно опустился на мягкий мох. Обернувшись, я увидел, что враги мои сгруппировались вдоль другой стены. Некоторые наблюдали за мной с выражением, которое, как я узнал позже, должно было означать удивление, а другие, по-видимому, были совершенно удовлетворены тем, что я не тронул их детенышей.

Они тихо переговаривались между собой, жестикулируя и указывая на меня. Обнаружив, что я не причинил никакого вреда маленьким марсианам, а также заметив, что у меня нет оружия, они стали смотреть на меня менее сви-

репо, но, как я узнал потом, главную роль в этом сыграла ловкость, проявленная мною.

Будучи огромных размеров и обладая крупным скелетом, марсианин отличается мускулатурой, пропорциональной лишь тому закону силы тяжести, с которым ему приходится иметь дело. Поэтому обитатели Марса значительно менее проворны и сильны по отношению к своему весу, нежели люди Земли, и я сомневаюсь, чтобы марсианин, перенесенный на Землю, смог поднять свое тело. Вот почему моя ловкость показалась на Марсе такой же чудесной, какой она показалась бы и на Земле, и желание уничтожить меня уступило желанию захватить меня живым, чтобы продемонстрировать своим соплеменникам.

Отсрочка, обретенная мною благодаря моему неожиданному проворству, дала мне возможность построить план действий на ближайшее будущее, а также ближе ознакомиться с видом воинов, так как до этой минуты рассудок мой не мог отделить этих существ от тех людей, которые преследовали меня за день до того.

Я обнаружил, что каждый был вооружен множеством различного оружия и снабжен огромным копьем, описанным мною выше. Оружие, которое заставило меня обратиться в бегство, окончившееся полетом, оказалось чем-то вроде карабина, которым, как я сразу почувствовал, марсиане управляли с особой ловкостью.

Карабин был из белого металла, с ложем из дерева, добываемого, как я узнал впоследствии, из очень легковесного и в то же время прочного растения, широко распространенного на Марсе и совершенно неизвестного нам, обитателям Земли. Металл, из которого сделан ствол, представлял собой сплав, составленный, главным образом, из алюминия и стали. Металлы эти марсиане научились закалять до твердости, значительно превышающей обычную, известную нам, твердость стали. Вес оружия относительно невелик. Благодаря мелкокалиберным разрывным снарядам из радиа, действие этого карабина всегда смертельно. Кроме того, оно действует на расстоянии, совершенно немыслимом на Земле. Теоретический радиус действия этого карабина равняется тремстам милям, но фактическая дальность прицела — двести миль. Этого, однако, вполне достаточно для того, чтобы преисполнить меня большим уважением к огнестрельному оружию марсиан.

По-видимому, какая-то телепатическая сила предостерегла меня от попытки бежать при ярком дневном свете от стволов этих двадцати смертоносных ружей. После коротких

переговоров марсиане повернули своих коней и умчались в том же направлении, откуда явились, оставив возле инкубатора лишь одного воина. Отъехав примерно на двести ярдов, они остановились и, развернувшись в нашу сторону, стали наблюдать за воином, стоявшим у строения.

Это был тот самый, копые которого едва не пронзило меня. Вероятно, это был их вождь, так как, насколько я понял, остальные заняли свою теперешнюю позицию по его приказанию. Когда отряд остановился, он снял свое копые и остальное оружие и стал огигать инкубатор, направляясь ко мне, совершенно обнаженный и невооруженный, как и я, за исключением лишь украшений, сверкавших на его голове, конечностях и груди.

Приблизившись ко мне на пятьдесят футов, он снял с руки огромный металлический браслет и, держа его на ладони протянутой ко мне руки, обратился ко мне громким, ясным голосом, но на языке, который, разумеется, был мне непонятен. Затем он остановился, как бы ожидая моего ответа, насторожив свои щупальцеобразные уши и вперив в меня свои ужасные глаза.

Молчание затянулось, и я, со своей стороны, решил заговорить, так как понял, что он предлагает мне мир. То, что он снял с себя все оружие и удалил весь свой отряд, прежде чем приблизиться ко мне, несомненно говорило о его мирных намерениях. Почему бы на Марсе, подумал я, такие действия не могут иметь то же значение, что и на Земле?

Приложив руку к сердцу, я низко склонился перед марсианином и объяснил ему, что несмотря на то, что я не понимаю его языка, поступки его ясно говорят мне о мире и дружбе, которые в моей ситуации были как нельзя кстати. Несомненно, я мог бы с равным успехом молотить и совершеннейшую чушь, так как слова мои оставались для него непонятными. Он понял лишь поступок, которым я завершил непосредственно свою речь.

Протянув руку, я приблизился к нему, взял браслет с его открытой ладони и одел себе на руку повыше локтя. Затем я улыбнулся ему и принял выжидательную позу. Его огромный рот расплылся в ответной улыбке, он вложил одну из своих промежуточных рук в мою, мы повернулись и зашагали по направлению к его Россинанту. В то же время он подал знак своим подчиненным. Они помчались к нам, но были остановлены его сигналом. По-видимому, он испугался, что я опять могу сделать прыжок, который окончательно унесет меня из поля его зрения.

Он обменялся несколькими словами со своими людьми, знаками попросил меня ехать позади одного из них и затем сел на своего «коня». Указанный воин протянул две или три руки, поднял меня с земли и усадил позади себя на лоснящийся круп своего «коня», где я кое-как пристроился, держась за ремни и перевязи оружия марсианина. Затем вся кавалькада повернула и понеслась галопом по направлению к горной цепи, видневшейся вдали.

Глава IV

ПЛЕННИК

Мы проехали по равнине около десяти миль, затем начался подъем. Как я узнал позже, мы приближались к берегу одного из давно уже высохших морей Марса, на дне которого состоялась моя первая встреча с марсианами.

Вскоре мы достигли подножия горной цепи и через узкое ущелье выбрались на открытую долину, переходящую в низкое плоскогорье. На нем я увидел огромный город, в который мы и направились. Мы ехали теперь по разрушенному шоссе, выходившему прямо из города. У края плоскогорья оно заканчивалось, а вверх вела широкая лестница.

Когда мы проезжали по городу, я увидел, что строения необитаемы и, хотя и незначительно разрушены, пустуют, вероятно, уже много лет. В центре города была большая площадь, на которой расположился лагерь существ того же облика. Их было около тысячи. Если не считать украшений, все были совершенно наги. Женщины лишь немногим отличались от мужчин, за исключением лишь того, что их клыки, пропорционально росту, были значительно длиннее, причем у некоторых они достигали высоко посаженных ушей. Тела их были меньше и имели более светлую окраску, а на пальцах рук и ног виднелись зачатки ногтей, совершенно отсутствующих у мужской половины. Рост взрослых женщин достигал 10—12 футов.

Тела детей были светлого цвета, даже светлее, чем у женщин. Мне казалось, что все они совершенно одинаковы, за исключением того, что одни были выше других, следовательно, и старше. Среди них я не заметил особенно престарелых. В их внешности нет особенной разницы, начиная от зрелого возраста — сорока лет и до тысячи, когда они добровольно отправляются в свое последнее страшное плавание по реке Исс, исток которой неизвестен ни одному

живому марсианину, и из лона которой не вернулся еще ни один марсианин, а если бы и вернулся, то его бы никогда не оставили в живых после того, как он проплыл ее холодные темные воды.

Только один из тысячи марсиан умирает от болезни или какой-нибудь скорби, пятая часть предпринимает добровольное плавание по реке смерти, а остальные погибают насильственной смертью на дуэлях, охоте, в авиакатастрофах и на войне, но чрезвычайно велика детская смертность — малыши очень часто становятся жертвами больших белых обезьян Марса, которые враждуют с ними.

Средний возраст, которого достигают марсиане после наступления зрелости, — триста лет, но он дошел бы и до тысячи, если бы не различного рода насильственная смерть. Из-за неуклонно исчезающих жизненных ресурсов планеты, по-видимому, появилась необходимость противодействовать возрастающей долговечности, являющейся результатом их исключительных познаний в области терапии и хирургии. Итак, человеческая жизнь на Марсе потеряла свою первоначальную ценность, что следует из различных видов их опасного спорта и непрекращающейся вражды между отдельными общинами.

Есть еще ряд естественных причин, вызывающих уменьшение населения, но самая серьезная из всех — их воинственность и большое количество смертоносного оружия, с которым марсиане — как мужчины, так и женщины — никогда не расстаются.

Как только мы приблизились к площади и меня заметили, нас немедленно окружили сотни этих уродов, которые, казалось, горели желанием стащить меня с сидения позади моего стража. Одно слово вождя, и шум прекратился, а мы пересекли площадь по направлению к великолепному сооружению, подобного которому никогда не видел глаз смертного.

Здание было невысокое, однако занимало громадную площадь. Сооруженное из сверкающего белого мрамора и украшенное золотом и бриллиантами, оно сверкало и переливалось всеми цветами радуги под лучами солнца. Главный вход был шириной в несколько сот футов и выдавался из здания, образуя над входной галереей огромный навес. Лестницы не было, но на первый этаж нас вывел небольшой наклон, перешедший в огромный зал, окруженный галереями.

Зал был уставлен стульями, рядом с ними стояли пюпитры, а в центре возвышалась кафедра, возле которой

собралось около пятидесяти марсиан мужского пола. Они расположились полукругом на ступенях кафедры, а на ней восседал на корточках огромный воин, увешанный с головы до ног металлическими украшениями, разноцветными перьями и необычайной красоты кожаным головным убором, сплошь усыпанным драгоценными камнями. С его плеч свисала короткая мантия из белого меха, подбитая ярким пурпурным шелком.

Первое, что бросалось в глаза, — это полнейшая непропорциональность мебели, находящейся в зале, телам этих существ. Все эти предметы соответствовали человеческому росту, вроде моего, а марсиане с трудом могли устроиться на этих стульях. И я подумал, что на Марсе имеются или имелись еще и другие обитатели, помимо тех, в чьи руки я попал; с другой стороны, признаки запустения и высокий уровень сохранившегося убранства и отделки зала свидетельствовали о том, что эти строения могли принадлежать давно вымершей и забытой расе, обитавшей на Марсе в незапамятные времена.

Итак, я рука об руку с воином оказался в зале аудиенций. По-видимому, на Марсе церемония приема у верховного вождя не была сопряжена с особенными формальностями. Взявший меня в плен воин просто подошел к кафедре, причем остальные расступились по мере того, как мы проходили вперед. Сидевший на кафедре поднялся на ноги и произнес имя моего конвоира, который в свою очередь остановился и назвал имя правителя, после чего последовал полный его титул.

В тот момент вся церемония и произнесенные слова не имели для меня никакого значения, но позднее я узнал, что это является обычной формой приветствия между зелеными марсианами. Если люди чужестранцы, а потому не в состоянии назвать свое имя, они должны молча обменяться украшениями, если миссия их мирного характера. В противном случае пускалось в ход оружие.

Имя взявшего меня в плен было Тарс Таркас. Он был вице-вождем, считался храбрым воином и имел большое влияние в их обществе. Вероятно, он кратко доложил о приключениях, связанных с его экспедицией, включая и взятие меня в плен, а когда он закончил речь, верховный вождь обратился ко мне. Я ответил на нашем добром английском только для того, чтобы убедить его, что ни один из нас не в состоянии понять другого, но заметил, что, когда в конце своей речи я слегка улыбнулся, он сделал то же самое. Этот факт и аналогичный ему во время моей первой беседы с

Тарсом Таркасом убедил меня в том, что у нас есть хотя бы общее — способность улыбаться, а следовательно, и смеяться; это указывало на наличие у них чувства юмора. Но позднее я узнал, что улыбка марсианина — чисто внешнее проявление чувства юмора, а их смех способен заставить поседеть самого крепкого человека.

И вообще, у них несколько другое представление о смешных ситуациях, резко отличающееся от нашего. Скажем, предсмертная агония соплеменника может вызвать у них приступ необузданного веселья, а лучшим развлечением они считают убийство военнопленных самыми дикими и ужасными способами.

Собравшиеся воины разглядывали меня, подойдя ко мне вплотную и ощупывая мои мускулы и кожу. Затем верховный вождь изъявил желание увидеть мои невероятные прыжки и, сделав мне знак следовать за ним, направился с Тарсом Таркасом к открытой площади. Со времени моей первой неудачной попытки ходить, я больше не пытался ходить, исключая мои передвижения рука об руку с вице-вождем. Теперь же, предоставленный самому себе, я неуклюже перемещался между столами и стульями, спотыкаясь и постоянно падая. Получив несколько весьма ощутимых ушибов, к большому удовольствию марсиан, я вновь хотел прибегнуть к испытанному способу и встал на четвереньки, но какой-то огромный детина, больше всех смеявшийся над моими неудачами, грубо подхватил меня и поставил на ноги.

Он ударил меня, и, когда мы оказались с ним лицом к лицу, я проделал то, что оставалось сделать джентльмену в подобной ситуации, в полнейшей атмосфере грубости, необузданности и отсутствия уважения прав чужестранца и пленника: я послал ответный удар ему в челюсть, и он свалился наземь как заколотый бык. Когда он упал, я повернулся и прислонился спиной к одному из пюпитров, ожидая мщения его товарищей и твердо решив дать им перед смертью хороший бой, насколько позволят мне силы. Но опасения мои оказались напрасными, так как остальные марсиане, в первый момент совершенно ошеломленные моим поступком, в конце концов разразились диким хохотом и бурными рукоплесканиями. В тот момент я не знал, как понять и оценить всю эту сцену, но позднее узнал, что они почтили меня выражением своего одобрения.

Верзила, которого я сшиб с ног, лежал на том же месте, где свалился, но ни один из товарищей не поспешил ему на помощь. Тарс Таркас подошел ко мне, протянув одну

из своих рук, и мы дошли до площади без приключений. Я не понял, зачем мы пришли на открытое место, но вскоре получил разъяснение этому. Вначале они несколько раз повторили слово «сак», затем Тарс Таркас сделал несколько прыжков, причем перед каждым произносил слово «сак», а потом, обернувшись ко мне, произнес «сак». Я понял смысл их желания и, собравшись с силами, сделал такой «сак», что поднялся на добрые полтора фута; но на этот раз я не потерял равновесия, а встал на ноги, даже не упав. Затем несколькими прыжками по 20—30 футов я возвратился к группе воинов.

Мое представление было дано в присутствии нескольких сот маленьких марсиан, и они немедленно стали просить повторения. Верховный вождь не преминул дать мне соответствующий приказ, но я был голоден, хотел пить и тут же решил, что единственным выходом из этого положения будет потребовать от этих уродов внимания к себе, которое вряд ли будет выказано ими по доброй воле. Поэтому, не обращая внимания на повторные приказы «сак», я, как только произносилось ими это слово, показывал на рот и потирал живот.

Тарс Таркас и верховный вождь обменялись несколькими словами, и первый, вызвав из толпы молодую женщину, дал ей какое-то распоряжение и сделал мне знак, чтобы я последовал за ней. Я ухватился за предложенную мне руку, и мы вместе стали пересекать площадь по направлению к большому зданию по другую ее сторону.

Моя «очаровательная» спутница была около восьми футов ростом. Она только что достигла зрелости, но рост ее еще не дошел до своего максимального предела. Вся она была светло-зеленого цвета, с гладкой, лоснящейся кожей. Как я узнал потом, ее имя было Сола, и она принадлежала к свите Тарса Таркаса. Она привела меня в большую комнату, находившуюся в одном из зданий, выходящих на площадь. Судя по разбросанным на полу лоскутам шелка и меха, это была спальня.

Комната освещалась несколькими большими окнами и была украшена настенной живописью и мозаикой, но на всем этом лежал как бы отпечаток древности, который ясно говорил о том, что архитекторы и строители этих чудесных произведений искусства не имели ничего общего с этими дикими полужверями, обитающими в них теперь.

Сола знаком попросила меня сесть на кучу шелка посреди комнаты и, обернувшись, издала страшный шипящий звук, как бы подавая кому-то знак. В ответ на ее зов из соседнего помещения появилось новое чудо Марса. Оно вошло,

покачиваясь на десяти тонких ножках, и село на корточках перед девушкой, подобно послушному щенку. Чудовище было ростом с шотландского пони, но голова его несколько напоминала голову лягушки, за исключением лишь того, что челюсти его были сплошь усеяны тремя рядами острых длинных клыков.

Глава V

Я УСКОЛЬЗАЮ ОТ СВОЕЙ СТОРОЖЕВОЙ СОБАКИ

Сола посмотрела прямо в злые глаза этого странного зверя, произнесла повелительным тоном одно или два слова, указала на меня и вышла из комнаты. Меня крайне интересовал вопрос, что же будет делать это кровожадное с виду чудовище, оставленное наедине в непосредственной близости с таким изысканным мясным блюдом, как я; но опасения мои оказались напрасными, так как, осмотрев меня весьма внимательно, это безобразное создание пересекло комнату по направлению к единственному выходу на улицу и вытянулось во всю свою длину у порога.

Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой, но опыт этот оказался не последним, так как зверь добросовестно охранял меня все то время, которое я провел в качестве пленника среди этих зеленых уродов. Дважды это чудовище спасало мне жизнь и ни разу не покидало меня ни на минуту.

Я воспользовался отсутствием Сола, чтобы осмотреть комнату, которая оказалась местом моего заточения. Настенная живопись представила мне сцены редкой и чудной красоты: горы, реки, озера, моря, луга, деревья и цветы, извилистые проселочные дороги — словом, все то, что могло бы быть изображением видов Земли, если бы не иная окраска растительности. Работа принадлежала, очевидно, руке большого мастера, так прозрачна была атмосфера, так совершенна техника исполнения; но нигде я не нашел ни одного изображения животного, человека или птицы, на основании которого я мог бы судить об этих иных, вероятно, вымерших, обитателях Марса.

Пока я, стоя перед расписными стенами, пытался найти хоть маленькую зацепку к объяснению окружающей меня действительности на Марсе, Сола возвратилась с едой и питьем. Она поставила то и другое на пол возле меня, а

сама села поодаль, не сводя с меня внимательного взгляда. Еда состояла из фунта какого-то плотного вещества, похожего на сыр, но лишенного всякого вкуса, а жидкость представляла собой, очевидно, молоко какого-то животного. Она оказалась несколько кисловатой, но не была неприятна на вкус, и впоследствии я очень полюбил ее. Получали ее, как я узнал позднее, не от животного, так как на всем Марсе имеется лишь одно млекопитающее, встречающееся довольно редко, а из стволов большого растения, растущего совершенно без воды, но накапливающего обильный запас молока из почвы, воздуха и лучей солнца. Одно такое растение дает в день от восьми до десяти четвертей молока.

Насытившись, я почувствовал себя значительно подкрепленным и, ощущая непреодолимую потребность в отдыхе, растянулся на шелковых тряпках, вскоре заснув. Я проспал, очевидно, несколько часов, так как когда проснулся, было темно и стало очень холодно. Я обнаружил, что кто-то набросил на меня мех, но он соскользнул с меня, а в темноте мне никак не удавалось его найти. Вдруг чья-то рука положила на меня мех, а потом прибавила к нему еще один.

Я подумал, что это Сола была моим верным стражем, и не ошибся. Из всех зеленых марсиан, с которыми мне пришлось сталкиваться, только в этой девушке я нашел черты симпатии, приветливости и преданности. Ее забота обо мне была постоянной, и ее доброе отношение избавляло меня от многих страданий и трудностей.

Как я узнал впоследствии, ночи на Марсе чрезвычайно холодные, а так как здесь нет ни сумерек, ни зари, то перепады температуры всегда очень резки и неприятны, как и переход от яркого дневного света к полному мраку. Ночи либо ярко освещены, либо совершенно темны. Если на небе нет ни одной из двух лун Марса, внизу царит абсолютный мрак, так как недостаточное количество атмосферы, вернее, слишком разреженная атмосфера, не пропускает звездный свет на большие расстояния; в противном случае, если обе луны появляются на небе, поверхность планеты ярко освещена.

Обе луны Марса значительно ближе к этой планете, нежели наша Луна к Земле. Ближайшая луна находится от Марса всего на расстоянии в пять тысяч миль; наша же Луна отделена от Земли расстоянием в четверть миллиона миль. Ближайшая к Марсу луна делает полное обращение вокруг планеты в течение семи с половиной часов, так что два — три раза за ночь можно увидеть ее пролетающей по небу, подобно огромному метеориту, и при каждом своем появлении она показывает все свои фазы.

Более отдаленная от Марса луна обращается вокруг него в тридцать с четвертью часов и вместе со своим спутником превращает ночную панораму на Марсе в исключительно величественное и великолепное зрелище. И хорошо, что природа так милостиво и щедро осветила ночь на Марсе, так как зеленые марсиане, будучи кочевым племенем с низким интеллектуальным развитием, имеют в обиходе лишь самые примитивные средства искусственного освещения, применяя, главным образом, факелы, род свечи и известную лишь на Марсе масляную лампу, испускающую особый газ и горящую без фитиля.

Приспособление это дает очень яркий, далеко распространяющийся белый свет, но так как натуральное масло, необходимое для него, добывают в рудниках в нескольких весьма отдаленных и глухих местах, то его применяют очень редко, поскольку марсиане заботятся лишь о заполнении дневного времени, а отвращение ко всякого рода умственному труду оставило их в полудиком состоянии на протяжении многих тысячелетий.

После того, как Сола заботливо укрыла меня мехом, я вновь заснул и не просыпался уже до самого утра. Открыв глаза, я обнаружил, что в комнате находились еще пять женщин, которые спали, укрывшись целыми грудями пестрого шелка и меха. У порога лежал, вытянувшись, бессонный сторожевой зверь, точно в той же позе, каким я видел его накануне. По-видимому, он с тех пор не пошевелил ни единым мускулом; глаза его были неотрывно устремлены на меня, и я подумал о том, что было бы со мной, если бы мне вздумалось бежать.

Я всегда был склонен к приключениям и непредвиденным ситуациям там, где человек разумный спокойно ожидал бы естественного хода событий. А на этот раз мне пришла в голову мысль, что лучшим способом изучения истинного отношения ко мне этого чудовища будет попытка выбраться из комнаты. Я был совершенно уверен, что стоит мне только выйти из здания, и я с легкостью ускользну от него, так как начал твердо верить в свою способность совершать невероятные прыжки. Судя же по его коротким ножкам, я мог не опасаться моего стража — вряд ли он сумеет настичь меня.

Медленно и осторожно я встал на ноги, и в то же мгновение мой часовой сделал то же самое. Я потихоньку продвигался к нему, причем обнаружил, что при помощи качающейся поступи я могу сохранять равновесие и довольно быстро двигаться. Когда я приблизился к нему, странный зверь

отодвинулся в сторону, чтобы дать мне пройти, а затем последовал за мной на расстоянии десяти шагов, пока я путешествовал по пустынным улицам.

«Очевидно, его миссия состоит лишь в моей охране», — подумал я. Но когда мы дошли до окраины города, чудовище внезапно прыгнуло вперед меня, издавая странные звуки и обнажая свои уродливые и страшные клыки. Желая немного позабавиться, я бросился к нему и в двух шагах от него прыгнул вверх, поднялся высоко над ним и вылетел за пределы города. А он несясь вперед со скоростью, которая казалась мне совершенно невероятной. Я думал, что его короткие ноги не способны на такое, но оказалось, что если бы он пустился бежать вместе с борзыми собаками, то последние показались бы спящими по сравнению с ним. Как я узнал потом, это самое быстрое животное на Марсе. Благодаря сообразительности, преданности и свирепости, его используют на охоте, войне и в качестве сторожа.

Вскоре я сообразил, что мне трудно будет ускользнуть от когтей моего преследователя, если буду продвигаться по прямой линии, поэтому я стал бросаться в разные стороны, поднимаясь в воздух каждый раз, как только он приближался ко мне. Этот маневр принес мне значительное преимущество над ним, и я достиг города намного раньше его, а когда он, совершенно выведенный из себя, добежал до меня, я прыгнул на тридцать футов вверх и вскочил прямо в окно одного из зданий, выходящих окнами на долину.

Ухватившись за подоконник, я уселся на нем, не заглядывая внутрь здания и не отводя взора от разъяренного животного внизу. Торжество мое, однако, было весьма кратковременным, так как не успел я удобно примоститься на подоконнике, как огромная рука схватила меня сзади и с силой втащила в комнату. Здесь я был брошен на спину и увидел перед собой колоссальное обезьяноподобное существо, белое и безволосое, за исключением лишь огромного пучка щетинистых волос на голове.

Глава VI БИТВА, ОДАРИВШАЯ МЕНЯ ДРУЗЬЯМИ

Существо, гораздо больше походившее на наших земных людей, нежели виденные мною до сих пор зеленые марсиане, держало меня пригвожденным к полу одной громадной лапой, одновременно болтая и оживленно жестикулируя

другой. Второе существо, очевидно, товарищ первого, вскоре приблизилось к нам, неся в руке большую каменную дубинку, которой намеревалось прихлопнуть меня.

Существа эти были от десяти до пятнадцати футов высоты, когда они стояли прямо во весь рост, и имели, подобно зеленым марсианам, по несколько промежуточных рук и ног, посередине между верхними и нижними конечностями. Глаза их были близко посажены один к другому и не вращались, уши помещались высоко, но более по бокам головы, чем у зеленых марсиан, их зубы и морды были точно такие же, как у нашей африканской гориллы. В общем, они даже не были лишены привлекательности по сравнению с зелеными марсианами.

Дубинка уже покачивалась под сводом комнаты, прямо над моим обращенным вверх лицом, как вдруг какое-то ужасное многоногое животное ворвалось в дверь и бросилось на моего палача. С воплем ужаса державшая меня обезьяна выскочила в открытое окно, в то время как другая схватилась не на жизнь, а на смерть с моим избавителем, оказавшимся ни кем иным, как моим верным сторожевым зверем. Я никак не мог заставить себя называть это чудовище собакой.

Я постарался как можно быстрее вскочить на ноги и, прислонившись к стене, стал наблюдать за схваткой. Сила, ловкость и ярость этих двух существ ни с чем не сравнимы с виденным мною на Земле. Первый прием дал преимущество моему защитнику, так как его могучие когти впились в грудь его соперника, но огромные мускулистые лапы обезьяны, значительно превосходившие по силе виденных мною до сих пор марсиан, обхватили горло моего стража и медленно сжимались. Мой спаситель запрокинул голову назад, так что я был уверен, что тот каждую секунду может упасть со сломанной шеей.

Грудь обезьяны была изодрана в клочья ужасными когтями моего спасителя. Они катались по полу, причем ни один не издал ни звука. Я видел, что глаза моего зверя совершенно вылезли из орбит, а из ноздрей его течет кровь. Было ясно, что он слабеет, но то же самое происходило и с обезьяной, движения которой делались все менее и менее резкими.

Внезапно я пришел в себя и, следуя странному инстинкту, который всегда призывал меня к исполнению моего долга, схватил дубину и, взмахнув ею, изо всей силы ударил обезьяну по голове, расколов ее череп, как яичную скорлупу.

Не успел я нанести этот удар, как уже стоял лицом к лицу с новой опасностью. Вторая обезьяна, пришедши в себя, возвратилась в дом. Я заметил ее прежде, чем она успела войти в дверь, и должен сознаться, что при виде воющего и ревущего зверя над безжизненным телом, охваченного безграничной яростью, с пастью, покрывшейся пеной,— мою душу охватили мрачные предчувствия.

Я согласен вступить в борьбу, когда шансы противника не слишком превышают мои, но в данном случае я не усматривал целесообразности в попытке помериться с ним силой. По моему мнению, единственным исходом такого столкновения была бы моя смерть.

Я стоял близко к окну, и у меня мелькнула мысль, что стоит мне очутиться на улице, как я смогу достичь площади и одновременно полной безопасности прежде, чем зверь успеет схватить меня; у меня был шанс на спасение при помощи взлета против смерти, совершенно определенной в том случае, если я останусь и вступлю в отчаянную борьбу.

Правда, в руке у меня была дубина, но что я мог поделаться с ней против четырех огромных лап моего соперника? Если даже я сломаю одну из них первым ударом, он схватит и сомнет меня остальными прежде, чем я соберусь с силами для второго нападения.

В то время, как эти мысли проносились у меня в голове, я обернулся к окну, чтобы привести свой план в исполнение, но в этот момент мой взор упал на совершенно обессиленного моего защитника. Он лежал на полу, глядя огромными глазами на меня. В них я прочел выражение мольбы и защиты. Я не мог противостоять ему, не мог покинуть, не вступившись за него так же, как он вступился за меня.

Итак, без дальнейших колебаний я повернулся, чтобы встретить нападение разъяренной обезьяны. Она была теперь так близко от меня, что я мог пустить в ход дубину и нанести ей удар посильнее. Удар пришелся под колено, зверь взвыл от ярости и боли. Он потерял равновесие и повалился прямо на меня с протянутыми вперед руками.

Опять, как и накануне, я прибег к излюбленному приему: кулаком правой руки нанес ему сильный удар в подбородок, и непосредственно за этим моя левая рука ударила его под ложечку. Эффект превзошел все ожидания: когда после второго удара я отступил немного в сторону, он взвыл и упал, извиваясь от боли и задыхаясь. Перепрыгнув через

его распростертое тело, я схватил дубинку и прикончил его, не дав ему подняться на ноги.

Когда я нанес второй удар, тихий смех раздался позади меня. Резко обернувшись, я увидел Тарса Таркаса, Солу и еще трех или четырех воинов, стоявших в дверях комнаты. Когда мои глаза встретились с их взглядами, я вторично услышал рукоплескания, которыми они приветствуют немногих, да и то в исключительно редких случаях.

Проснувшись, Сола заметила мое отсутствие, о чем быстро уведомила Тарса Таркаса. Он немедленно отправился на поиски, призвав нескольких воинов с собой. Когда они приблизились к окраине города, то оказались свидетелями прыжка разъяренной обезьяны, которая затем бросилась внутрь здания. Они последовали за ней, не полагая, однако, что она поможет им обнаружить мое местопребывание. И вдруг, совершенно неожиданно для самих себя, они оказались свидетелями и зрителями разыгравшейся на их глазах короткой, но решительной схватки. Этот бой, равно как и вчерашний с молодым воином, а также моя ловкость по части прыжков значительно подняли мой авторитет в их глазах. Не признавая никаких утонченных чувств дружбы, любви или преданности, они преклонялись перед физической силой и отвагой. Только постоянным утверждением ловкости, силы и храбрости можно добиться их расположения и даже обожания.

Сола, сопровождавшая по собственному желанию воинов, искавших меня, была единственным существом, которое не смеялось, когда я боролся за свою жизнь. Напротив, она, казалось, была охвачена мрачным беспокойством, и как только я прикончил чудовище, бросилась ко мне и заботливо осмотрела мое тело, ища на нем раны или повреждения. Удостоверившись, что я вышел из битвы целым и невредимым, она спокойно улыбнулась и, взяв меня за руку, направилась к двери комнаты.

Тарс Таркас и другие воины вошли в комнату и остановились возле быстро приходившего в себя существа, спасшего мою жизнь, и жизнь которого я спас в свою очередь. Они, по-видимому, о чем-то рассуждали, и наконец один из них обратился ко мне, но вспомнив, что я не знаю их языка, вновь обернулся к Тарсу Таркасу, который одним словом и жестом отдал какое-то приказание воину и повернулся, чтобы последовать за нами.

Во всем этом я усмотрел нечто угрожающее моему зверю и не решался уйти, прежде чем не узнаю, в чем дело. И хорошо сделал, так как воин вытащил из-за пояса огромный

пистолет и уже хотел прикончить им животное, но я прыгнул к нему и схватил его за руку. Пуля пробила деревянную облицовку окна и взорвалась, пробив огромное отверстие в дереве и каменной кладке. Тогда я встал на колени возле этого ужасного на вид существа и, поставив его на ноги, приказал ему следовать за мной. Мой поступок привел марсиан в полнейшее недоумение, им не были известны чувства благодарности и сострадания. Воин, у которого я выбил из рук оружие, вопросительно посмотрел на Тарса Таркаса, но тот знаком приказал предоставить мне возможность поступать по моему усмотрению. Итак, мы возвратились на площадь — за мной по пятам следовал мой большой безобразный зверь, а рядом со мной шла Сола, крепко держа меня за руку.

В конце концов, на Марсе у меня оказалось двое друзей — молодая женщина и безгласный зверь, в бедной, уродливой оболочке которого было больше любви, нежели у всех зеленых марсиан, скитавшихся по мертвым морям Марса.

Глава VII

ДЕТИ МАРСИАН

После завтрака, который был точной копией меню предыдущего дня и всех следовавших за ним в течение всего того времени, что я пробыл с зелеными людьми Марса, Сола провела меня на площадь, где я застал всю общину, наблюдавшую за погрузкой около двухсот больших трехколесных повозок, запряженных огромными животными. Судя по их виду, каждое из них легко могло бы вынести на себе целый основательно нагруженный фургон с фуражом.

Сами повозки были велики, удобны и роскошно разукрашены. На каждой из них сидела женщина-марсианка, увешанная металлическими украшениями, драгоценными камнями и мехами, а на спине животного, везшего повозку, восседал молодой марсианский возница. Наездник заменял удила и поводья, так как животными управляли исключительно при помощи телепатии.

Эта телепатическая сила изумительно развита во всех марсианах и щедро искупает примитивность их языка и сравнительно небольшое количество слов, которыми они обмениваются даже в длинных беседах. Это универсальный язык Марса, посредством которого высшие и низшие животные Марса могут общаться между собой в большей или мень-

шей степени, в зависимости от уровня развития каждого индивида.

Когда кавалькада, выстроившись гуськом, тронулась в путь, Сола втащила меня в пустую повозку, и мы последовали вместе с процессией по направлению к тому пункту, через который я вступил в город накануне. Во главе каравана ехали около двухсот воинов, по пять в ряд, и такое же количество находилось в арьергарде, между тем, как двадцать или тридцать всадников составляли нашу охрану с каждой стороны.

Все мужчины и женщины, кроме меня, были вооружены, а за каждой повозкой шествовала марсианская собака. Моя собственная следовала непосредственно за нами. В самом деле, верное животное в течение всех десяти лет, что я провел на Марсе, ни разу добровольно не покинуло меня. Наша дорога проходила через маленькую долину, расположенную перед городом, через холмы и затем вела вниз на дно мертвого моря, которое я пересек уже однажды, сопровождаемый воинами от инкубатора до площади. Инкубатор, как оказалось, был конечным пунктом нашего путешествия, и вся кавалькада пустилась бешеным галопом, как только мы достигли плоской поверхности морского дна. Вскоре цель предстала перед нашим взором.

Когда мы приблизились к ней, повозки, с точностью, как на военных учениях, были расположены по четырем сторонам отгороженного пространства. Человек десять воинов во главе с гигантом-вождем, при участии Тарса Таркаса и нескольких других военачальников, спустились на землю и направились к инкубатору. Я видел Тарса Таркаса, объяснявшего что-то главному вождю, имя которого было Лоркас Птомель джед, причем джед было его титулом.

Я скоро был посвящен в предмет их беседы, так как Тарс Таркас через Солу подозвал меня к себе. К этому времени я победил все трудности передвижения в условиях жизни на Марсе и, выполняя его распоряжение, быстро приблизился с той стороны инкубатора, где стояли воины.

Подойдя к ним, я увидел, что почти из всех яиц, за малым исключением, вылупились отвратительные маленькие дьяволята, которыми кишмя кишел инкубатор. Ростом они были от трех до четырех футов и без усталости передвигались с места на место, как бы в поисках пищи. Тарс Таркас указал мне рукой вверх инкубатора и произнес «сак». Я понял, что он хочет, чтобы я повторил свой вчерашний прыжок на крышу перед Лоркасом Птомелем. Должен сознаться, я проделал это с удовольствием, так как именно

этот поступок заинтересовал и вызвал уважение со стороны марсиан в нашу первую встречу. Прыгнув в этот раз высоко через выстроившиеся повозки в самый дальний конец инкубатора, я услышал от Лоркаса Птомеля несколько фраз, вероятно, выказывавших одобрение и некоторое удивление моим способностям. Затем он обратился к своим воинам, отдав в нескольких словах приказ относительно инкубатора. Они больше не обращали на меня никакого внимания, и, таким образом, я мог беспрепятственно наблюдать за их работой. Они принялись прорубать в стене инкубатора достаточно широкое отверстие, чтобы юные марсиане могли выйти из него.

По обе стороны этого отверстия женщины и более молодые марсиане обоего пола образовали две сплошные стены, протянувшиеся мимо повозок далеко вперед, в равнину, расположенную на дне моря. Маленькие марсиане побежали со всех ног между этими живыми стенами как стадо диких оленей. Им позволили пробежать коридор во всю его длину, а затем женщины и старшие дети ловили их по одному, причем последний в ряду ловил первого из маленьких марсиан в момент, когда он достигал конца коридора. Его сосед по ряду ловил второго, и так до тех пор, пока все малютки не покинули инкубатора. Когда женщинам удавалось захватить маленького, они выходили из ряда и возвращались к своим повозкам, между тем как те малютки, которые попадали в руки молодых людей, потом так же передавались женщинам.

Я понял, что церемония, если ее можно так назвать, была окончена, и отправился на поиски Солы, которая уже сидела в нашей повозке, крепко сжимая в своих объятиях отвратительное маленькое существо.

Дело воспитания молодых зеленых марсиан заключается единственно в том, чтобы научить их говорить и употреблять оружие, которым их снабжают с самого первого года жизни. Вылупаясь из яиц, в которых они лежат пять лет, малыши выходят на свет вполне развившимися и самостоятельными, за исключением роста. Совершенно неизвестные своим матерям, которые, в свою очередь, затруднились бы указать хоть с некоторой степенью точности их отцов, они являются общими детьми, и их образование зависит от женщины, которая их захватила после выхода из инкубатора.

Их приемные матери могли даже не класть собственного яйца в инкубатор, как это было с Солой, которая еще не достигла положенного для кладки яиц возраста, но уже около года была матерью младенца другой женщины. Это не имело никакого значения для зеленых марсиан, так как

любовь родителей к детям и детей к родителям так же неизвестна им, как она обычна среди нас.

Я думаю, что эта ужасная система, которая применялась у них веками, явилась прямой причиной утраты всех тонких чувств и высоких человеческих инстинктов у этих бедных созданий. От рождения они не знают ни отцовской, ни материнской любви, они не понимают значения слова «дом», им внушают, что их существование только терпимо, пока они не докажут своей физической силы и жестокости, не докажут, что они пригодны к жизни. Если налицо какой-нибудь физический недостаток или вообще какой-нибудь дефект, все равно какой, их немедленно пристреливают. Не видят они также ни единой слезы, пролитой по поводу многочисленных испытаний, которые им приходится претерпевать, начиная с самого раннего детства.

Я не стану утверждать, что взрослые марсиане намеренно или без всякой необходимости жестоки к молодым, но они ведут тяжелую и безжалостную борьбу за существование на умирающей планете, все естественные богатства которой истощены до такой степени, что поддержка каждой лишней жизни означает лишнюю нагрузку на общину.

Путем тщательного отбора они выращивают только наиболее сильных представителей каждого вида и с почти сверхъестественной дальновидностью регулируют рождаемость с тем, чтобы она только покрывала смертность. Каждая взрослая женщина-марсианка производит на свет около тридцати яиц в год, и те из них, которые соответствуют требуемой величине, весу и другим специфическим качествам, скрывают в тайниках некоторой подпочвенной пещеры, где температура слишком низка для инкубации. Каждый год эти яйца внимательно исследуются советом двадцати старейшин, и из поставляемого ежегодно количества уничтожаются все, кроме сотни самых совершенных. К концу пяти лет из нескольких тысяч произведенных на свет яиц отбирают приблизительно от пятисот до тысячи почти совершенных. Пятьсот из них помещают в почти не пропускающие воздух инкубаторы с тем, чтобы они в течение одного пятилетнего периода достигли полного развития под воздействием солнечных лучей. Появление из яиц, которое мы наблюдали в тот день, было одним из удачнейших в ряде явлений подобного рода, так как все яйца, кроме одного на сотню, оказались созревшими к одному дню. Если из оставшихся яиц впоследствии и вылупились бы маленькие марсиане, мы, во всяком случае, ничего не узнали бы об их судьбе. Их появление на свет не было желательным,

так как потомство могло унаследовать и передать дальше склонность к более длительному периоду инкубации и, таким образом, подорвать всю систему, которая существовала веками и давала возможность взрослым марсианам определять время возвращения к инкубатору с точностью до одного часа.

Инкубаторы строятся в отдаленных, хорошо защищенных местах, возможность обнаружения которых другими племенами мала или даже вовсе невозможна. Если бы чужие племена вскрыли инкубаторы, то зеленые марсиане остались бы без детей в общине еще один пятилетний период. Впоследствии мне пришлось быть свидетелем результатов такой потери.

Община, часть которой составляли зеленые марсиане, с которыми меня связала судьба, состояла из тридцати тысяч душ. Они кочевали по огромному пространству бесплодной, или почти бесплодной, почвы между сороковым и восьмидесятым градусом южной широты, граничившей на востоке и западе с двумя большими плодородными областями. Их главные места стоянок были расположены в юго-западном углу этого участка, вблизи пересечения двух так называемых «марсианских каналов».

Так как инкубатор был расположен далеко к северу от их собственной территории, по-видимому, на необитаемой и никем не посещаемой равнине, нам предстояло ужасное путешествие, о котором я, естественно, ничего не знал.

После нашего возвращения в мертвый город я провел несколько дней в полном бездействии. На следующий день после нашего возвращения воины уехали куда-то рано утром и вернулись только к моменту наступления темноты. Как я узнал позже, они были в подземных пещерах, в которых сохранялись яйца, и перенесли их в инкубатор, стену которого они затем снова заделали на новый пятилетний период.

Подземные помещения, в которых яйца хранились до своего перемещения в инкубатор, были расположены namного миль южнее, чем икубатор, и каждый год их посещал совет из двадцати старейшин.

Обязанности Сола увеличились теперь вдвойне, так как она теперь заботилась не только обо мне, но и о юном марсианине. Но мы оба не требовали большого внимания, и так как мы были одинаково подвинуты в марсианском образовании, то Сола взялась обучать нас обоих вместе.

Соле достался младенец мужского пола, около четырех футов высотой, очень сильный и прекрасно сложенный. К тому же он хорошо поддавался обучению, и меня даже

забавляли те отношения, которые воцарились между нами. Марсианский язык, как я уже сказал, чрезвычайно прост, и через неделю я мог объяснить все свои желания и сам понимал все, что мне говорилось. Точно также под руководством Сола я до такой степени развил свои телепатические способности, что скоро мог ощущать практически все, что происходило около меня.

Больше всего Солу удивляло во мне то, что в то время, как я легко схватывал телепатические проявления других, и часто даже тогда, когда они вовсе не мне предназначались, никто не мог ни при каких обстоятельствах разобрать, что бы то ни было, исходившее из моего сознания.

Вначале я был уязвлен, но впоследствии оценил свое несомненное преимущество над марсианами.

Глава VIII

НЕБЕСНАЯ ПЛЕННИЦА

На третий день после извлечения маленьких марсиан из инкубатора мы выступили в путь, направляясь домой; но едва только голова каравана вступила на открытое пространство перед городом, как был отдан приказ к немедленному и спешному возвращению. Тренировавшиеся много лет в такого рода маневрах, зеленые марсиане рассеялись, как туман, скользнув в просторные двери близлежащих строений, и в три минуты не осталось и следа от целого скопления повозок, мастодонтов, везущих их, и вооруженных всадников.

Сола и я вошли в строение, расположенное в самом начале города. Это было то самое здание, в котором произошла моя встреча с обезьянами, и я, желая узнать, чем вызвано непонятное отступление, поднялся на верхний этаж и выглянул из окна на лежащие впереди долину и горы. Тут я увидел причину, вызвавшую их неожиданное бегство под прикрытие. Огромное парусное судно, длинное, низкое, выкрашенное в серый цвет, медленно летело через гребень ближайшей горы. За ним шло второе, третье и затем еще одно, всего двадцать штук, которые шли низко над поверхностью почвы, медленно и величественно направляясь к нам.

На каждом из них было странное знамя, перекинутое над палубой от носа до кормы, а на носу каждого судна был изображен необычный девиз, который сверкал в солнечных лучах и был ясно виден на том расстоянии, на

каком мы находились от них. Я мог различить фигуры, толпившиеся на верхней и средней палубах воздушного судна. Открыли ли они наше присутствие или просто смотрели на покинутый город, я не мог бы сказать, но, во всяком случае, их ожидала недружелюбная встреча, так как внезапно и безо всякого предупреждения зеленые марсиане дали залп из окон строений, смотревших на маленькую долину, над которой так мирно продвигались вперед большие корабли.

Моментально картина изменилась. Передовое судно метнулось в нашу сторону, поворачиваясь боком, и, наводя свои пушки, ответило на наш залп, в то же самое время продвигаясь на небольшое расстояние параллельно нашему фронту, а затем повернуло обратно с явным намерением, описав большой круг, вновь выйти на позицию против линии нашего огня. Остальные суда шли в кильватер за ним, причем каждое из них выпустило в нас залп, когда первое судно заняло подходящую позицию. Наш собственный огонь отнюдь не уменьшался, и я уверен в том, что всего процентов двадцать пять наших выстрелов были даны на ветер. Мне никогда еще не доводилось видеть более смертоносной точности прицела, и казалось, что взрыв каждого ядра заставлял падать одну из маленьких фигур на корабле, а знамена и палуба вспыхивали языками пламени, когда не знавшие промаха войны попадали по нему.

Огонь с кораблей был почти безрезультатен, как я потом узнал, благодаря внезапности нашего первого залпа, который застал их команды совершенно врасплох, и вследствие того, что аппараты для наведения прицела пушек были не защищены от устрашающей меткости наших воинов.

У каждого зеленого воина есть вполне определенные объекты, куда он должен направлять свои выстрелы. Например, одни из них, всегда лучшие стрелки, направляют свой огонь исключительно по беспроволочным аппаратам и аппаратам для наведения прицела тяжелых орудий нападающего флота; другие выполняют ту же задачу против меньших пушек; третьи подстреливают канониров; следующие — офицеров. Наконец, известное количество сосредоточивает свой огонь против остальных членов команды на верхней части судна, на штурвале и пропеллерах.

Через двадцать минут после первого выстрела большой флот, сильно подбитый, улетал в том же направлении, откуда он появился вначале. Некоторые из кораблей давали заметный крен, и, казалось, поредевшая команда едва-едва управляет ими. Их огонь совершенно прекратился, и вся

энергия сосредоточилась на бегстве. Тогда наши воины ринулись на крышу строений, которые мы заняли, и проводили отступавшую армаду продолжительным и беспощадным ружейным огнем.

Как бы то ни было, кораблям одному за другим удалось нырнуть за гребень выступавших перед нами гор. На виду осталось одно едва двигавшееся судно. Оно как раз приняло на себя первый удар и теперь, вероятно, совершенно опустело, так как на его палубах не было видно ни одной движущейся фигуры. Медленно оно отклонилось от своего пути, описывая круг в обратную сторону по направлению к нам, двигаясь странным и вызывающим жалость образом. Мгновенно воины прекратили огонь, было вполне ясно, что корабль совершенно беспомощен и лишен возможности причинить вред, так как не мог даже управлять своими движениями на пути к спасению.

Судно приблизилось к городу, и воины устремились на равнину, чтобы встретить его, но оно было еще слишком высоко для того, чтобы взобраться на его палубу. Со своей удобной позиции у окна я мог наблюдать тела, разбросанные по палубе, хотя и не мог различить, к какому роду существ они принадлежат. На судне не было никаких признаков жизни, и его медленно относил легким ветерком в юго-западном направлении.

Оно летело над землей на высоте приблизительно пятидесяти футов, сопровождаемое снизу почти всеми воинами, за исключением одной сотни, которой было приказано вернуться на крыши для защиты от возможного возвращения флота или подкрепления. Вскоре стало очевидным, что корабль ударится о фасад здания примерно на милю южнее наших позиций, и несколько воинов помчались галопом вперед, сошли на землю и вошли в здание, к которому, казалось, кораблю суждено было пристать.

Когда судно приблизилось к строению, как раз перед тем, как ему удариться, марсианские зеленые воины прыгнули на палубу из окон и своими длинными копьями уменьшили силу столкновения, затем, в течение нескольких мгновений, они сбросили якорь, а воины, стоявшие внизу, тащили большой корабль на почву.

После того, как воины закрепили якорь, они толпой бросились на палубу судна и обыскали его от носа до кормы. Я видел, как они рассматривали мертвых матросов, очевидно, отыскивая в них признаки жизни. Затем внизу появилась группа воинов, тащившая за собой маленькую фигурку. Это существо было вдвое меньше ростом зеленых

марсианских жителей, и со своего окна я мог видеть, что оно ступало прямо на двух ногах. Я предположил, что это очередное новое и странное для меня уродливое существо, которое я до сих пор еще не видел на Марсе.

Они спустили своего пленника на землю и затем приступили к методичному разгрому корабля. Эта операция заняла несколько часов, в течение которых было затребовано много повозок, чтобы перевезти добычу, состоящую из оружия, амуниции, шелков, меха, драгоценностей, каменных кораблей со странной резьбой и некоторого количества съестных припасов и напитков, включая сюда множество касок с водой, первой водой, которую я увидел на Марсе. Сняв последнюю добычу, воины прикрепили канаты к кораблю и протащили его на буксире в долину, на довольно большое расстояние в юго-западном направлении. Затем несколько из них взошли на него и с большим рвением занялись, как мне показалось с моей отдаленной позиции, опустошением карманов мертвых матросов и всякого рода кладовых и хранилищ взрывчатых веществ на корабле.

Закончив эту операцию, они поспешно соскользнули по канатам на почву. Последний из воинов, который должен был покинуть судно, повернулся и бросил назад что-то на палубу. Затем он подождал мгновение, чтобы убедиться в последствиях своего поступка. Когда в том месте поднялся бледный столб пламени, он перекинулся через борт и тотчас очутился на почве. Едва он успел спуститься, как канаты сразу отделились от корабля, и огромное военное судно, сделавшееся значительно легче после разгрома, величественно устремилось в воздух, неся на палубе и верхней части клубы дыма и огня.

Медленно оно направлялось к юго-востоку, поднимаясь все выше и выше, по мере того, как огонь пожирал его деревянные части и уменьшал тем самым его вес. Поднявшись на крышу здания, я наблюдал за ним до тех пор, пока, в конце концов, оно не затерялось в туманной безбрежности мирового пространства.

Зрелище могло довести до крайнего ужаса наблюдателя, смотрящего, как эта грандиозная качающаяся надгробная пирамида летит без руля и паруса по пустынным безднам марсианских небес, брошенная на произвол смерти и разрушения, олицетворяя собой жизненную историю тех странных и жестоких существ, в руки которых рок забросил его.

Сильно угнетенный, но не отдавая себя в этом отчета, я медленно спустился на улицу. Сцена, свидетелем которой

я был, казалось, указывала на поражение и уничтожение сил родственного мне народа скорее, чем на разгром зелеными марсианскими воинами орды им же подобных, хоть и враждебных существ.

Я не мог осознать чудившуюся мне галлюцинацию, но не мог также освободиться от нее. Где-то в самых глубоких тайниках своей души я ощущал странную тоску по этим неведомым врагам, и во мне проснулась могучая надежда, что флот вернется и потребует от зеленых воинов отчета — за что они так беспощадно и безосновательно напали на него.

За мною по пятам — теперь это было привычное для нее место — шла Вула, собака, а когда я показался на улице, Сола кинулась ко мне, как будто давно искала меня.

Все возвратились на площадь — обратное путешествие домой было отложено из опасения ответной атаки воздушного флота. Лоркас Птомель был слишком старым и хитрым воином, чтобы быть пойманным на открытой равнине с караваном из повозок с детьми, и, таким образом, мы остались в покинутом городе и выжидали.

Сола и я вышли на площадь, перед моими глазами предстало зрелище, которое наполнило все мое существо волной смешанных чувств надежды, страха, восторга и уныния, и все же надо всем преобладало едва уловимое ощущение облегчения и радости, потому что как раз в тот момент, когда мы приблизились к толпе марсиан, мне удалось бросить взгляд на пленницу с военного корабля, которую несколько зеленых марсианок грубо тащили в ближайшее здание. Я увидел гибкую девичью фигурку, до мельчайших деталей подобную всем земным женщинам моей прошлой жизни. Она не видела меня вначале, но как раз в тот момент, когда ее вводили в здание, которое должно было стать ее тюрьмой, она повернулась, и ее глаза встретились с моими.

Ее лицо было овальной формы и необычайно прекрасно, каждая черта его была как бы выточена и поражала своей изысканностью, глаза были огромными и блестящими, а голову ее, с которой сбегали волны черных как смоль вьющихся волос, украшала странная, но красившая ее прическа. Кожа ее была оттенка красноватой меди, на фоне которой горячий румянец ее щек и рубин ее чудесно вырезанных губ выделялись с чарующей прелестью.

Она была так же лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые марсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, она была совершенно обнажена, но

никакие наряды не могли бы возвысить красоту ее совершенной и гармоничной фигуры.

Взор ее остановился на мне, в глазах отразилось удивление, и она подала еле заметный знак свободной рукой, знак, который разумеется, я не понял. Только одно мгновение смотрели мы друг на друга, а затем выражение надежды, радости, которое засияло на ее лице, когда она увидела меня, погасло, превратившись в выражение крайнего отвращения, смешанного с ненавистью и презрением. Я догадался, что не ответил на ее знак, и при всей своей неосведомленности о марсианских обычаях, я интуитивно почувствовал, что она взывала о помощи и покровительстве, и что мое незнание помешало мне ответить на ее призыв. Итак, ее поволокли в глубину заброшенного здания, и она исчезла.

Глава IX

Я ИЗУЧАЮ ЯЗЫК

Когда я пришел в себя, то взглянул на Солу, которая присутствовала при этой встрече, и был поражен, заметив какое-то странное выражение на ее обычно бесстрастном лице. Я не знал, о чем она думает, так как еще плохо знал язык марсиан.

У входа в наше строение меня ожидал странный сюрприз. Ко мне приблизился воин, держа в руках оружие, амуницию и все принадлежности подобного рода. Он вручил мне все это, сказав несколько нечленораздельных слов, выражавших уважение и угрозу одновременно.

Сола с помощью нескольких других женщин переделала все эти принадлежности, чтобы приспособить их к моим меньшим пропорциям, и после того, как она закончила эту работу, я стал выходить, облаченный во все военные доспехи. С этого дня Сола стала посвящать меня в тайны обращения с разным оружием, и я вместе с юным марсианином проводил на площади по несколько часов ежедневно, практикуясь в стрельбе. Я еще не был достаточно искусен в обращении со всеми видами оружия, но мое знакомство с подобного вида земным оружием превращало меня в необыкновенно способного ученика, и я делал большие успехи.

Нашим обучением руководили исключительно женщины, которые не только учат юношей военному искусству, но одновременно являются мастерами, изготавливающими все изделия промышленности, необходимые зеленым марсиа-

нам: порох, патроны, огнестрельное оружие — словом, все, представляющее какую-либо ценность, производится женщинами. Во время войны из них формируется резерв, и в случае необходимости они сражаются даже с большей сообразительностью и жестокостью, чем мужчины.

Мужчины совершенствуются в более сложных вопросах военного искусства — в стратегии и тактике управления большими войсковыми частями. По мере необходимости они разрабатывают законы — новый закон по поводу каждого нового казуса. Творя правосудие, они не связаны прецедентным правом. Обычаи передаются путем повторения из века в век, но наказание за нарушение обычая определяется в зависимости от индивидуальных обстоятельств жюри из лиц, равных преступнику, и я могу сказать, что правосудие редко ошибается и только в исключительных случаях нарушает приоритет закона. В одном отношении, по крайней мере, марсиане счастливый народ — у них нет адвокатов.

Я не видел пленницы в течение нескольких дней, следовавших после нашей первой встречи, а потом увидел мельком, когда ее вели в большой приемный зал, где произошла моя первая встреча с Лоркасом Птомелем. Я не мог не заметить резкости и грубости по отношению к ней со стороны стражи. Это так разнилось с тем вниманием, почтительностью и заботой, проявляемых ко мне, чужестранцу, Солу и теми немногими зелеными марсианами, с которыми мне приходилось общаться.

В обоих случаях, когда я видел пленницу, мне удалось уловить, что она переговаривается со стражей. Это навело меня на мысль о существовании какого-то общего языка, который был понятен обеим сторонам, и вдохновило с еще большей активностью к дальнейшему изучению марсианского языка. Я совершенно измучил Солу, но через несколько дней уже мог довольно сносно поддерживать разговор и вполне понимал все то, что слышал.

В нашей спальне кроме Солы, ее питомца, меня и Вулы жили еще четыре женщины с парой недавно вылупившихся юнцов. После того, как дети уходили спать, женщины обычно собирались немного поболтать. Я старался внимательно слушать все, о чем они говорили, но сам никогда не вступал в беседу.

В ночь, следовавшую за посещением пленницей приемного зала, разговор, в конце концов, коснулся этой темы, я весь превратился в слух. Я боялся спрашивать Солу о прекрасной пленнице, так как не мог не помнить того стран-

ного выражения, которое я заметил на ее лице после моей первой встречи с заключенной. Означало ли оно ревность, я не мог бы сказать, но все же, судя по земным меркам, я находил более благоразумным проявлять полное безразличие в этом вопросе до тех пор, пока не выясню отношения Сола к предмету моих мыслей и забот.

Саркойя, одна из пожилых женщин, которая делила с нами кров, присутствовала в качестве стражницы при аудиенции, и собеседницы обратились к ней.

— Когда,— спросила одна из женщин,— мы насладимся агонией этой краснокожей? Или Лоркас Птомель джед намерен держать ее ради выкупа?

— Они решили отвезти ее с нами в Тарк и там предать смертным мукам во время великих игр перед Талом Хаджусом,— ответила Саркойя.

— Каким образом это произойдет? — спросила Сола.— Она очень миниатюрна и очень красива. Я надеялась, что ее будут держать ради выкупа.

Саркойя и другие женщины недовольно заговорили при проявлении такой слабости со стороны Сола.

— Очень жаль, Сола, что вы не родились на миллион лет раньше,— фыркнула Саркойя,— когда все углубления в почве были наполнены водой и люди были столь же податливы, как вещество, по которому они плавали. В наши дни дошли до такой степени прогресса, когда такого рода чувства указывают на слабость и атавизм. Было бы нехорошо для вас обнаружить перед Тарсом Таркасом подобные дегенеративные чувства, так как я сомневаюсь, что он, в таком случае, возложит на вас серьезные обязанности матери.

— Я не вижу ничего дурного в моем отношении к краснокожей женщине,— возразила Сола.— Она никогда не приносила нам вреда и никогда бы его не принесла, если бы мы попали в ее руки. Только мужчины ее племени воюют с нами, и я иногда думаю, что их позиция по отношению к нам есть только ответное действие на наше отношение к ним. Они живут в мире со всеми своими соседями, кроме тех случаев, когда долг призывает их к войне, между тем, как мы не поддерживаем мира ни с кем, мы вечно воюем, даже с подобными нам, равно как с красными людьми, и даже в наших собственных общинах мужчины бьются друг с другом! Один непрерывный ужасный поток крови, начиная с того момента, когда мы пробиваем скорлупу, до тех пор, пока мы с радостью бросаемся в лоно реки сокровенных тайн, в мрачную и древнюю Иссу, которая уносит нас

к неизвестному, но, по крайней мере, не более страшному и жуткому существованию. Счастливи действительно тот, кого встречает ранняя смерть. Говорите, что хотите Тарсу Таркасу, он не может выбрать для меня худшей участи, чем предложение того ужасного существования, которое мы принуждены вести.

Эта дикая вспышка со стороны Сола так сильно удивила и оскорбила других женщин, что после коллективного выговора, сделанного в нескольких словах, воцарилось молчание, и вскоре все заснули. Этот эпизод, во всяком случае, послужил мне на пользу, так как я убедился в дружелюбном отношении Сола к бедной девушке, а также удостоверился в том, что мне исключительно повезло, что я попал в руки Сола, а не других женщин. Я знал, что она хорошо относится ко мне, а теперь, когда я открыл, что она ненавидит жестокость и варварство, я верил, что могу положиться на нее в устройстве моего побега и, разумеется, узницы, если только такое осуществимо.

Я даже не знал, были ли тут какие-либо условия, ради которых стоило бежать, но я от всей души согласен был все поставить на карту, ради того, чтобы оказаться среди существ, подобных мне, нежели оставаться дальше среди отвратительных и кровожадных зеленых людей Марса. Но куда идти и каким образом — было для меня такой же загадкой, как, начиная с сотворения мира, тысячелетние поиски вечной молодости для землян.

Я решил при первой возможности довериться Соле и открыто просить ее о помощи; с этим твердым решением я растянулся на своих шелках и мехах и погрузился в тот освежающий и лишенный сновидений сон, каким спал на Марсе.

Глава X

ПОБЕДИТЕЛЬ И ВОЖДЬ

На следующее утро я спозаранку выбрался на улицу. Мне была предоставлена значительная свобода, и Сола предупредила меня, что пока я не сделаю попытки покинуть город, я могу приходить и уходить, когда мне угодно. Однако она предостерегла меня, чтобы я не выходил безоружным, так как этот город, подобно другим покинутым городам старинной марсианской цивилизации, населен большими белыми обезьянами, с которыми мне пришлось столкнуться уже на второй день моих приключений.

Советуя мне не покидать пределов города, Сола объяснила, что Вула ни в коем случае не допустил бы этого. Она настоятельно рекомендовала мне не возбуждать его гнева и не подходить слишком близко к запрещенной территории.— Его характер таков,— сказала она,— что в случае послушания он вернет тебя живым или мертвым, скорее мертвым,— добавила она.

В это утро я выбрал для своих исследований новую улицу и неожиданно очутился на краю города. Передо мной открылись низкие холмы, прорезанные узкими живописными лощинами. Я жаждал исследовать простирающуюся передо мной местность и, подобно тем пионерам, от которых я происходил, увидеть ландшафт, скрытый окрестными холмами, а для этого необходимо взобраться на одну из вершин, преграждающих мне горизонт.

Мне также пришло в голову, что это отличный способ испытать Вулу. Я был убежден, что это животное любит меня. Я видел в нем гораздо больше признаков симпатии, чем в ком-либо другом из живых существ Марса, и был убежден, что благодарность за двукратное спасение его жизни перевесит его преданность долгу, возложенному на него жестокими бесчувственными хозяевами.

Мы приблизились к городской черте, и Вула поспешно встал впереди и ткнулся своим телом в мои ноги. Выражение его морды казалось мне скорее просительным, чем свирепым, он не обнажал своих больших клыков и не издавал своих ужасных гортанных окриков. Лишенный дружбы в обществе себе подобных, я порядочно привязался к Вуле и Соле. Я даже по-своему полюбил собаку, везде сопровождавшую меня, и был уверен, что не разочаруюсь в своем расположении к этому большому зверю.

Я никогда не гладил его и не проявлял нежности, но тут я присел на землю, обвил руками его мощную шею и начал поглаживать и ласкать его, говоря с ним на вновь обретенном мною марсианском языке, как я разговаривал бы дома со своей собакой или с каким-нибудь иным другом из мира животных. Он прореагировал на это самым неожиданным образом. Разинув свою широкую пасть, он обнажил весь верхний ряд зубов и наморщил нос так, что его большие глаза почти скрылись в складках кожи. Если вы когда-нибудь видели, как улыбается шотландская овчарка, это даст вам представление о том, как выглядела морда Вулы.

Он бросился на спину и начал валяться у моих ног. Потом вскочил, бросился на меня, причем опрокинул меня своей тяжестью, затем, вертясь и извиваясь передо мной, как рез-

вый щенок, начал подставлять свою спину, чтобы я еще погладил ее. Я не мог устоять перед смехотворностью этого зрелища и, держась за бока, покатывался со смеху. Я поймал себя на мысли, что это первый смех, сорвавшийся с моих губ за множество дней.

Мой хохот испугал Вулу, его прыжки прекратились, и он с жалобным видом подполз ко мне, тычась своей безобразной головой мне в колени. И тогда я вспомнил, что смех на Марсе означает муку, страдание, смерть! Подавив свою смешливость, я похлопал беднягу по голове и по спине, поболтал с ним немножко, а затем властным тоном приказал ему следовать за мной и двинулся по направлению к холмам.

Теперь между нами больше не было вопроса о власти: с этого момента Вула был моим преданным рабом, а я его единственным повелителем. Через несколько минут я добрался до холмов, но не нашел там ничего особенно интересного. По склонам вершин росли дикие цветы странной формы и великолепной окраски, а вслед за этим холмом, на котором я стоял, тянулись другие, вздымаясь гребнями; вся цепочка уходила к северу, скрываясь среди более высоких гор вдали. Впрочем, впоследствии я узнал, что на всем Марсе было только несколько пиков, превышавших высоту в четыре тысячи футов.

Моя утренняя прогулка имела для меня огромное значение, так как окончательно убедила меня в преданности и дружеском расположении ко мне Вулы, которого Тарс Таркас по-прежнему считал моим сторожем и полностью полагался на него. Теперь я знал, что практически свободен в своих действиях, хотя жизнь моя продолжала зависеть от зеленых марсиан. Я решил не переступать больше предписанных мне границ и поспешил вернуться в город, пока нас не поймали. Это привело бы к ограничению моей свободы и, вероятно, к гибели Вулы.

Вернувшись на площадь, я в третий раз увидел пленную девушку. Она стояла, окруженная стражниками, перед входом в приемный зал и при моем приближении отвернулась, окинув меня надменным взглядом. Это было сделано так по-женски, так по-земному, что, хотя моя гордость была задета, сердце мое забилося чувством симпатии: мне было приятно встретить на Марсе существо с инстинктами цивилизованного человека, хотя они и проявлялись таким обидным для меня образом.

Если бы зеленая марсианская женщина захотела выразить свое неудовольствие или пренебрежение, она, по всей

вероятности, замахнулась бы мечом. Но так как их чувства в значительной степени атрофированы, понадобилось бы большое оскорбление, чтобы довести ее до такой ярости. Должен добавить, что Сола была исключением. Я никогда не видел с ее стороны каких-либо жестоких поступков или вообще недостатка в приветливости и добродушии. Она поистине была, как говорил о ней ее марсианский кавалер, прелестной противоположностью прежнего типа любимых и любящих предков.

Видя, что пленница составляет центр внимания, я остановился поглядеть, что будет. Мне не пришлось долго ждать, так как вскоре к зданию приблизился Лоркас Птомель со своей свитой вождей. Он приказал страже следовать за ним с пленницей и вошел в приемный зал. Я считал себя несколько привилегированной особой и был убежден, что воины не знают, что я понимаю их язык. Дело в том, что я просил Солу держать это в тайне, ссылаясь на то, что я вынужден буду разговаривать с ее соплеменниками прежде, чем вполне сносно овладею марсианским языком. Поэтому я рискнул войти в приемный зал и послушать, что там будет происходить.

Совет восседал на ступеньках кафедры, а перед ним внизу стояла пленница с двумя стражниками по бокам. В одной из женщин я узнал Саркойю и теперь понял, почему она присутствовала здесь на вчерашнем заседании, о результатах которого она поведала минувшей ночью населению нашего дортуара. Ее обращение с пленницей было резким и грубым. Удерживая ее, она впивалась своими недоразвитыми ногтями в тело бедной девушки или больно щипала ее за руку. Если нужно было перейти с одного места на другое, она бесцеремонно дергала пленницу или толкала ее перед собой. Она словно вымещала на этом несчастном беззащитном создании всю ненависть, жестокость и злобу своих девяти-сот лет, за которыми скрывались бесчисленные поколения злобных и свирепых предков.

Вторая женщина вела себя сдержанно и казалась совершенно равнодушной. Оставаясь под ее присмотром на ночь, пленница не страдала от грубого обращения, так как женщина вообще не обращала на нее никакого внимания.

Лоркас Птомель осмотрел зал и заметил меня, обратившись с вопросом к Тарсу Таркасу. Я не расслышал ответа Тарса Таркаса, но Лоркас Птомель улыбнулся и больше не обращал на меня внимания, устремив свой взор на девушку.

— Как тебя зовут? — обратился Лоркас Птомель к пленнице.

— Дея Торис, дочь Мориса Каяка из Гелиума.

— Цель вашего путешествия? — продолжал он допрос.

— Это была чисто научная экспедиция, посланная моим отцом, джедом Гелиума, для изучения воздушных течений и для измерений плотности атмосферы, — ответила пленница низким приятным голосом. — Мы не были готовы к сражению, — продолжала она, — так как были заняты мирным делом, что подтверждали цвета флагов на наших судах. Наша работа была столь же в ваших интересах, как и в наших, и вы отлично знаете, что, если бы не наши труды и плоды наших научных изысканий, на Барсуме не было бы достаточно воздуха для существования хотя бы одного человека. Веками поддерживали мы на планете количество воды и воздуха на одном и том же уровне почти без потерь, и мы делали это, не взирая на грубое и невежественное вмешательство ваших зеленых. Ну почему, почему вы не хотите жить в мире и дружбе с вашими ближними? Неужели вы так и уйдете в века до вашего окончательного исчезновения, почти не поднявшись над теми животными, которые вам служат? Народ без письменности, без искусства, без домашнего уюта, без любви! Вы ненавидите друг друга, как ненавидите всех, кроме самих себя. Вернитесь к истокам наших общих предков, вернитесь к свету дружбы и добра. Дорога открыта, вы найдете в краснокожих людях готовность помочь вам. Совместными усилиями мы можем сделать гораздо больше для возрождения нашей умирающей планеты. Дочь величайшего и могущественнейшего из красных джеддаков зовет вас! Откликнитесь ли вы на призыв?

Молодая женщина умолкла, и воцарилось молчание. Никто не может знать, что происходило в душах Лоркаса Птомеля и его воинов, но я уверен, что они были тронуты. Если бы среди них нашелся хотя бы один человек, достаточно смелый, чтобы стать выше обычаев, эта минута определила бы для Марса начало новой эры.

Тарс Таркас поднялся, желая говорить, и на лице его было такое выражение, какого я никогда не видел у зеленых марсианских воинов. Оно свидетельствовало о страшной внутренней борьбе с самим собой, с наследственностью, с вечной привычкой, и, когда он раскрыл рот, чтобы говорить, его мрачные черты вдруг осветились благожелательным, почти ласковым взглядом.

Но слова, готовые уже слететь с его уст, остались невысказанными, так как в этот миг какой-то молодой воин сорвался со ступенек и нанес хрупкой пленнице страшный удар по лицу. Она упала на пол, а он, опершись на нее ногой,

повернулся к совету и разразился диким и мрачным хохотом.

На миг я подумал, что Тарс Таркас убьет его, да и вид Тарса Таркаса и Лоркаса Птомеля не предвещал для негодя ничего хорошего, но минутное настроение уже прошло, их истинная натура взяла верх, и они улыбнулись. Удивительно было уже то, что они не рассмеялись громко, так как поступок молодого воина представлял собой, с точки зрения марсианского юмора, необычайно тонкую остроту.

То, что я потратил время на описание этого происшествия, не означает еще, что я оставался хотя бы на секунду его пассивным зрителем. Мне кажется, что у меня было какое-то предчувствие, потому что я припоминаю, как я пригнулся для прыжка в тот миг, когда удар лишь грозил прекрасному, с мольбой обращенному к совету лицу. И прежде чем опустилась рука, я уже пробежал половину расстояния.

Не успел отвратительный смех замолкнуть, как я уже бросился на воина. Он был двенадцати футов ростом и вооружен до зубов, но я думаю, что в охватившей меня безумной ярости я устоял бы против всех, находившихся в зале. Когда воин обернулся на мой крик, я подскочил и ударил его по лицу, а когда он вытащил свой короткий меч, я выхватил свой и прыгнул на его грудь, встав одной ногой на рукоятку его пистолета и ухватившись левой рукой за один из его огромных клыков. При этом я начал наносить удар за ударом по его широкой груди.

Он не мог воспользоваться своим мечом, так как я был слишком близко, и не мог вытащить пистолет, хотя и пытался сделать это, вопреки марсианскому обычаю, запрещающему защищаться оружием, которого нет у нападающего. Ему ничего не оставалось, как попытаться стряхнуть меня, но все его отчаянные усилия не привели ни к чему. Несмотря на свой огромный рост, он едва ли был сильнее меня, и через несколько мгновений безжизненной окровавленной массой рухнул на пол!

Дея Торис приподнялась на локте и с испугом наблюдала за поединком. Очутившись на полу, я взял ее на руки и отнес на одну из скамей у стены зала. Опять никто из марсиан не помешал мне. Оторвав лоскут шелка от своего плаща, я попытался унять кровь, лившуюся у нее из носа. Вскоре мне это удалось, так как ее повреждения оказались незначительными. Как только она смогла говорить, Дея положила мне руку на плечо и сказала, глядя прямо в глаза:

— Почему вы сделали это? Вы, отказавший мне в полном внимании в первую минуту постигшей меня опасности! А теперь вы рискуете своей жизнью и убиваете одного из

ваших ради меня. Я этого не понимаю. Что вы за странный человек, почему водитесь с зелеными, хотя с виду вы моей расы, а цвет вашего лица лишь немного темнее цвета белых обезьян? Скажите мне, человек вы или больше, чем человек?

— Это странная история,— отвечал я,— и слишком длинная, чтобы я мог сейчас рассказать вам ее. Она и мне самому представляется до того невероятной, что я не надеюсь, чтобы другие могли бы ей поверить. Пока могу лишь сказать, что я ваш друг и, насколько это возможно, ваш защитник и слуга.

— Значит, и вы пленник? Но почему же у вас оружие и регалии таркского вождя? Как вас зовут? Из какой вы страны?

— Да, Дея Торис, я тоже пленник. Меня зовут Джон Картер, и родом я из штата Виргиния, одного из Соединенных Штатов Америки — на Земле. Почему мне разрешено носить оружие, мне неизвестно, но я не знал, что эти знаки на мне принадлежат званию вождя.

Наш разговор был прерван приближением одного из воинов, который нес оружие, амуницию и украшения, и вмиг у меня в голове мелькнул ответ на один из вопросов, и была разрешена еще одна загадка. Я увидел, что эти вещи сняты с тела моего мертвого противника, и прочел в угрожающем и в то же время сдержанном взгляде воина, принесшего мне эти трофеи, ту же почтительность, какую раньше проявил другой воин, принесший мне мое обмундирование. Только теперь я узнал, что мой противник в приемном зале мертв.

Теперь стало понятным и отношение ко мне со стороны зеленых марсиан. Поистине, Марс оказался планетой парадоксов! Я приобрел право носить оружие и звание убитого мною вождя. По суровой марсианской справедливости я стал настоящим вождем, и, как я впоследствии узнал, это звание предоставило мне сравнительную свободу и право находиться в приемном зале.

Принимая вещи убитого воина, я заметил, что Тарс Таркас и многие другие двинулись по направлению к нам. Глаза Тарса Таркаса с недоумением разглядывали меня. Наконец он обратился ко мне:

— Вы говорите на языке Барсума удивительно бегло для человека, который всего несколько дней назад был глух и нем к нашим словам. Где вы изучили его, Джон Картер?

— Это вы сами, Тарс Таркас,— ответил я,— предоставили мне эту возможность, определив в учителя удивительно способную женщину. Своими успехами я обязан Соле.

— Это она ловко сделала, — ответил он, — но ваше воспитание в других отношениях оставляет еще желать многого. Знаете ли вы, как бы поплатились за неслыханную дерзость, если бы вам не удалось убить обоих вождей, чьи знаки вы теперь носите?

— Полагаю, что в этом случае один из них убил бы меня, — улыбаясь ответил я.

— Нет, вы ошибаетесь. Лишь вынужденный необходимостью самообороны марсианский воин решил бы убить пленника. Мы предпочитаем сохранять их для других целей, — при этом выражение его лица намекало на такие возможности, над которыми мне не было охоты задумываться.

— Но одно еще может спасти вас, — продолжал он, — если бы, учитывая вашу удивительную доблесть, боевой пыл и ловкость, Тал Хаджус признал вас достойным служить у него, вы были бы приняты в общину и сделались бы полноправным тарком. Пока мы не достигнем резиденции Тала Хаджуса, вам будут оказываться почести, принадлежащие вам по вашим подвигам. Такова воля Лоркаса Птомеля. Мы будем обращаться с вами как с таркским вождем, но вы не должны забывать, что все равно наши вожди ответственны за вашу благополучную доставку к нашему могущественнейшему и жесточайшему повелителю. Я кончил.

— Я выслушал вас, Тарс Таркас, — ответил я. — Как вы знаете, я не уроженец Барсума. Ваши пути — не мои пути, и я могу действовать в будущем лишь так, как действовал до сих пор, то есть в согласии с велениями своей совести и принципами моего племени. Если вы оставите меня в покое, я никогда не трону никого, если же нет, то пусть каждый барсумец, с которым мне придется иметь дело, уважает мои права чужестранца или пеняет на самого себя. В одном вы можете быть уверены: каковы бы ни были ваши окончательные намерения по отношению к этой несчастной молодой женщине, кто посмеет обидеть или оскорбить ее, должен будет считаться со мной. Мне известно, что вы презираете всякие проявления добра и великодушия, но я не могу сказать о себе этого, и я берусь доказать самому доблестному из ваших воинов, что эти качества вполне совместимы со свойствами хорошего бойца.

Даже Тарсу Таркасу, по-видимому, понравился мой ответ, хотя он отозвался на него достаточно загадочной фразой:

— А я думаю, что знаю Тала Хаджуса, джеддака Тарка.

Я помог Дее Торис встать на ноги и направился с ней к выходу на виду у растерявшихся гарпий, стороживших ее, сопровождаемый вопросительными взглядами вождей. Разве я сам теперь не был таким же вождем! Ну, что же, я готов был принять на себя эту роль. Никто не остановил нас, и вот Дея Торис, принцесса Гелиума, и Джон Картер, джентльмен из Виргинии, сопровождаемые верным слугой Вулой, вышли при гробовом молчании из приемного зала Лоркаса Птомеля, джеда барсумских тарков.

Глава XI

ДЕЯ ТОРИС

Когда мы вышли наружу, обе стражницы, приставленные к Дее Торис, выскочили за нами, намереваясь нас разлучить. Бедняжка прижалась ко мне, и ее маленькие ручки крепко ухватились за мою руку. Я сделал женщинам знак удалиться, объяснив им, что отныне за пленницей будет присматривать Сола, и при этом предупредил Саркойю, что она поплатится самым неприятным образом, если позволит себе какие-нибудь жестокие выходки по отношению к Дее Торис.

Моя угроза была бесполезна и причинила Дее Торис больше вреда, нежели пользы, потому что на Марсе, как я узнал позже, мужчина не может наказать женщину смертью, равно как и женщина не смеет убить мужчину. Поэтому Саркойя окинула нас презрительным взглядом и ушла, застав злобу в душе.

Вскоре я нашел Солу и попросил ее позаботиться о Дее Торис так же, как она заботилась обо мне. Я объяснил Соле, что необходимо подыскать другое жилище, где бы им не пришлось бояться Саркойи, и что я сам намерен поселиться среди мужчин. Сола взглянула на воинские знаки, которые я нес в руках и на плече.

— Теперь вы великий вождь, Джон Картер, — сказала она, — и я рада это видеть. Воин, чьи знаки одеты на вас, был молод, но это был славный боец и, благодаря своим победам, достиг положения непосредственно за Тарсом Таркасом, который, как вы знаете, уступает лишь Лоркасу Птомелю. Вы одиннадцатый, а в общине всего десять вождей, доблестью равных вам.

— А что, если я убью Лоркаса Птомеля? — спросил я.

— Тогда вы будете первым, Джон Картер. Но вы можете добиться этой чести лишь в том случае, если ваш поединок будет назначен волей всего совета. Ну, а если Лоркас Птомель нападет на вас, и вы убьете его в целях самозащиты, то также завоюете себе первое место.

Я рассмеялся и переменял разговор. У меня не было особого желания убивать Лоркаса Птомеля, и меньше всего я хотел бы стать джедом тарков.

Сола, Дея Торис и я отправились на поиски нового жилища, которое мы облюбовали в здании более изысканной архитектуры, расположенном ближе к приемному залу, чем наше прежнее. В нем мы нашли настоящие спальни со старинными металлическими кроватями тонкой чеканной работы, спускавшимися на гигантских золотых цепях с мраморных потолков. Стены украшали картины, на которых я заметил изображение людей, чего не встречалось на фресках других зданий. Это были такие же люди, как я, но гораздо светлее Деи Торис. Они были облачены в величественно ниспадавшие одежды, богато украшенные драгоценными металлами и камнями. Их пышные волосы были чудного золотистого и бронзово-красного оттенка. Мужчины не носили бороды, и лишь немногие из них имели оружие. На картинах, большей частью, мы увидели светлокожий и светловолосый народ, занятый какими-то играми.

Дея Торис в восторге всплеснула руками при виде этих прекрасных произведений искусства, созданных давно угасшим народом. Напротив, Сола их, как будто, и не замечала.

Мы решили, что женщины поселятся здесь, в этой комнате, находящейся на втором этаже, окна которой выходили на площадь, а смежная комната позади пригодится для кухонных и хозяйственных надобностей. Затем я отправил Солу за постелями, припасами еды и необходимым мелким скарбом, причем обещал ей посторожить Дею Торис до ее прихода. Когда Сола ушла, Дея Торис с милой улыбкой обратилась ко мне:

— Куда же убежала бы ваша пленница, если бы вы покинули ее? Ей оставалось бы только молить вас о защите и просить у вас прощения за те несправедливые чувства, которые она питала к вам в последние дни.

— Вы правы, — ответил я, — для нас нет иного спасения, как держаться друг друга.

— Я слышала вызов, брошенный вами этому ужасному Тарсу Таркасу, и, мне кажется, я понимаю ваше положение

среди этих людей. Но я никак не могу осознать, что вы сами не с Барсума. Во имя моего первого предка,— продолжала она,— прошу вас, скажите, откуда же вы? Вы и похожи, и не похожи на людей моего народа. Вы говорите на моем языке, а между тем, я слышала, как вы сказали Тарсу Таркасу, что изучили этот язык только в последние дни. Все барсумцы от покрытого льдами юга и до покрытого льдами севера говорят на одном и том же языке, хотя и пишут по-разному. Лишь в долине Дор, где река Исс изливается в потерянное море Корус, существует, по предположениям, другой язык. Но если не считать сказаний наших предков, то ни один барсумец не вернулся еще вверх по реке Исс от утесов Коруса в долине Дор. Не говорите мне, что вы вернулись оттуда! Если бы это была правда, вас немедленно убили бы, где бы вы ни показались на всем Барсуме! Скажите мне, что это не так!

В ее глазах появился странный таинственный блеск, в голосе звучали умоляющие нотки, а маленькие ручки прижались к моей груди, как будто желая исторгнуть из моего сердца утешительные слова.

— Я не знаю ваших обычаев, Дея Торис, но у нас, в Виргинии, джентльмен не станет лгать для своего спасения. Я никогда не видел загадочной реки Исс, потерянное море Корус остается по-прежнему потерянным, поскольку я не был там. Вы верите мне?

И вдруг я заметил, что мне очень и очень хочется, чтобы она мне поверила. Не то, чтобы я боялся ее уверенности в моем возвращении из барсумского рая или ада. Нет, но в чем же дело? Почему меня интересовало, что она подумает? Я взглянул на нее, на ее обращенное ко мне прекрасное лицо, и в ее глазах для меня раскрылась вся глубина ее души. И, встретившись с ней глазами, я понял и... содрогнулся!

Волна подобных чувств и мыслей, казалось, обуревала и ее. Она со вздохом отодвинулась от меня и, строго взглянув, произнесла:

— Я верю вам, Джон Картер. Я не знаю, что значит «джентльмен», и никогда раньше не слышала про Виргинию. Но на Барсуме не лжет никто. Если человек не хочет сказать правду, он молчит. Где эта Виргиния, где ваша родина, Джон Картер? — спросила она, и гордое имя моей горной страны никогда еще не звучало так прекрасно, как из этих совершенных уст в тот давно минувший день.

— Я из другого мира,— ответил я,— с великой планеты Земля, обращающейся вокруг нашего Солнца внутри орбиты вашего Барсума, который мы называем Марсом.

Я не могу вам рассказать, как я попал сюда — этого я и сам не знаю. Но я здесь и рад, что мое присутствие может быть полезно Дее Торис.

Она долго и вопросительно смотрела на меня опечаленными глазами. Я хорошо понимал, что поверить моим словам трудно, и не надеялся, что она поверит, как ни жаждал я приобрести ее доверие и уважение. Я предпочел бы не говорить с ней о моем прошлом, но никто не мог бы, заглянув в глубину этих глаз, отказать ей в малейшем желании.

Наконец она улыбнулась и сказала, вставая:

— Мне придется поверить, хотя я и не понимаю. Я могу представить себе, что вы не принадлежите к современному Барсуму. Вы такой же, как и мы, и в то же время другой... Но зачем ломать голову над загадкой, когда сердце говорит мне, что я верю, потому что хочу верить!

В этом была настоящая земная женская логика, и если она устраивала ее, то мне ли было придирааться к таким рассуждениям? В сущности, это была единственно правильная точка зрения в этом вопросе. Наш разговор перешел на общие темы, и с обеих сторон посыпались вопросы. Она расспрашивала об обычаях моего народа и выказала удивительное знание земных событий. На мой удивленный вопрос она рассмеялась и воскликнула:

— О! каждый барсумский школьник знает географию, историю, осведомлен о флоре и фауне вашей планеты так же основательно, как и о нашей. Разве мы не можем видеть все происходящее на вашей Земле, как вы ее называете? Разве она так уж недоступна нашим взорам?

Должен признаться, что ее слова поразили меня не меньше, чем мои заявления должны были ошеломить ее. Я ей это и сказал. Тогда она объяснила мне в общих чертах устройство приборов, которые применяются ее народом и совершенствуются в течение веков. Они способны воспроизводить на экране точное изображение происходящего на любой планете и на многих звездах. Увеличенные фотографии этих изображений настолько точны, что на них вполне различимы даже стебельки трав. Позднее, уже в Гелиуме, я видел много таких снимков и те приборы, с помощью которых они сделаны.

— Потому, Джон Картер, — сказала она, — что почти на каждой планете и звезде с атмосферой, соответствующей атмосфере на Барсуме или близкой к ней, обнаружены живые существа, почти тождественные нам с вами. И, насколько мне известно, земные люди покрывают свои тела странными безобразными кусками тканей, а головы столь же

безобразными колпаками, назначение которых мы не могли себе уяснить. Вы же, когда вас нашли таркские воины, по вашим словам, были обнажены и лишены всяких украшений. Тот факт, что на вас не было украшений, является серьезным доводом в пользу вашего небарсумского происхождения, но отсутствие нелепых покровов может вызвать сомнение в вашей принадлежности к людям Земли.

Тогда я рассказал ей подробности моего появления на Марсе и объяснил, что до перемещения сюда был полностью одет в столь непонятную ей одежду светского человека.

В эту минуту вернулась Сола с нашими скудными пожитками и со своим молодым марсианским воспитанником, которому, конечно, предстояло жить с нами. Сола спросила, не было ли у нас в ее отсутствие посетителя, и удивилась, услышав отрицательный ответ. Оказалось, что, поднимаясь по лестнице, она встретила спускавшуюся Саркойю. Мы решили, что последняя занималась подслушиванием, но не могли вспомнить, чтобы между нами было сказано что-нибудь важное, и поэтому не придали этой встрече особого значения, решив в будущем быть поосторожнее.

После этого мы с Деей Торис занялись осмотром архитектурной и декоративной отделки прекрасных комнат занимаемого нами здания. Она поведала мне, что этот народ процветал около сотни тысяч лет назад. Это были прародители ее расы, но они смешались с другой расой ранних марсиан, темных, почти черных, а также с красно-желтой расой, распространенной в ту же эпоху.

Эти три могучих ветви высших марсиан вынуждены были вступить в тесный союз, когда высыхающие моря заставили их отступить в сравнительно редкие и непрерывно сокращающиеся плодородные области, где они защищались при новых условиях жизни от диких орд зеленых людей.

Века тесных дружеских отношений и смешанных браков привели к появлению расы красных людей, прекрасной представительницей которой являлась Дея Торис. За время многовековых лишений и непрерывных войн, как междоусобных, так и в общем союзе против зеленых, многое из высокой цивилизации и культуры светловолосых марсиан погибло. Но современная красная раса не остановилась в своем развитии, вобрав все самое лучшее, она достигла еще более высокого уровня, а новые открытия и практическое их применение вознаградили людей за утрату того, что безвозвратно погребено под бесчисленными слоями прошедших веков.

Эти древние марсиане были расой с высокой культурой и своей письменностью, но превратности тяжелых условий

жизни, необходимость скитаться в поисках лучших условий и новых ресурсов привели к почти полной утрате всех архивов, летописей и литературных памятников. Дея Торис рассказала много интересных фактов и легенд, связанных с этой благородной погибшей расой. Я узнал, что город, где мы находимся, был, по предположениям, торговым и культурным центром, известным под названием Корад. Он был выстроен над прекрасной естественной гаванью, защищенной с суши красивыми холмами. Маленькая долина с западной стороны города представляла собой все, что, по словам девушки, осталось от этой гавани, тогда как проход через холмы к старому морскому дну был прежде каналом, по которому суда доходили до самых городских ворот.

Берега древних морей были усеяны подобными городами. Меньшее число городов и меньшего размера можно найти по направлению к центру океанов, так как люди шли вслед за отступающей водой, пока необходимость не заставила их прибегнуть к последнему средству спасения — к так называемым каналам Марса.

Мы были так поглощены осмотром здания и нашим разговором, что не заметили, как наступил вечер. Из глубины веков нас вернул посланец Лоркаса Птомеля, который принес приказ немедленно явиться к нему. Простившись с Деей Торис и Солой и приказав Вуле охранять их, я поспешил в приемный зал, где застал Лоркаса Птомеля и Тарса Таркаса, сидевших на возвышении.

Глава XII

ПЛЕННИК, ОБЛЕЧЕННЫЙ ВЛАСТЬЮ

Я вошел в приемный зал и поклонился. Лоркас Птомель сделал мне знак приблизиться и, устремив на меня свои большие ужасные глаза, обратился ко мне со следующими словами:

— Вы провели среди нас несколько дней и успели за это время достичь высокого положения, благодаря вашей доблести. Но, как бы то ни было, вы среди нас чужой. Странное дело, — продолжал он, — вы пленник, и вы отдаете приказы, которые исполняются. Вы чужестранец и в то же время таркский вождь. Вы карлик, а между тем, убиваете сильного воина одним ударом кулака. А теперь нам сообщили, что вы готовите побег с пленницей другой расы, которая, по ее же словам, почти убеждена в том, что вы возвра-

тились из долины Дор. Каждого из этих обвинений было бы достаточно для вашей казни, но мы справедливый народ и после возвращения в Тарк дадим вам случай оправдаться на суде, если только этого пожелает Тал Хаджус. Однако, — продолжал он своим мрачным гортанным голосом, — если вы убежите с красной девушкой, отвечать перед Талом Хаджусом придется мне. Возникнет вопрос о старшинстве между мною и Тарсом Таркасом, и я должен буду доказать свое право повелевать, или знаки вождя перейдут с моего трупа к более достойному человеку, ибо таков обычай тарков. Между мной и Тарсом Таркасом нет ссор. Мы правим совместно самой обширной из младших общин зеленых людей. Мы не хотим биться друг с другом. Поэтому я был бы рад, Джон Картер, если бы вы умерли.

— Но без приказания Тала Хаджуса мы можем убить вас лишь при двух условиях: в личной схватке при самообороне, если бы вы напали на одного из нас, или же если бы вы были захвачены при попытке к бегству. В интересах справедливости я должен предупредить вас, что мы только и ждем одной из этих двух возможностей, чтобы освободиться от столь тяжелой ответственности. Для нас чрезвычайно важно доставить красную девушку к Талу Хаджусу. За целое тысячелетие тарки не имели еще такой добычи. Она внучка величайшего из красных джеддаков и нашего неприимейшего врага. Красная девушка сказала, что нам недоступны человеческие чувства, но мы народ прямой и справедливый. Я кончил. Вы можете идти.

Я повернулся и покинул приемный зал. Так вот оно коварство Саркойи! Я знал, что никому иному не могу быть обязан этим доносом, так быстро достигшим ушей Лоркаса Птомеля. Теперь я припомнил те моменты своего разговора с Деей Торис, которые касались предполагаемого бегства и моего происхождения.

Саркойя в то время была старшей и доверенной прислужницей Тарса Таркаса. Это давало ей большую власть за кулисами трона, так как никто из воинов не пользовался таким доверием Лоркаса Птомеля, как его наиболее способный сподвижник Тарс Таркас.

Однако моя аудиенция у вождей не заставила меня отказаться от побега. Яснее чем когда-либо представилась мне теперь необходимость бегства, по крайней мере, для Деи Торис, так как я понял, что в резиденции Тала Хаджуса ее ожидает ужасная судьба.

По описаниям Солы, это чудовище было живым олицетворением жестокости, свирепости и варварства минувших

веков. Холодный, коварный, расчетливый, он, в противоположность большинству своих современников, был рабом диких животных страстей, почти загложивших в марсианах, так как медленное угасание планеты давно уже умерило и инстинкт к размножению.

Меня бросало в дрожь при мысли о том, что Дея Торис может стать жертвой этого мерзкого животного. Гораздо лучше приберечь на последнюю минуту пулю, как это делали доблестные жительницы моей утраченной родины, предпочитавшие расстаться с жизнью, нежели попасть в руки индейцев.

В то время, как я блуждал по площади, погруженный в мрачные предчувствия, ко мне подошел Тарс Таркас, возвращавшийся из приемного зала. Внешне его обращение со мной ничуть не изменилось, и он приветствовал меня, как будто мы расстались всего несколько минут назад после дружеской беседы.

— Где вы живете, Джон Картер? — спросил он.

— Я еще не выбрал себе помещения, — ответил я. — Мне казалось, что мне лучше всего поселиться одному или среди других воинов, и я ждал случая спросить у вас совета. Как вы знаете, — и я улыбнулся, — я еще вчера вполне освоился с обычаями тарков.

— Пойдемте со мной, — сказал он, и мы вместе направились к зданию, которое, к моему удовольствию, как раз примыкало к тому, где поселилась Сола с Деей. — Я живу на первом этаже этого здания, — сказал он, — второй этаж также занят воинами, но верхние свободны. У вас будет большой выбор. Я слышал, — продолжал он, — что вы уступили свою женщину красной пленнице. Ну что ж, как вы сами сказали, ваши пути — не наши пути, но вы сражаетесь за нее, вам это нравится. Поэтому, если вы отдадите вашу женщину пленной — это ваше дело. Но как вождь вы имеете право на услуги и, согласно нашим обычаям, можете выбрать любую женщину из окружения тех вождей, чьи знаки вы теперь носите.

Я поблагодарил его, но сказал, что могу отлично обойтись без посторонних услуг, за исключением стряпни. Тогда он обещал прислать женщину, которая готовила бы мне, а также смотрела за моим оружием и амуницией, что, по его словам, также необходимо. Я попросил, однако, чтобы мне принесли те шелковые и меховые одеяла, которые принадлежали мне по праву победителя. Ночи стояли холодные, а своих одеял у меня не было.

Он обещал исполнить мою просьбу и ушел. Оставшись

один, я поднялся по винтовой лестнице на третий этаж и стал подыскивать себе комнату. Великолепие других зданий повторялось и в этом, и, по своему обыкновению, я вскоре увлекся исследованием росписей. Наконец я выбрал себе комнату, окна которой так же, как и в той, где разместилась Дея Торис, выходили на площадь. У меня мелькнула мысль договориться с ней об условном знаке, которым она могла бы вызвать меня, если бы ей понадобились мои услуги или защита.

К моей спальне примыкали ванная, гардеробная и другие жилые комнаты этого этажа. Всего их было около десяти. Окна дальних комнат были обращены в огромный двор, со всех сторон окруженный зданиями, фасады которых были вписаны во все четыре улицы квартала. По двору бродили различные животные, принадлежавшие воинам, жившим в этих зданиях. Весь двор зарос желтой мшистой растительностью, покрывавшей вообще почти всю поверхность Марса, а многочисленные фонтаны, статуи, скамьи и беседки свидетельствовали о былой красоте двора в стародавние времена, когда его наполняли златоволосые смеющиеся люди, изгнанные жестокими и непреклонными космическими законами не только из их жилищ, но и вообще из жизни, оставив лишь воспоминания о них в сказочных легендах их потомков.

Легко было представить себе пышную листву роскошной марсианской растительности, некогда оживлявшей своими красками и шелестом листьев это место, грациозные фигуры женщин, стройных и красивых мужчин, счастливых резвящихся детей — все это в лучах солнца, радости и мира. На смену их эпохе пришли века мрака, жестокости и невежества, пока наследственность вновь не проявила себя в этой смешанной расе, которая теперь преобладала на Марсе.

Мои мысли были прерваны появлением нескольких молодых женщин, нагруженных оружием, шелковыми покрывалами, мехами, драгоценностями, кухонными принадлежностями и ящиками с провизией и напитками, включая значительную добычу с воздушного корабля. По-видимому, все это принадлежало двум убитым мною вождям и теперь, по обычаю тарков, перешло ко мне. По моим указаниям они сложили вещи в одной из задних комнат и ушли, но вскоре вернулись с новым грузом и сообщили, что все это моя собственность. Во второй раз с ними явилось не менее десяти или пятнадцати других женщин и юношей, вероятно, составлявших свиту обоих вождей.

Это не были ни их родные, ни жены, ни слуги. Зеленые марсиане не связаны родственными узами. Между ними сложились своеобразные отношения, так мало похожие на что-либо, известное нам, что их даже трудно объяснить. Всем имуществом у марсиан владеет община. Каждый зеленый может назвать бесспорно своими только личное оружие, украшения, шелковые и меховые одеяла, не имея права накапливать их больше, чем это действительно необходимо. Лишние же вещи передаются младшим членам общины.

Свита вождя составляет нечто вроде военной единицы, за которую он отвечает, заботится об обучении, содержании и дисциплине, следит за постоянными отлучками и бесконечными стычками с другими общинами и красными марсианами. Женщин вождя никоим образом нельзя назвать его женами. У них вообще нет в языке слова «жена»! Им неведомы чувства радости и любви. Веками, следуя традициям, в них убивали душу, дружеские отношения, насаждая взамен трезвый расчет совета вождей, который руководил воспроизведением потомства. Дикий обычай учитывал лишь интересы общины, лишая их права естественного выбора и формируя из них холодных жестоких созданий.

Зная, что должен принять на себя ответственность за всю эту компанию, хочу я этого или нет, я сделал все, что мог, и первым делом послал их устраиваться в верхних этажах, оставляя третий себе. Одной из девушек я поручил мою несложную кухню, другим же предложил вернуться к своим обычным занятиям. После этого я мало их видел, да и не стремился к общению.

Глава XIII

МАРСИАНСКИЙ ЯЗЫК ЛЮБВИ

После битвы с воздушными кораблями зеленые марсиане еще несколько дней оставались в городе, откладывая переезд в Тарк и ожидая возвращения кораблей. Даже столь воинственный народ, как они, не рисковал встретиться с противником посреди открытой равнины, обремененный новым поколением зеленых и захваченной добычей.

Заполняя вынужденную бездеятельность, Тарс Таркас познакомил меня со многими военными обычаями и приемами тарков, научил ездить верхом и обращаться с большими

животными, на которых разъезжали воины. Марсиане называли их тотами, и они были так же опасны и злы, как и их хозяева, но поддавались дрессировке и использовались как боевые лошади.

Мне достались два тотта от вождей, чьи знаки я носил, и вскоре я умел обращаться с ними не хуже здешних воинов. Управлять ими было достаточно просто: если тотты отказывались проворно повиноваться телепатическим приказаниям своих всадников, они получали сильнейший удар рукояткой пистолета между ушей. Если этого было мало, то удары повторялись до тех пор, пока животное не выполняло приказания или не сбрасывало седока. В последнем случае между человеком и животным начиналась схватка не на жизнь, а на смерть. Если человек оказывался достаточно ловким и метким стрелком, он оставался жив и снова ездил верхом, правда, уже на другом животном. Если же был слишком неповоротлив, то женщины подбирали его измятое и истерзанное тело и, согласно таркскому обычаю, сжигали его.

Мой опыт с Вулой побудил меня попытаться взять этих тоттов мягким обращением. Первым делом я доказал им, что меня не удастся сбросить, и даже несколько раз изрядно хватил между ушей, чтобы показать им свою власть и свое превосходство. Затем постепенно я приобрел их доверие совершенно так же, как делал это с моими земными скакунами. Я всегда был в дружбе с животными и обращался с ними мягко не только из симпатии к ним, но и потому, что это приводит к лучшим и более прочным результатам. В случае необходимости я мог бы лишить человека жизни с гораздо меньшими угрызениями совести, чем бедное, неразумное, безответное животное.

Через несколько дней мои тотты стали предметом удивления всей общины. Они ходили за мной как собаки, терлись об меня своими большими мордами, доказывая этим свое полное расположение ко мне, и так беспрекословно слушались малейшего приказания, что марсианские воины стали приписывать мне какую-то особую земную силу, неизвестную на Марсе.

— Чем вы околдовали их? — спросил меня однажды Тарс Таркас, видя, как я далеко засунул руку в огромную пасть одного из них, у которого застрял в зубах камешек, когда он пасся на мшистой траве нашего двора.

— Кротостью, — ответил я. — Вы видите, Тарс Таркас, более мягкие чувства тоже бывают иногда полезны даже для воина. В пылу битвы и в походе я могу быть уверен, что

мои тоты будут послушны мне, и это повышает мои боевые качества. Я лучший воин, благодаря тому, что я более добрый человек. Для остальных воинов и для всей общины было бы полезно усвоить в этом отношении мои приемы. Всего лишь несколько дней назад вы сами говорили мне, что не раз терпели поражения из-за их строптивого характера.

— Объясните мне, как вам это удалось, — единственное, что нашелся ответить Тарс Таркас.

И вот я, как можно подробнее, разъяснил свой способ дрессировки тоттов, и потом он заставил меня повторить все в присутствии Лоркаса Птомеля и собравшихся в полном составе воинов. С того дня началась новая жизнь для бедных животных, и, прежде чем мне пришлось покинуть тарков, я имел удовольствие любоваться целым эскадроном послушных, отлично вымуштрованных тоттов. Эффект точности и быстрого выполнения команд, достигнутый при военных упражнениях, оказался настолько разительным, что Лоркас Птомель поднес мне массивный золотой браслет с собственной ноги в знак признания моих заслуг перед общиной.

На седьмой день после битвы с воздушными кораблями мы снова выступили в поход по направлению к Тарку, так как возможность повторного нападения казалась крайне маловероятной.

В последние дни перед отъездом, занятый изучением военного искусства марсиан под руководством Тарса Таркаса, я мало виделся с Деей Торис. Когда я изредка заходил к ней, то не заставал, так как она прогуливалась с Солой по городу или осматривала различные здания по соседству с площадью. Я просил их не отходить далеко от площади, имея в виду опасность встречи с большими белыми обезьянами, свирепость которых я испытал на себе. Однако для опасения было сравнительно мало причин, так как Вула сопровождал их во всех прогулках, а Сола отлично владела всеми видами оружия.

Вечером, накануне отъезда, я встретил их, когда они приближались к площади по длинной ведущей с востока улице. Подойдя, я сказал Соле, что беру на себя ответственность за сохранность Дееи Торис. Затем я под каким-то предлогом отослал Солу домой. Я вполне доверял этой женщине, но почему-то мне хотелось остаться наедине с Деей Торис, которая олицетворяла для меня симпатию, дружбу, которых я был лишен с тех пор, как не был на Земле. Между нами было столько общих интересов, как будто мы родились под одной кровлей, а не на разных планетах, мчавшихся в

пространстве на расстоянии не менее сорока восьми миллионов миль друг от друга.

Мне хотелось, и я был почти уверен, что она чувствует это так же, как и я, так как при моем приближении растерянное и грустное выражение ее лица сменилось радостной улыбкой, и она приветствовала меня по обычаю марсиан, положив свою правую миниатюрную ручку мне на плечо.

— Саркойя сказала Соле, что вы сделали настоящим тарком, — сказала она, — и что я буду теперь видеть вас так же редко, как любого другого воина

— Саркойя первостатейная лгунья, — ответил я, — не смотря на то, что тарки так гордятся своей безупречной честностью.

Дея Торис рассмеялась:

— Я знала, что став членом общины, вы не перестанете быть моим другом. «Воин может изменить свои знаки, но не свое сердце» — гласит марсианская пословица.

— Мне кажется, они пытались разлучить нас, — продолжала она, — потому что, когда вы бывали свободны, одна из женщин Тарса Таркаса всегда под каким-нибудь предлогом уводила нас с Солой. Они брали меня с собой в подвалы, где я должна была помогать им смешивать этот ужасный радиевый порошок и изготавливать снаряды. Вы знаете, что эти работы должны проводиться при искусственном освещении, так как солнечный свет всегда вызывает взрывы. Вы заметили, что их пули взрываются, ударяя в какой-либо предмет? Ну так вот, наружная непрозрачная оболочка от удара пробивается и обнажает стеклянный цилиндр, почти сплошной и снабженный на переднем конце крупницей радиевого пороха. В тот миг, когда солнечный свет, хотя бы рассеянный, коснется этого пороха, он взрывается с силой, которой ничто не может противостоять. Если вам случится присутствовать при ночном сражении, вы заметите отсутствие этих взрывов, зато на следующее утро при восходе солнца все поле будет грохотать от взрывов выпущенных ночью пуль. Поэтому, как правило, ночью не применяют разрывных снарядов.

Я с интересом слушал объяснение Деи Торис об этой удивительной особенности марсианского оружия, но мысли мои были более заняты вопросом о ее судьбе. Меня несколько не удивило, что они старались прятать ее от меня, но я пришел в сильное негодование, узнав, что ее принуждают к тяжелой и опасной работе.

— А пришлось ли вам терпеть при этом еще какие-нибудь оскорбления, Дея Торис? — спросил я и, ожидая от-

вета, почувствовал, как приливает к лицу горячая кровь моих предков.

— Только в мелочах, Джон Картер, — ответила она. — Я выше оскорблений. Они знают, что я дочь тысячи джеддаков и могу проследить свою родословную без всяких пробелов до строителя первого великого канала, а они, не знающие даже собственных матерей, завидуют мне. В душе они ненавидят свою ужасную жизнь и срывают свою злобу на мне, зная, что мне доступно все то, чего они лишены, о чем им приходится только безнадежно мечтать. Пожалеем же их, мой вождь, ибо если даже нам суждено умереть от их рук, мы не можем отказать им в жалости, потому что мы выше их, и они это знают!

Если бы я знал значение слов «мой вождь», обращенных красной марсианской женщиной к мужчине, я был бы несказанно поражен, но смысл их открылся мне лишь много месяцев спустя. Да, мне многое предстояло познать на Барсуме!

— Мне кажется, что мудрость велит встречать судьбу с наибольшим достоинством, Дея Торис. Но тем не менее, я надеюсь добиться того, чтобы в ближайшее время ни один марсианин, будь он зеленый, красный, розовый или фиолетовый, не посмел даже косо взглянуть на вас, моя принцесса!

У Деи Торис при моих последних словах перехватило дыхание, она взглянула на меня своими большими прекрасными глазами, потом странно рассмеялась, причем на ее щеках появились две коварные ямочки, покачала головой и произнесла:

— Какое дитя! Великий воин — и все-таки малое неразумное дитя!

— Что я такого сделал? — спросил я, оторопев.

— Когда-нибудь вы узнаете, Джон Картер, если только мы останемся в живых. Но я вам не скажу. И я, дочь Мориса Каяка, сына Тардоса Морса, слушала вас без гнева, — закончила она.

Затем снова начала шутить и смеяться, подтрунивая над моей доблестью таркского воина, противоречащей моему доброму сердцу и природному добродушию.

— Мне кажется, — сказала она со смехом, — что, если вам придется случайно ранить врага, вы возьмете его к себе и будете ухаживать за ним, пока он не выздоровеет.

— На Земле мы именно так и поступаем, — ответил я. — По крайней мере, среди цивилизованных людей.

Мой ответ снова вызвал ее смех. Она не могла этого по-

нять, так как при всей своей нежности и женственности она все-таки была марсианкой, а марсианин всегда стремится к смерти врага, ведь это означает дележ его имущества между живыми.

Мне было очень любопытно узнать, что в моих словах и поступках повергло ее минуту назад в такое смущение, и я продолжал настаивать, чтобы она объяснила мне это.

— Нет! — воскликнула она, — хватит того, что вы это сказали, а я слушала. И если вы узнаете, Джон Картер, что я умерла, что, вероятно, случится раньше, чем дальняя луна двенадцать раз обойдет вокруг Барсума, то вспомните, что я слушала и... и что улыбалась.

Ее витиеватый ответ ничего не объяснил мне, и я продолжал настаивать. Но чем больше я уговаривал ее, тем решительнее она отклоняла мою просьбу, и я так и не добился вразумительного разъяснения.

Тем временем день уступил место ночи. Мы гуляли по длинной улице, освещенной двумя лунами Барсума, и Земля глядела на нас с высоты одним светящимся глазом. Мне казалось, что мы одни во всей вселенной, и эта мысль была мне приятна. Холод марсианской ночи заставил меня набросить на плечи Дею Торис мое шелковое покрывало. Когда моя рука на миг обняла ее, я почувствовал дрожь, охватившую все мое существо, какой я еще не испытывал, прикасаясь к кому-либо. И мне показалось, что она слегка прижалась ко мне, хотя я не был уверен в этом. Я только знал, что, когда моя рука задержалась на ее плече чуть дольше, чем это было нужно, чтобы накинуть покрывало, Дея Торис не отодвинулась от меня и ничего не сказала. Так в молчании шествовали мы по поверхности умирающего мира, но в груди, по крайней мере, одного из нас, горело чувство, что всего старее, но все же вечно ново.

Я любил Дею Торис. Прикосновение моей руки к ее обнаженному плечу сказало мне это более ясно, и я понял, что полюбил ее с первого же мгновения, когда мой взор упал на нее на площади мертвого города Корада.

Глава XIV

БОРЬБА НАСМЕРТЬ

Моим первым порывом было сказать ей о моей любви, но потом я подумал о ее беспомощном положении и о том, что я один мог облегчить ей тяжесть плена и, по мере моих

сил, защищать ее от многочисленных врагов, в руках которых она оказалась, а ведь впереди был переезд в Тарк. Я не считал себя вправе доставить ей лишнее огорчение, сообщив ей о чувстве, которое она, по всей вероятности, не разделяла. Если бы я сделал это, то поставил бы ее в еще более тяжелое положение, нежели теперь, и мысль о том, что она может заподозрить, будто я хочу воспользоваться ее беспомощностью, чтобы воздействовать на ее волю, была последним доводом, заставившим меня промолчать.

— Как это вы так спокойны, Дея Торис? — спросил я. — Вам, вероятно, очень хочется вернуться к Соле?

— Нет, — прошептала она. — Я счастлива здесь, с вами. Я сама не понимаю, отчего мне всегда хорошо, когда вы, Джон Картер, находитесь подле меня. Тогда мне кажется, что я в безопасности, и что с вами я скоро снова буду при дворе моего отца, почувствую объятия его мощных рук и поцелуи моей матери на щеках.

— Разве барсумцы целуются? — спросил я, когда она произнесла эти слова, как бы отвечая на свою мысль, а не на мои слова.

— Родные, братья, сестры и, — она добавила это слово задумчиво и тихо, — влюбленные.

— А у вас, Дея Торис, есть родные, братья и сестры?

— Да.

— А возлюбленный?

Она молчала, и я не решился повторить вопрос.

— Барсумцы, — произнесла она наконец, — никогда не задают прямых вопросов женщинам, за исключением матери или той, за которую они сражались и которую добыли в бою.

— Но ведь я сражался... — тут я замолк и пожалел, что мне никто не отрезал при этом язык.

В то самое мгновение, как я умолк, она поднялась со своего места, скинула с плеч мои шелка, подала их мне и, не произнеся ни слова, удалилась походкой королевы по направлению к своему дому.

Я не посмел проводить ее, только глазами следил за ней и убедился, что она невредимой вернулась к себе, потом приказал Вуле сторожить ее и глубоко огорченный вернулся в собственную комнату. Несколько часов я мрачно просидел, скрестив ноги, погруженный в думы о том, как зло шутит судьба над бедными смертными.

Так вот она, любовь! Она обходила меня в течение всех тех долгих лет, когда я колесил по всем пяти материкам и окружающим их океанам; вопреки красоте женщин и благо-

приятствовавшим мне обстоятельствам, вопреки жившей в моей душе тоске по любви и постоянным поискам, в надежде обрести ее, — мне суждено было полюбить, безумно и безнадежно, существо другого мира, с лицом, быть может, несколько схожим, но не одинаковым с моим. Женщину, которая вылупилась из яйца, и чья жизнь длится добрую тысячу наших земных лет, у народа которой странные привычки и обычаи, женщину, чьи помыслы, чьи удовольствия, понятия о чести, справедливости и несправедливости столь же отличны от моих понятий об этих вещах, как и от понятий зеленых марсиан.

Да, я был безумцем, но я был влюблен, и, хотя испытывал величайшие муки, каким я когда-либо в жизни подвергался, я не хотел расстаться с ними даже за все богатство барсумцев.

Для меня Дея Торис была олицетворенным совершенством одухотворенности, красоты, доброты и благородства. Я верил в это всем сердцем и всей душой в ту ночь в Кораде, когда я сидел, поджав ноги на шелках, а меньшая луна Барсума быстро склонялась к востоку, отражаясь в мраморе, золоте и драгоценных камнях мозаики моей древней как мир комнаты; и я верю в это сегодня, когда сижу у моей конторки в маленьком рабочем кабинете над рекой Гудзон. С тех пор прошло двадцать лет; в течение десяти из них я жил и боролся за Дею Торис и ее народ, а другие десять протекли для меня под знаком памяти о ней.

То утро, когда мы выступили в Тарк, было ясным и теплым, как и всегда на Марсе, кроме шести недель, когда на полюсах тает снег. Я нашел повозку Деи Торис в веренице отъезжающих, но она повернулась ко мне спиной, и я видел, как краска залила ее щеки. С глупой неосмотрительностью я постарался сохранять спокойствие; вместо того, чтобы попытаться убедить ее, что я не знал, что оскорбил ее, и, таким образом, хоть как-то объяснить свои слова и поступки, я счел своим долгом удостовериться, удобно ли ее устроили и, войдя в повозку, с ужасом увидел, что она прикована тяжелой цепью к боковой стенке.

— Что это значит? — вскричал я, обращаясь к Соле.

— Саркойя решила, что так будет лучше, — ответила та, и лицо ее выразило полное несогласие с этой ненужной жестокостью.

Осмотрев цепь, я обнаружил на ее конце замок.

— Где ключ от него, Сола? Дай мне его.

— Ключ у Саркойи, Джон Картер, — ответила она.

Не говоря ни слова, я пошел прочь от них и разыскал

Тарса Таркаса, которому стал убедительно доказывать бессмысленность этой жестокой меры по отношению к Дее Торис.

— Джон Картер,— отвечал он мне,— если вам и Дее Торис удастся когда-либо вырваться из рук тарков, то это произойдет во время нынешнего путешествия. Мы знаем, что вы не уйдете без нее. Вы доказали нам, что вы великий боец, и мы не хотим заковывать вас оттого, что мы можем удержать вас обоих куда более легким путем, более верным и более безопасным. Я все сказал.

Я понял, что его рассуждения вполне логичны и бесполезно разубеждать его, но попросил, чтобы ключ от замка был не у Саркойи, и чтобы она не досаждала в будущем пленнице.

— Вы, Тарс Таркас, можете сделать это для меня, потому что я испытываю к вам чувство искренней дружбы.

— Дружбы? — повторил он.— Не верю, Джон Картер, но пусть будет по вашему. Я распоряжусь, чтобы Саркойя не надоедала девушке и возьму ключ себе.

— Если только вы не согласитесь, чтобы я взял ответственность на себя,— сказал я, смеясь.

Прежде, чем ответить, он пристально и долго поглядел на меня.

— Если вы дадите мне слово, что ни вы, ни Дея Торис не станете пытаться бежать раньше, чем мы благополучно доберемся до владений Тала Хаджуса, я отдам вам ключ, а цепь брошу в реку Исс.

— Пусть лучше ключ останется у вас, Тарс Таркас,— ответил я.

Он улыбнулся и не сказал ни слова в ответ, но в эту же ночь я видел, как он собственноручно освободил Дею Торис от оков.

При всей холодности и жестокости в Тарсе Таркасе было, казалось, и нечто другое, какое-то чувство, которое он силился подавить в себе. Быть может, это был проснувшийся человеческий инстинкт, скрытый глубоко в его душе, но терзающий его мыслью об ужасном пути, выбранном его народом!

Когда я подошел к повозке Деи Торис, то прошел мимо Саркойи, и тяжелый, злобный взгляд, который она кинула на меня, был сладким бальзамом для меня. Боже, как она меня ненавидела! Ее взгляд, будь он мечом, пронзил бы меня насмерть!

Немного спустя я увидел, что она беседует с воином по имени Цад, невысоким, плотным и здоровенным грубияном,

который, однако, еще не убил ни одного из своих вождей и был поэтому смадом, то есть мужем с одним именем; второе имя он мог получить, только завоевав оружие какого-либо вождя. Таков обычай, который и меня наградил именами вождей, павших от моей руки, и в самом деле, многие воины называли меня Дотор Соджет — прозвищем, составленным из имен двух вождей, которых я убил в равном бою.

Пока Саркойя говорила, он бросал в мою сторону быстрые взгляды, а она в это время, казалось, уговаривала его что-то сделать. Тогда я не придавал этому значения, но на следующий день получил повод вспомнить их разговор и, вместе с тем, понял глубину ненависти Саркойи и ее жажду мщения.

Дея Торис в этот вечер не захотела видеть меня, и когда я позвал ее по имени, даже не обернулась ко мне, не сказала ни слова, а сделала вид, будто меня не существует. В отчаянии я поступил так же, как поступает большинство влюбленных — я попытался заговорить о ней с кем-нибудь из близких ей. И, конечно, это была Сола, которую я разыскал в другой части лагеря.

— Что случилось с Деей Торис? — торопливо спросил я ее. — Почему она не хочет говорить со мной?

Сола и сама, казалось, была в замешательстве, как будто бы странные поступки двух человеческих существ были недоступны ее пониманию, и так оно в действительности и было.

— Она говорит, что вы рассердили ее, и больше она ничего не хочет сказать, кроме того, что она дочь джеда, и что ее унизило существо, недостойное чистить зубы у соража ее бабки.

Я помолчал несколько мгновений, потом спросил:

— Кто такой сораж, Сола?

— Небольшой зверек, величиной, примерно, с мою руку, с которым любят иногда играть красные женщины, — объяснила Сола.

Недостоин чистить зубы у кошки ее бабки! Я подумал, что стою довольно низко в глазах прекрасной Деи Торис! Но потом не мог удержаться от смеха, вспомнив совсем земное и почти домашнее сравнение, от которого повеяло каким-то теплом. Я вдруг резко ощутил тоску по родине, родному дому, так это было похоже на наше — «недостоин чистить ее ботинки». И вслед за этим потянулась вереница новых для меня мыслей. Я с изумлением стал думать о том, что делают люди у себя дома, на Земле. Я не видел их уже много лет. В Виргинии было семейство Картеров, состояв-

шее со мной в дружеских отношениях; меня считали там двоюродным дедушкой или кем-то вроде этого. Я мог пробыть в отсутствии двадцать или тридцать лет, и то, что меня с моими мыслями и чувствами мальчишки могли считать дедушкой, хотя бы и двоюродным, казалось мне величайшей нелепостью. У этих Картеров было двое младенцев, которых я очень любил, и которые были убеждены, что на Земле нет никого, кто мог бы сравниться с дядей Картером; я видел их перед собой так же ясно, как видел себя, стоящим под небом Барсума, и я тосковал по ним, как не тосковал еще ни по одному из смертных. Я был скитальцем от природы и не знал, что значит слово «дом», и все же, когда произносил это слово, в моей памяти всплывала большая комната в доме Картеров, к ней-то и обратилось теперь мое сердце от холодных и враждебных существ, к которым я попал. Ведь меня презирает даже Дея Торис! Я был низшим существом, настолько низшим, что был даже недостойн чистить зубы у кошки ее бабки! Но здесь мне на помощь пришло мое врожденное чувство юмора, и я, смеясь, вернулся к себе, на свои шелка и меха, и уснул под многолунным небом крепким сном усталого и здорового воина.

На следующий день мы рано пустились в путь и за весь день до самого наступления темноты сделали только один привал. Однообразие нашего путешествия нарушили два события. Около полудня мы заметили по правую руку от нас нечто, очень похожее на инкубатор, и Лоркас Птомель послал Тарса Таркаса обследовать его. Прихватив с собой дюжину воинов, мы понеслись через лежавший бархатистым ковром мох к небольшой загородке.

Это действительно был инкубатор, но яйца в нем были очень малы по сравнению с теми, которые я увидел по моем прибытии на Марс. Тарс Таркас внимательно оглядел загородку, потому заявил, что они принадлежат зеленым людям варуна, и что цемент стены едва высох.

— Их отделяет от нас не более одного дня пути,— воскликнул он, и воинственный пыл отразился на его свирепом лице.

Воины быстро пробили брешь в стене, и несколько человек, проникнув внутрь, поразбивали все яйца своими короткими мечами. Потом мы снова сели верхом и присоединились к нашему каравану. Пока мы ехали обратно, я улучил момент и спросил Тарса Таркаса, меньших ли размеров эти варуны, чьи яйца мы разбили, нежели тарки.

— Дело в том, что их яйца много меньше, чем те, которые я видел в вашем инкубаторе,— добавил я.

Он объяснил мне, что яйца были только что принесены сюда. Как и все яйца зеленых марсиан, они растут в течение пятилетнего инкубационного периода, пока не достигнут размеров тех яиц, которые я видел в день моего прибытия на Марс. Мне было интересно узнать это, потому что я никак не мог понять, каким образом зеленые марсианки могут при своих размерах производить на свет огромные яйца, вроде тех, из которых при мне выходили четырехфунтовые младенцы. Оказывается, только что снесенное яйцо лишь немного больше гусиного, и пока оно не начало расти, будучи подставленным под солнечные лучи, для вождей не составляет труда перенести сразу несколько сот яиц из крытых складов в инкубатор.

Вскоре после происшествия с яйцами варунов мы остановились, и во время этой остановки произошло второе значительное для меня событие того дня. Я был занят снаряжением — перекладывал седло с одного тота на другого, так как делил между ними дневной путь, — когда ко мне приблизился Цад и, не говоря ни слова, нанес моему бедному животному ужасный удар своим длинным мечом.

Мне не надо было справляться с правилами марсианского хорошего тона, чтобы узнать, как ответить, потому что я был так зол, что мне стоило большого труда заставить себя не воспользоваться револьвером и не уложить его на месте одним выстрелом; но он стоял передо мной в выжидающей позе с обнаженным длинным мечом, и я решил вытащить свой меч и сойтись с ним в честном бою, приняв, по правилам, выбранное им оружие или даже меньшее.

Последнее считалось вполне допустимым, и я мог воспользоваться коротким мечом, кинжалом, топором или кулаками, если бы так решил, и поступил бы вполне законно, но я только не мог прибегнуть к огнестрельному оружию или копью, так как он стоял передо мной с одним длинным мечом.

Я избрал то же оружие, что и он, так как знал, что он гордится своим умением управляться с ним, а проигранный бой означал мою смерть. Схватка была долгой, и мы на добрый час задержали нашу колонну. Все, кто только был в караване, окружили нас, оставив для боя круг шагов в сто в диаметре.

Цад сначала попытался броситься на меня, как бык бросается на волка, но я был слишком быстр и ловок для него и всякий раз уворачивался от его ударов, встречая их своим мечом и изредка задевая его бока. Вскоре тело его покрылось дюжиной кровоточащих ран, но я никак не мог улучшить мо-

мент, чтобы нанести ему решающий удар. Тогда он изменил тактику и стал осторожен и чрезвычайно ловок, стараясь мастерством достичь того, что ему не удалось добиться бешеным натиском. Я должен сознаться, что он был превосходным бойцом, и не будь я так вынослив и не обладай той изумительной подвижностью, которую мне придала меньшая сила притяжения на Марсе, я не в состоянии был бы выиграть этот бой.

Мы довольно долго кружили, не причиняя друг другу заметного вреда, и наши длинные мечи сверкали в солнечных лучах. Наконец Цад, который начал уставать, решил, по-видимому, ускорить развязку боя в свою пользу; но в то самое мгновение, когда он ринулся на меня, в мои глаза ударил и ослепил луч света, так что я не мог видеть Цада, а только интуитивно отскочил в сторону, увернувшись от мощного удара, который я, казалось, уже чувствовал. Это удалось мне лишь отчасти, так как острая боль пронзила левое плечо; когда же я оглянулся, ища противника, мой взгляд уловил три фигуры, стоящие во весь рост в повозке Деи Торис и наблюдающие бой поверх голов окружавших нас тарков. Это были Дея Торис, Сола и Саркойя. То, что я увидел в тот миг, я буду помнить до самого смертного часа.

Обернувшись к Саркойе, Дея Торис с яростью юной тигрицы вырвала что-то из ее высоко поднятых рук, что-то, ярко блеснувшее на солнце. Тут я догадался, что ослепило меня в опаснейшую минуту боя, понял также и то, каким образом Саркойя сумела найти способ погубить меня, сама не нанося последнего удара. Когда Дея Торис вырвала из рук Саркойи зеркало, лицо последней потемнело от ярости, и, выхватив кинжал, она занесла его над моей любимой. Тогда Сола, наша дорогая верная Сола, бросилась между ними. Последнее, что я видел, был большой нож, опускающийся на ее грудь, прикрывающую Дею Торис.

Наблюдая за женщинами, я задержал на них свой взгляд, что чуть не погубило меня. Мой неприятель развернулся после удара ко мне лицом и стал наседать на меня, так что мне пришлось вновь все свое внимание сосредоточить на схватке, но тревожные мысли о жизни девушек завладели мною.

Мы яростно бросались друг на друга, пока, почувствовав у своей груди его меч, удара которого я не мог избежать, я не предпринял отчаянный выпад вперед всем своим телом, направив меч в вытянутой руке в его грудь. Последний удар, хоть и суждено мне было умереть, должен был по-

разить моего противника. Я ощутил, как сталь вонзилась в мою грудь, в глазах у меня потемнело, голова закружилась, и я потерял сознание.

Глава XV

СОЛА

Когда сознание вернулось ко мне, и мне сказали, что я только одно мгновение лежал без чувств, я сразу же вскочил на ноги в поисках меча. Я нашел его торчащим из зеленой груди Цада, который лежал мертвым на мху цвета охры, покрывающем высохшее морское дно. Осмотрев себя, я обнаружил, что его меч пронзил левую половину моей груди, но задел только мышцы, покрывающие ребра, вошел в мою грудь и вышел ниже плеча. Нанося удар, я повернулся так, что его меч прошел через мягкие ткани, причинив болезненную, но не смертельную рану.

Я вытащил его меч из своего тела, а мой из его, и, не обращая внимания на одобрительный ропот марсиан, направился к повозкам. Окровавленный и обессиленный, я добрался до женщин, которые, будучи привычны к такого рода происшествиям, перевязали мои раны и приложили к ним те изумительные целебные средства, которые излечивают самые ужасные раны, если они не смертельны. Даже смерть порой отступает перед искусством и опытом марсианок. Я потерял много крови, но вскоре, благодаря их лечению, не испытывал никакого беспокойства от страшного удара, кроме слабости. А на Земле мне наверняка пришлось бы пролежать в постели много дней.

Как только они отпустили меня, я поспешил к повозке Деи Торис, где увидел мою бедную Солу с перевязанной грудью, но, по-видимому, не сильно пострадавшую в стычке с Саркойей: кинжал ударился в одно из металлических украшений, которые она носила на груди, скользнул в сторону и только слегка задел ее тело, нанеся ей пустяшную царапину.

Я нашел Дею Торис лежащей навзничь на шелках, и все ее хрупкое тело содрогалось от рыданий. Она не обратила внимания на мое появление и не слышала моего разговора с Солой, стоявшей совсем близко от повозки.

— Ее обидел кто-нибудь? — спросил я Солу, указав кивком головы на Дею Торис.

— Нет, — ответила она, — бедняжка думает, что вы погибли.

— И что некому чистить зубы у кошки ее бабушки? — спросил я, улыбаясь.

— Я думаю, что вы несправедливы к ней, Джон Картер, — сказала Сола, — Я не понимаю ни вашего, ни ее поведения, но только думаю, что дочь тысячи джеддаков никогда не стала бы оплакивать таким образом гибель существа, которое она считает ниже себя, или кого-нибудь, к кому она не относилась бы с величайшим уважением. Она принадлежит к гордой породе, и вы, наверное, сильно оскорбили или обидели ее, раз она не хотела обращать на вас внимания, когда вы заговаривали с ней.

— Не так часто приходится видеть слезы на глазах у барсумцев, — продолжала она, — и поэтому мне так трудно объяснить, что они могут значить. За всю свою жизнь я видела только два плакавших существа, помимо Ден Торис: одно из них плакало от горя, другое — от ненашедшей выхода ярости. Первой была моя мать, много лет назад, перед тем, как они убили ее, второй была Саркойя, когда они сегодня оторвали ее от меня.

— Ваша мать! — воскликнул я. — Но, Сола, вы ведь не могли знать ее, дитя!

— Я знала ее. И я знаю моего отца, — добавила она. — Если вы хотите услышать необычную и совсем не барсумскую историю, приходите сегодня вечером в нашу повозку, Джон Картер, и я расскажу вам то, о чем я за всю мою жизнь никому еще не говорила. А теперь уже подан знак выступать в поход. Вам надо идти.

— Я приду вечером, Сола, — пообещал я. — Передайте Дее Торис, что я жив и вполне здоров. Я не стану надоедать ей и не подам вида, что видел ее слезы. Если она захочет видеть меня — я немедленно явлюсь на ее зов.

Сола вошла в повозку, которая сразу заняла свое место в ряду других, а я поспешил к ожидавшему меня тоту и тоже помчался вскачь на свое место подле Тарса Таркаса в арвергарде колонны.

Мы представляли собой чрезвычайно внушительное и способное нагнать страх зрелище, двигаясь по желтому пейзажу таким образом: двести пятьдесят разукрашенных и пестро размалеванных повозок, впереди которых ехали верхом двести воинов и вождей, по пять в ряд, на расстоянии ста футов, и сзади такое же количество воинов, в том же порядке. Фланги прикрывали с каждой стороны не менее двадцати воинов; пятьдесят могучих мастодонтов-тяжеловозов, называемых марсианами зитидарами, и пять или шесть сотен тотов свободно бежали внутри четырехуголь-

ника, образуемого всадниками. Блеск металлических украшений и драгоценностей мужчин и женщин, пышная и сверкающая сбруя животных, яркие краски великолепных мехов, шелков и перьев сообщали нашему каравану такой роскошный вид, что любому индусскому магаарадже впору было позеленеть от зависти.

Огромные широкие колеса повозок и тяжелые ступни животных не производили ни малейшего шума на покрытом мхом дне моря; мы продвигались вперед в полной тишине, подобно некоему видению, кроме тех мгновений, когда молчание нарушалось гортанным ворчанием подгоняемого зитидара или криками дерущихся тоттов. Зеленые марсиане говорят очень мало, и то только односложно и тихо, и речь их подобна грохоту отдаленного грома.

Мы шли поросшей мхом пустыней, где не было видно никаких следов, потому что, едва колесо или ступившая нога перемещались дальше, примятый под их давлением мох тут же поднимался. Мы казались духами умерших в этом мертвом море умирающей планеты, так незаметно и неслышно передвигалась наша колонна. Впервые в жизни я видел большой отряд, движущийся в тишине и не поднимающий за собой клубы пыли. На Марсе вообще почти нет пыли, разве что на небольших обитаемых и обрабатываемых площадях, и то только в зимние месяцы, когда дуют сильные ветра.

Вечером мы остановились у подножия холмов, до которых добирались два дня. Это была южная граница сухого моря. Наши удивительные животные уже два дня обходились без питья, а до этого им пришлось жить без воды целых два месяца, с тех пор, как они покинули Тарк, но, как мне объяснил Тарс Таркас, они восполняют ее отсутствие, питаясь мхом, который покрывает Барсум и содержит, по его словам, достаточно сока, необходимого неприхотливым существам.

Поужинав куском пищи, похожей на сыр, и растительным молоком, я отправился к Соле и нашел ее работающей при свете факела над сбруей тотта Тарса Таркаса. Она взглянула на меня, когда я подошел к ней, и лицо ее осветилось радостью.

— Я рада, что вы пришли, — сказала она, — Дея Торис спит, и я одна. Мои соплеменники мало общаются со мной, Джон Картер, я слишком непохожа на них на всех. У меня невеселая судьба — прожить с ними всю жизнь. И мне часто хотелось быть обыкновенной зеленой марсианкой, не знаю-

щей ни любви, ни надежды, но я узнала любовь — я должна погибнуть.

— Я обещала вам рассказать мою историю, вернее, историю моих родителей. Я знаю вас и жизнь вашего народа, и я убеждена, что мой рассказ не покажется вам слишком диким, но, сколько может помнить самый старый из тарков, ничего похожего не случилось среди зеленых марсиан, и даже в наших легендах нет ничего подобного.

— Моя мать была очень невелика ростом. Она была так мала, что вожди не сочли возможным поручить ей деторождение, оттого что они выбирают матерей, главным образом, по росту. Она была также менее холодна и жестока среди большинства марсианок, и не находя удовольствия в их обществе, часто бродила одна по пустынным улицам Тарка или сидела среди цветов, покрывающих расположенные близ города холмы, мечтала и думала о разных вещах, которые, как мне кажется, из всех зеленых женщин могу понять лишь я одна, потому что я дочь своей матери!

— И здесь, среди холмов, она повстречала молодого воина, в обязанности которого входило стеречь пасущихся зитидаров и тотов, следить, чтобы они не убежали за линию холмов. Поначалу они говорили только о таких вещах, которые занимают большинство тарков, но, мало-помалу, по мере того, как они все чаще встречались, не случайно, как теперь уже стало ясно для обоих, они заговорили о самих себе, о своих желаниях, надеждах, мечтах. Она доверилась ему и поведала о том ужасном отвращении, которое внушала ей жестокость ее народа и самая мысль об отвратительной жизни без любви, без привязанности, и, сказав ему все это, она ожидала, что с его холодных жестоких губ сорвутся слова презрения и злобы, но вместо этого он обнял ее и поцеловал.

— Целых шесть лет они скрывали ото всех свою любовь. Она, моя мать, принадлежала к свите великого Тала Хаджуса, а ее возлюбленный был простым воином. Если бы стало известно, что они преступили законы и обычаи тарков, они погибли бы оба на большой арене на глазах Тала Хаджуса и несметной толпы.

— Яйцо, из которого появилась на свет я, было спрятано под большим стеклянным сосудом в самом высоком и недоступном из полуразрушенных замков древнего Тарка. Моя мать навещала его раз в год все пять лет, которые длится инкубационный процесс. Она не решалась приходить чаще, потому что боялась, что ее выследят. За это время мой отец успел выдвинуться и получил оружие многих вождей.

Его любовь к моей матери не стала меньше, и единственной целью его жизни было добыть оружие самого Тала Хаджуса и стать владыкой всех тарков, получив право назвать ее своей; он хотел также, благодаря своей власти, иметь возможность покровительствовать своему ребенку, который был бы убит, если бы только узнали правду.

— Добыть оружие Тала Хаджуса за пять коротких лет — безумная мечта, но успехи его были очень велики, и он скоро занял видное место в совете тарков. Но однажды надежды его были разбиты навсегда, по крайней мере, по части спасения тех, кого он любил: его назначили в далекую экспедицию на покрытый льдами юг, чтобы вести войну против местных жителей и захватить у них меха, потому что в обычае у зеленых барсумцев — не тратить сил на то, что можно отобрать у других народов.

— Его отправили на пять лет, и когда он вернулся, прошло уже три года, как все было кончено. Около года спустя, после его отъезда и незадолго до возвращения экспедиции, отправившейся за детьми из общественного инкубатора, яйцо вскрылось. Моя мать оставила меня в старом замке, еженощно навещала меня и расточала мне все те ласки, которых я лишена при жизни в нашем обществе. Она надеялась, что когда экспедиция будет возвращаться из инкубатора, ей удастся спрятать меня в толпе детей, предназначенных ко двору Тала Хаджуса, и избежать судьбы, которая, без сомнения, должна была последовать за открытием ее преступления против древних обычаев зеленых людей.

— Она наскоро обучила меня языку и обычаям тарков и однажды ночью рассказала мне ту самую историю своей любви, которую я сейчас поведала вам, стараясь внушить мне необходимость полной тайны и величайшей осторожности, которую я должна буду соблюдать, когда окажусь вместе с другими юными тарками, чтобы никто не мог догадаться, что я знаю больше, нежели они, чтобы я ни словом, ни движением не обнаружила своего чувства к ней или того, что я знаю, кто мои родители; потом, крепко прижавшись ко мне, она прошептала имя моего отца.

— Вдруг сверкнул свет и в комнате перед нами предстала Саркойя, пристально смотрящая своими злобными блестящими глазами на мою мать. Злоба и ненависть, исходившие от нее, заставили сжаться мое юное сердце. Очевидно, она слышала весь рассказ моей матери и давно уже подозревала мою мать, обнаружив ее долгие отлучки и место, где она проводила ночи.

— Она не слышала только одного — имени моего отца. Это стало ясно из ее настойчивых требований, обращенных к моей матери, назвать имя того, с кем она согрешила, но никакие угрозы не могли вырвать его у той, и, чтобы спасти меня от неизбежных пыток, она солгала, сказав Саркойе, что она одна знает его имя и никогда не сказала бы его ребенку.

— Еще раз пригрозив ей, Саркойя поспешила к Талу Хаджусу, чтобы известить его о своем открытии, и едва она вышла, как моя мать завернула меня в шелка и меха своей ночной одежды, так что меня с трудом можно было заметить, вышла из здания и побежала к южной окраине города, в ту сторону, где находился мужчина, к чьей помощи она не могла взывать, но чье лицо ей хотелось увидеть еще раз перед смертью.

— Когда мы приблизились к южной окраине города, мы услышали шум со стороны единственного прохода, который ведет через дальние холмы и которым пользуются отряды, идущие с юга, севера, востока и запада. В шуме, который долетел до нас, мы уловили крики тотов и рев зитидаров, к ним примешивалось бряцание оружие. Первой мыслью моей матери было, что это отец возвращается из своей экспедиции, но она знала тарков, и это удержало ее от опрометчивых действий.

— Спрятавшись в тени арки, она ждала, когда кавалькада поравняется с ней. В этот момент меньшая луна осветила своим волшебным светом переднюю часть процессии. Стоя в спасительной тени, она увидела, что это вовсе не экспедиция, с которой отправился отец, а отряд воинов, сопровождающий повозки с малышами, извлеченными из инкубатора. В мгновение ока она приняла решение, а когда большая повозка поравнялась с нашим укрытием, она побежала рядом с ней, прячась в ее тени и страстно прижимая меня к своей груди.

— Она знала то, чего не знала я: что никогда уже ей не суждено больше ни обнять, ни увидеть меня. Когда на большой площади началась сутолока, она толкнула меня в толпу других детей, чьи стражи были рады, что настало мгновение, когда они могут снять с себя ответственность, лежавшую на них во время пути. Всех ввели в большую комнату, где нас приняли женщины, никогда до сих пор не видевшие и не сопровождавшие экспедицию, а на следующий день нас распределили по свитам отдельных вождей.

— Я никогда уже больше не видела моей матери. Тал Хаджус заключил ее в темницу и самыми ужасными и по-

зорными пытками добивался из ее уст имени моего отца, но она осталась тверда до самого конца и умерла под смех Тала Хаджуса и других вождей во время одной из пыток, которым ее подвергли.

Позднее я узнала, что она уверила их, будто убила меня, чтобы избавить меня от участи, подобной ее, а мое тело бросила белым обезьянам. Одна лишь Саркойя не поверила ей, и до сих пор я чувствую, что она подозревает истину моего происхождения, а также догадывается, я в этом убеждена, кто мой отец.

— Я присутствовала при том, как Тал Хаджус рассказывал ему после возвращения историю моей матери. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и ничем он не выдал своего волнения, он только не смеялся, когда Тал Хаджус весело описывал ее смертные муки. С этого мгновения он сделался жесточайшим из жестоких, и я жду того дня, когда он достигнет предела своих желаний и ударит ногой тело Тала Хаджуса, я убеждена, что он только ждет случая, чтобы ужасно отомстить ему, потому что любовь в его сердце так же сильна, как и сорок лет назад, когда она переродила его. И для меня это так же достоверно, как и то, что мы сейчас сидим здесь, у края древнего, как мир, моря, в то время, как все уже давно спят, Джон Картер...

— А ваш отец, Сола, он с вами и теперь? — спросил я.

— Да, — ответила она, — но он не знает, кто я, и не знает также, кто предал мою мать Талу Хаджусу. Я одна знаю имя моего отца, и только я, Тал Хаджус и Саркойя знаем, что это Саркойя пересказала Талу Хаджусу ту историю, которая принесла муки и смерть той, кого любил мой отец.

Мы молча сидели несколько мгновений, она погрузилась в мысли о своем ужасном прошлом, а я с сожалением думал о бедных созданиях, которых бессердечные, бесчувственные обычаи их народа обрекли на жизнь без любви, жизнь, полную жестокости и ненависти. Наконец она заговорила:

— Джон Картер, если когда-либо настоящий мужчина ступал по холодной и мертвой почве Барсума, этот мужчина — вы. Я знаю, что могу довериться вам, и, так как это может когда-либо помочь вам, Дее Торис и мне в случае крайней нужды, я назову вам имя моего отца и не стану ставить вам никаких условий, когда вы сможете им воспользоваться. Когда придет час, скажите привду, если вам покажется, что так будет лучше. Я верю вам. Это имя — Тарс Таркас!

Глава XVI

МЫ НАДЕЕМСЯ БЕЖАТЬ

Остальная часть нашего путешествия до Тарка протекала спокойно. Мы были в пути три недели, пересекли два морских дна и прошли поблизости развалин нескольких городов, по большей части меньших размеров, чем Корад. Дважды мы пересекали знаменитые водные пути, или каналы, как называют их наши земные астрономы. Приблизившись к ним, мы высылали вперед воина с подозрительной трубой и, если поблизости не было видно сильных отрядов красных марсиан, продвигались к ним, насколько возможно было это сделать, не будучи замеченными, и делали привал до наступления темноты, когда мы медленно приближались по полосе обработанных земель. Здесь мы выходили на одну из многочисленных широких шоссе дорог, которые пересекают на равных расстояниях населенные места, и тихонько, таясь, перебирались на другую сторону обработанных земель. Один из таких переходов продолжался пять часов без остановок, а другой отнял целую ночь, так что мы лишь едва переступили границу обработанных полей, когда солнце взошло над нами.

Так как переходы эти совершались в темноте, я почти не имел возможности разглядеть что-либо. Иногда меньшая луна, пробегающая по барсумским небесам, освещала ненадолго огороженные поля и низкие, неясно видимые дома, очень похожие на наши земные фермы. Здесь росло много деревьев, посаженных чрезвычайно планомерно, некоторые из них достигали невероятной высоты. Здесь были и животные в загонах, которые давали о себе знать испуганными криками и фырканием, учуяв наших странных и диких зверей и не менее диких человекоподобных тарков.

Только однажды я увидел человеческое существо, и было это на перекрестке нашего шоссе с широкой белой дорогой, которая прорезает вдоль полосу обработанных земель. Парень, должно быть, спал возле дороги, потому что когда я подошел к нему вплотную, он приподнялся на локте и, едва успев бросить взгляд на приближающийся караван, как безумный сбегал с дороги и перескочил ближнюю ограду со скоростью испуганной кошки. Тарки не обратили на него ни малейшего внимания, продолжая спокойно продвигаться вперед к следующим пустыням, граничащим с владениями Таала Хаджуса.

Я ни разу не говорил за это время с Деей Торис, потому

что она не соизволила позвать меня к себе в повозку, а моя безумная гордыня не позволяла мне самому предпринять какие-либо шаги к встрече. Я готов поверить, что успехи мужчины среди женщин обратно пропорциональны его отваге с мужчинами. Слабые и трусливые довольно часто ловко пленяют слабый пол, а отважные воины, которые умеют встретить лицом к лицу тысячу настоящих опасностей, пасуют в обществе женщин и ведут себя, как дети.

Ровно через месяц после моего прибытия на Барсум мы вступили в древний город Тарк, у забытого народа которого орда зеленых людей заимствовала даже имя. Тарки насчитывают около тридцати тысяч душ и делятся на двадцать пять общин. Во главе каждой общины стоит отдельный джед и подчиненные ему вожди, но все они подчиняются Талу Хаджусу, джеддаку Тарка. Пять общин располагаются в самом Тарке, а остальные занимают другие опустевшие города древнего Марса, расположенные в округе, подвластной Талу Хаджусу.

Мы вступили на большую городскую площадь около полудня. Возвратившуюся экспедицию никто не встретил восторженными приветствиями. Случайно попавшиеся на встречу называли по именам воинов и женщин, которых узнавали, и только тогда, когда стало известно, что экспедиция привела с собой двух пленных, к ней стали проявлять большой интерес, и Дея Торис и я сделались предметом общего любопытства.

Нам вскоре отвели помещение, и остаток дня был предоставлен нам для устройства на новом месте. Мой дом стоял на улице, выходящей на большую площадь с южной стороны и являвшейся главной улицей города, по которой мы вступили в него через ворота. Меня поместили в дальнем краю здания, предоставив целое крыло дома. Архитектура здесь была столь же величественна, как и в Кораде, даже, насколько это было возможно, еще богаче и роскошнее. Мои апартаменты были достойны величайшего из земных государей, но для этих странных существ имела значение только величина комнат и зданий; поэтому Тал Хаджус занимал дом, который, по всей вероятности, был некогда общественным зданием,— самый большой дом во всем городе, но вовсе не приспособленный для жилья. Следующее по величине здание занимал Лоркас Птомель, за ним джед ниже рангом и так далее, соответственно положению каждого из пяти джедов. Воины жили в том же здании, что и вождь, под чьим началом они находились. Впрочем, если они хотели, то могли занять любое из свободных зданий в той

части города, которая была отведена их общине. Выбор зданий ограничивался лишь общим распределением по городу, и только для джедов делалось исключение — они занимали здания, выходившие на большую городскую площадь.

Когда я наконец привел в порядок свои комнаты, вернее сказать, когда их привели в порядок под моим наблюдением, было уже недалеко до заката, и я поспешил выйти, чтобы разыскать Солу и водворить ее и ее вещи на место, переговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости перемирия со мной, пока я не найду возможности помочь ей бежать. Я тщетно искал ее до тех пор, пока последний краешек солнца не скрылся за горизонтом, и только тогда вдруг заметил уродливую морду Вулы, выглядывающую из окна второго этажа дома, находящегося на другой стороне той же улицы, где помещался и мой дом, но только поближе к площади.

Я не стал ждать приглашения, взбежал по винтовой лестнице, ведущей на второй этаж, и попал в большую комнату, окна которой выходили на улицу: Вула радостно бросился ко мне, чуть не повалив своим громадным телом. Он широко улыбался и, как мне показалось, готов был съесть меня от счастья. Я приласкал его и стал взглядываться в надвигающуюся темноту, чтобы отыскать хоть какой-нибудь след Деи Торис. Не видя ее, я позвал ее по имени. Из дальнего угла комнаты я услышал ответный шепот и, сделав несколько торопливых шагов, стоял уже подле нее, сидящей среди мехов и шелка на старинном резном кресле. Я молчал, тогда она встала во весь рост и спросила:

— Что нужно Дотору Соджету, тарку, от Деи Торис, его пленницы?

— Дея Торис, я не знаю, чем я оскорбил вас. Меньше всего я хотел обидеть или огорчить вас, когда я надеялся охранять и защищать. Забудьте обо мне потом, если таково ваше желание, но теперь помогите мне устроить ваш побег, если только он возможен, и об этом я не прошу, я приказываю. Когда вы снова будете у вашего отца, вы вольны поступить со мной, как вам будет угодно, но с этой минуты и до того самого часа, когда вы вернетесь к вашему отцу — я ваш господин, и вы должны слушаться меня и помогать мне.

Она внимательным и долгим взглядом посмотрела на меня, и мне показалось, что мои слова тронули ее.

— Я понимаю ваши слова, Дотор Соджет, — ответила она, — но вас я не понимаю. Вы странная помесь ребенка и

мужа, зверя и благородного существа. Я очень хотела бы читать в вашем сердце.

— Опустите глаза вниз, к вашим ногам, Дея Торис, оно лежит у ваших ног, там же, где оно лежало все время с той самой ночи в Кораде и где оно вечно хотело бы лежать и биться только для вас, пока смерть навсегда не остановит его.

Она слегка подвинулась по направлению ко мне и протянула свои руки, словно нащупывая что-то.

— Что вы хотите сказать этим, Джон Картер? — пролепетала она. — Что вы мне сказали?

— Я сказал то, что поклялся себе самому никогда не говорить вам, по крайней мере, до тех пор, пока вы не перестанете быть пленницей зеленых людей; то, что я не надеялся никогда сказать вам, судя по вашему обращению со мной в течение последних трех недель; я говорил, Дея Торис, что я ваш душой и телом, что я готов служить вам, сражаться за вас и умереть за вас. За это я прошу вас только об одном: пока вы снова не будете среди вашего народа, не надо ни согласия, ни отказа на то, что я вам сказал, и на ваши чувства по отношению ко мне, каковы бы они ни были, благодарность не должна оказывать влияния; то, что я хочу сделать для вас, я делаю из соображений чисто эгоистических, оттого, что мне приятно даже сама мысль о поступках, совершаемых ради вас.

— Я исполню ваше желание, Джон Картер, потому что понимаю, что побудило вас высказать его, и я столь же охотно принимаю вашу службу, как и признаю ваш авторитет; ваше слово будет законом для меня. Дважды в своих мыслях я была несправедлива к вам, и я прошу у вас за это прощения.

Наша дальнейшая беседа была прервана приходом Сола, которая была чрезвычайно взволнована и совсем не походила на спокойную и владеющую собой Солу.

— Это отвратительная Саркойя была у Тала Хаджуса, — воскликнула она, — и, судя по тому, что я слышала на площади, у вас мало шансов остаться в живых.

— Что они говорили? — спросила Дея Торис.

— Вас отдадут на растерзание диким калотам (псам) на большой арене, как только все общины соберутся для ежегодных игр.

— Сола, — сказал я, — вы принадлежите к племени тарков, но вы так же ненавидите нравы и обычаи вашего народа, как и мы. Не хотите ли вы примкнуть к нам и помочь нам бежать, а я вполне убежден в том, что Дея Торис может обеспечить вам кров и гостеприимство у своего народа, и ва-

ша доля там будет не хуже той, на которую вы обречены здесь.

— Да! — воскликнула Дея Торис. — Да, бежим с нами, Сола! Вам будет много лучше у красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать вам у нас не только кров и пищу, но и любовь и уважение, по которым вы так тоскуете, и которых навеки лишили вас законы и обычаи тарков. Едемте с нами, Сола! Мы могли бы бежать и без вас, но ваша судьба будет ужасна, если они заподозрят, что вы помогли нам. Я знаю, что страх не заставил бы вас бежать с нами, но мы хотим, чтобы вы с нами попали в страну, где светит солнце и где можно быть счастливым, к народу, которому ведомы любовь, привязанность и благодарность. Бегите с нами, Сола, скажите, что вы согласны!

— Великий водный путь, который ведет в Гелиум, лежит всего в пятидесяти милях к югу, — прошептала Сола почти про себя, — быстрый тот может пробежать это расстояние в течение трех часов, а до Гелиума останется пятьсот миль, главным образом, через малонаселенные места. Как только они узнают о бегстве, то пустятся в погоню. Мы могли бы спрятаться среди больших деревьев, но все же шансов бежать очень мало. Они будут преследовать нас до самых границ Гелиума, если не настигнут раньше, и тогда — только смерть! Вы не знаете их!

— А разве нет другого пути в Гелиум? — спросил я. — Быть может, вы в состоянии набросать нам приблизительный план тех мест, по которым мы должны проехать, Дея Торис?

— Хорошо, — ответила она, вынула из своих волос громадный бриллиант и начертила на мраморном полу первую карту Барсума, которую мне довелось увидеть. Во всех направлениях ее пересекали длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда собирающиеся в какой-либо точке, отмеченной кружком. Она сказала, что эти линии — водные пути, круги — города, а один из них, далеко на северо-западе от нас, был Гелиум. Были и другие города, ближе к нам, но она сказала, что боится входить во многие из них, так как не все они были в дружественных отношениях с Гелиумом.

Наконец, внимательно изучив карту при свете луны, залившей теперь всю комнату, я указал на один водный путь, расположенный далеко к северу от нас и который, по видимому, тоже вел в Гелиум.

— А этот канал тоже пересекает владения вашего отца? — спросил я.

— Да, — ответила она, — но он лежит в двухстах милях к северу от нас; это один из тех каналов, которые мы пересекли по пути в Тарк.

— Они ни за что не догадаются, что мы решили попытаться бежать этим длинным путем, — ответил я, — и вот почему я думаю, что он является лучшей дорогой для побега.

Сола согласилась со мной, и мы решили покинуть Тарк этой же ночью, как только я сумею найти и оседлать моих тотов. Соле предназначался один из них, а мне и Дее Торис — другой; каждый из нас должен был захватить еды и питья на два дня, так как животные не могли быстрее пройти такое большое расстояние.

Я предложил моим спутникам отправиться вместе по одной из наиболее пустынных улиц к южной окраине города, где я разыщу их, подготовив тотов как можно скорее; я оставил их в сборах еды, шелка и меха, необходимых в пути, и беспрепятственно выскользнул во двор, где, как всегда, паслись наши животные, неутомимо пощипывая мох.

В тени зданий, почти скрытые от сияния марсианских лун, двигались зитидары и тоты; первые глухо ворчали, а вторые время от времени пронзительно визжали, выражая этим бешеное раздражение, в котором они постоянно пребывают. Вдали от воинов они вели себя более спокойно, но когда почуяли меня, стали волноваться, и их отвратительный гам усилился. Решиться войти ночью в одиночку в загон тотов было нешуточным делом: во-первых, усилившийся шум мог привлечь внимание находившихся неподалеку воинов, а кроме того, в любое мгновение какой-нибудь огромный тот мог без всякого повода броситься на меня.

Я не имел никакого желания испытывать дурные свойства их характера, особенно в эту ночь, когда все зависело от соблюдения тишины и тайны, поэтому прятался в тени зданий, готовый в любое мгновение шмыгнуть в ближайшее окно или дверь. Так я потихоньку добрался до ворот, которые находились в глубине двора, и, приблизившись к ним, негромко позвал двух моих животных. Как я был благодарен провидению, которое надоумило меня заранее добиться любви и доверия этих диких безгласных зверей, и теперь я увидел, как из дальнего угла двора две громадные туши направлялись ко мне, пробираясь через своих собратьев.

Они подошли вплотную ко мне и стали тереться мордами о мое плечо, обнюхивая меня и ожидая куса лакомства, которое я обычно приносил им. Распахнув ворота, я приказал обоим животным пройти в них, а потом без особого

труда прикрыл за собой обе створки. Я не стал седлать тотов и не сел на них верхом, а пошел, прячась в тени зданий, по направлению к тому месту, где мы условились встретиться с беглянками. Подобно бесплотным духам, мы бесшумно передвигались вдоль пустынных улиц, и я вздохнул свободно лишь тогда, когда увидел равнину, расстилавшуюся за городом. Я был уверен, что Дее Торис и Соле не составит труда добраться до условленного места встречи, но мои огромные тоты могли привлечь чье-нибудь внимание, так как воины никогда не покидают города после наступления темноты; и в самом деле, им некуда ездить, кроме как в дальние путешествия.

Я благополучно добрался до места встречи, но так как Соле и Деи Торис там не было, я спрятал животных в передней комнате одного из больших зданий, стоящих на окраине. Я подумал, что к Соле, вероятно, пришла одна из женщин, живших в том же доме, и задержала их, и несколько не беспокоился, пока не прошел целый час, но еще через полчаса ожидания меня охватил ужасный страх. Потом я услышал в ночной тишине шум проходившего неподалеку отряда, который никак не мог быть моими спутниками, тайком пробирающимися ко мне, и из своего убежища я слышал несколько слов, пронзивших мое сердце и наполнивших меня отчаянием:

— Он, по-видимому, согласился встретиться с ними за пределами города.

Это было все, что я услышал, отряд прошел мимо меня. Но этого было достаточно. Наш план известен, и надежды избежать ужасного конца не было почти никакой. Моим единственным желанием было теперь вернуться незамеченным в дом Деи Торис и узнать, какая участь постигла ее, но как сделать это с огромными тотами, в особенности теперь, когда слухами о моем бегстве уже наполнился город? Это казалось невыполнимой задачей.

Внезапно меня осенила мысль: я знал планировку этих старинных зданий и городов на Марсе — середину каждого здания занимал большой крытый двор — туда я направился по темным комнатам, увлекая за собой моих тотов. Им было нелегко пролезть через некоторые двери, но здания, находившиеся на краю города, все без исключения были совершенно огромных размеров, и поэтому мои тоты, в конце концов, благополучно добрались до внутреннего двора. Я решил на время оставить их здесь, пока не найду возможности водворить их обратно в общее стадо. Я был убежден, что они будут здесь столь же спокойны, как и в любом другом

месте, так как и этот двор был покрыт необходимым для них мхом, а зеленые марсиане вряд ли их обнаружат, так как не любят посещать полуразрушенные отдаленные здания, которые часто служат приютом единственных существ, которые, как мне кажется, способны внушить им страх,— больших белых обезьян Барсума.

Я спрятал седла в дверной нише здания и, оставив животных, быстро выбрался на пролежавшую позади него улицу. Я подождал у дверей, пока не удостоверился, что поблизости никого нет, и быстро перебежал через улицу до дверей следующего здания. Таким образом я пересек квартал за кварталом, соблюдая осторожность, пока благополучно не добрался до двора дома Ден Торис.

Здесь я встретил тотых воинов, которые занимали соседние дома, значит, в здании я мог наткнуться и на их хозяев, но я поступил иначе. Я внимательно осмотрелся, пытаюсь мысленно представить, где находится ее комната, если смотреть со стороны двора, а потом воспользовался своей необычайной прыгучестью, совершив прыжок в окно второго этажа, через которое, как мне казалось, можно было проникнуть в ее комнату. Проникнув в здание, я, крадучись, и прижимаясь к стене, добрался до ее комнаты, но услышал незнакомые голоса, раздававшиеся в ней.

Я не стал врывать в комнату очертя голову, а сначала прислушался, чтобы убедиться, что это не враги и войти туда не представляет опасности. Я правильно поступил, приняв эту меру предосторожности, так как услышал и разобрал гортанные голоса мужчин, вовремя предупредившие меня. Говоривший был одним из вождей, и он давал указания четверым воинам.

— А когда он не встретится с ней на окраине города,— сказал он,— он вернется в эту комнату, и вы вчетвером наброситесь и обезоружите его. От вас потребуется напряжение всех ваших сил, чтобы сделать это, если то, что рассказывают вернувшиеся из Корада, верно. Когда вы накрепко его свяжете, снесите Джона Картера в темницу во дворе джедаков и наденьте на него оковы, чтобы его можно было привести, как только Тал Хаджус пожелает. Не позволяйте ему ни с кем говорить и никого не впускайте в эту комнату прежде, чем он вернется. Что девушка придет сюда, опасаться нечего, она сейчас в объятиях Тала Хаджуса, и пусть все предки, сколько бы их не было, жалеют ее, у Тала Хаджуса нет к ней жалости. Великая Саркойя сделала славное дело. Я уйду, и если вам не удастся поймать его, когда он придет сюда, я брошу ваши тела в холодные воды Иссы.

СЧАСТЛИВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Вождь замолчал и повернулся к выходу, у дверей которого стоял я, но мне нечего было больше ждать. Я услышал достаточно для того, чтобы прийти в ужас, и тем же путем, которым пришел, вернулся во двор. В одно мгновение у меня сложился план действий. Я пересек сквер и прилегавшую к нему с противоположной стороны аллею и вскоре стоял во дворе Тала Хаджуса.

Яркий свет в первом этаже указал мне путь; я подошел к окнам и заглянул внутрь. Вскоре я сообразил, что попасть туда для меня не так легко, потому что задние комнаты, примыкавшие ко двору, были полны солдат и женщин. Окинув взглядом верхние этажи, я заметил, что третий этаж не освещен. Добраться до верхних окон было для меня делом минуты, и скоро я уже был в спасительном мраке его коридоров. К счастью, комната, которую я выбрал, оказалась нежилой. Я пробрался через нее к полоске света и оказался возле лестницы, ведущей от первого этажа до купола здания, возвышавшегося над моей головой. Внизу ступеньки сходили прямо в большой зал; сверху мне хорошо были видны воины и женщины, а чуть в стороне возвышалась большая платформа, на которой восседало на корточках самое отвратительное животное, которое я когда-либо видел.

У него были холодные, грубые, жестокие черты зеленого воина, но на них наложился отпечаток низменных животных страстей, которым он предавался много лет. В его скотской внешности не было и следа достоинства и чести; его отвратительное тело распласталось на платформе и напоминало огромную гадкую жабу, а шесть его конечностей дрожали и мерно ударяли по ней с гнетущей монотонностью.

Я поledenел, когда в центре внимания всего этого мерзкого общества увидел Дею Торис и Солу. Что-то дьявольское сверкало в глазах Тала Хаджуса, когда он жадно смотрел своими большими выпуклыми глазами на тоненькую прекрасную фигурку Деи Торис. Она что-то говорила, но я не мог расслышать ее слов, так же как не мог понять и его ответа, который он пробормотал грубым голосом. Она стояла прямо перед ним, ее голова была гордо поднята, и даже на том расстоянии, на каком находился от них я, можно было прочесть на ее лице презрение и отвращение, которые выражал ее надменный взгляд, не выдавая ни признака страха. Она действительно была достойной до-

черью тысячи джедаков, каждым дюймом своего изящного, хрупкого тела. Она была такой тонкой и беззащитной среди толпы воинов, окружавших ее, но ее гордая осанка и величие возвышали Дею Торис над ними. Она казалась среди них самым высоким, самым сильным существом, и я уверен, что они это чувствовали.

В это время Тал Хаджус подал знак, чтобы все удалились, оставив его одного с пленницами. Вожди, воины и женщины медленно исчезли в соседних комнатах, а Дея Торис и Сола остались одни перед джедаком тарков.

Только один вождь колебался перед тем, как выйти; я видел, как он стоял один в тени большой колонны, его пальцы нервно играли рукояткой меча, а жестокие глаза с неукротимой ненавистью устремились на Тала Хаджуса. Это был Тарс Таркас, и я мог прочесть его мысли, как в открытой книге, по непритворному отвращению, написанному на его лице. Он думал о другой женщине, которая сорок лет тому назад стояла здесь. Сумей я сказать одно слово ему на ухо в этот момент — и с царствованием Тала Хаджуса было бы покончено, но в конце концов, он удалился из комнаты, не ведая, что оставляет свою собственную дочь на милость самого ненавистного ему существа. Тал Хаджус встал, и я, предвидя его намерения, поспешил по винтовой лестнице вниз. Никто не помешал мне, и я добрался незамеченным до самого низа. Я встал у той самой колонны, возле которой только что скрывался Тарс Таркас. Тал Хаджус говорил:

— Принцесса Гелиума, я мог бы потребовать огромный выкуп от вашего народа с тем, чтобы вернуть вас целой и невредимой, но я тысячу раз предпочту удовольствие наблюдать, как это прекрасное лицо исказится в агонии под пыткой; я обещаю вам, что это будет длиться долго. Десять дней этого удовольствия было бы слишком мало, чтобы выказать любовь, которую я питаю к вашей расе. Ужасы вашей смерти будут тревожить сны красных людей всех будущих поколений, они будут бояться ночных теней после отцовских рассказов о страшной мести зеленых людей, о силе, мощи, ненависти и жестокости Тала Хаджуса. Но перед пыткой вы станете моею, и весть об этом дойдет далеко, до Тардоса Морса, джедака Гелиума, вашего деда — пусть он катается от отчаяния по земле. Пытка начнется завтра. А сегодня ты принадлежишь Талу Хаджусу. Идем!

Он спрыгнул с платформы и грубо схватил ее за руку, но едва он дотронулся до нее, как я оказался между ними. Мой кинжал, острый и блестящий, был в моей правой руке;

я мог бы вонзить его в это гнилое сердце, прежде чем он понял бы, что я перед ним, но когда я занес руку для удара, то вспомнил о Тарсе Таркасе, и при всем моем гневе, при всей моей ненависти я не смог лишить его того сладостного мига, надеждой на который он жил все эти долгие тягостные годы. И вот, вместо кинжала я ударил его кулаком прямо в челюсть. Он без крика опустился на пол как мертвый.

В мертвом молчании я схватил Дею Торис за руку и жестом указал Соле следовать за нами, бесшумно прокрался с ними из этой комнаты на верхний этаж. Незамеченные, мы достигли последнего окна, выходящего во двор, и я при помощи помочей и ремней от сбруи спустил на землю сначала Солу, а потом Дею Торис. Легко соскользнув вслед за ними, я провел их вдоль стены здания и тем же путем, каким добирался сюда, вывел их на окраину города.

Наконец мы добрались до моих тоттов, которые паслись во дворе. Оседлав их, мы торопливо прошли через здание на улицу. Я усадил Солу на одного тотта, а Дею Торис поместил позади себя, и мы благополучно выехали из города тарков, направляясь по холмам на юг. Вместо кружной дороги вокруг города, ведущей на северо-запад к ближайшему водному пути, который был самым коротким к Гелиуму, мы повернули на северо-восток и пустились пересекать поросшую мхом равнину, за которой на расстоянии многих опасных и утомительных миль протекала другая большая артерия, ведущая во владения красных людей.

Мы не сказали друг другу ни слова, пока город не остался далеко позади, но я слышал тихие всхлипывания Деи Торис, которая прислонилась к моему плечу своей милой головкой.

— Если вам удастся меня спасти, мой вождь, то долг Гелиума перед вами будет огромен — больше, чем он сможет вам когда-либо заплатить; ну, а если вам не удастся это, — продолжала она, — долг будет не меньше, хотя Гелиум никогда не узнает, что вы спасли последнюю из его рода от участи, худшей, чем смерть.

Я не ответил, но наклонился к ней и сжал маленькие пальчики той, которую любил, почувствовав ответное пожатие. Итак, в полном молчании мы ехали по желтому освещенному луной мху. Каждый из нас был занят своими мыслями. Что касается меня, то я ликовал и испытывал огромную радость, ощущая прикосновения Деи Торис к моему телу, и, несмотря на все предстоящие нам опасности, моя душа пела, как будто мы уже вошли в заставы Гелиума.

Наши первоначальные планы так безнадежно не уда-

лись, что теперь мы оказались без еды и питья, и один только я был вооружен. Поэтому мы изо всех сил понукали наших тотом, что, конечно, должно было сказаться на их возможностях прежде, чем мы могли добраться до места.

Мы ехали всю ночь и весь день, останавливаясь только на самое короткое время. На вторую ночь и мы, и наши животные были совершенно измучены; мы опустились на мох и заснули всего на несколько часов с тем, чтобы продолжить путь задолго до дневного света. Весь следующий день мы ехали, и когда поздно вечером мы не увидели впереди больших деревьев — признака большого водного потока — ужасная истина открылась нам: мы забылись! Очевидно, мы кружили и по какой дороге, трудно сказать; ориентироваться по солнцу днем и луне вечером оказалось невозможно. Во всяком случае, мы не достигли никакого канала, а все трое смертельно устали, мучимые голодом и жаждой.

Далеко впереди и немного направо мы различили очертания невысоких гор и решили попытаться достичь их в надежде с какой-нибудь вершины обнаружить реку, которую мы потеряли. Солнце скрылось прежде, чем мы достигли цели, и в полуобморочном состоянии от усталости и истощения мы легли на землю и заснули.

Я проснулся рано утром оттого, что кто-то толкал и прижимался ко мне своим большим телом. Открыв глаза, я увидел моего старого милого Вулу, морда которого расплылась в улыбку; верное животное следовало за нами сквозь всю пустыню, чтобы разделить нашу участь. Положив руки ему на затылок, я прижался к нему щекой и не стыдился ни того, что делаю это, ни слез, которые выступили на моих глазах, когда я подумал о его любви и преданности мне. Немного спустя, проснулись Дея Торис и Сола, и было решено, что мы все-таки попытаемся доехать до холмов.

Мы прошли едва лишь милю, как я заметил, что мой тот спотыкается и останавливается, хотя мы и не понукали его, как накануне. Вдруг он как-то странно наклонился в сторону и тяжело рухнул на землю. Мы с Деей Торис упали на мягкий мох. Бедный тот был в плачевном состоянии, он даже не мог встать, хотя и сбросил нас. Сола сказала мне, что ночная свежесть вместе с отдыхом должны, без сомнения, оживить его, и я решил не убивать его, как уже было собрался, потому что не хотел оставлять его там умирать одного.

Освободив его от сбруи, мы оставили отдыхать бедное животное, а сами продолжили путь пешком, усадив, после долгих уговоров, Дею Торис на оставшегося тотом. Мы

прошли около мили до холмов, когда Дея Торис сообщила, что видит большую толпу всадников, передвигающуюся по проходу между холмами несколькими милями дальше. Сола и я посмотрели в сторону, указанную ею, и различили там несколько сот всадников. Они, казалось, двигались в юго-западном направлении, которое отдаляло их от нас. Мы наблюдали их передвижение по проходу в течение некоторого времени, пока последние воины не исчезли за холмами. Они не заметили нас. Но вдруг последний воин, приблизившись к проходу, остановился и, к нашему ужасу, поднес к глазам небольшой полевой бинокль, осматривая долину, открытую во всех направлениях. Очевидно, это был предводитель, так как в некоторых отрядах зеленых людей предводитель всегда находится в последнем ряду колонны. Когда его бинокль задержался на нас, наши сердца, казалось, остановились в груди, и я почувствовал, что холодный пот выступает из каждой поры моего тела.

Вот он направил его на нас — и остановился. Наши нервы были напряжены до крайнего предела, я сомневаюсь, дышал ли кто-нибудь из нас в те долгие минуты, когда он наводил свой бинокль. Затем он опустил его. Мы видели, как он скомандовал воинам, которые уже втянулись в гряды холмов. И, не дожидаясь, пока они догонят его, он повернул своего тота и как безумный во весь опор понесся нам навстречу.

Оставался один шанс на спасение, и надо было поскорее воспользоваться им. Подняв мою странную марсианскую винтовку на плечо, я прицелился и тронул кнопку, которая контролирует собачку; раздался оглушительный взрыв — снаряд достиг своей цели, и воин упал со своего бегущего тота. Вскочив на ноги, я заставил тота встать и приказал Соле сесть на него вместе с Деей Торис и приложить все силы, чтобы достичь холмов прежде, чем зеленые воины приблизятся. Я знал, что в оврагах и скалах они смогут найти временное укрытие, и даже подумал, что, если они умрут там от голода и жажды, это будет лучше для них, чем попасть в руки тарков. Передав им два моих пистолета, не столько для защиты, сколько для того, чтобы избежать мучительной смерти, попади они опять в плен, я поднял Дею Торис на руки и посадил ее на тота позади Сола, которая сейчас же, по моему приказанию, села верхом.

— До свидания, принцесса! — прошептал я. — Мы еще встретимся в Гелиуме. Я выпутывался из худших положений, чем это.

И я попробовал улыбнуться, как будто был спокоен.

— Как! — вскричала она. — Вы не пойдете с нами?

— Как я могу сделать это, Дея Торис? Кто-нибудь должен же задержать этих молодых на минутку, а я легче ускользну от них один, чем мы могли бы сделать это все вместе.

Она спрыгнула с тотта и, обвив свои руки вокруг моей шеи, повернулась к Соле и сказала с завидным достоинством:

— Беги, Сола! Дея Торис остается и умрет с тем, кого она любит.

Эти слова навсегда остались в моем сердце. Я охотно бы отдал мою жизнь, чтобы только еще раз их услышать; но у меня не было даже и одной секунды, чтобы ощутить прелесть ее объятий; впервые я осмелился поцеловать ее коралловые губы и вновь поднял на седло позади Сола, приказав последней, если потребуется, силой удерживать ее. Затем я ударил тотта в бок, и он понесся. Я видел, как Дея Торис пыталась освободиться от рук Сола.

Обернувшись, я увидел зеленых воинов, скачущих по горному хребту к своему предводителю. В одно мгновение они увидели и его, и меня, но едва они заметили меня, как я открыл стрельбу, лежа на животе во мху. Я имел в запасе целую сотню патронов в сумке ружья и другую сотню в поясе за спиной и поддерживал непрерывный огонь, пока не увидел, что все воины, которые первыми вернулись из-за другой стороны хребта, были мертвы или позорно попрытались.

Передышка была недолгой, так как вскоре показался целый отряд, численностью в несколько сот человек; они направлялись ко мне бешеной рысью. Я продолжал стрелять, пока не истощились мои запасы и враги почти настигли меня; оглянувшись на беглянок, я понял, что они уже исчезли среди холмов, тогда я вскочил на ноги, продолжая тащить за собой бесполезное уже ружье, и побежал в направлении, противоположном тому, где скрылись Сола и Дея Торис. Если марсиане имеют какое-нибудь представление о скачках, то оно, наверняка, было получено ими в тот день. Я уводил их все дальше от девушек, совершая невероятные прыжки и выпады в разные стороны, распаляя их страстное желание поймать меня. Они упорно гнались за мной, пока, наконец, совершенно обессиленный я медленно поплелся по мху, твердо решив подороже отдать мою жизнь. Я вытащил саблю, но это уже было лишним. Я зашатался под их ударами, которые градом посыпались на меня, голова моя закружилась, все потемнело, и я упал в беспамятстве.

Глава XVIII

В ПЛЕНУ У УОРХУНЦЕВ

Прошло, должно быть, несколько часов, прежде чем я пришел в себя, и я помню ощущение удивления, когда я понял, что остался жив. Я лежал среди груды шелков и меха в углу маленькой комнаты, в которой сидело несколько зеленых воинов; надо мной склонилась старая безобразная женщина. Когда я открыл глаза, она обернулась к одному из них и сказала:

— Он ожил, о джед!

— Ладно, — ответил воин, к которому она обращалась. Он встал и подошел к моему ложу. — Он доставит редкое развлечение любителям большой игры!

Теперь, когда мой взгляд упал на него, я увидел, что это был не тарк, так как своими украшениями и оружием он отличался от них. Это был безобразный малый, с изрубленными лицом и грудью, со сломанным клыком и одним ухом. На его груди висели нанизанные на ремень человеческие черепа и соответствующее число высохших человеческих рук. Его упоминание большой игры, о которой я так много слышал среди тарков, убедило меня, что я попал из чистилища в геенну огненную.

После переговоров с женщиной — она уверяла его, что я вполне способен двигаться — он приказал мне сесть верхом и ехать позади большой колонны. Я был надежно привязан к самому дикому и необъезженному животному, с которым мне когда-либо доводилось сталкиваться, а вооруженные всадники с обеих сторон следили, чтобы оно не ускало прочь; мы бешено понеслись вслед за колонной.

Мои раны не причиняли мне особенных мучений, так чудесно и быстро действовали прижигания и примочки опытной старушки-лекарки, которая ловко наложила перевязки и пластыри на мое израненное тело.

Еще до наступления темноты мы догнали большой военный отряд, который только что расположился лагерем на ночь. Меня немедленно привели к главному начальнику, который оказался джеддаком уорхунцев.

Подобно джеду, который доставил меня, он был весь изрублен и обвешан человеческими черепами и высохшими руками, что было, вероятно, отличительным знаком всех знатных воинов среди уорхунцев и указывало на их свирепость, в которой они превзошли даже тарков. Сравнительно молодой джеддак Бар Комас был предметом лютой нена-

висти и зависти со стороны своего старшего помощника Дака Ковы, того джеда, который взял меня в плен, и я не могу передать все те издевательства и оскорбления, которые последний источал в его сторону.

Он совершенно пренебрег обычной формой приветствия, когда мы очутились перед лицом джеддака, и, грубо толкнув меня к правителю, закричал громким и угрожающим голосом:

— Я привел странное создание, носящее оружие тарков; мне доставит удовольствие наблюдать его сражение с дикой лошадью во время больших игр.

— Он умрет так, как ваш джеддак, Бар Комас, найдет уместным, если умрет вообще, — ответил молодой правитель с достоинством.

— Если умрет вообще? — закричал Дак Кова, — Клянусь мертвыми руками, он будет убит моей лошадью, Бар Комас. Никакая глупая слабость с вашей стороны не спасет его. О, если бы в Уорхуне царствовал настоящий джеддак, вместо слабого человека с водянистым сердцем, у которого даже старый Дак Кова мог бы вырвать оружие голыми руками!

Бар Комас на мгновение взглянул на своего непокорного воина с выражением бесстрашного презрения и ненависти, а затем, не взяв никакого оружия, набросился на своего оскорбителя.

Я никогда не видел зеленых марсиан, дерущихся без оружия, и зрелище зверской жестокости, проявленной ими, превосходило все, что может нарисовать самое расстроенное воображение. Они царапали друг другу глаза, рвали уши и непрерывно кусались, пускали в ход свои сверкающие клыки, пока платье обоих не превратилось в лохмотья.

Бар Комас был лучшим бойцом, крепче, проворнее и умнее. Скоро противник уже только защищался, уклоняясь от ударов, но вдруг Бар Комас, замахнувшись на противника кулаком, поскользнулся. Дак Кова не преминул воспользоваться случившейся осечкой. Бросившись на тело своего противника, он вонзил свой единственный клык в пах Бару Комасу и последним усилием разорвал тело молодого джеддака по всей его длине, вонзив клык ему в горло. Победитель и побежденный безжизненно покатались на траву сплошным клубком изодранного и окровавленного мяса.

Бар Комас погиб, и только невероятные усилия женщин спасли Дака Кову от смерти. Через три дня он без посторонней помощи пришел к телу Бара Комаса, которое, по обычаю, оставалось нетронутым там, где он пал, и, поставив ногу на

шею предыдущего правителя, принял титул джеддака Уорхуна.

Череп и руки убитого джеддака были присоединены к украшениям его победителя, а тело сожгли с диким смехом женщины. Раны Дака Ковы задержали поход настолько, что было решено предпринять набег на маленькую общину тарков, чтобы отомстить за разрушение инкубатора, не дожидаясь больших игр. Большой отряд воинов, числом тысяч в десять, выступил из Уорхуна.

Мое пребывание среди этого жестокого народа сделало меня свидетелем диких сцен, которые я наблюдал ежедневно. Это была орда меньше таркской, но гораздо более свирепей. Ни один день не проходил без того, чтобы члены различных уорхунских общин не вступали между собой в смертельный бой. Я видел до восьми схваток со смертельным исходом в течение одного дня.

После почти трехдневного перехода мы достигли столицы Уорхуна, и меня тотчас же заключили в подземную темницу, крепко приковав к полу и стенам. Через равные промежутки времени мне приносили пищу, но, сидя в полнейшей темноте, я не мог вычислить, сколько дней, недель или месяцев провел там. Это было самое жестокое испытание за всю мою жизнь. И по сей день я не понимаю, как уцелел мой рассудок в ужасной черной тьме.

Подземелье кишело пресмыкающимися, какими-то ползающими существами; холодные скользкие животные передвигались по моему прикованному телу, в темноте вспыхивали искорки блестящих глаз, устремляя на меня свое злое внимание. Ни один звук не доходил до меня, и тюремщик не обмолвился ни словом, хотя поначалу я забрасывал его вопросами.

В конце концов, вся ярость, все безумное отвращение к ужасным тварям, бросившим меня в это страшное место, сконцентрировались в моем пошатнувшемся сознании на ненависти к этому единственному существу, с которым я общался. Я заметил, что он всегда приносит с собой факел, чтобы поставить еду подле меня, а когда он наклонялся к полу, его голова доходила до уровня моей груди. С хитростью сумасшедшего я пытался в дальний угол моей камеры, когда слышал его приближение, и натягивал длинную цепь, понемногу ослабляя ее. Я ждал его прихода, припав к земле, как животное, ожидающее очередную подачку. Однажды, когда он наклонился, в очередной раз ставя еду на пол, я взмахнул цепью над его головой и обрушил ее изо всех сил на его череп. Без звука, без дыхания он упал на пол.

Смеясь и скрежеща зубами, я упал на его простертое тело, нащупывая руками его шею. Неожиданно мои пальцы коснулись маленькой цепочки, на конце которой висели ключи. Это прикосновение мгновенно вернуло ясность моему сознанию. Я вновь здоровым и ясным рассудком оценил ситуацию. Спасение было в моих руках!

Когда я наощупь снимал цепочку с шеи моей жертвы, я увидел в темноте шесть пар блестящих глаз, которые, не мигая, устремились на меня. Они приближались медленно, и медленно, объятый неописуемым ужасом, я отступил перед ними. Пятясь в мой угол, я присел, вытянув руки ладонями вперед, а блестящие глаза все ближе продвигались ко мне. Они остановились возле мертвого тела, лежащего у моих ног. Потом они медленно отступили, сопровождаемые странным скрипом, и, наконец, исчезли в каком-то черном отдаленном убежище моей темницы.

Глава XIX

СРАЖЕНИЕ НА АРЕНЕ

Прошло достаточно времени, пока я вновь обрел спокойствие и попробовал снять цепочку с мертвого тела моего бывшего тюремщика. Но когда я в темноте ощупал то место, где он лежал, то обнаружил, к своему ужасу, что он исчез. Страшная истина едва доходила до моего сознания: обладатели блестящих глаз утащили свою добычу, чтобы растерзать ее где-то там, в своем логове. Там они ждали целые дни, недели, месяцы, всю ужасную вечность моего заключения — ждали возможности утащить и мое мертвое тело.

Два дня мне не приносили пищи, но появился новый зеленый воин, и дни моего заточения потекли по-прежнему, только теперь я старался не позволять своему разуму сосредотачиваться на безысходности моего ужасающего положения.

Вскоре после этого события в темницу привели другого пленника и заковали возле меня. При тусклом свете факела я увидел, что это красный марсианин, и едва дождался ухода конвоиров, чтобы заговорить с ним; когда шаги их затихли в отдалении, я мягко и дружелюбно произнес марсианское слово приветствия «каор».

— Кто вы, говорящий в темнице? — отозвался он.

— Джон Картер, друг красных людей Гелиума.

— Я из Гелиума,— сказал он,— но я не слыхал вашего имени.

Тогда я рассказал ему мою историю, как она здесь описана, опустив, конечно, те чувства, которые питал к Дее Торис. Сообщение о принцессе Гелиума очень взволновало его, но он был совершенно убежден, что она и Сола достигли безопасного места, расставшись со мной на равнине. Он сказал, что знает эту гряду холмов и что проход, которым пробирались уорхунские воины, обнаружившие нас, был единственно пригодным для продвижения на юг.

— Вы были близки к цели,— пояснил он,— и Дея Торис с Солой наверняка успели скрыться в холмах, от которых до большой реки всего три мили, а теперь они, вероятно, в совершенной безопасности,— настойчиво уверял он меня.

Пленника звали Кантос Кан. Он был падуором (лейтенантом) гелиумского флота и членом злополучной экспедиции, которая была атакована тарками, когда они захватили в плен Дею Торис. Он рассказал мне о происшествиях, последовавших за поражением военных кораблей. Сильно поврежденные и лишившиеся многих членов экипажей, они медленно продвигались к Гелиуму. Недалеко от города Зондаг, столицы исконных врагов Гелиума, красных народов Барсума, их атаковали военные суда, и все парусники, которыми командовал Кантос Кан, были истреблены или взяты в плен. Его корабль преследовали четыре дня, но, в конце концов, он ускользнул от них в темную безлунную ночь.

Через тридцать дней после нападения на них тарков его корабль достиг Гелиума. От семисот человек команды в живых осталось только десять. Немедленно семь больших флотилий, каждая из сотни мощных военных судов, поспешили на поиски Деи Торис. А кроме этих кораблей еще две тысячи мелких парусников были посланы в длительные, но напрасные поиски исчезнувшей принцессы.

Две общины зеленых марсиан были стерты с лица планеты в отместку за принцессу, но никаких следов Деи Торис не нашли. Они искали ее среди северных племен и только в последние несколько дней занялись поисками на юге.

Кантос Кан подробно рассказал, как его схватили уорхунцы, когда он обследовал город. Отважный и смелый, этот человек вызвал во мне восхищение. Он один высадился на окраине города и проник в кварталы, окружающие площадь. Два дня и две ночи он искал там Дею Торис и попал в руки уорхунцев, когда уже покидал город, убедившись, что ее там нет.

Судьбе было угодно, чтобы в этом мрачном и ужасном заточении я нашел преданного и бесстрашного друга, Кантоса Кана. Несколько дней мы провели вместе, прежде чем нас вывели из темницы для участия в больших играх. Ранним утром нас привели в огромный амфитеатр, который был выстроен прямо на развалинах и покрыт рытвинами. Как мне представилось, он мог вместить до двадцати тысяч уорхунцев из соединенных орд.

Арена была огромная, но крайне неровная и нерасчищенная. Вокруг нее уорхунцы нагромодили камни, взятые из разрушенных зданий старого города, ограждая ими загон для зверей и пленников. На каждом конце были сооружены клетки для участников боев, в которых их содержали до выхода на арену. Нас посадили вместе в одну клетку. В других были дикие лошади, зеленые воины, женщины из других племен и множество странных и свирепых барсумских зверей, которых я раньше никогда не видел. Шум их рычания нарастал, но и чудовищного вида многих из них было достаточно, чтобы самое бесстрашное сердце забилося в тяжелом предчувствии.

Кантос Кан объяснил мне, что в конце дня один из пленников получит свободу, а другие должны пасть мертвыми на арене. Победители в разнообразных состязаниях целый день будут бороться друг с другом, пока в живых не останутся только двое; победитель в последней схватке, будь то человек или животное, получит свободу. На следующее утро клетки вновь наполнятся новыми жертвами, и так все десять дней игрищ.

Немного спустя, после того, как мы попали в клетку, амфитеатр начал наполняться, и в течение одного часа зрители заполнили все свободные места. Дак Кова со своими ждедами и вождами расположился в центральной ложе одной из сторон арены, восседаая на широкой приподнятой платформе.

По сигналу, данному Даком Ковой, двери двух клеток распахнулись, и дюжина зеленых марсианок выбежала на арену. У каждой в руках был кинжал, а с другого конца на них выпустили двенадцать диких собак. Когда свирепые звери, рычащие и покрытые пеной, ринулись на почти беззащитных женщин, я отвернулся, чтобы не видеть ужасного зрелища. Вой и смех зеленой толпы сопровождал варварский спорт, а когда я опять посмотрел на арену, после того, как Кантос Кан сказал мне, что все кончено, то увидел трех торжествующих собак, которые кусались

и дрались над телами остальных. Женщины уже покончили счеты с жизнью.

Тотчас же бешеный зитидар был выпущен против оставшихся собак — и так это продолжалось весь длинный, жаркий, ужасный день. В продолжении дня я сражался сначала против людей, а затем зверей, но я был вооружен саблей и всегда превосходил своих противников ловкостью и вообще боевым опытом, так что большинство побед не составили мне большого труда. Время от времени я удостоивался аплодисментов кровожадной толпы, а к концу слышались крики, что я должен быть взят с арены и сделан членом племени уорхунцев.

Наконец остались трое: большой зеленый воин из дальней северной орды, Кантос Кан и я. Те двое должны были сражаться между собой, и затем мне предстояло встретиться с победителем. Исход последней схватки означал свободу для победителя.

Кантос Кан в течение дня боролся много раз и всегда, подобно мне, выигрывал, но ему попадались не столь крупные противники, особенно когда он выступал против зеленых воинов. У меня была очень слабая надежда, что он окажется сильнее своего исполинского противника, который одержал столько побед за день. Рост его достигал шестнадцати футов, тогда как Кантосу Кану не хватало нескольких дюймов до шести футов. Когда они приблизились друг к другу, я сразу понял, что у Кантоса Кана нет шансов выжить в этой азартной игре. Но тут произошло невероятное! Приблизившись к великану на расстояние около двенадцати футов, он взмахнул правой рукой, отведя свой меч далеко за спину, и сильнейшим броском отправил его прямо на зеленого воина. Меч полетел как стрела, пронзил грудь бедняги и заперство уложил его на арену.

Теперь Кантос Кан и я должны были сражаться между собой, но когда мы приблизились к друг другу, я успел шепнуть ему свой план: необходимо было затянуть схватку до темноты и попытаться найти способ бежать. Толпа, очевидно, догадалась, что у нас нет желания сражаться друг с другом, и завывала от ярости, что ни один из нас не переходил в роковое наступление. Когда стало темнеть, я велел Кантосу Кану всунуть свою саблю между моей левой рукой и телом. Когда он так и сделал, я качнулся назад, плотно прижав саблю рукой, и упал на землю, как будто его оружие пробило мне грудь. Кантос Кан понял мой фокус и, быстро шагнув ко мне, поставил ногу мне на шею. Вытащив свое оружие из моего тела, он нанес мне окончательный удар,

перерезав горло. На самом же деле холодное лезвие мягко скользнуло в песок арены. В темноте, которая уже наступила, никто не мог сказать, действительно ли он покончил со мной. Я шепнул, чтобы он шел требовать себе свободу, а затем искал меня в холмах, на восток от города, — и он оставил меня.

Когда амфитеатр опустел, я тихонько взобрался наверх и большим оврагом, уходящим далеко от площади к необитаемой части большого города, выбрался из него. Дальнейший мой путь лежал к гряде отдаленных холмов, до которых я добрался без всяких приключений.

Глава XX

АТМОСФЕРНАЯ СТАНЦИЯ

Два дня я прождал Кантоса Кана, но он так и не явился. Тогда я направился на северо-восток, где, как он сказал, пролегал ближайший водный путь. Я питался соком растений, которые в избытке находил по дороге.

В течение двух длинных недель я путешествовал, ковыляя по ночам, руководимый единственно звездами, скрываясь днем за каким-нибудь выступом скалы. Иногда в темноте на меня нападали дикие звери — страшные неуклюжие чудовища, но я успешно расправлялся с ними, имея при себе саблю. Обычно моя странная, вновь приобретенная телепатическая сила предупреждала меня в должное время, но однажды я был опрокинут каким-то лохматым зверем, который вцепился когтями мне в спину, а острые клыки нацелил на горло. Я не успел разобраться, что за существо набросилось на меня, но инстинктивно стиснул руками его шею и оторвал от себя поросшую шерстью морду.

Мы боролись беззвучно; зверь всей силой навалился на меня, пытаюсь дотянуться своими ужасными клыками, а я все сильнее сжимал пальцы, стараясь задушить и не допустить его к моему горлу. Я начал медленно уступать в неравной борьбе, и дюйм за дюймом на меня надвигались его горящие глаза и сверкающие клыки, пока косматая морда не коснулась моего лица, и я понял, что все кончено. Но в это время кто-то выскочил из окружающей нас темноты и напал на моего противника. Они схватились, катаясь по траве, терзая и раздирая друг друга, скоро все было кончено, и мой спаситель стоял, опустив голову и держа за горло тварь, которая хотела меня убить.

Вскоре луна, внезапно показавшаяся над горизонтом и осветившая все вокруг, явила передо мной моего защитника — это был Вула; но откуда он взялся и как нашел меня — я совершенно не знал. Не нужно объяснять, как я был рад этой встрече, но к моему удовольствию примешивалось беспокойство — по какому поводу он покинул Дею Торис? Я знал наверняка, что только смерть последней могла быть причиной его ухода — настолько верно он повиновался моим приказаниям.

При свете молодой яркой луны я увидел, что он был тенью прежнего Вулы, и, когда он увернулся от моих ласк и начал жадно поглощать тело поверженного у моих ног врага, я понял, что бедное животное было полумертвым от голода. Я и сам был в немного лучшем состоянии, но не мог заставить себя есть сырое мясо и не имел никаких средств добыть огонь. Когда Вула насытился, мы опять пустились в утомительный и, казалось, бесконечный путь в поисках скрывающейся реки.

На заре пятнадцатого дня моих поисков я обрадовался, увидев высокие деревья, означавшие близость предмета моих исканий. Около полудня, совершенно измученный, я дотащился до входа в огромную постройку, которая тянулась до четырех футов. В мощных стенах не было видно никакого отверстия, кроме маленькой двери, у которой я опустился, задыхаясь; вокруг не было видно никакого признака жизни. Я не нашел ни звонка, ни другого способа оповестить о своем присутствии жителей этого дома, кроме маленького круглого отверстия в стене около двери, сделанного, вероятно, для этой цели. Оно было размером не больше, чем грифель карандаша; думая, что это могло быть нечто вроде переговорной трубы, я приложился к нему ртом и приготовился крикнуть туда, как вдруг голос, исходящий изнутри, спросил меня, кто я, откуда и по какому делу.

Я объяснил, что бежал из Уорхуна и умираю от голода и усталости.

— На вас оружие зеленых и вас сопровождает собака, чертами же вы походите на красного. Но цвет вашего лица ни красный, ни зеленый. Именем девятого дня, что вы за существо?

— Я друг красных людей Барсума, и я умираю от голода. Именем человечности, откройте мне, — отвечал я.

Тогда дверь начала отодвигаться передо мной, пока не отклонилась от стены на пятьдесят футов, затем она остановилась и легко скользнула налево, открывая короткий коридор из бстона, в конце которого была другая дверь,

подобная во всех отношениях той, через которую я прошел. Никого не было видно; как только мы прошли первую дверь, она тихо скользнула на свое место и заняла прежнее положение в фасадной стене здания. Когда дверь повернулась боком, я заметил ее необыкновенную толщину, добрых двадцать футов, а когда она коснулась своего места, закрывшись позади нас, большие стальные цилиндры опустились с потолка и подогнали ее нижнюю часть в канавку, выдолбленную в полу.

Передо мной отодвинулись вторая и третья двери, прежде чем я достиг широкой внутренней комнаты, где я нашел еду и питье, поставленные на большой каменный стол. Голос предложил мне утолить голод и накормить собаку, и, когда я сделал это, мой невидимый хозяин подверг меня строгому и придирчивому перекрестному допросу.

— Ваш рассказ весьма замечателен, — сказал голос, приступая к своему экзамену, — и вы, очевидно, рассказали правду, а также очевидно, что вы не с Барсума. Я заключаю это по строению вашего мозга, по странному расположению ваших внутренних органов и по форме и объему вашего сердца.

— Разве вы можете видеть меня насквозь? — воскликнул я.

— Да, я также хочу видеть ваши мысли, и если бы вы были барсумец, я смог бы прочесть их.

Тут в дальнем конце комнаты открылась дверь, и странная иссохшая мумия человека приблизилась ко мне. На нем был единственный предмет — украшение в виде узкого золотого ошейника, с которого спускался диск, величиной с тонкое блюдо, сплошь усыпанный огромными бриллиантами, а в центр его был вправлен странный камень, с дюйм в диаметре, испускающий девять отдельных и ясно различимых лучей: семь из них были цветами нашей земной призмы, а два прекрасных луча для меня были новы и безымянны. Я даже не могу вам описать их. Я только знаю, что они были изумительно прекрасны.

Старик уселся, и мы проговорили в течение четырех часов; самым странным в нашем разговоре было то, что я мог читать каждую его мысль, тогда как он не мог проникнуть в мои ни на йоту. Я не сказал ему о моей способности ощущать его мысли, что имело огромное значения для меня впоследствии, так как я узнал многое, чего бы никогда не постиг, если бы он заподозрил мою странную силу; ибо марсиане до такой степени совершенства контролируют свои мысли, что способны управлять ими с абсолютной точ-

ностью. В здании, в которое я попал, находились машины, производящие ту искусственную атмосферу, которая поддерживает жизнь на Марсе. Секрет этого совершенного процесса зависел от использования девятого луча, одного из тех великолепных лучей, которые, как я заметил, исходили из большого камня в украшении моего хозяина.

Этот луч отделяется от других лучей солнца посредством тонко приспособленных приборов, помещенных на крыше здания, три четверти которого занято резервуарами, в которых скапливается девятый луч. На вещество воздействуют электрическим разрядом, затем его накачивают в пять главных воздушных центров планеты, где, по мере освобождения, соприкасаясь с эфиром, оно преобразуется в атмосферу.

В огромном здании всегда имеется запас девятого луча, достаточный, чтобы удержать существующую на Марсе атмосферу в течение тысячи лет. Следует опасаться лишь одного — внезапной остановки накачивающих аппаратов. Он провел меня во внутреннюю комнату, где я видел батарею из двадцати радиоламп, каждая из которых могла справиться со снабжением всего Марса атмосферным составом.

Уже восемьсот лет, рассказывал он мне, он охраняет эти помпы, которые употребляются поочередно, причем в рабочем состоянии они находятся один день или немного более двадцати четырех с половиной земных часов. Он имеет помощника, который дежурит с ним поочередно. Половину марсианского года, около трехсот сорока четырех наших земных дней, каждый из них проводит один в этом огромном изолированном сооружении.

Каждый марсианин с малого возраста изучает принципы производства атмосферы, но только двое одновременно знают тайну проникновения в огромное здание, которое совершенно неприступно, так как стены его достигают ста пятидесяти футов толщины, а крыша защищена от воздействия воздушных сил стеклом толщиной в пять футов. Следует бояться только нападения зеленых марсиан или какого-нибудь обезумевшего красного: все барсумцы знают, что существование жизни на Марсе зависит от непрерывной работы этого сооружения.

Наблюдая за его мыслями, я открыл любопытный факт: наружные двери передвигаются под телепатическим воздействием. Дверные замки можно было открыть только лишь некоторой комбинацией волн, мысленно направляемых на них. Я решил захватить моего собеседника врасплох и, как

бы между прочим, спросил его, как он мог открыть мне массивные двери, находясь во внутренних помещениях здания. Быстрее молнии в его мозгу возникли девять марсианских звуков, но сейчас же исчезли, и он ответил, что этой тайны нельзя разглашать.

С той минуты его обращение ко мне изменилось, как будто он боялся быть уличенным в разоблачении великой тайны, и я читал подозрение и страх в его взглядах и мыслях, хотя на словах он сохранял приветливость.

Прежде чем я удалился на ночь в отведенную мне комнату, он пообещал мне дать письмо к живущему поблизости фермеру, который помог бы мне добраться до Зоданга — самого близкого, по его словам, марсианского города.

— Но будьте осторожны, чтобы там не узнали, что вы союзник Гелиума — они воюют с этой страной. Мой помощник и я не здешние — мы принадлежим к племени Барсум, и этот талисман, который мы носим, защищает нас во всех государствах, даже среди зеленых марсиан, хотя мы не могли бы ввериться им, если бы утратили его, — прибавил он.

— Итак, доброй ночи, мой друг, — продолжил он, — желаю вам долгого и спокойного сна, да, долгого сна.

И хотя он ласково улыбнулся, я прочел в его мыслях истинное намерение: передо мной уже рисовался образ этого человека, стоящего ночью у моего ложа, и затем быстрый удар длинного кинжала и слова, срывающиеся с его губ: «Мне жаль, но это и для блага Барсума». И хотя он закрыл за мной дверь моей комнаты, его мысли проникали ко мне; это было ощущение как бы исходившего от него света. Все это показалось мне весьма странным.

Что мне было делать? Как мог я бежать из этих мощных стен? Я мог бы легко убить его, раз я был предупрежден об опасности, но если бы он умер, я не сумел бы выбраться отсюда, а с остановкой машин этого огромного сооружения я должен был бы умереть, как и все остальные обитатели этой планеты — все, даже Дея Торис, если она еще жива. Для других я бы и пальцем не шевельнул, но одна мысль о Дее Торис отбросила прочь всякое желание убить моего недоброго хозяина.

Я осторожно открыл дверь моего помещения и, сопровождаемый Вулой, нашел внутреннюю из больших дверей. Мне пришла в голову безумная мысль — попробовать подействовать на огромные дверные замки девятью мысленными волнами, которые я прочитал в уме хозяина.

Тихонько минуя коридор за коридором, кружа по переходам, которые вели то туда, то сюда, я наконец достиг

большого зала, в котором был сегодня утром. Я нигде не встретил хозяина и не знал, где он находится ночью. Я готов был смело вступить туда, когда слабый шум позади меня заставил нас с Вулой отступить в нишу коридора. Стоя в темноте, я затаил дыхание и удерживал Вулу возле себя.

Едва я успел спрятаться, как старик прошел мимо меня, вошел в слабо освещенную комнату, через которую я собирался пройти, и тут я заметил в его руке длинный тонкий кинжал, который он решил подточить о камень. Он собирался, по-видимому, осмотреть радиолампы, что должно было занять около тридцати минут, а затем вернуться в мою спальню и прикончить меня.

Он пересек большой зал и исчез на лестнице, ведущей в комнату, где размещались радиолампы. Не теряя ни минуты, я бесшумно подошел к большой внутренней двери, одной из трех, которые отделяли меня от свободы. Сосредоточив все мысли на массивном замке, я направил на него мысленно девять марсианских звуков. Затаив дыхание, я ждал — и вот огромная дверь мягко сдвинулась передо мной и бесшумно повернулась в сторону. Одна за другой остальные двери открылись по моему приказанию, и мы с Вулой вступили во мрак марсианской ночи — свободные и в немного лучшем состоянии, чем были раньше, ведь мы успели наполнить наши желудки!

Мы торопливо прошли в тени огромного строения и направились по первой из перекрещивающихся дорог, намереваясь дойти до какого-нибудь жилья как можно скорее. К рассвету мы подошли к ограде, войдя в которую, я начал поиски живых существ. Кругом были низкие неопределенной формы строения из бетона, запертые на тяжелые засовы и замки. Я кричал и стучал во все двери, но безрезультатно. Усталый и изможденный бессоницей, я растянулся на мху и, приказав Вуле стеречь, уснул.

Прошло совсем немного времени, как меня разбудило его страшное рычание. Открыв глаза, я увидел трех красных марсиан; они стояли на близком расстоянии от нас и целились в меня из ружей.

— Я безоружен и не враг, — поспешно объяснял я им, — я был в плену у зеленых и теперь иду в Зоданг. Все, что я прошу — это пищи и отдыха для меня и собаки и точные указания, как мне добраться до этого города.

Они опустили ружья и приблизились ко мне; один из них положил правую руку на мое левое плечо, что является у них обычной формой дружеского приветствия. Я, соблюдая обычаи, ответил на него. После этого посыпалось мно-

жество вопросов относительно меня самого и моих **странствий**. Затем они отвели меня в дом одного из них, **находившийся** рядом.

Постройки, в которые я стучался рано утром, оказались складами, дома же стояли в роще среди огромных деревьев и, как все марсианские дома, поднимались на ночь на сорок или пятьдесят футов от поверхности на широкой металлической колонне, которая двигалась туда и обратно по каналу, уходящему в почву, и управлялась сложной машиной, помещенной в доме. Вместо того, чтобы возиться с засовами и решетками для своего жилья, красные марсиане просто поднимали его на ночь вверх. У них были также особые способы спуска и подъема ночью.

Встретившие меня три брата с их женами и детьми занимали три одинаковых дома в этом сельском поселке. Сами они не занимались земледелием, так как состояли офицерами на службе у правительства. Работы выполнялись военнопленными нарушителями закона и обнищавшими бакалаврами, которые были столь бедны, что не могли выплатить налога, который все правительства красных марсиан налагали на священников. Они были олицетворением сердечности и гостеприимства; я провел у них несколько дней, отдыхая и приходя в себя после моего долгого и трудного путешествия.

Когда они выслушали мою историю — я пропустил только все воспоминания о Дее Торис и старике на атмосферной станции — они посоветовали мне окрасить мое тело, чтобы как можно больше походить на человека их расы, и затем попробовать поискать себе службу в Зоданге в армии или во флоте.

— Слишком мало шансов, чтобы вашему рассказу поверили, пока вы не докажете вашу искренность и не подружитесь с высшей придворной знатью. В этом-то вам лучше всего и поспособствует военная служба, потому что мы воинственный народ Барсума, — объяснил один из них, — и мы относимся с наибольшим расположением к человеку, который умеет сражаться.

Перед моим отъездом они подарили мне маленького домашнего бычка, который ходит под седлом у всех красных марсиан. Животное это размером с лошадь и очень коротко в длину, но цветом и формами точно соответствует своему большому и свирепому дикому родственнику — тоту.

Братья достали мне красного масла, которым я вымазал все свое тело; один из них постриг мне волосы так, как стригутся красные марсианские мужчины — квадратом сза-

ди и полукругом спереди. Теперь я выглядел как полный правый красный марсианин. Мои украшения и оружие также были обновлены в стиле зодангского воина, происходящего из рода Пторов — такова была фамилия моих благодетелей.

Они наполнили маленький мешок, висевший у меня на боку, зодангской монетой. Средства обмена на Марсе не отличаются от наших, только у них монеты имеют овальную форму. Бумажные деньги изготавливаются отдельными лицами, по мере надобности, и выкупаются в течение двух лет. Если кто-нибудь выпустил больше денег, чем может выкупить, то правительство удовлетворяет его кредиторов, и затем несостоятельный должник работает на ферме или в копиях, которые составляют собственность правительства. Туда попадают не только должники, было бы слишком трудно найти достаточно добровольцев, чтобы возделывать обширные изолированные сельскохозяйственные местности Марса, которые тянутся от полюса до полюса узкими лентами, через пространства, населенные дикими зверями и дикими людьми.

Когда я заговорил о невозможности отплатить им за всю их доброту ко мне, они стали уверять меня, что я найду для этого удобный случай, если поживу подольше на Барсуме. Пожелав мне счастливого пути, они следили за мной, пока я не скрылся из вида по широкой белой дороге.

Глава XXI

ВОЗДУШНЫЙ РАЗВЕДЧИК В ЗОДАНГЕ

Странные и интересные зрелища открылись мне во время путешествия к Зодангу, и на фермах, где я останавливался, я научился массе новых и полезных вещей, касающихся обычаев и нравов Барсума.

Вода, которой снабжаются фермы на Марсе, собрана в громадные резервуары на обоих полюсах и оттуда по длинным трубам поступает в города и поселки. По обеим сторонам этих труб вдоль всей их длины лежат обработанные поля. Они разделены на участки примерно одинаковых размеров, и каждый участок находится под присмотром одного или нескольких правительственных чиновников.

Вода не течет по открытой поверхности полей, так как большее ее количество испарится, эта драгоценная жидкость при помощи целой системы мелких труб подводится под землю прямо к корням растений. Урожай на Марсе всегда одинаков, так как там нет ни засух, ни дождей, ни сильных ветров, ни насекомых, ни птиц, портящих растения.

Во время этого путешествия я впервые, как покинул Землю, отведал настоящие котлеты и сочные ломти мяса хорошо откормленных домашних животных с ферм. Я попробовал и приторно-сладкие фрукты, и овощи, но ни один кусочек пищи не был похож на то, что я ел на Земле. Каждое растение и цветок, каждый овощ, каждое животное были так культивированы годами заботливого ухода, что при сравнении с их сородичами на Земле последние превращались в пустое бледное ничтожество.

На второй остановке я встретил весьма образованных людей из местной знати, и в разговоре с ними мы коснулись Гелиума. Один пожилой господин много лет служил в дипломатической миссии. Он с сожалением говорил об обстоятельствах, которые заставляют эти две страны постоянно враждовать.

— Гелиум, — сказал он, — справедливо гордится своими красивыми женщинами на Барсуме, из всех его сокровищ прекрасная дочь Мориса Каяка, Дея Торис, — самый изысканный цветок.

— Народ, — прибавил он, — поистине обожает ее, и с момента ее пропажи во время этой неудачной экспедиции весь Гелиум в трауре. Атака обессиленного флота, когда тот возвращался в Гелиум, была одной из ужасных ошибок правительства, тех ошибок, которые рано или поздно заставят Зоданг выбрать более мудрого человека во главе государства.

— Даже теперь, когда наши победоносные войска окружают Гелиум, население Зоданга выражает свое недовольство, так как война эта не справедлива и не популярна среди народа. Наши силы воспользовались отсутствием главного флота Гелиума, который ушел на поиски принцессы, и поэтому нам легко довести город до очень печального состояния. Говорят, что он падет в самом скором времени.

— А какова судьба принцессы Деи Торис, как вы думаете? — спросил я, как будто совершенно случайно.

— Она умерла, — ответил он. — Это сказал зеленый воин, которого наши войска взяли в плен на юге. Ей удалось ускользнуть от тарков вместе со странным существом

из другого мира, но лишь для того, чтобы попасть в руки варунгов. Их тотов видели блуждающими по морю, а поблизости были найдены следы кровавого столкновения.

Хотя это сообщение ни в коей мере не было утешительным, но в нем не было точных доказательств смерти Деи Торис, и я решил приложить все усилия, чтобы возможно скорее достичь Гелиума и принести Тардосу Морсу сведения о месте пребывания его внучки, поскольку это было в моих силах.

Я прибыл в Зоданг через десять дней после того, как покинул трех братьев Птор. С того момента, как я столкнулся с красными обитателями Марса, я заметил, что Вула вызывает неприязненное отношение к себе и ко мне, так как это огромное животное принадлежит к тем видам, которые никогда не приручал красный человек. Если бы кто-нибудь прошел по Бродвею со следующим за ним по пятам намибийским львом, он произвел бы эффект, подобный тому, который бы произвел я, войдя в Зоданг с Вулой. Мысль о необходимости расстаться с верным товарищем причиняла мне такое большое сожаление и неподдельное горе, что я отгонял ее, пока мы не дошли до ворот города. Но там нам все-таки пришлось расстаться. Если бы дело было только в моей безопасности или удобстве, то никакие доводы не заставили бы меня прогнать единственное существо на Марсе, которое постоянно выражало мне свою привязанность и верность. Но так как я добровольно предложил свою жизнь в услужение той, в поисках которой я бросил вызов неизвестным опасностям в этом таинственном городе, я не мог позволить, чтобы присутствие Вулы угрожало успеху моего плана. Тем более, что я не сомневался, что он скоро забудет меня.

Итак, я тепло попрощался с бедным животным, обещав ему, что, если я благополучно вернусь из моего путешествия, я постараюсь отыскать его. Он как будто понял меня и печально пошел назад, когда я показал ему обратное направление к Тарку. Мне было тяжело следить за ним; я решительно повернулся к Зодангу и с ощущением боли в сердце приблизился к его угрюмым стенам.

Письмо, которое я имел, немедленно открыло мне доступ в окруженный стенами город. Было еще раннее утро, и улицы были пусты. Жилища, высоко поднятые на своих металлических колоннах, казались деревьями со стальными стволами. Магазины, как обычно, не были подняты над поверхностью, и двери их не были заперты, так как воровство совершенно неизвестно на Барсуме. Барсумцы боялись

только убийства и потому-то для охраны жилища предпринимали такие меры безопасности ночью и во время войны.

Братья Птор дали мне точные указания, как разыскать то место в городе, где я смогу найти удобное жилище недалеко от места службы государственных чиновников, к которым у меня были рекомендательные письма. Моя дорога вела к центральному скверу, который имеется во всех городах на Марсе. Сквер в Зоданге занимает квадратную милю и окружен дворцами джеджа, джеда и других членов царского рода и знати Зоданга и, кроме того, гостиницами, кафе и магазинами.

Когда я пересекал большой сквер, любясь великолепной архитектурой построек и роскошными красными растениями, устлавшими ковром широкую лужайку, я увидел марсианина, быстро идущего мне навстречу. Он не обратил на меня ни малейшего внимания, но я узнал его и, положив руку на его плечо, поздоровался:

— Каор, Кантос Кан!

Молниеносно он обернулся ко мне, и не успел я опустить свою руку, как острие его длинной шпаги коснулось моей груди:

— Кто ты? — зарычал он, и в то время, как обратный прыжок отнес меня футов на пятьдесят от его шпаги, он опустил острие вниз и воскликнул, смеясь:

— Я не нуждаюсь в лучшем ответе: ведь на Барсуме есть только один человек, который умеет прыгать, как резиновый мяч! Во имя матери самого дальнего месяца, Джон Картер, как вы попали сюда, и разве вы стали Дарсином, что научились менять цвет по своему желанию?

— Вы заставили меня пережить неприятную минуту, друг, — продолжал он после того, как я коротко обрисовал ему свои приключения с того момента, как мы расстались на арене Уорхуна, — если бы мое имя и место, где мой родной дом, были известны в Зоданге, я бы уже сидел на берегу далекого моря Корус с моими умершими предками. Я здесь в интересах Тардоса Морса, джеджа, Гелнума, чтобы открыть местонахождение Деи Торис, нашей принцессы. Саб Тзон, принц Зоданга, спрятал ее в городе. Он безумно влюблен в нее. Его отец Тзон Козис, джеджак Зоданга, поставил условием мира между нашими странами ее добровольное согласие на замужество с его сыном. Однако Тардос Морс не соглашается на его требование. Он ответил, что он и его народ скорее согласны увидеть мертвое лицо своей принцессы, чем видеть ее замужем против ее

воли, и что лично он предпочитает быть брошенным в пучину или видеть пожар Гелиума, чем соединить знак своего дома со знаком Тзона Козиса. Его ответ был самым тяжелым оскорблением зодангцам, но любовь народа Гелиума к своему джеддаку еще более окрепла, и власть его сильна, как никогда.

— Я здесь уже три дня,— рассказывал Кантос Кан,— но еще не узнал, где заключена Дея Торис. Сегодня я вступаю в зодангский флот в качестве воздушного разведчика. Я надеюсь этим путем добиться доверия Саба Тзона, принца, который командует флотским дивизионом, и таким образом узнать, где находится Дея Торис. Я счастлив, что вы здесь, Джон Картер, так как знаю вашу верность нашей принцессе. Я уверен, что вместе мы достигнем многого!

Сквер начал постепенно наполняться людьми, спешащими к своим повседневным обязанностям. Открылись магазины, в кафе появились первые посетители. Кантос Кан повел меня в один из этих роскошных ресторанов, где нам была подана еда, приготовленная исключительно при помощи механических аппаратов. Ни одна рука не прикасалась к пище с того момента, как она в сыром виде попадала на кухню и затем появлялась, горячая, ароматная и вкусная, на столах перед посетителями, заказывающими то или иное блюдо нажатием маленьких кнопок.

После чудесного завтрака Кантос Кан повел меня в квартал, где был расположен эскадрон воздушной разведки, и представил меня его начальнику. По его рекомендации меня приняли в войско. Но для поступления на службу необходимо было сдать экзамен, который Кантос Кан, взяв мои документы и представившись Джоном Картером, успешно выдержал.

— Эта хитрость откроется позже,— объяснил он мне весело, когда они начнут проверять мой рост, вес и другие приметы, но пока это будет сделано, пройдет несколько месяцев, и наша миссия будет выполнена, либо мы потерпим неудачу задолго до этого срока.

В ближайшие несколько дней Кантос Кан научил меня управлять летательными аппаратами и ремонтировать их. Воздушная лодка для одного человека имеет около 16 футов в длину, 2 фута в ширину и 3 в толщину; ее края заострены с обоих концов. Летчик располагается на верхушке этой плоскости на особом сиденье, построенном над маленькой бесшумной машиной из радия, которая управляет всем аппаратом. Секрет легкости и упругости заключен между тонкими металлическими стенками тела

лодки и состоит из восьмого луча, или лучей движения, как можно назвать их по их свойствам. Этот луч, подобно девятому лучу, неизвестен на Земле, но марсиане открыли, что он является неотъемлемым свойством всякого света, независимо от какого источника он получается.

Марсиане узнали, что восьмой солнечный луч продвигает свет солнца к разным планетам и что у каждой планеты свой индивидуальный восьмой луч, который отражает полученный солнечный луч и продвигает его дальше. Восьмой солнечный луч поглощается поверхностью Барсума, но есть, в свою очередь, восьмой барсумский луч, который посылает свет с Марса в пространство. Он постоянно струится с планеты, составляя силу, обратную силе тяжести. Если его удержать, он в состоянии поднять огромные тяжести с поверхности планеты.

Эти-то лучи и дают возможность марсианам совершать полеты на больших военных кораблях, по размерам далеко превосходящим все известное на Земле. В течение первых лет после открытия этих лучей было немало странных происшествий, пока марсиане не научились измерять и контролировать эту чудесную силу. Около девятисот лет тому назад первый большой военный корабль, который был выстроен с резервуарами для восьмого луча, снабдили слишком большим количеством лучей, и в одно мгновение он отлетел от Гелиума, преодолев притяжение, с пятьюстами солдатами и офицерами, чтобы уже больше никогда не вернуться. Сила отталкивания этих лучей от планеты так велика, что они увлекли корабль в пространство, где теперь с помощью сильных телескопов можно видеть его блуждающим по небесам в десяти тысячах миль от Марса — маленький спутник, который будет бесконечно вращаться вокруг него.

На четвертый день после моего прибытия в Зоданг я уже совершил первый полет и даже умудрился пролететь над дворцом Тзона Козиса. Я описывал над городом круги, как это делал Кантос Кан, а затем, набрав большую скорость, помчался к югу, направляясь вдоль одного из больших водных путей, ведущих к Зодангу. Меньше чем за час я пролетел, вероятно, две тысячи миль, когда далеко внизу я разглядел группу из трех зеленых воинов, которые быстро мчались к маленькой фигурке, старавшейся, по-видимому, добежать до одного из обнесенных стеной полей.

Направив свою машину к ним и описывая круги в тылу зеленых воинов, я скоро заметил, что они преследуют

красного марсианина, на одежде которого был знак эскадрона, к которому принадлежал и я. Недалеко лежал его аппарат, вокруг него были разбросаны инструменты, очевидно, он устранял какую-то неисправность, когда был застигнут зелеными войнами врасплох. Они были уже почти около него; их летящие тоты стремительно настигали красного марсианина, а воины наклонились вправо для удара, держа в руках длинные металлические копья. Еще лишь миг — и его судьба была бы решена, если бы не мое появление.

Заведя свой проворный аппарат сзади зеленых воинов и не снижая скорости, я быстро догнал их и атаковал одного из них. Сильный толчок подбросил обезглавленное тело в воздух через голову тоты, и оно упало рядом на мох. Двое других, обернувшись, с ревом помчались в разные стороны. Уменьшив скорость, я спустился на поверхность к ногам изумленного зодангца. Поблагодарив меня за своевременную помощь, он обещал мне награду, так как мне удалось спасти не кого-нибудь, а двоюродного брата джеддака Зоданга. Нельзя было терять ни минуты, так как зеленые воины непременно должны вернуться. Поспешив к поврежденной машине, мы приступили к ремонту и почти успели все сделать, когда увидели, что два зеленых чудовища возвращаются к нам. Но их, как всегда, подвели тоты, которые отказались подойти ближе, чем на сто ярдов, к испугавшей их машине.

Воины спешили и, отпустив своих животных, направились к нам, обнажив длинные мечи. Я выбрал для схватки более крупного, противника. Покончив с ним без особых усилий, благодаря большой практике, я бросился к моему новому знакомцу, которого нашел в отчаянном положении.

Он был ранен и лежал на земле. Противник поставил свою огромную ногу ему на грудь и поднял меч, чтобы нанести последний удар. Я легко перепрыгнул отделяющее нас расстояние в пятьдесят футов и, вытянув острейший шпиги, проткнул тело зеленого воина. Он выронил меч, не успев нанести удара, и сам тяжело рухнул на распростертое тело зодангца.

При беглом осмотре я убедился, что смертельных ран нет, и после короткого отдыха он заявил, что чувствует в себе силы отправиться в обратный путь. Он должен был лететь отдельно, так как эти хрупкие лодочки могли поднять лишь одного человека. Закончив, наконец, ремонт его аппарата, мы взлетели и без дальнейших приключений вернулись в Зоданг.

Приблизившись к городу, мы увидели большую толпу мирных граждан и солдат, собравшихся на лугу перед Зодангом. Небо было черно от военных кораблей и частных лодочек, на которых развевались флаги из пестрого шелка, хоругви, знамена со странными и яркими рисунками.

Мой спутник подал мне знак опуститься и, подлетев близко к моему аппарату, пригласил меня посмотреть церемонию, устроенную в честь офицеров и солдат, особенно отличившихся в последних боевых действиях против воинов Гелиума. Он развернул маленькое знамя, указывающее, что его корабль несет члена царской семьи Зоданга, и мы начали пробираться сквозь массу низколетающих воздушных кораблей, пока не зависли как раз над джеддаком и его свитой. Все они были верхом на маленьких домашних марсианских тоттах. На сбруе и украшениях было такое количество пестро раскрашенных перьев, что я был поражен удивительным сходством между этой свитой и бандой красных индейцев с моей Земли.

Кто-то из свиты обратил внимание Тзона Козиса на моего спутника над их головами, и правитель сделал ему знак спуститься. Пока войска выстраивались прямо перед джеддаком, он разговаривал со своим кузеном, время от времени поглядывая на меня. Слов их я не мог расслышать. Когда разговор закончился, все спустились с тоттов. В это время последние группы воинов заняли позицию перед джеддаком. Один из офицеров из свиты приблизился к войскам и, назвав имя солдата, приказал ему выйти вперед. Затем офицер доложил всем о геройском поступке воина, чем вызвал одобрителльные аплодисменты окружающих. Сам джеддак прикрепил металлическое украшение к левому рукаву счастливого.

Потом еще было награждено около десяти человек, как вдруг адъютант сказал:

— Джон Картер, воздушный разведчик!

Я был изумлен, но военная дисциплина заставила меня опустить машину на землю и подойти к офицеру, как это делали другие. Когда я остановился перед ним, он обратился ко мне громким голосом, чтобы слышали все собравшиеся:

— Джон Картер! В благодарность за вашу замечательную храбрость и ловкость, проявленные вами при защите двоюродного брата джеддака и в победе над тремя зелеными воинами, джеддак доставляет себе удовольствие возложить на вас знак его одобрения.

Тогда Тзон Козис подошел ко мне и, прикрепив украшение, сказал:

— Кузен рассказал мне подробности вашего удивительного подвига, который кажется почти чудом. Если вы так хорошо защищаете кузена джеддака, то насколько лучше вы сумеете защитить особу самого джеддака! Вы назначаетесь в гвардию и отныне будете находиться в моем дворце.

Я поблагодарил джеддака и по его приказанию присоединился к членам свиты. После окончания церемонии я поставил аппарат на стоянку под крышу, специально сооруженную для воздушного эскадрона, и, доложив офицеру о приказе правителя, отправился во дворец.

Глава XXII

ВСТРЕЧА С ДЕЕЙ ТОРИС

Мажордом, к которому я направился, имел распоряжение поместить меня близ особы джеддака, подвергающегося во время войны особенно сильной опасности. По существующим на Марсе правилам, во время войны все было позволено.

Он немедленно проводил меня в апартаменты, где находился Тзон Козис. Правитель был занят беседой со своим сыном Сабом Тзоном, несколькими придворными и не заметил моего появления.

Стены комнаты были сплошь увешаны роскошными драпировками, которые закрывали даже окна и двери. Потолок был сделан из толстого стекла, сквозь которое проникали солнечные лучи. Мой проводник откинул один из ковров, открывая проход, который шел вдоль всей комнаты, образуя пространство между стенами и висящими драпировками. Я должен был, по его словам, оставаться здесь до тех пор, пока Тзон Козис находится в комнате. Мне необходимо сопровождать джеддака, если он решит перейти в другие помещения, и при этом как можно меньше попадаться ему на глаза. Через четыре часа дежурства, как сказал мажордом, я буду сменен. Оставив меня в проходе, он покинул комнату.

Драпировки были из странной ткани, которая казалась тяжелой и плотной с одной стороны, а со своего места я мог видеть все, что делалось в комнате, будто занавеси, отделяющей меня, не существовало. Едва я занял свой пост, как в комнату вошли четыре воина и среди них была видна

женская фигурка. Приблизившись к Тзону Козису, солдаты расступились, и перед джеддаком, не далее чем в десяти футах от меня, очутилась Дея Торис с обворожительной улыбкой на лице.

Саб Тзон подошел к ней, и они, взявшись за руки, предстали перед джеддаком. Тзон Козис удивленно посмотрел на них и, встав, приветствовал Дею Торис.

— Какому странному капризу обязан я визитом принцессы Гелиума, которая лишь два дня тому назад, с редким вниманием к моей гордости, уверяла меня, что она предпочитает Тала Хаджуса, зеленого тарка, моему сыну?

Дея Торис только улыбнулась в ответ, и на ее щеках появились плутовские ямочки.

— С самого начала существования Барсума привилегией женщин было менять свои взгляды и притворяться в сердечных вопросах. Это вы должны учитывать и простить меня, Тзон Козис, как простил ваш сын. Два дня тому назад я не была уверена в его любви ко мне, теперь же изменила свое мнение. Я пришла просить вас забыть мои шпротетивые слова и принять уверения принцессы Гелиума в том, что она согласится выйти замуж за Саба Тзона, принца Зоданга.

— Я счастлив, что вы так решили,— ответил Тзон Козис.— Я вовсе не хотел продолжать далее эту бессмысленную войну с народом Гелиума. Ваше обещание будет записано и провозглашено народу.

— Лучше было бы,— прервала его Дея Торис,— отложить объявление народу о моем согласии до конца войны. И моему, и вашему народу покажется странным, что принцесса Гелиума отдает себя врагу в разгар военных действий.

— Разве война не может быть закончена сразу? — воскликнул Саб Тзон.— Достаточно лишь слова Тзона Козиса, чтобы наступил мир. Скажи его, отец мой, скажи это слово, которое приблизит мое счастье и положит конец этой ненужной ссоре.

— Мы посмотрим,— ответил Тзон Козис,— как народ Гелиума примет мир. Я, во всяком случае, предложу его им.

Дея Торис в сопровождении четырех стражников покинула комнату, а воздушный замок моей мечты о счастье и любви принцессы ко мне был разбит! Женщина, которой я предложил свою жизнь, из уст которой я так недавно слышал слова любви, обращенные ко мне, так легко забыла о моем существовании и с улыбкой согласилась на предложение сына злейшего врага своего народа.

Хотя я и слышал все собственными ушами, я не мог

этому поверить. Я решил непременно повидаться с ней и заставить ее повторить мне жестокую правду. Я оставил свой пост и поспешил к проходу к двери, через которую она покинула комнату. Тихонько проскользнув через дверь, я увидел множество извилистых коридоров, перекрещивающихся во всех направлениях.

Я быстро пробежал по одному из них, потом по другому, третьему и вскоре совершенно заблудился. Я стоял, задыхаясь, опершись на стену, как вдруг близко от себя услышал голоса. По-видимому, они исходили из помещения по ту сторону стены, возле которой я остановился. Я сейчас же узнал голос Деи Торис. Слов я не мог разобрать, но был уверен, что не ошибся.

Сделав несколько шагов, я нашел проход, в конце которого находилась дверь. Через нее я попал в комнату, служащую передней, в которой застал четырех воинов, стороживших принцессу. Один из них тотчас вскочил и спросил, по какому я делу.

— Я от Тзон Козиса, — ответил я, — и хочу поговорить с Деей Торис, принцессой Гелиума, наедине.

— Ваш ордер? — спросил он.

Я не знал, о чем он говорит, но ответил, что я член охраны джедака и направился к двери, за которой слышался голос Деи Торис. Но войти было не так-то легко! Телохраниль встал передо мной, настаивая на своем.

— Никто не приходит от Тзон Козиса без ордера или пароля. Покажите мне то или другое и вы сможете пройти.

— Единственный ордер, который я имею, чтобы пройти, куда хочу, мой друг, висит у меня на боку, — ответил я, похлопывая по рукоятке меча. — Дадите вы мне пройти мирно или нет?

Вместо ответа он вытащил свой меч и приказал другим последовать его примеру. Они все встали в ряд, загораживая мне путь.

— Вы здесь не по приказу Тзон Козиса, — воскликнул тот из них, который первым заговорил со мной, — и вы не только не войдете в комнату принцессы Гелиума, но под охраной будете отведены к Тзон Козису, где и дадите объяснение своей непозволительной дерзости. Спрячьте свой меч, вы один не справитесь с нами, — приказал он с угрюмой усмешкой.

Моим ответом был молниеносный удар, который оставил мне только трех соперников, и я смею уверить, они были достойны моего оружия. Они быстро откинули меня к стене. Борясь за свою жизнь, я медленно отступил в угол ком-

маты, так что они могли подходить ко мне только поодиночке. Так мы сражались минут двадцать. Звон мечей производил ужасный шум, который заставил Дею Торис подойти к дверям и выглянуть из них. Она так и простояла там все время, а Сола выглядывала из-за ее плеча. Ее лицо было неподвижно и спокойно, и я понял, что ни она, ни Сола не узнали меня.

Наконец удачный удар сбил другого противника, и тогда, имея против себя двоих, я переменял тактику и обрушился на них тем приемом, который помог мне одержать много побед. Третий упал через десять секунд после второго, и через несколько минут и последний лежал мертвый на полу. Они были храбрые люди и хорошие бойцы, и я был огорчен тем, что должен был убить их, но, чтобы достигнуть своей цели, я охотно уничтожил бы население всего Барсума, если бы не было иного выхода.

Вложив в ножны окровавленный клинок, я подошел к своей марсианской принцессе, которая безучастно наблюдала всю сцену, не узнавая меня.

— Кто вы? — спросила она. — Еще один враг, чтобы мучить меня в моем горе?

— Я друг... — отвечал я, — когда-то любимый друг...

— Ни один из друзей принцессы Гелиума не носит этого знака... Но этот голос! Я слышала его раньше... Это... Это не может быть... нет, ведь он мертв!

— Это никто иной, моя принцесса, как Джон Картер! Неужели вы, несмотря на краску и знаки, не узнаете сердце вашего вождя?!

Когда я подошел к ней вплотную, она покачнулась с простертыми ко мне руками, но прежде чем я успел заключить ее в свои объятия, она отшатнулась назад с дрожью и тихим стоном.

— Слишком поздно, слишком поздно! — плакала она. — О, мой вождь, которого я считала мертвым, если бы вы вернулись часом раньше. Но теперь уже поздно, слишком поздно!

— Что это значит, Дея Торис? — воскликнул я. — Что вы не дали бы обещания принцу Зоданга, если бы знали, что я жив?

— Думаете ли вы, Джон Картер, что, отдав вчера свое сердце вам, я могу сегодня отдать его другому? Я думала, что оно погребено вместе с вашим прахом в могиле, и поэтому обещала сегодня свое тело другому, чтобы спасти свой народ от нападения армии Зоданга.

— Но я не умер, моя принцесса! Я пришел за вами,

и весь Зоданг не сможет помешать мне!

— Слишком поздно, Джон Картер! Мое обещание дано, а на Барсуме это — все. Церемония, которая последует после, будет лишь бессмысленной формальностью. Она ничего не прибавит к самому факту женитьбы, как похоронное шествие джеджа не наложит еще одной печати смерти на его лицо. Я уже замужем, Джон Картер. И вы больше не должны называть меня своей принцессой, и вы больше не мой вождь.

— Я мало знаю ваши обычаи здесь на Барсуме, Дея Торис, но я знаю, что люблю вас, и если вы помните последние слова, которые вы сказали мне, когда уорхунцы напали на нас, то ни один мужчина не смеет думать о вас, как о своей невесте. Тогда вы думали так, моя принцесса, вы и теперь так думаете! Скажите мне, что это так!

— Я думаю так, Джон Картер,— прошептала она.— Я не могу повторить этого теперь, потому что дала слово другому. Ах, если бы вы только знали наши обычаи, мой друг,— продолжала она, обращаясь наполовину к себе самой,— вы получили бы мое обещание уже много месяцев тому назад и могли бы требовать меня раньше всех остальных. Пусть погиб бы Гелиум, но я отдала бы все царство за своего таркского вождя.

Затем она сказала громко:

— Вы помните ту ночь, когда вы меня обидели? Вы называли меня своей принцессой, не попросив моей руки, и потом вы хвалились, что боролись за меня. Вы не знали, и я не должна была обижаться, теперь я это понимаю. Но не было никого на Барсуме, кто сказал бы вам, а я не могла этого сделать, что здесь у нас есть два рода женщин в городах красных людей: за одних мужчины борются и потом просят их руки, за других мужчины тоже борются, но в жены их никогда не просят.

— Когда мужчина выигрывает женщину, он может назвать ее своей принцессой или другим именем, означающим, что она принадлежит ему. Вы боролись за меня, но никогда не просили моей руки, и когда вы называли меня своей принцессой, вы понимаете,— она колебалась,— я была оскорблена. Но даже тогда, Джон Картер, я не оттолкнула вас, как должна была сделать, потому что вы сделали еще вдвое хуже, когда насмехались надо мной, говоря, что выиграли меня в сражении.

— Я не буду теперь просить у вас прощения, Дея Торис! Вы должны знать, что вина моя лишь в незнании обычаев Барсума. То, что я должен был сделать раньше,

хотя я полагал, что моя просьба будет самонадеянной и нежеланной, я делаю теперь, Дея Торис! Я прошу вас быть моей женой и клянусь своей кровью, которая течет в моих жилах, вы будете ею!

— Нет, Джон Картер, это бесполезно! — безнадежно воскликнула она. — Я никогда не буду вашей женой, пока жив Саб Тзон!

— Только не это, — поспешила она объяснить, — я не выйду замуж за человека, который убил моего мужа, даже защищаясь. Таков обычай! Обычай правят нами на Барсуме — это бесполезно, мой друг! Вы должны разделить горе вместе со мной — это единственное, что может быть у нас общего. Это и воспоминание о коротких днях среди тарков. Теперь вы должны уйти и больше никогда не увидите меня. Прощайте, мой вождь!

Отвергнутый, с разбитым сердцем, я вышел из комнаты. Но я не терял надежды и не допускал, что Дея Торис навсегда потеряна для меня, пока церемония брака не свершилась.

Я блуждал по коридорам и совершенно заблудился в переходах. Я знал, что единственная надежда на спасение была в бегстве из города, так как факт убийства четырех стражей потребует объяснения, а без проводника я не сумею найти свой пост, подозрения падут на меня, как скоро меня заметят бесцельно слоняющимся по дворцу.

Наконец я подошел к винтовой лестнице, ведущей в нижний этаж, и спустился по ней до дверей в большую комнату, где было много стражников. Стены комнаты были увешаны прозрачными драпировками, за которыми я и спрятался, не будучи замеченным.

Общий разговор телохранителей не вызвал во мне никакого интереса, пока в комнату не вошел офицер и не приказал четверым из них сменить тех, кто охранял принцессу Гелиума. Тогда я понял, что надо действовать. Едва воины оставили комнату, как один из солдат ворвался назад, задыхаясь в крике, что они нашли четырех товарищей убитыми на полу в передней.

В одну минуту весь дворец наполнился народом. Стража, офицеры, придворные, слуги и рабы бегали взад и вперед по коридорам и комнатам, передавая приказания и поручения и отыскивая следы убийцы. Я воспользовался этим удобным для меня обстоятельством и, когда группа солдат прошла мимо моего укрытия, присоединился к ним, прошел через весь лабиринт дворца, пока не увидел благословенный свет, проникающий через большие окна.

Здесь я оставил проводников и скользнул к ближайшему окну, подыскивая пути возможного побега. Окна выходили на большой балкон, нависающий над одной из широких улиц Зоданга. До поверхности было далеко, около тридцати футов, и на таком же расстоянии от окон была стена, футов в двадцать высотой, сооруженная из стекла, толщиной около фута. Для красного марсианина этот вариант побега казался бы невозможным, но для меня, с моей земной силой и ловкостью, это было исполнимым. Единственное, чего я боялся, что меня обнаружат во дворце и поймают до наступления темноты, потому что днем я не мог осуществить свой план — двор и улица были запружены воинами.

Теперь нужно было найти дневное укрытие, и я огляделся. С потолка свисал роскошный декоративный фонарь, внутри которого вполне можно было поместиться. Я запрыгнул в него и только успел устроиться, как группа людей вошла в комнату и остановилась как раз подо мной, так что я ясно слышал каждое слово:

— Это работа гелиумцев, — сказал один из вошедших.

— Да, несомненно, джеддак, но как они проникли во дворец? Я не могу допустить, что даже один враг при столь усиленной страже мог добраться до внутренних покоев дворца, но каким образом пять или шесть вооруженных людей могли остаться незамеченными — это для меня загадка. Мы скоро узнаем правду, так как к нам идет царский психолог!

Еще один человек присоединился к группе и, приветствовав правителя, сказал:

— О могущественный джеддак, я прочел странную историю в мертвых душах твоих воинов. Они были убиты не несколькими людьми, а всего одним противником...

Он помолчал, чтобы слушатели оценили его сообщение как следует, но его словам мало поверили, так как Тэон Козис нетерпеливо воскликнул:

— Что за чудесные сказки приносишь мне ты, Нотан?

— Это правда, мой джеддак! — отвечал психолог. — На мозгу каждого из четырех убитых отпечатки были очень сильны. Их враг был высокого роста, носящий знак вашего собственного телохранителя, и его ловкость и боевые качества почти невероятны, так как он сумел победить четверых своей хитростью, сверхчеловеческой силой и выносливостью. Хотя он и носит знак воина Зоданга, мой джеддак, но такого человека еще не было ни в одном государстве Барсума. Душа принцессы Гелиума, которую я

спрашивал и экзаменовал, для меня непонятна, она прекрасно владеет собой. Она сказала, что присутствовала лишь с середины схватки и видела только одного человека, который боролся со стражей. Она заявила, что никогда прежде не встречала его.

— Где мой спаситель? — спросил другой голос, в котором я узнал голос двоюродного брата Тзона Козиса, спасенного мною от зеленых воинов. — Клянусь знаком моих предков, — продолжал он, — это описание подходит к нему чрезвычайно, особенно по части храбрости и умения побеждать.

— Где этот человек? — закричал Тзон Козис. — Привести его ко мне сейчас же! Что вы знаете о нем, брат мой? Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется странным, что в Зоданге был такой боец, а имени его мы не знали до сегодняшнего дня. Да и имя его, Джон Картер, кто слышал когда-нибудь такое имя на Барсуме?

Скоро принесли известие, что меня нигде не могут найти, ни во дворце, ни на стоянке эскадрона воздушных разведчиков. Они нашли Кантоса Кана и допросили его, но он ничего не знал о моем местопребывании. Что касается моего прошлого, то он заявил, что мало знаком со мной и встретился лишь недавно во время нашего плена у уорхунцев.

— Следите и за этим, — приказал Тзон Козис. — Он тоже иностранец, и похоже, что они оба из Гелиума. Там, где один из них, мы скоро найдем и второго. Усиьте воздушные патрули в четыре раза и подвергайте каждого человека, покидающего город по суше или по воздуху жесточайшему контролю!

Вошел еще один курьер с известием о том, что я, несомненно, нахожусь во дворце.

— Портреты всех людей, которые вошли во дворец или вышли из него сегодня днем были тщательно изучены, — закончил он, — ни один из них не похож на этого человека, кроме того портрета, который снят с него самого, когда он утром вошел во дворец.

— Тогда мы скоро поймаем его, — успокоился Тзон Козис, — а тем временем мы отправимся к принцессе Гелиума и расспросим ее об этом деле. Она, быть может, знает больше, чем сообщила тебе, Нотан! Идемте!

Они покинули зал, и, когда наступила темнота, я незаметно выбрался из моего тайника и поспешил на балкон. Выбрав момент, когда поблизости никого не было, я быстро прыгнул на стеклянную стену, а с нее на улицу, проходящую позади дворца.

Глава XXIII

ПОЛЕТЫ НАД БАРСУМОМ

Я сразу поспешил к месту стоянки воздушного эскадрона, где надеялся разыскать Кантоса Кана. Осторожно я приблизился к зданию, так как не напрасно предполагал, что оно усиленно охраняется. Несколько человек со знаками гражданского управления бродили у входа, а внутри виднелись другие. Единственным возможным вариантом попасть незамеченным на верхний этаж, где помещались наши комнаты, было проникнуть туда по крыше. Мне удалось взобраться на пристройку, а оттуда, перепрыгивая с крыши на крышу, я добрался до открытого окна того здания, где рассчитывал найти приятеля. И вот я уже стоял в комнате перед ним. Он был один и не удивился моему приходу, сказав, что ожидал меня раньше, так как моя служебная поездка должна была давно завершиться.

Я понял, что он ничего не знает о событиях, произошедших в этот день во дворце. Когда я сообщил ему о них, он пришел в большое волнение. Известие, что Дея Торис обещала свою руку Сабу Тзону, наполнило его негодованием.

— Этого не может быть, — воскликнул он, — это невозможно! Во всем Гелиуме нет человека, который не предпочел бы смерть продаже нашей любимой принцессы царствующему дому Зоданга. Она, видно, совсем потеряла голову, что дала согласие на эту отвратительную сделку. Вы не знаете, как мы, граждане Гелиума, любим членов нашего царствующего дома, и не можете понять, с каким ужасом я думаю о таком недостойном союзе.

— Что делать, Джон Картер? — продолжал он. — Вы человек находчивый. Придумайте же что-нибудь, чтобы спасти Гелиум от такого унижения!

— Если бы мне удалось добраться до Саба Тзона, — ответил я, — то мой меч разрешил бы затруднения Гелиума, но по личным причинам я предпочел бы, чтобы удар, который освободит Дею Торис, нанес другой.

Прежде чем ответить Кантос Кан пристально поглядел на меня.

— Вы ее любите! — сказал он. — Знает ли она об этом?

— Она знает об этом, Кантос Кан, и отказала мне только потому, что обещала Сабу Тзону.

Он вскочил и, схватив меня за плечо, поднял свой меч, восклицая:

— Если бы выбор зависел от меня, я бы не нашел для первой принцессы Барсума никого, достойнее вас. Я кладу свою руку на ваше плечо, Джон Картер, и даю слово, что острый моего меча поразит Саба Тзона во имя моей любви к Гелиуму, во имя Деи Торис и вас. Сегодня же ночью я попытаюсь проникнуть к нему во дворец.

— Каким образом? — спросил я. — Вас строго охраняют, и увеличенные в четыре раза патрули сторожат вебо.

На миг он задумчиво понурил голову, затем снова уверенно поднял ее.

— Мне нужно лишь миновать стражу, а это мне удастся, — сказал он наконец. — Мне известен тайный вход во дворец через башню. Я открыл его случайно, когда однажды нес патрульную службу над дворцом. Неся вахту, мы должны обращать внимание на всякое необычное явление, и мне показалось странным, когда я заметил чье-то лицо, выглядывающее с парапета самой высокой башни. Поэтому я приблизился, и оказалось, что выглядывал с башни никто иной, как сам Саб Тзон. Он был немного смущен, что я обнаружил его, и велел мне держать это в тайне, объяснив, что проход с башни ведет прямо в его апартаменты и известен только ему одному. Если бы мне удалось пробраться на крышу казармы и достать мою машину, я через пять минут был бы у Саба Тзона. Но как мне выбраться из этого здания, которое, по вашим словам, усиленно охраняется?

— Кто охраняет машины в казармах? — спросил я его.

— Там обычно дежурит на крыше один часовой.

— Выберите на крышу этого здания, Кантос Кан, и ждите меня там.

Не теряя времени на объяснения своего плана, я выбрался на улицу и поспешил к казармам. Я не решился войти, так как они были переполнены воздушными разведчиками, разыскивающими меня.

Казармы представляли собой огромное здание, возвышавшееся на целую тысячу футов. Во всем Зоданге не нашлось бы столь огромного дома. Ангары больших военных кораблей находились на высоте пятисот футов от земли, и почти так же высоко были расположены ангары грузового и пассажирского авиатранспорта. Трудно и опасно было взбираться туда по фасаду, но другого пути не было, и я рискнул. Цепляясь за многочисленные архитектурные украшения мне удалось добраться до карниза быстрее, чем я предполагал. Тут я встретился с первым серьезным

препятствием. Карнизы выдавались футов на двадцать над стеной, и мне не удалось найти в них ни одного отверстия. Верхний этаж был освещен и битком набит свободными от дежурства солдатами. Так что им я тоже не мог воспользоваться.

У меня оставался последний отчаянный шанс, и я решил воспользоваться им — ведь я рисковал ради Деи Торис, а кто не отдал бы жизнь ради ее спасения!

Держась за стену ногами и левой рукой, я правой отцепил длинный ремень своей амуниции. На конце его болтался большой крюк, с помощью которого летчики подвешиваются ко дну своих летательных аппаратов для ремонта машин. Эти же крючья применяются и при высадке с военных кораблей.

Я несколько раз пытался закинуть крюк на крышу, пока он, наконец, не зацепился прочно. Я осторожно потянул за ремень, чтобы убедиться в его прочности. Если он не выдержит или зацепился не за столь прочную опору, я рухну вниз на мостовую с высоты в тысячу футов.

Я помедлил несколько секунд, а потом, отделившись от поддерживающей меня лепки, повис на конце ремня. Глубоко подо мной были ослепительно освещенные улицы, мостовые и... смерть! Вверху на карнизе послышался короткий скрип и неприятный скользкий царапающий звук, обдавший меня холодным предчувствием. Потом крюк опять зацепился, и я облегченно вздохнул. Быстро вскарабкавшись наверх, я ухватился за край карниза и взобрался на крышу. Став на ноги, я оказался лицом к лицу с часовым, направившим на меня дуло своего пистолета.

— Кто вы? И откуда взялись? — крикнул он.

— Я воздушный разведчик, друг, и только что был на волосок от смерти, так как лишь случайно не свалился на улицу, — ответил я, говоря сущую правду.

— Но как вы попали на крышу? За последний час никто не приставал и не поднимался изнутри. Живое объясните это, или я тотчас же позову стражу!

— Послушай-ка, часовой, я только что был на волосок от смерти, и я все тебе объясню, — ответил я и повернулся к краю крыши, где двадцатью футами ниже висело на ремне все мое оружие.

Движимый любопытством, бедняга стал рядом со мной и нагнулся через карниз, а я в тот же миг схватил его за горло и повалил на крышу. Пистолет выпал из его рук, и мои пальцы прикрыли ему рот, я связал его и привесил к карнизу точно так же, как всего минуту назад висел сам.

Я знал, что его заметят там не раньше утра, и хотел выиграть как можно больше времени.

Надев свое оружие, я поспешил к ангарам и вскоре вывел оттуда мою машину и машину Кантоса Кана. Прикрепив его машину к своей, я запустил двигатель и, соскользнув с края крыши, нырнул в темноту, выбирая для полета высоту более низкую, нежели та, на которой обычно летали воздушные патрули. Совершив небольшой вираж, я благополучно опустился на крышу перед изумленным Кантосом Каном.

Мы составили план дальнейших действий и решили, что я попытаюсь добраться до Гелиума, а Кантос Кан отправится во дворец и покончит с Сабом Тзоном. В случае удачи он должен был последовать за мной. Он отдал мне свой компас, замечательный маленький прибор, который всегда указывает на какую-нибудь определенную точку на поверхности Барсума. Потом мы распрощались и, одновременно взвившись в воздух, помчались по направлению ко дворцу, лежащему на пути моего перелета. Когда мы приблизились к высокой башне, на нас с высоты ринулся патруль и осветил своим прожектором мой аппарат. Раздался голос, приказывающий мне остановиться. Я не обратил внимания на это предупреждение и тотчас же услышал выстрел. Кантос Кан проворно скрылся во мраке, я же круто поднялся и на безумной скорости понесся по марсианскому небу, преследуемый десятком машин воздушных разведчиков и патрулей, присоединившихся к погоне. Вскоре позади меня появился также быстроходный крейсер с экипажем в сто человек и батареей скорострельных орудий. Падая вниз и вновь поднимаясь, я удачно избегал луча их прожекторов, но этим маневром только терял время, и поэтому решил рискнуть и лететь напрямую, положившись на милость судьбы и на скорость моей машины.

Кантос Кан показал мне один секрет в механизме, известный только в Гелиуме и значительно повышающий скорость летательных аппаратов. Поэтому я надеялся оторваться от своих преследователей, лишь бы мне удалось избежать их прицельного обстрела. Я мчался вперед, и свист пуль кругом убеждал меня, что спасти меня может только чудо. Дав двигателю полный ход, я взял прямой курс на Гелиум. Мало-помалу мои преследователи начали отставать, и я уже мысленно поздравлял себя с удачей, как вдруг снаряд, посланный с крейсера, взорвался у самого носа моего утлого суденышка. Сотрясение чуть не опрокинуло его, и оно с ужасающей скоростью стало падать вниз. Мне

удалось лишь над самой поверхностью овладеть машиной, так как до меня донеслись голоса животных. Поднявшись опять, я отыскал взором своих преследователей и, оставляя за собой их огни, наблюдал, как они спускаются, предполагая найти меня внизу. Когда огни их кораблей окончательно скрылись из виду, я зажег лампочку над моим компасом и, к своему огорчению, увидел, что осколок снаряда совершенно испортил мой единственный указатель пути, а также прибор, показывающий скорость полета. Конечно, я мог приблизительно передвигаться по звездам, но не зная точного расположения города, можно легко сбиться с курса. Шансы найти при таких условиях Гелиум были весьма невелики.

Гелиум расположен на тысячу миль южнее Зоданга, и с исправным компасом вполне возможно преодолеть это расстояние за четыре — пять часов. Однако утро застало меня летящим на полной скорости над бесконечной поверхностью высохшего морского дна. Я был в пути уже около шести часов, как вдруг внизу показался город, но это был не Гелиум, так как последний, в отличие от других барсумских городов, состоит из двух больших частей, окруженных огромными стенами и удаленных друг от друга миль на семьдесят пять. Поэтому я вполне мог бы узнать его с той высоты, на которой летел.

Предполагая, что я взял слишком далеко к северу или западу, я повернул на юго-восток и в течение первой половины дня оставил за собой целый ряд крупных городов, но ни один из них не соответствовал описанию Кантоса Кана. Главным ориентиром, по его словам, мне должны были послужить две гигантские красные башни, возвышающиеся чуть не на целую милю в центре одной из частей города, и другая такая же, но светло-желтого цвета, расположенная во второй половине города.

Глава XXIV

ТАРС ТАРКАС НАХОДИТ ДРУГА

Около полудня я, пролетая низко над большим мертвым городом Марса и скользя над расстилавшейся за ним долиной, наткнулся на несколько тысяч зеленых воинов, увлеченных жестоким сражением. Не успел я развернуться, как меня осыпал град выстрелов. Они стреляли почти без

промаха и вмиг изрешетили мою машину, которая стремительно рухнула вниз.

Я упал в самую гущу воинов, которые были так поглощены этой отчаянной схваткой, что даже не заметили меня. Они сражались в общем строю длинными мечами, и воин, который вздумал бы отделиться от других, попал бы под огонь своих же скорострельных орудий, стрелявших с фланга.

Когда машина опустилась в их толпу, я понял, что надо сражаться или умереть, с большими шансами на последнее, и, выпрыгнув на поверхность уже с обнаженным мечом, готов был защищаться до последней капли крови.

Я оказался рядом с гигантом, отбивавшимся от трех противников и, заглянув в его мрачное, искаженное яростью битвы лицо, узнал в нем Тарса Таркаса. Он не видел меня, так как я стоял немного сзади, и в этот миг его трое противников, в которых я признал уорхунцев, одновременно напали на него. Огромный воин быстро справился с одним из них, но, отступив для нового удара, споткнулся о какой-то труп, упал и очутился во власти своих врагов. Они набросились на него. И Тарс Таркас отправился бы к праотцам, если бы я не успел подскочить вовремя и отвлечь их. Я одолел одного из них, а в это время могучий тарк уже вскочил на ноги и быстро покончил с другим.

Он взглянул на меня, и едва заметная улыбка мелькнула на его суровых устах. Коснувшись моего плеча, он сказал:

— Я с трудом узнаю вас, Джон Картер, но ни один смертный на всем Барсуме не сделал бы для меня того, что сделали вы. Мне кажется, что на свете действительно существует дружба, мой друг.

Он больше ничего не сказал, да и враги наступали на нас со всех сторон, а мы с ним сражались вместе плечом к плечу все эти долгие жаркие часы до вечера, когда напряжение битвы, наконец, ослабло, и остаток свирепой уорхунской орды вскочил на своих тоттов и умчался в темноту ночи.

Десять тысяч воинов участвовали в этом сражении, и на поле остались лежать три тысячи убитых. Ни та, ни другая сторона не просила и не давала пощады. Пленных не брали.

Вернувшись после битвы в город, мы отправились прямо к Тарсу Таркасу, где я остался один, а он пошел на заседание совета, собравшегося обсудить столь важное военное событие. В то время, как я сидел и ожидал возвращения зеленого воина, я услышал шум в смежной комнате, и, когда

выглянул туда, огромное страшное животное бросилось на меня и опрокинуло на кучу шелковых и меховых покрывал, на которых я сидел. Это был Вула, верный, любящий Вула! Он нашел обратную дорогу в Тарк, и, как впоследствии Тарс Таркас рассказал мне, отправился прямо в мое прежнее жилище и безнадежно ждал моего возвращения.

— Тал Хаджус знает, что вы здесь, Джон Картер,— сказал Тарс Таркас, вернувшись с совета.— Саркойя видела и узнала вас, и джедак приказал мне доставить вас вечером к нему. У меня десять тоттов, Джон Картер. Выберите любого из них, и я провожу вас до ближайшего канала, ведущего к Гелиуму. Тарс Таркас суровый зеленый воин, но он также может быть другом. Идем, пора в путь.

— А что будет с вами, когда вы вернетесь, Тарс Таркас? — спросил я.

— Ничего хорошего,— ответил он.— Разве только мне представится долгожданный случай сразиться с Талом Хаджусом.

— Мы останемся, Тарс Таркас, и мы пойдем вечером к Талу Хаджусу! Вы не должны жертвовать собой: кто знает, может быть, вечером вам представится тот случай, которого вы ждете.

Он упорно настаивал на своем, говоря, что Тал Хаджус часто приходит в дикую ярость при одной мысли о нанесенном ему мной ударе, и что, если он только доберется до меня, я буду подвергнут самым ужасным пыткам.

За едой я поведал Тарсу Таркасу историю, которую Сола доверила мне ночью во время похода в Тарк. Он мало говорил, лицо его содрогалось от волнения и боли при мысли об ужасах, выпавших на долю единственного существа, которое он когда-либо любил за всю свою холодную, жестокую, ужасную жизнь.

Он больше не спорил, когда я предложил отправиться к Талу Хаджусу, и лишь сказал, что хотел бы сначала поговорить с Саркойей. По его просьбе я проводил его к жилищу Саркойи, и брошенный ею на меня исполненный ненависти взгляд был для меня почти наградой за все несчастья, грозившие мне при этом непредвиденном возвращении в Тарк.

— Саркойя,— сказал Тарс Таркас,— сорок лет тому назад при вашем содействии была замучена до смерти женщина по имени Гозава. Только что выяснилось, что воин, любивший эту женщину, жив и узнал о вашем участии в этом деле. Он не убьет вас, Саркойя, это не в наших обычаях, но никто не может помешать ему привязать один конец

ремня к вашей шее, а другой — к дикому тоту, только лишь чтобы испытать вашу живучесть и пригодность к продолжению рода тарков. Завтра он сделает это, но я считал правильным предупредить вас, так как я человек справедливый. У вас есть один шанс избежать этого — путь к реке Исс. Пойдем, Джон Картер!

На следующее утро Саркой исчезла, и с тех пор ее больше никто не видел.

Молча направились мы ко дворцу джеддака и были немедленно допущены к его особе. Он с трудом дождался моего прихода, и мы застали его стоящим на возвышении и не сводящим глаз с двери.

— Привяжите его к столбу, — завопил он, — посмотрим, кто он такой, что посмел ударить могущественного Тала Хаджуса! Нагрейте железо, чтобы я собственными руками мог выжечь ему глаза, оскверняющие меня своими гнусными взглядами!

— Вожди Тарка, — закричал я, обращаясь ко всему совету и перебивая Тала Хаджуса. — Я был вождем среди вас и сегодня сражался за Тарк рядом с его знаменитейшим воином. Вы должны, по крайней мере, выслушать меня. Эту награду я заслужил. Вы считаете себя справедливым народом...

— Молчать! — заревел Тал Хаджус. — Заткните ему рот и свяжите его, как я приказал.

— Справедливость, Тал Хаджус, — воскликнул Лоркас Птомель. — Кто ты такой, чтобы пренебрегать обычаями тарков?

— Да, справедливость! — повторили десятки голосов, и как Тал Хаджус не злился и не бушевал, я продолжал свою речь.

— Вы храбрый народ и вы уважаете храбрых, но где же был ваш могущественный джеддак во время сегодняшней битвы? Я не видел его в гуще сражения — там его не было. Он терзает в своем логове беззащитных женщин и детей, но часто ли вы видели его сражающимся с мужчинами? Даже я, карлик против него, сшиб его одним ударом кулака. Таков ли должен быть джеддак тарков? Здесь, рядом со мной, стоит великий тарк, славный воин и благородный человек. Вожди! Плохо ли звучит: Тарс Таркас — джеддак тарков?!

Смутный одобрительный гул покрыл мои слова.

— Совету стоит лишь повелеть, и Тал Хаджус должен будет доказать свое право на власть. Будь он храбр, он вызвал бы на поединок Тарса Таркаса, так как он не любит

его. Но Тал Хаджус боится. Тал Хаджус, ваш джеддак, трус. Я мог бы убить его голыми руками, и он это знает.

Когда я умолк, настало долгое молчание, и глаза всех были устремлены на Тала Хаджуса. Он не произнес ни звука, не шелохнулся, но пятнистый зеленый цвет его лица стал ярче, и пена выступила на его губах.

— Тал Хаджус,— холодным, жестким голосом сказал Лоркас Птомель,— за всю мою долгую жизнь я никогда еще не видел джеддаков тарков в таком унижительном положении. На подобный вызов может быть лишь один ответ. Мы ждем его.

Но Тал Хаджус по-прежнему стоял, словно окаменев.

— Вожди,— продолжал Лоркас Птомель,— должен ли джеддак Тал Хаджус показать свое право на власть в поединке с Тарсом Таркасом?

Около двадцати вождей мрачно стояли вокруг возвышения, на котором находился Тал Хаджус, и сразу все их мечи поднялись вверх в знак утвердительного ответа. Теперь не могло быть иного решения, и джеддак обязан был подчиниться. Тал Хаджус, вытащив свой длинный меч, двинулся навстречу Тарсу Таркасу.

Поединок продолжался недолго, и, наступив ногой на шею мертвого чудовища, Тарс Таркас стал вождем тарков.

Видя благоприятное отношение воинов к Тарсу Таркасу и ко мне, я воспользовался этим случаем, чтобы привлечь их на мою сторону в борьбе с Зодангом. Я рассказал Тарсу Таркасу историю своих приключений и в нескольких словах объяснил ему свой план.

— Джон Картер внес предложение,— сказал он, обращаясь к совету,— которое я нахожу достойным внимания. Я кратко изложу его вам. Дея Торис, принцесса Гелиума, бывшая наша пленница, в настоящее время во власти джеддака Зоданга и должна выйти замуж за его сына, чтобы спасти свою страну от разрушения зодангскими войсками. Джон Картер предлагает нам освободить ее и вернуть в Гелиум. Добыча в Зоданге будет великолепная, и я часто думал, что в союзе с народом Гелиума мы могли бы увеличить свои средства к существованию, что позволило бы нам повысить деторождение и, таким образом, достигнуть бесспорного превосходства среди зеленых людей на всем Барсуме. Что вы на это скажете?

Представлялся случай повоевать и пограбить, и они бросились на эту приманку. В тарках загорелся боевой дух, и не прошло и получаса, как двадцать верховых мчались по дну высохшего моря, созывая отдельные общины

для экспедиции. Через три дня мы выступили в поход на Зоданг, собрав не менее ста тысяч человек, так как Тарсу Таркасу удалось обещаниями богатой добычи привлечь к участию в походе три более мелкие общины.

Я ехал во главе колонны рядом с великим тарком, а у ног моего тот бегал Вула, мой дорогой любимый Вула. Мы двигались только ночью, распределив переходы так, чтобы днем останавливаться в покинутых городах, где все мы, и даже животные, прятались в домах, пока светило солнце. Тарсу Таркасу удалось во время похода привлечь в наши ряды пятьдесят тысяч воинов других орд, и через десять дней после выступления наша огромная армия прибыла среди ночи к стенам Зоданга.

Боевая сила этих свирепых зеленых чудовищ превосходила в десять раз количество красных людей. Тарс Таркас объяснил мне, что никогда еще за всю историю Барсума не было такого количества зеленых воинов, объединенных для общей цели. Поддерживать между ними хотя бы видимое согласие составляло огромную трудность, и мне казалось чудом, что ему удалось довести их до города без междоусобного кровопролития.

Когда же мы приблизились к Зодангу, их личные дразги были поглощены общей ненавистью к красным. Они особенно ненавидели жителей Зоданга, которые уже много лет вели беспощадную борьбу с зелеными людьми, разрушая их инкубаторы.

Теперь, когда мы были перед Зодангом, мне предстояло обеспечить доступ в город. Я предложил Тарсу Таркасу разделить войско на два отряда и расположить их против соответствующих городских ворот на таком расстоянии, чтобы их не слышали из города. Затем я с двадцатью пешими воинами приблизился к одним из меньших ворот, каких было много в стене. Стража у них состоит лишь из одного человека, который ходит внутри стены по примыкающей к ней городской улице.

Городские стены были выстроены из гигантских глыб карборунда и достигали семидесяти футов в высоту и пятидесяти в толщину. Моим спутникам показалась неразрешимой задача проникнуть в город. Но они принадлежали к одной из меньших общин и поэтому не знали меня. Поставив трех из них лицом к стене, я приказал двум другим влезть им на плечи, а шестому взобраться на плечи к этим двум. Голова верхнего воина возвышалась над землей футов на сорок.

Я выстроил пирамиду из воинов, и, таким образом,

получились ступеньки от земли до плеч верхнего воина. Разбежавшись, я вскочил одному из них на плечи и, быстро карабкаясь, добрался до вершины. Ухватившись за край стены, я взобрался наверх и расположился на ее ровной поверхности. За собой я втянул шесть связанных вместе ремней, принадлежавших воинам. Один конец я протянул верхнему воину, по другому спустился с противоположной стороны стены на проходившую внизу улицу. Никого не было видно, и я благополучно прыгнул с высоты оставшихся тридцати футов на мостовую.

От Кантоса Кана я знал, как открываются эти ворота, и через несколько минут мои бойцы-гиганты вступили в обреченный город Зоданг. Мы удачно вошли в город, как раз в конце огромных дворцовых садов. Само здание, залитое ярким светом, виднелось невдалеке, и я тут же решил повести отряд воинов прямо ко дворцу, пока остальная масса будет штурмовать казармы.

Отправив одного из воинов к Тарсу Таркасу с сообщением о моих намерениях и с просьбой о подкреплении в пятьдесят тарков, я приказал десяти воинам захватить и открыть одни из больших ворот, а сам с оставшимися взял другие. Нам нужно было действовать быстро, не создавая шума, и общее наступление должно было начаться не раньше, чем я достигну дворца с моим отрядом. Наш план удался вполне. Встреченные нами два стражника были отправлены к праотцам на отмели потерянного моря Корус; стража у обоих ворот бесшумно последовала вслед за ними.

Глава XXV

ШТУРМ ДВОРЦА

Мы распахнули ворота, и в них вошли воины-тарки на своих могучих тотгах. Во главе колонны был сам Тарс Таркас. С отрядом в пятьдесят солдат я отправился к стенам дворца. Я взобрался на ограду и очутился внутри, но мне пришлось повозиться с воротами, пока наконец они не повернулись на своих тяжелых петлях, и мой славный эскорт поскакал по садам джеджада Зоданга.

Когда мы приблизились ко дворцу, я заглянул через большие окна первого этажа в ослепительно освещенный приемный зал Тэона Козиса. Огромное помещение было полно придворными и их женами, как будто там происходило что-то особенно торжественное. Снаружи дворца

не было видно ни одного стража. Это объяснялось, по-видимому, тем, что городские и дворцовые стены считались неприступными, и это дало мне возможность так близко подойти к окнам.

На одном конце зала на массивных усыпанных бриллиантами золотых тронах восседали Тзон Козис и его супруга, окруженные офицерами и высшими сановниками. Перед ними в два ряда стояли солдаты, образуя некий широкий коридор, и как раз в эту минуту в него с дальнего конца зала вступила процессия, приблизившаяся затем к ступенькам трона.

Впереди шли четыре офицера гвардии джеддака и несли на пурпурной подушке большую золотую цепь с браслетами и замками по концам. Вслед за этими офицерами четыре других несли роскошные регалии принца и принцессы царствующего дома Зоданга.

У трона эти две группы офицеров разделились и остановились лицом друг к другу с двух сторон свободного пространства. Затем прошли другие сановники, гвардейские и армейские офицеры и еще две фигуры, настолько закутанные в пурпурные шелка, что их лиц не было видно. Обе остановились прямо перед троном, лицом к Тзону Козису. Когда в зал вступил хвост процессии и все расположились по своим местам, Тзон Козис обратился к стоящей перед ним паре. Я не слышал его слов, но вот два офицера выступили вперед, откинув пурпурное покрывало с одной из фигур, и я увидел, что миссия Кантоса Кана не удалась — моему взору предстал Саб Тзон, принц Зоданга.

Тзон Козис взял с подушки одну из золотых цепей и, надев ее золотой браслет на шею своему сыну, защелкнул замок. Произнес еще несколько слов, обращенных к Сабу Тзону, он повернулся ко второй фигуре, с которой офицеры снимали окутывающие ее шелка. И я, догадываясь уже о том, что здесь происходит, увидел Дею Торис, принцессу Гелиума.

Цель церемонии была для меня ясна. Еще минута — и Дея Торис была бы навеки соединена с принцем Зоданга. Несомненно, это была великолепная и внушительная церемония, но мне она показалась самым отвратительным зрелищем, при котором я когда-либо присутствовал. И когда регалии были прикреплены к ее стройной фигуре, и предназначенный для нее золотой ошейник был уже в руках Тзона Козиса, я занес над головой свой длинный меч и тяжелым ударом разбил стекло огромного окна, прыгнув прямо в окружавшую джеддака свиту. Я мгновенно

очутился рядом с ним, и пока он стоял, окаменев от изумления, мой меч опустился на золотую цепь, которая должна была сковать Дею Торис с другим.

В один миг все смешалось. Тысячи обнаженных мечей угрожали мне со всех сторон, а Саб Тзон бросился на меня с кинжалом, выхваченным из-за пояса своих свадебных облачений. Я мог бы тут же убить его, как муху, но вековой обычай Барсума остановил меня, и, схватив его руку выше кисти в тот миг, когда он замахнулся кинжалом, я сжал его, как в тисках, и острием своего меча показал на дальний конец зала.

— Зоданг пал! — закричал я. — Глядите!

Все повернулись в указанном мною направлении, а там вступал в зал Тарс Таркас со своими пятьюдесятью воинами. Крик недоумения и тревоги вырвался из груди собравшихся, но это не был крик страха и растерянности, а солдаты и сановники Зоданга храбро бросились навстречу наступающим таркам.

Оттолкнув Саба Тзона, я привлек Дею Торис к себе. За тронном открывался узкий проход, но на дороге стоял с обнаженным мечом Тзон Козис. Мы схватились с ним, и я понял, что это серьезный противник.

Пока мы бились с джедаком, я заметил приближающегося Саба Тзона, спешащего на помощь отцу. Когда он уже занес свой меч для удара, Дея Торис бросилась между нами, а мой меч поразил его отца, сделав Саба Тзона джедаком Зоданга. Увидя, что отец пал, принц с яростью оттолкнул Дею Торис, и мы снова оказались с ним лицом к лицу. К Сабу Тзону вскоре присоединились четыре офицера, и, прислонившись спиной к одному из золотых тронов, я продолжал сражаться за мою принцессу. Мне было очень трудно защищаться, так как я не мог задеть принца. Убив его, я лишился бы последнего шанса вернуть любимую женщину. Мой клинок мелькал как молния, отражая удары противников. Двух я обезоружил, но уже другие спешили на выручку нового правителя и горя мщением за смерть старого.

Когда они приблизились, послышались крики: «Убейте женщину! Убейте женщину! Это дело ее рук! Убейте ее!»

Крикнув Дее Торис, чтобы она держалась за мной, я начал прокладывать дорогу к узкому проходу за тронном, но офицеры поняли мое намерение, и трое из них прыгнули мне в тыл, лишив меня возможности добраться до более удобного для обороны места.

Воины-тарки сражались в середине зала, и я уже чувство-

зал, что только чудо может спасти Дею Торис и меня, как вдруг увидел Тарса Таркаса, пробивающегося сквозь толпу облепивших его пигмеев. Каждым взмахом своего огромного меча он укладывал десяток врагов, освобождая дорогу, пока не добрался до нас, сея смерть направо и налево.

Храбрость воинов Зоданга была достойна уважения. Никто из них не пытался спастись бегством, и битва окончилась лишь тогда, когда кроме Деи Торис и меня во всем зале остались в живых только тарки.

Саб Тзон лежал мертвый рядом со своим отцом, и цвет знати Зоданга покрывал своими телами место кровавой бойни.

Меня мучила мысль о судьбе Кантоса Кана, и, оставив Дею Торис на попечение Тарса Таркаса, я взял двенадцать воинов и поспешил с ними в подземелье дворца. Тюремщиков не было на месте, так как все они бросились на подмогу в тронный зал, и мы свободно блуждали по лабиринтам тюрьмы, не встречая сопротивления. Заходя в новый коридор, я выкрикивал имя друга и наконец услышал слабый отклик. Идя на звук, мы вскоре нашли Кантоса Кана, беспомощно сидевшего в темной норе.

Его радости не было границ, когда он увидел меня и узнал о событиях и переменах, произошедших в Зоданге. Он рассказал мне, что воздушный патруль захватил его прежде, чем он успел достичь высокой башни дворца, и он даже не видел Саба Тзона. Мы убедились в тщетности попыток перерезать прутья и цепи, сковавшие его, и я вернулся наверх, чтобы снять с убитых тюремщиков ключи от замков его камеры и цепей. К счастью, мне сразу удалось их обнаружить, и вскоре Кантос Кан присоединился к нам.

Грохот артиллерии, смешанный с криками и воплями, долетал до нас с городских улиц, и Тарс Таркас поспешил из зала на улицы города. Кантос Кан взялся сопровождать его, а зеленые воины начали тщательный обыск дворца в поисках оставшихся воинов и добычи, и мы с Деей Торис остались одни.

Она опустилась на один из золотых тронов и, когда я повернулся к ней, встретила меня своей очаровательной улыбкой.

— Был ли когда-либо подобный человек! — воскликнула она. — Я знаю, что Барсум никогда не видел равного вам! Неужели таковы все люди на Земле? Один, чужой, гонимый, осыпaeмый угрозами, преследуемый, вы за не-

сколько месяцев достигли того, чего мы не могли сделать на Барсуме за все минувшие века — вы соединили вместе дикие орды высохших морей и повели их в бой как союзников красного марсианского народа.

— Ответ на это прост, Дея Торис, — ответил я улыбаясь. — Это сделал не я, а любовь — любовь к Дее Торис, сила, способная совершать еще большие чудеса.

Румянец окрасил ее лицо, и она ответила:

— Теперь вы можете говорить это, Джон Картер, и я могу слушать, ибо я свободна.

— И я скажу еще больше, прежде чем это опять будет поздно, — отозвался я. — В моей жизни было много странных поступков, на которые не осмелились бы более осторожные люди, но я никогда и во сне не мечтал завоевать себе такое создание, как вы, Дея Торис, так как никогда не подозревал о существовании где-то во вселенной принцессы Гелиума. Но вы, это вы, и это заставляет меня усомниться в моем здравом рассудке, когда я прошу вас, моя принцесса, быть моею!

— Не надо смущаться тому, кто прекрасно знает ответ, прежде чем он будет произнесен, — сказала она, вставая, и положила свои точеные ручки мне на плечи.

Я обнял и поцеловал ее. И среди города, полного борьбы и звона оружия, где смерть и разрушения пожинали обильную жатву, Дея Торис, принцесса Гелиума, верная дочь Марса, бога войны, дала свое согласие Джону Картеру, джентльмену из Виргинии.

Глава XXVI

ОТ СРАЖЕНИЙ К РАДОСТИ

Тарс Таркас и Кантос Кан вернулись и сообщили, что Зоданг покорен. Все боевые силы его разбиты, а часть воинов взята в плен. Дальнейшего сопротивления внутри города ожидать не приходится. Правда, несколько боевых кораблей ускользнули, зато тысячи других, как военных, так и транспортных, находились под охраной таркских воинов.

Меньшие общины предались грабежу и дракам между собой, и поэтому было решено собрать как можно больше воинов, составить экипажи воздушных судов из пленников и, не теряя времени, двинуться в Гелиум. Через пять часов из ангаров в воздух поднялся флот из двухсот пятидесяти

боевых судов, увозивших около ста тысяч зеленых воинов, а за ними — транспорты с нашими тотами.

За собой мы оставили побежденный город, который стал добычей свирепых зеленых воинов из меньших орд. Они во многих местах подожгли город, над которым поднимались столбы густого дыма, скрывая от нас это ужасное зрелище.

Вскоре после полудня мы увидели башни Гелиума, и немного спустя сильный флот зодангских боевых кораблей поднялся из лагеря осаждавших город и полетел нам навстречу. Флаги Гелиума были протянуты от носа до кормы на всех наших могучих кораблях, но зодангцам и не нужно было этого знака, чтобы понять, что мы враги, так как наши зеленые марсианские воины открыли по ним огонь, как только они отделились от поверхности. Со свойственной им точностью прицела тарки поражали своими снарядами приближавшийся флот.

Заметив, что мы союзники, город выслал нам в поддержку сотни своих кораблей, и тогда началась первая настоящая воздушная битва, в которой мне пришлось участвовать. Корабли с нашими зелеными воинами кружили над сражавшимися флотами Гелиума и Зоданга, но их батареи молчали, так как тарки, не имея собственного флота, не умели обращаться с корабельной артиллерией. Однако огонь из ружей и пистолетов был весьма действенен и имел большое, если не решающее влияние на исход боя.

Вначале обе воздушные армии кружили примерно на одной высоте, обстреливая друг друга. Огромная дыра образовалась в оболочке одного из гигантских кораблей флота Зоданга. Качнувшись, он перевернулся вверх дном, и крошечные фигурки его экипажа, вертясь, корчась и извиваясь, полетели вниз с высоты тысячи футов. Сам же корабль со все возрастающей скоростью ринулся вслед за ними и почти совершенно погрузился в мягкую глину старого морского дна.

Дикий крик восторга донесся с гелиумских кораблей, и они с удвоенной яростью бросились на противника. Ловким маневром два гелиумских корабля взвились над кораблями врага и стали осыпать настоящим градом бомб из своих батарей, расположенных в днищах.

Затем и остальные корабли Гелиума перестроились и поднялись один за другим над флотом Зоданга. Корабли последнего полетели жалкими обломками на осажденный город. Уцелевшие обратились в бегство, но их быстро окружили тысячи одноместных аппаратов, и над каждым по-

вис гигантский корабль гелиумского флота, готовый к атаке.

Не прошло и часу с того мгновения, как флот Зоданга поднялся нам навстречу, а битва была уже окончена, и оставшиеся суда побежденных зодангцев совершили посадку, сопровождаемые гелиумскими кораблями.

Необычное трагическое зрелище представляла собой сдача этих могучих судов, так как старинный обычай требовал, чтобы сигналом о сдаче служил добровольный прыжок из него командира побежденного судна. Один за другим эти храбрецы, держа свой выпел высоко над головой, выпрыгивали на почву навстречу ужасной смерти. Когда командир всего флота сам выпрыгнул из своего судна, что послужило своеобразным приказом остальным, сражение прекратилось.

Мы дали флагманскому кораблю Гелиума сигнал приблизиться, и когда нас могли услышать, я крикнул, что у нас на борту принцесса Дея Торис, и что мы хотим пересадить ее на флагманский корабль, который немедленно доставил бы ее в город. Когда экипаж корабля вполне уяснил себе смысл сообщения, оттуда донесся долгий восторженный крик, и через минуту цвета принцессы Гелиума взвились повсюду на бортах гелиумских кораблей.

Флагманский корабль спустился над нами, плавно пошел бок о бок с нашим, и десять офицеров перескочили на нашу палубу. Когда их изумленному взгляду предстали сотни зеленых воинов, вышедших из-за боевых прикрытий, они остолбенели, но Кантос Кан сам направился к ним. Мы с Деей Торис тоже подошли, и они не сводили с нее восторженных глаз. Она любезно поздоровалась с каждым по имени, так как все они были люди, занимавшие высокое положение на службе у ее деда, и она хорошо была знакома со всеми.

— Положите ваши руки на плечо Джону Картеру, — сказала она им, обращаясь в мою сторону, — человеку, которому Гелиум обязан возвращением своей принцессы и сегодняшней победой.

Соблюдая этикет, они с достоинством поблагодарили меня и наговорили массу любезностей, но особенное впечатление на них произвело то, что я сумел привлечь мрачных тарков для спасения Деи Торис и освобождения Гелиума.

— Вы больше обязаны не мне, а другому, — сказал я, — вот он, один из величайших солдат и государственных людей Барсума — Тарс Таркас, джеддак тарков.

С той же безукоризненной вежливостью, которую они

выказали по отношению ко мне, приветствовали они великого тарка, и, к моему удивлению, он не намного уступал им в непринужденности манер и светском разговоре. Тарки не болтливая раса, но придают большое значение форме и часто поражают достоинством и изысканностью манер.

Дея Торис перешла на борт флагманского корабля и была очень огорчена, что я не последовал за ней. Но битва еще продолжалась, и с воздуха она перенеслась на поверхность, так как там значительным лагерем расположились сухопутные силы Зоданга, и я не хотел покидать Тарса Таркаса в эту минуту. Командир воздушных сил Гелиума обещал предпринять вылазку из города одновременно с нашей атакой, и наши суда расстались. Дея Торис была возвращена ко двору своего деда Тардоса Морса, джеддака Гелиума.

На некотором расстоянии от нас все время битвы держался транспортный флот с тотами зеленых воинов. Нам предстояла трудная задача — спустить животных без причальных станций, но нам ничего не оставалось, кроме как приняться за ее разрешение. Для этого мы отлетели миль на десять от города. Животных предстояло спускать подьемниками, и эта работа заняла остаток дня и половину ночи. Мы были дважды атакованы отрядами зодангских всадников, но не понесли больших потерь, а когда стемнело, отряды скрылись.

Как только был выгружен последний тот, Тарс Таркас подал сигнал к наступлению, и мы тремя отрядами отправились к лагерю зодангских воинов, заходя одновременно с севера, востока и запада. С дикими свирепыми криками, сопровождаемые злобным ревом разъяренных тоттов, бросались мы на противника. Мы не застали их врасплох и натолкнулись на линию хорошо укрепленных окопов. Они отбрасывали одну за другой наши атаки, и к полудню я уже начал сомневаться в исходе сражения.

Численность зодангского войска доходила до миллиона воинов, собранных от полюса до полюса, куда только достигали ленты их каналов. А против них выступали не более ста тысяч зеленых воинов. Войска Гелиума еще не прибыли, и мы не имели сообщений от них. Ровно в полдень мы услышали оружейный огонь со стороны города и поняли, что идет, наконец, так необходимое нам подкрепление.

Тарс Таркас снова отдал приказ к наступлению, и могучие тотты еще раз понесли своих всадников на врага. В тот же миг гелиумцы атаковали армию Зоданга с тыла, и она оказалась в плотном кольце. Они сражались с отчаянной

храбростью. Битва превратилась в настоящую бойню, пока не сдался последний зодангский воин. Но, в конце концов, резня прекратилась; пленных отвели в Гелиум, а мы вошли через ворота в главный город огромным и триумфальным шествием героев-победителей.

Широкие улицы были запружены женщинами и детьми и теми немногочисленными мужчинами, обязанности которых заставляли их оставаться в городе во время сражения. Нас встречали ликованием и засыпали золотыми украшениями, серебром и драгоценными камнями. Город обезумел от радости.

С неподдельным восхищением и интересом горожане смотрели на моих мрачных тарков. Никогда еще вооруженный отряд зеленых воинов не проходил через ворота Гелиума, и то, что они входили сюда как друзья и союзники, наполняло красных людей ликованием.

Мои скромные услуги Дее Торис уже были известны большинству гелиумцев, и, несмотря на грозный вид Вулы, который сопровождал меня, благодарные жители Гелиума нацепили на меня по дороге во дворец огромное количество украшений и громче всех выкрикивали мое имя. Нас встретила группа офицеров, тепло поприветствовала и пригласила от имени джеддака Гелиума меня и Тарса Таркаса со свитой во дворец, чтобы Тардос Морс смог выразить нам свою благодарность за освобождение его народа.

Мы направились к широкой лестнице, которая вела к главному входу во дворец, наверху которой нас ожидала группа высоких особ. Когда мы достигли нижних ступеней, кто-то отделился от нее и пошел нам навстречу. Это был прекрасный, высокий, прямой, как стрела, хорошо сложенный, с величавой осанкой мужчина. Я сразу догадался, что это сам Тардос Морс, джеддак Гелиума.

Первый, кого он приветствовал из нас, был Тарс Таркас, и его слова навек запечатали нарождающуюся дружбу обоих народов:

— Тардос Морс,— сказал он,— считает неоценимой для себя честью встречу с величайшим из живущих воинов Барсума, но гораздо большим благодеянием является то, что он может положить руку ему на плечо как другу и союзнику.

— Джеддак Гелиума,— ответил Тарс Таркас,— человеку иного мира было дано научить зеленых воинов Барсума чувству дружбы. Ему мы обязаны тем, что общины тарков могут понять вас, что они могут оценить столь великодушно выраженные чувства и ответить тем же.

Затем Тардос Морс поздоровался с каждым из зеленых джедов, произнося слова признательности воинам. Приблизившись ко мне, он положил обе руки мне на плечи.

— Добро пожаловать, сын мой,— сказал он,— вам по праву и бесспорно принадлежит самая дорогая жемчужина в Гелиуме и на всем Барсуме.

После этого мы были представлены Морсу Каяку, джеду меньшего Гелиума и отцу Деи Торис. Он шел вслед за Тардосом Морсом и казался еще более взволнованным, чем его отец. Он несколько раз пытался заговорить со мной, но голос отказывался ему служить, и он от волнения не мог ничего произнести, а между тем, как я узнал впоследствии, он пользовался репутацией жестокого и бесстрашного бойца, выделявшегося даже среди воинственных народов Барсума. Он обожал свою дочь, впрочем, как и все остальные гелиумцы.

Глава XXVII

ОТ РАДОСТИ К СМЕРТИ

Десять дней войны Тарка и их дикие союзники отдыхали и пировали, а затем, нагруженные дорогими подарками и сопровождаемые десятью тысячами гелиумских воинов во главе с Морсом Каяком, двинулись в обратный путь к своим городам. Морс Каяк, джед меньшего Гелиума, с несколькими представителями высшей знати сопровождал их до самого Тарка, чтобы прочнее скрепить узы мира и дружбы. Сола также отъехала вместе с тарками, так как Тарс Таркас в присутствии всех вождей признал ее своей дочерью.

Через три недели Морс Каяк и его офицеры, а также Тарс Таркас и Сола возвратились на посланном за ними военном корабле, чтобы присутствовать при церемонии бракосочетания Деи Торис и Джона Картера.

Девять лет прослужил я в советах и бился в рядах армии Гелиума как принц дома Тардоса Морса. Народ не уставал осыпать меня почестями, и не проходило дня без нового доказательства его любви к моей принцессе, несравненной Дее Торис.

В золотом инкубаторе на крыше нашего дворца лежало белоснежное яйцо. Почти пять лет десять солдат гвардии джеддака непрерывно дежурили возле него, и когда я бывал в городе, не было дня, чтобы мы с Деей Торис не стояли

рука об руку перед нашим маленьким алтарем, мечтая о том времени, когда разобьется тонкая скорлупа.

В моей памяти жива картина последней ночи, когда мы сидели там, беседуя о том странном романтическом сплетении обстоятельств, которое связало наши жизни, и о таинстве, сулившем непомерно увеличить наше счастье.

Вдали мы увидели ярко-белый свет приближавшегося воздушного корабля, но не придали особого значения такому обычному зрелищу. Молнией несся он к Гелиуму, и его бешеная скорость, в конце концов, показалась нам странной. Вспыхнули сигналы, означавшие, что на борту есть депеши для джеддака, и корабль начал нетерпеливо кружить в ожидании запоздавшей патрульной машины, которая должна была сопровождать его ко дворцу.

Через десять минут после его спуска я был вызван в зал совета, куда уже спускались остальные члены собрания. По тронному залу взад и вперед ходил озабоченный Тардос Морс. Когда все заняли свои места, он заговорил:

— Сегодня утром, — начал он, — некоторым правительствам Барсума стало известно, что от начальника главной атмосферной станции уже два дня не поступало донесений по беспроволочному телеграфу. На почти непрерывные вызовы из нескольких столиц не было дано никакого ответа. Послы других держав просили нас расследовать это дело и спешно командировать на станцию помощника начальника. Весь день тысяча крейсеров разыскивала его, лишь теперь один вернулся с его мертвым телом, найденным в подвале его дома и ужасно изуродованным неведомым убийцей.

— Мне не приходится говорить вам, какое значение имеет это для Барсума. Нужны месяцы, чтобы проникнуть через мощные стены — эта работа уже начата, и не пришлось бы особенно тревожиться, если бы машины насосной установки работали исправно, как это было в течение столетий. Но случилось худшее, чего мы и опасались. На всем Барсуме приборы показывают быстрое понижение атмосферного давления — машина стала.

— Господа, — закончил он, — нам осталось жить не более трех дней.

На несколько минут воцарилась глубокая тишина, затем поднялся молодой воин и, подняв над головой обнаженный меч, обратился к Тардосу Морсу:

— Жители Гелиума всегда показывали Барсуму, как народ красных должен жить. Теперь перед нами случай показать, как следует умирать. Вернемся к нашим обязан-

...тям, как если бы нам предстояла тысяча плодотворных лет жизни.

Зал огласился рукоплесканиями, и так как не оставалось ничего лучшего, как попытаться собственным примером успокоить народ, мы разошлись с улыбкой на губах и гложущей тоской в груди.

Когда я вернулся в свой дворец, слух уже успел дойти до ушей Деи Торис, и мне пришлось сообщить ей все, что я узнал.

— Мы были очень счастливы, Джон Картер, — сказала она, — и я надеюсь, какая бы судьба не постигла нас, она позволит нам умереть вместе.

Ближайшие два дня не внесли заметной перемены в атмосферу Марса, но на утро третьего дня на крышах высоких зданий стало труднее дышать. Население высыпало на улицы и площади Гелиума. Остановились все дела. Но люди мужественно смотрели в лицо неизбежной судьбы. Тут и там, однако, мужчины и женщины предавались горю. К середине дня многие начали сдавать, и в течение часа народ Барсума начал тысячами впадать в бессознательное состояние, предшествующее смерти от удушья.

Дея Торис и я вместе с другими членами царствующей семьи собрались в низко расположенном саду во внутреннем дворе дворца. Мы почти не говорили и только следили, как страшная тень смерти приближается к нам. Даже Вула как бы предчувствовал приближение беды и, жалобно повизгивая, жался к моим ногам. По просьбе Деи Торис маленький инкубатор был принесен с крыши дворца, и она сидела, с мучительной тоской глядя на неведомую зарождающуюся жизнь, которую ей не суждено увидеть.

Стало заметно труднее дышать, Тардос Морс поднялся и сказал:

— Простимся друг с другом. Дни величия Барсума миновали. Завтрашнее солнце осветит мертвый мир, обреченный вечно блуждать по небесам и лишенный даже воспоминаний. Это конец.

Он нагнулся, поцеловал женщин и положил свою сильную руку поочередно на плечи мужчин. Трудно было выдержать это скорбное прощание, и я отвернулся. Мой взгляд упал на Дею Торис. Ее голова упала на грудь. Она уже не казалась живой. С отчаянным криком я подскочил к ней и поднял на руки. Она открыла глаза и заглянула в мои.

— Поцелуй меня, Джон Картер! — прошептала она. — Я очень, очень люблю тебя! Как жестоко расставаться,

когда жизнь только начала приносить нам любовь и счастье.

Когда я прижал ее нежные губы к своим, хорошо знакомое чувство с неудержимой силой овладело мной. Военственная кровь моих предков проснулась в жилах.

— Этого не должно быть, моя принцесса, — воскликнул я. — Существует, должен существовать какой-нибудь выход, и Джон Картер, во имя любви к тебе проложивший себе путь из иного мира, найдет его!

И с этими словами в моем сознании возникли один за другим девять забытых звуков. Как луч молнии во мраке сверкнуло передо мной их полное значение. Это был ключ к трем могучим дверям атмосферной станции!

Быстро повернувшись к Тардосу Морсу и прижимая к груди мою умирающую возлюбленную, я закричал:

— Дайте мне воздушный корабль, джеддак! Скорее! Прикажите подать самую быструю машину на крышу дворца! Я еще могу спасти Барсум!

Он не стал терять времени на расспросы, и вмиг отправил посланца к ближайшему ангару. С большим трудом нам удалось снарядить самую быстроходную машину, какая когда-либо существовала на Барсуме.

Расцеловав Дею Торис и приказав Вуле, желавшему сопровождать меня, остаться и охранять ее, я со всей прежней ловкостью поднялся в воздух и с огромной скоростью помчался к цели надежд всего Барсума. Мне пришлось лететь низко, чтобы не задохнуться, но я избрал прямой путь поперек старого морского дна и мог держаться всего лишь в нескольких футах над поверхностью.

Я летел, стараясь обогнать смерть. Передо мной все время витал образ Деи Торис. Покидая дворцовый сад, я в последний раз оглянулся и увидел, как она, пошатнувшись, упала рядом с маленьким инкубатором. Я понял, что ей грозит скорая смерть, если в ближайшее время не усилится приток свежего воздуха, и отбросил всякую осторожность. Я облегчил свою воздушную лодку, выбросив за борт все лишнее, и гнал ее на предельной скорости над умиравшим Марсом.

За час до наступления темноты передо мной неожиданно выросли гигантские стены атмосферной станции, и я резко посадил свою машину перед маленькой дверью, за которой тлела искра жизни целой планеты. Рядом с дверью большая партия рабочих долбила стену, но их успехи были столь ничтожны. Многие из них уже уснули последним сном, от которого их не мог бы пробудить даже воздух. Здесь дышалось гораздо хуже, чем в Гелиуме. Несколько

Человек были в сознании, и с одним из них я заговорил:

— Если я открою эти двери, есть ли здесь кто-нибудь, кто мог бы пустить в ход машины? — спросил я.

— Я сумею, — ответил он, — если только вы откроете их немедленно, я долго не выдержу. Но все это ни к чему, оба они мертвы, а больше никто на всем Барсуме не знает секрета этих ужасных замков. В течение трех дней обезумевшие от страха люди напрасно пытались разгадать их тайну.

У меня не было времени для разговоров, я быстро слабел и с трудом владел своими мыслями. Собрав все силы, стоя уже на коленях, я послал девять волн на эту ужасную дверь передо мной. Марсианин уже лежал возле меня, устремив взгляд, полный отчаяния, на четырехугольник перед нами. Мы ждали в смертельном молчании.

Медленно отошла толстая дверь. Я хотел подняться и войти в нее, но был слишком слаб.

— Там, — крикнул я своему спутнику, — когда доберетесь до машин, пустите в ход все насосы. Это единственная надежда на спасение Барсума!

С того места, где я лежал, я сумел открыть вторую и третью двери и видел, как человек, в котором сосредоточились все надежды Барсума, ползком попал на станцию. Тут я потерял сознание...

Глава XXVIII

В ПЕЩЕРЕ АРИЗОНЫ

Когда я вновь открыл глаза, было темно. Странные жесткие одеяния покрывали мое тело. Они затрещали и рассыпались в прах, когда я приподнялся и сел.

Я ощупал себя с головы до ног, найдя на себе вполне земное платье, хотя когда я потерял сознание перед маленькой дверью на станцию, на мне ничего не было. Перед собой я увидел узкую полоску освещенного луной неба, видневшегося через какое-то отверстие с изорванными краями.

Ощупывая свое тело, я нашел в одном из карманов спички, завернутые в пергаментную бумагу. Я зажег одну из них, и слабое пламя осветило нечто похожее на глубокую пещеру, у стены которой я заметил странную безмолвную фигуру, скорчившуюся на небольшой скамье. Приблизившись, я увидел, что это обратившиеся в мумию останки старой женщины с черными волосами, а перед ней стояла

жаровня, над которой помещался круглый медный котел с зеленоватым порошком на дне.

Позади нее на плетеных ремнях, свисавших с потолка, я нашел несколько человеческих скелетов. Кости рук были соединены тонкими ремешками с маленькой старухой. Когда я прикоснулся к одному из скелетов, все они закачались, шелестя как сухие листья. Это было странное и ужасное зрелище, и я поспешил выбраться на свежий воздух из этого мрачного места.

Перед входом в пещеру был узкий карниз, на котором вполне мог поместиться один человек. Картина, открывшаяся моему взору, была изумительной. Передо мной возникли новое небо и новый ландшафт, серебристые горы вдали, почти неподвижная луна, поросшая кактусами долина внизу — все было прекрасно, но такого не было на Марсе! Я с трудом верил своим глазам, истина понемногу забрезжила в моем мозгу — передо мной была Аризона и тот же самый узкий карниз, с которого десять лет назад я со страстным желанием глядел на Марс.

Добрался ли марсианин до насосов? Успел ли живой воздушный воздух спасти жителей планеты? Жива ли моя Дея Торис, или ее прекрасное охладевшее тело покоится рядом с маленьким золотым инкубатором в саду внутреннего двора дворца Тардоса Морса, джеддака Гелиума?

Десять лет я ждал и молил об ответе на мои вопросы. Десять лет я ждал и молил о том, чтобы вернуться в мир моей потерянной любви. Я предпочел бы лежать мертвым возле нее, чем жить на Земле, на расстоянии этих ужасных миллионов миль.

Старый рудник, который я нашел нетронутым, доставил мне сказочное богатство. Но к чему оно было мне?

В этот вечер, когда я сижу в моем маленьком кабинете с окнами на Гудзон, исполнилось ровно двадцать лет с тех пор, как я впервые открыл глаза на Марсе.

Я вижу сквозь маленькое окно у моего стола, как Марс сияет на небе, но сегодня он как будто опять зовет меня, как еще никогда не звал со времени той мертвой ночи, и мне кажется, что сквозь неизмеримое пространство я вижу прекрасную черноволосую женщину в саду дворца, а рядом с ней маленького мальчика. Он обнимает ее своими ручонками, она показывает ему на небе Землю, а у их ног лежит огромное страшное чудовище с золотым сердцем.

Я верю, что они ждут меня, и что-то подсказывает мне, что я скоро вновь увижу их.

БОГИ МАРСА

К ЧИТАТЕЛЮ

Двенадцать лет прошло с тех пор, как я положил тело своего дяди, капитана Джона Картера из Виргинии, в великолепный мавзолей на старом кладбище в Ричмонде.

Часто размышлял я над странными инструкциями, которые он оставил мне в завещании. В особенности удивляли меня два пункта: тело, согласно его воле, было уложено в открытый гроб, и сложный механизм болтов на двери склепа мог быть открыт только изнутри.

Двенадцать лет прошло с того дня, когда я прочел рукопись этого удивительного человека — человека, который не помнил детства, и возраст которого нельзя было определить даже приблизительно. Он выглядел совсем молодым, а знал ребенком прадеда моего деда. Он провел десять лет на планете Марс, сражался за и против зеленых и красных людей Барсума, завоевал прекрасную Дею Торис, принцессу Гелиума, и почти десять лет был ее мужем и членом семьи Тардоса Морса, джеддака Гелиума.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как безжизненное тело его было найдено перед коттеджем на скалистом берегу Гудзона. Я часто спрашивал себя в эти годы, действительно ли умер Джон Картер, или же он снова бродит по высохшему морскому дну умирающей планеты. Я спрашивал себя, что он нашел на Барсуме, если вернулся туда, открылись ли вовремя в тот давно прошедший день, когда он безжалостно был брошен обратно на Землю, двери огромной атмосферной станции, и спаслись ли бесчисленные миллионы существ, умиравших от недостатка воздуха? Я спрашивал себя, нашел ли он свою черноволосую принцессу и своего сына, которые, как он мечтал, ожидали его возвращения в дворцовом саду Тардоса Морса? Или же он убедился, что помощь его в тот день опоздала, и его встретил мертвый мир? Или же он действительно умер и никогда не вернется ни на свою родную Землю, ни на свой любимый Марс?

Я был погружен в эти бесплодные размышления в один из душных августовских вечеров, когда старый Бен, наш привратник, подал мне телеграмму. Я вскрыл и прочел ее.

«Приезжай завтра Ричмонд отель Ралей.

Джон Картер».

На следующее утро с первым поездом я отправился в Ричмонд и уже через два часа входил в комнату, занимаемую Джоном Картером.

Он поднялся, чтобы приветствовать меня, и знакомая ясная улыбка озарила его лицо. На вид он несколько не постарел и казался все тем же стройным и крепким тридцатилетним мужчиной. Его серые глаза блестели, лицо выражало ту же железную волю и решимость, что и тридцать пять лет тому назад.

— Ну, дорогой племянник, — приветствовал он меня, — тебе не кажется, что перед тобой дух или у тебя галлюцинация?

— Знаю одно, — ответил я, — что чувствую себя великолепно. Но скажите, вы опять были на Марсе? А Дея Торис? Нашли ли вы ее здоровой, и ждала ли она вас?

— Да, я снова был на Барсуме и... Но это длинная история, слишком длинная, чтобы успеть рассказать ее в то короткое время, которым я располагаю до того, как должен буду вернуться обратно. Я проник в очень важную тайну и могу, по своему желанию, пересекать безграничные пространства между планетами. Но сердцем я всегда на Барсуме. Я по-прежнему люблю свою марсианскую красавицу и вряд ли когда-либо покину умирающую планету.

— Моя привязанность к тебе побудила меня приехать сюда на короткое время, чтобы повидать тебя еще раз перед тем, как ты навсегда уйдешь в тот другой мир, которого я никогда не узнаю, и в тайну которого я не в состоянии проникнуть, хотя и умирал трижды и сегодня умру опять.

— Даже мудрые старцы на Барсуме, жрецы древнего культа, живущие в таинственной крепости на вершине горы Оц, которым в течение бесчисленных веков приписывалось обладание тайной жизни и смерти, даже они оказались так же несведущи, как и мы. Я доказал это, хотя чуть не лишился при этом жизни. Но ты все прочтешь в записках, которые я составил в последние три месяца, проведенные на Земле.

Он погладил рукой туго набитый портфель, который лежал возле него на столе.

— Я знаю, что это интересует тебя и ты веришь мне. Я знаю, что мир тоже заинтересуется этим, хотя и не поверит этому еще много лет, нет, много веков, так как не сможет понять. Люди Земли еще не продвинулись в своих познаниях настолько, чтобы понять то, что написано в моей рукописи. Ты можешь издать из этих записок то, что захочешь, что, по твоему мнению, не повредит людям. Не печалься, если они тебя высмеют.

В ту же ночь он отправился со мной на кладбище. У дверей склепа он остановился и сердечно пожал мне руку.

— Прощай, мой милый,— сказал он.— Я, вероятно, никогда не увижу тебя, потому что вряд ли захочу покинуть свою жену, а на Барсуме чаще всего живут более тысячи лет.

С тех пор я никогда больше не видел Джона Картера, моего дядю.

Передо мной лежит его история возвращения на Марс, которую я выбрал из огромной массы записок, переданных мне в отеле Ричмонда.

Я многое издал, многое не посмел напечатать, но вы найдете здесь историю его поисков Деи Торис, дочери тысячи джеддаков, и его приключений, еще более удивительных, чем те, которые были описаны в его первой рукописи, изданной мною много лет тому назад.

ЭДГАР БЕРРОУЗ.

Глава I

РАСТИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Стоя перед своим коттеджем на скалистом берегу струящегося подо мной серого и молчаливого Гудзона, в ту холодную светлую ночь начала марта 1886 года, я вдруг был охвачен странным и знакомым ощущением. Мне казалось, что красная планета Марс притягивает меня к себе, что я связан с нею какими-то невидимыми, но крепкими нитями.

С той далекой ночи, когда я стоял у аризонской пещеры, в которой лежало мое неподвижное тело, я ни разу не испытал на себе притягательной силы планеты. Я ждал, простирая руки к таинственному Марсу, моля о появлении той необыкновенной силы, которая дважды проносила меня через неизмеримые пространства. Я молил так же, как молил уже тысячи раз в течение этих долгих десяти лет, когда ждал и надеялся.

Внезапно я почувствовал дурноту, голова закружилась, ноги задрожали, и я упал на самом краю высокой отвесной скалы. Немедленно мой мозг прояснился, и в памяти живо встали ощущения таинственной пещеры в Аризоне: снова, как и в ту давно прошедшую ночь, мышцы отказались повиноваться моей воле, и снова, уже здесь, на берегу Гудзона, услышал я таинственные стоны и странный шелест, испугавший меня в пещере; я напряг все силы, чтобы стряхнуть оцепенение, сковавшее меня. Снова, как и тогда, послышался резкий треск как бы соскочившей пружины, и снова я стоял обнаженный и свободный рядом с безжизненным телом, в котором еще так недавно билась горячая кровь Джона Картера.

Едва кинув взгляд на него, я обратил взор на Марс, простер к нему руки и трепетно ждал повторения чуда. И сразу же, подхваченный каким-то вихрем, я был унесен в неизвестное пространство. Снова, как и двадцать лет тому назад, я ощутил невообразимый холод и полнейший мрак и очнулся уже в другом мире. Я увидел себя лежащим под горячими лучами солнца, едва пробивавшимися через ветви густого леса.

Пейзаж, представший перед моими глазами, был совсем не похож на марсианский, и сердце заняло от внезапно охватившего меня страха, что жестокая судьба закинула меня на какую-то чужую планету. А почему бы и нет? Разве я знал путь среди однообразной пустыни межпланетного пространства? Разве я не мог быть отнесен на какую-нибудь другую далекую звезду солнечной системы?

Я лежал на скошенной лужайке, покрытой красной растительностью. Вокруг меня возвышались необыкновенные прекрасные деревья с огромными роскошными цветами. На ветках качались блестящие молчаливые птицы. Я называю их птицами, потому что у них были крылья, но ни один человеческий глаз не видел подобных существ.

Растительность напоминала мне ту, которая покрывает луга красных марсиан возле больших водных путей, но деревья и птицы не были похожи на те, что я когда-либо видел на Марсе, а сквозь деревья я отчетливо видел совсем немарсианскую картину: море, голубые воды которого блестели в лучах солнца.

Однако, приподнявшись, я вновь оказался в той же смешной ситуации, когда первый раз попытался пройти по Марсу. При первом шаге я был подброшен вверх на несколько футов, а затем упал лицом вниз на блестящую мягкую траву этого странного мира.

Эта неудачная попытка несколько успокоила меня. Я мог, все же, находиться в какой-то неизвестной мне части Марса. Проведя десять лет на Барсуме, я исследовал сравнительно малую часть его огромной поверхности. Я встал, посмеиваясь над своей забывчивостью, и вскоре опять приспособился к ходьбе в атмосфере Марса.

Медленно ступая по легкому склону к морю, я не мог не заметить, что роща, окружавшая меня, производила впечатление парка. Трава была коротко подстрижена, и лужайка имела вид ровного ковра, как лужайки в Англии; за деревьями, по-видимому, тоже был тщательный уход. Они все были подрезаны и имели одинаковую высоту.

Все эти признаки тщательного и систематического ухода убеждали меня, что в это мое второе посещение Марса мне повезло, так как, судя по всему, я попал во владения культурных людей, у которых найду защиту и то обращение, на которое имел право рассчитывать в качестве члена семьи Тардоса Морса.

Чем дальше я продвигался к морю, тем больше восхищался деревьями. Их огромные стволы, достигавшие иногда ста футов в диаметре, свидетельствовали об их необычно-

венной высоте. Я мог только догадываться о ней, потому что мой глаз не проникал сквозь густую листву выше, чем на восемьдесят — сто футов. Стволы, ветви и сучья казались отполированными, как новейшие рояли. Некоторые из них были черными, другие блестели в полумраке леса как самый тонкий фарфор, отражая лучи солнца голубыми, желтыми, ярко-красными и малиновыми стволами.

Так же, как и стволы, листва на деревьях удивляла своим разноцветьем. Цветы, свисающие густыми гроздьями, были так прекрасны, что не поддаются описанию на любом земном языке. Мне казалось, что я попал в сказочный лес.

Подойдя к опушке леса, я увидел между ним и морем большой луг. Я уже собрался было выйти из тени деревьев, как мой взгляд упал на нечто, что сразу рассеяло все мои идиллические и поэтические размышления о красоте этого необычайного пейзажа.

Налево от меня, насколько охватывал глаз, расстилось море; впереди смутные очертания указывали на далекий берег. Направо могучая река, спокойная и величественная, несла свои воды между красными берегами и впадала в море. На небольшом расстоянии вверх по реке возвышались отвесные скалы, преодолевая которые ее воды шумно падали вниз, переливаясь и сверкая на солнце.

Но не эти величественные картины природы привлекли мое внимание. Это был вид десяти фигур, медленно бредущих по лугу вдоль берега реки. Это были странные, смешные фигуры, подобных которым я никогда не видывал на Марсе; однако издали они чем-то напоминали людей. Они казались от десяти до двенадцати футов ростом, когда стояли во весь рост, туловище и нижние конечности были так же пропорциональны, как у людей на Земле.

Однако их руки были очень короткие и, насколько я мог разглядеть, устроены наподобие хобота слона: они извивались, как змеи, как будто были лишены костей.

Я следил за ними из-за ствола огромного дерева и видел, как одно из этих существ медленно продвигается в моем направлении. Оно, как и все остальные, было занято тем, что шарило своими руками по поверхности лужайки, но с какой целью — этого я не мог определить.

Когда оно подошло поближе, я смог его рассмотреть хорошенько, и хотя мне потом пришлось ближе познакомиться с этими существами, я охотно удовлетворился бы этим единственным беглым осмотром. Самый быстроходный аэроплан гелиумского флота не смог бы унести меня с достаточной скоростью от этого существа.

Его безволосое тело было странного зелено-синего цвета, за исключением широкой белой полосы, которая окружала единственный глаз — глаз, в котором все — зрачок, радужная оболочка, глазное яблоко — было одинаково мертвенно бело. Носом служило воспаленное круглое отверстие в центре совершенно гладкого лица; отверстие это более всего напоминало свежую рану от пули. Книзу лицо было ровное до самого подбородка, и я нигде не видел признаков рта.

Голову, за исключением лица, покрывала густая масса спутанных волос, длиною в восемь — десять дюймов. Каждый волос был с крупного дождевого червя, и когда существо двигало головой, эти страшные волосы извивались и ползали по лицу, как будто каждый из них был наделен самостоятельной жизнью.

Туловище и ноги были пропорциональны, как у человека; ступни по форме тоже напоминали человеческие, но чудовищных размеров. От пальцев до пятки они составляли около трех футов, очень плоские и широкие.

Когда это странное существо подошло совсем близко ко мне, я догадался, что означали странные движения его рук. Это был особый способ питания: существо посредством своих бритвообразных когтей скашивало нежную траву и всасывало ее в горло, которым служили руки, через два рта, находящиеся на ладони каждой руки.

К описанному мною я должен добавить, что животное было наделено огромным хвостом в шесть футов длиной. Хвост был совсем круглым у основания, но к концу сужался, образуя как бы плоское лезвие, опускающееся под прямым углом.

Но самой удивительной особенностью этого чудовища были две его маленькие копии, которые болтались с каждой стороны, подвешенные к подмышкам взрослого животного на небольшом стебле. Я не знал, были ли это детеныши или просто часть сложного организма животного.

Пока я рассматривал это необыкновенное чудовище, остальное стадо приблизилось ко мне. Теперь я увидел, что не все животные были обвешены малышами. Кроме того, я заметил, что размер и степень развития этих детенышей были различными — начиная с маленьких, как бы нераскрывшихся почек, и кончая совсем развитыми существами длиной в десять — двенадцать дюймов. В стаде находилось много совсем юных существ, немногим больше тех, которые были еще прикреплены к родителям, и, наконец, огромные взрослые.

Как ни страшно они выглядели, я не знал, опасаться ли мне их или нет. Мне показалось, что они не враждебны. И я уже было вышел из моего убежища, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на них человек, но меня удержал, к счастью, пронзительный вопль, который раздался в скалах по правую сторону от меня.

Голый и безоружный, приведи я в исполнение свое намерение и покажись этим лютым чудовищам, меня ожидал бы быстрый и страшный конец. Все стадо обернулось на крик; в то же мгновение каждый змееподобный волос на головах чудовищ встал перпендикулярно, как бы прислушиваясь к крику. В действительности это так и оказалось: странные волосы на головах растительных людей Барсумы — это тысячи ушей уродливых существ, последних представителей расы, вышедшей из первоначального древа жизни.

Немедленно все глаза повернулись к огромному животному, которое, очевидно, было вожаком. Станный мурлыкающий звук раздался изо рта в его ладони, и в ту же минуту он быстро направился к скалам. За ним последовало все стадо. Скорость их была поистине поразительна: они передвигались огромными прыжками в двадцать — тридцать футов, напоминая кенгуру.

Они быстро удалялись от меня, а мне пришлось в голову следовать за ними; отбросив всякую осторожность, я выскочил на поляну и поспешил за ними следом, совершая еще более удивительные прыжки, чем они. Они направлялись к скалам прямо к истоку реки. Приблизившись, я увидел, что луг усеян огромными глыбами, обрушившимися с гор под воздействием ветра.

Я подошел совсем близко, прежде чем понял, что вызвало тревогу стада. Вскрабкавшись на большую глыбу, я увидел стадо растительных людей, окруживших маленькую группу, которая состояла из шести зеленых людей Барсума. Теперь-то у меня рассеялись все сомнения — я действительно находился на Марсе, так как видел перед собой членов диких племен, которые населяли высохшее дно моря и мертвые города умирающей планеты.

Я узнал огромных мужчин, возвышающихся во весь свой исполинский рост, их блестящие клыки, которые выдавались из нижних челюстей и доходили почти до середины лба, глаза, расположенные по бокам головы, которые могут смотреть во все стороны, странные уши рожком на самой макушке головы и добавочную пару рук, находящуюся между плечами и бедрами.

Даже без их блестящей зеленой кожи и металлических украшений, указывающих, к какому племени они принадлежат, не задумываясь, я признал бы в них зеленых марсиан. Где в другом месте вселенной могли бы найтись подобные им?

В группе были три воина и три женщины. Их украшения указывали, что они принадлежат к разным племенам. Это обстоятельство несказанно поразило меня: многочисленные племена зеленых людей Барсума постоянно враждуют между собой, и я никогда не видел зеленых марсиан различных племен иначе, как в смертном бою, за исключением того единственного случая, когда великому Тарсу Таркасу удалось собрать сто пятьдесят тысяч зеленых воинов и выступить с ними против обреченного на гибель города Зоданг с целью освобождения из когтей Тзона Козиса Деи Торис, дочери тысячи джеддаков. Но теперь они стояли спиной к спине против общего врага.

Мужчины и женщины были вооружены длинными мечами и кинжалами, но огнестрельного оружия не было видно, иначе расправа с ужасными растительными людьми Барсума была бы коротка.

Вожак растительных людей первым набросился на маленькую группу, и его атака оказалась весьма действенной. В военной науке зеленых воинов не было предусмотрено защиты от такого рода нападения, и мне вскоре стало ясно, что зеленые марсиане не были знакомы ни с чудовищами, ни с их манерой нападать.

Растительный человек прыгнул на расстоянии двенадцати футов от группы, а затем одним прыжком поднялся, как бы желая перелететь через их головы. Он высоко поднял свой могучий хвост и, проносясь над головами, нанес такой сильный удар по черепу зеленого воина, что раздавил его, как яичную скорлупу.

Остальное стадо стало с ужасающей скоростью кружиться вокруг своих жертв. Их необычайные прыжки и пронзительное мурлыканье были рассчитаны на то, чтобы деморализовать несчастную добычу. Это им вполне удалось, и, когда двое из них прыгнули одновременно с двух сторон, они не встретили никакого сопротивления — еще два зеленых марсианина погибли под ударами ужасных хвостов.

Теперь оставались две женщины и один воин. Казалось делом нескольких секунд, чтобы и эти тоже лежали мертвыми на красном лугу. Но наученный опытом последних минут, воин, когда еще двое растительных людей сде-

лали прыжок, поднял свой могучий меч и рассек туловище одного из чудовищ от подбородка до паха.

Другое чудовище, однако, нанесло такой удар, что уложило обеих женщин, свалившихся замертво на землю.

Видя, что последние его товарищи пали, и заметив, что неприятель собирается всем стадом наброситься на него, зеленый воин храбро кинулся им навстречу. Он бешено размахивал своим мечом особым приемом, каким пользуются его соплеменники в своих жестоких и почти постоянных боях. Нанося удары налево и направо, он проложил себе дорогу среди наступающих растительных людей, а затем с бешеной скоростью помчался к лесу, под защитой которого он надеялся укрыться. Он повернул к той части леса, которая примыкала к скалам, и бежал, преследуемый всем стадом, все дальше и дальше от той глыбы, на которой лежал я.

Следя за доблестным боем зеленого воина против огромных чудовищ, я преисполнился к нему восхищением и, по моей привычке действовать по первому побуждению, а не по холодному рассудку, немедленно спрыгнул со скалы и быстро направился к месту, где лежали тела убитых зеленых марсиан. Я уже составил себе план действий.

Несколькими огромными прыжками я достиг места боя и через минуту уже мчался за страшными чудовищами, которые быстро догоняли убежавшего воина. В моей руке был могучий меч, в сердце кипела кровь старого вояки, красный туман застилал глаза, и я чувствовал, что на моих губах заиграла улыбка, которая всегда появлялась в предчувствии боя.

Зеленый воин не успел пробежать и половины расстояния до леса, как был настигнут врагами. Он стал спиной к глыбе, в то время как стадо, приостановившись, шипело и визжало вокруг него. Своим единственным глазом, расположенным посередине головы, и червеобразными волосами они все разом обратились к жертве и поэтому не заметили моего бесшумного приближения. Таким образом, я мог напасть на них сзади и уложить нескольких из них раньше, чем они узнают о моем присутствии.

Мое стремительное нападение заставило их на минуту отступить, но этим мгновением успел воспользоваться зеленый воин. Он пробился ко мне и начал наносить страшные удары во все стороны. Он описывал мечом большие петли, наподобие восьмерки, и останавливался только тогда, когда вокруг него не оставалось ни одного живого врага. Острие его огромного меча рассекало тела противников как воздух.

В то время, как мы были заняты этой резней, далеко над нами раздался пронзительный зловеющий крик, который я уже слышал и который призвал стадо на зеленых людей. Снова и снова звучал этот крик, но мы были так поглощены борьбой с лютыми и сильными чудовищами, что не имели даже возможности посмотреть, кто виновник этих ужасных звуков.

В бешеной злобе хлестали вокруг нас огромные хвосты, когти резали наши тела, и зеленая липкая жидкость, похожая на ту, что выходит из раздавленной гусеницы, покрывала нас с головы до ног. Эта клейкая масса течет в венах растительных людей вместо крови.

Вдруг я почувствовал тяжесть одного из чудовищ на своей спине; его острые когти вонзились в мое тело, и я испытал ужасное ощущение прикосновения влажных губ, высасывающих кровь из моих ран. Спереди на меня напало свирепое чудовище, а два других размахивали с обеих сторон своими хвостами.

Зеленый воин тоже был окружен врагами, и я понял, что неравная борьба не может долго продолжаться. Но в это время воин заметил мое безвыходное положение и, быстро оторвавшись от окружавших его врагов, ударом своего меча освободил меня от врага, сидящего на спине, с остальными я справился сам.

Теперь мы встали с ним почти спина к спине, прислонившись к большой глыбе. Таким образом, чудовища были лишены возможности перепрыгивать через нас и наносить свои смертельные удары. Позиция была настолько удачна, что наши силы оказались равны, и мы легко справлялись с остатками наших врагов. Вдруг наше внимание было привлечено пронзительным воплем над нашими головами.

На этот раз я взглянул вверх и высоко над нами на маленьком выступе скалы я увидел фигуру человека, издающего свой сигнал. Одной рукой он махал по направлению к устью реки, как бы подавая знак кому-то, а другой указывал на нас.

Одного взгляда в том направлении, куда он смотрел, было достаточно, чтобы понять значение его жестов и преисполниться грозным предчувствием неминуемой беды. Со всех сторон на луг стекались сотни дико скачущих чудовищ, с которыми мы только что имели дело, а вместе с ними какие-то новые звери бежали то прямо, то припадая на четвереньки.

— Нас ждет смерть! — сказал я своему товарищу. — Посмотри!

Он кинул быстрый взгляд в том направлении, куда я указывал, и ответил:

— По крайней мере, мы сможем умереть сражаясь, как должно великим воинам, Джон Картер!

Мы только что прикончили нашего последнего противника, и я обернулся, ошеломленный собственным именем. Перед моими глазами был величайший из зеленых людей Барсума, искусный государственный деятель и могучий военачальник, мой добрый друг Тарс Таркас, джеддак тарков!

Глава II

БИТВА В ЛЕСУ

Тарс Таркас и я, окруженные трупами наших странных противников, не имели времени объяснить, потому что со всех сторон долины на нас широким потоком устремились страшилища, привлеченные зловещим призывным криком стоявшего над нами существа.

— Идем! — закричал Тарс Таркас. — Мы должны добраться до скал и найти пещеру или узкий выступ, где двое смогут обороняться от этой орды. Это наша единственная надежда хотя бы на временное спасение.

Нас быстро настигали, и мы помчались вместе по красной лужайке, причем я старался соразмерять свой бег с его, более медленным. Нам нужно было преодолеть около ста саженьей, а затем подыскать подходящее убежище. Тарс Таркас предложил мне бежать вперед и постараться найти безопасное место. Таким образом мы могли выиграть хоть несколько минут. Поэтому, пустив в ход всю свою силу и возможность, я в несколько огромных прыжков достиг скал.

Казалось, что они выросли прямо на лугу. Не было никаких скоплений упавших обломков на подступах к ним. Рассеянные по лугу глыбы, упавшие сверху и наполовину зарытые в дерн, указывали на то, что когда-то здесь происходило смещение горных массивов. Мой беглый осмотр не обнаружил ни одного выступа, ни одной трещины, за которые можно было бы зацепиться! Направо от меня нижняя часть скалы терялась в густой зелени леса, который подходил к самому подножию утеса. Огромные деревья поднимались на тысячи футов, и их роскошная листва казалась угрюмой и непрístupней каменной стены.

Налево каменная гряда тянулась, ничем не прерываемая,

■ терялась в очертаниях высоких горных цепей, которые со всех сторон окаймляли долину. Приблизительно в тысяче футов от меня прямо из-под скалы вытекала река, и так как в этой стороне не было ни малейшего шанса на успех, то я снова обратился к лесу.

Скалы возвышались надо мной на добрых пять тысяч футов. Не освещенные солнцем, они казались темно-желтыми со множеством полос и пятен красного и зеленого цвета. На фоне этого разноцветья хорошо просматривались пласты белого кварца. Они были очень красивы, но боюсь, что в первый свой осмотр я не особенно оценил их прелесть.

Ища путь к спасению, я бегло шарил взглядом по отвесным ровным плоскостям в поисках какой-нибудь зацепки и начал ненавидеть их так, как узник ненавидит каменные стены своего каземата.

Тарс Таркас быстро приближался ко мне, но еще быстрее за ним по пятам следовала ужасная орда. «Лес или смерть!» — думал я и только собирался жестом указать Тарсу Таркасу свое решение, как солнце вышло из-за скалы и осветило их. Скалы загорелись миллионами золотых, пламенно-красных, мягко-зеленых и белых искр — более роскошного и поразительного зрелища не приходилось видеть человеческому глазу. Поверхность скал повсюду была изрезана золотыми жилами, отчего казалась сплошь золотой. Тут и там виднелись гроздья рубиновых, изумрудных и алмазных кристаллов. Невозможно было представить, какие невероятные богатства скрывались в глубине этих величественных скал! Но что особенно заинтересовало меня в ту минуту, когда солнечные лучи осветили утес, — черные пятна, которые отчетливо выступали на сверкающей поверхности. Скрытые для глаз книзу, они были ясно видны у самых верхушек деревьев. Несомненно, это были пещеры! Они могли бы стать дорогой к спасению или послужить временным убежищем, если только нам удастся попасть туда.

К ним был только один путь — через высокие деревья справа от нас. Я не сомневался, что смогу вскарабкаться на них, но это могло оказаться не под силу для Тарса Таркаса при его большом туловище и огромном весе. Марсиане вообще не умеют лазать — да и не имеют необходимости. На всей поверхности планеты я не видел горы, которая возвышалась бы больше, чем на четыре тысячи футов над высохшим дном умершего моря; при этом склоны чаще всего пологие, а если встречаются крутые подъемы, то

марсиане предпочитают огибать возвышенности, а не перелезать через них.

Однако другого выхода не было. Нужно было вскарабкаться на деревья, прилегающие к стене, и попытаться проникнуть туда. Тарк сразу понял и возможность спасения, и сложность плана, и мы быстро двинулись по направлению к деревьям.

Наши преследователи были теперь совсем близко. Казалось, что джеддаку тарков не удастся достичь леса раньше их. Впрочем, нельзя сказать, чтобы Тарс Таркас делал особые усилия и бежал из чувства страха: зеленые люди Барсума никогда не бегают от опасности. До этого я даже ни разу не видел зеленого воина, спасающегося от смерти бегством, в какой бы форме она ему не угрожала. Но я знал, что Тарс Таркас был храбрейшим среди храбрых, это он доказал тысячу раз в бесчисленных боях против людей и зверей. И я подумал, что какая-то другая причина, а не страх смерти, побудила его искать спасение. Да и он знал, что сила, большая, чем гордость или честь, заставляет меня бежать от лютых врагов. Это была любовь — любовь к прекрасной Дее Торис. Но я не мог представить себе причины внезапной привязанности к жизни свирепого тарка: они так часто предпочитают смерть жизни — эти странные жестокие несчастные люди, не знающие любви.

Наконец мы достигли леса. Как раз позади нас прыгал самый проворный из наших преследователей — гигантский растительный человек, пытающийся своими отвратительными руками присосаться к нашим телам. Он намного опередил своих ближайших товарищей. Я крикнул Тарсу Таркасу, чтобы он взбирался на дерево, пока я справлюсь с противником. Этим я хотел выиграть время и дать возможность менее проворному тарку добраться как можно выше, пока вся свора не набросилась на нас и не перерезала путь к спасению. Но я ошибся в своих расчетах, не приняв во внимание хитрость врага и быстроту, с которой его товарищи приближались к нам.

Когда я поднял меч, чтобы нанести чудовищу смертельный удар, оно внезапно остановилось, и мой меч прорезал пустой воздух. В ту же минуту зверь бросился вперед и взмахнул своим огромным хвостом с такой силой, что я упал на землю. Он сразу набросился на меня, но не успел присосаться своими отвратительными щупальцами к моей груди, так как я намертво ухватился за них руками.

Он был силен, но мои земные ловкость и сила давали мне превосходство над ним. Я думаю, что одолел бы его,

если бы мы смогли без помехи продолжить борьбу. Мы боролись под деревом, на которое с трудом карабкался Тарс Таркас. Бросив случайно взгляд через плечо моего противника, я увидел огромную свору преследователей совсем близко от нас.

Теперь наконец я смог рассмотреть тех других чудовищ, которые бежали вместе с растительными людьми на злоеущий призыв человека, стоящего на скале. Это были самые страшные обитатели Марса — огромные белые обезьяны Барсума!

Мои прежние приключения на Марсе познакомили меня с ними, и я могу сказать, что из всех свирепых, злоеущих и необыкновенных обитателей этого странного мира белые обезьяны одни вызывали во мне чувство, близкое к страху. Я думаю, что причина этого кроется в удивительном сходстве их с нашими земными людьми, что при их огромном росте производит жуткое впечатление.

Они достигают пятнадцати футов и ходят, держась прямо на задних ногах. Подобно зеленым марсианам, у них имеется пара дополнительных рук между верхними и нижними конечностями. Глаза их расположены близко друг к другу, но не выдаются, как у зеленых людей. Уши сидят высоко, но не на макушке, а по бокам головы. Морда и зубы такие же, как у наших африканских горилл. На их голове растет огромный клок жестких щетинистых волос.

Через мгновение я был окружен рычащими, визжащими, мурлыкающими и щелкающими страшилищами. Я боролся с нечеловеческими усилиями, чтобы освободиться от тяжести навалившихся на меня тел. Десятка два сильных клыков и острых когтей вонзились в мое тело. Наконец мне удалось встать на ноги. Тогда, держа меч прямо перед собой, я нанес такое опустошение в рядах противника, что на минуту очутился свободным.

Все, что я здесь описал, случилось в несколько секунд, но Тарс Таркас успел заметить мое опасное положение и спрыгнул с ветвей дерева, на которое он взобрался с таким невообразимым трудом. И в то мгновение, когда я отбросил от себя последнего врага из передового отряда, Тарс Таркас встал возле меня, и мы снова сражались бок о бок, как и в прежние времена.

Со всех сторон нас осаждали разъяренные обезьяны, и каждый раз мы отбивали их своими мечами. Большие хвосты растительных людей с ужасающей силой ударили вокруг нас; они прыгали над нашими головами с проворством борзых собак. Но каждое нападение встречало отпор бле-

стоящих лезвий мечей, находившихся в руках бойцов, которых на Марсе считали самыми искусными; имена Тарса Таркаса и Джона Картера произносились воинами Барсума с особым уважением.

Но даже два лучших меча не могут справиться с целой ордой диких животных, не знающих страха и поражения. Шаг за шагом мы отступали. Наконец мы прислонились к гигантскому дереву, избранному нами для подъема к пещерам, но так как бешеные атаки все продолжались, то нам пришлось отступить, обходя исполинский ствол. Тарс Таркас шел впереди, и, когда мы уже обошли половину ствола, я услышал его радостный возглас:

— Убежище, Джон Картер! Для одного, по крайней мере! — крикнул он.

У основания дерева зияло отверстие фута в три в диаметре.

— Лезь скорее, Тарс Таркас! — вскричал я. Но он отказался, уверяя, что его тело не пролезет в него, тогда как я проскользну свободно.

— Мы оба умрем, если останемся здесь, Джон Картер, а перед нами шанс к спасению для одного из нас. Воспользуйся им и, если останешься жив, отомсти за меня! Мне бесполезно даже и пробовать протиснуться в такое узкое отверстие в то время, как на нас насаждают эти дьяволы.

— Тогда мы умрем вместе, Тарс Таркас, — ответил я, — потому что я первым не войду. Я буду защищать дупло, пока ты не сумеешь проникнуть туда, а успею — проскользну за тобой.

Он согласился, поскольку это действительно было единственной возможностью для спасения нас обоих. Число противников увеличивалось с каждой минутой. Они продолжали стекаться к нам со всех сторон широкой долины.

— Ты всегда думал о своей жизни в последнюю очередь, Джон Картер! — молвил мой друг. — И всегда распоряжался жизнями и действиями других, даже величайшего из джеддаков!

На его жестоком холодном лице скользнула безобразная улыбка, когда он, величайший из джеддаков, повернулся, чтобы повиноваться приказанию существа другого мира — человека, чей рост был вполовину меньше.

— Если ты погибнешь, Джон Картер, — сказал он решительно, — знай, что жестокий и бессердечный тарк, которому ты открыл, что такое дружба, выйдет и умрет рядом с тобой!

— Ты волен в своих поступках, мой друг, — ответил

я,— но теперь поспеши, пока я буду прикрывать тебя.

Он все еще колебался... Никогда за всю свою долгую жизнь в беспрестанной борьбе он не поворачивался спиной к неприятелю!

— Спешу, Тарс Таркас,— торопил я его,— или мы оба бесполезно погибнем. Я один не смогу долго их удерживать.

Когда он опустился на землю, чтобы протиснуться в дупло дерева, вся воюющая шайка набросилась на меня. Мой сверкающий клинок летал, окрашиваясь то зеленым соком растительных людей, то ярко-красной кровью больших обезьян.

Я сражался так, как еще никогда не сражался. Мои противники были так страшны и бесчисленны, что я не понимаю и теперь, как сумел выдержать их бешеный натиск и страшную тяжесть огромных тел.

Увидев, что мы можем ускользнуть, стоя удвоила свои усилия, чтобы одолеть меня. Вокруг громоздились горы мертвых и умирающих врагов, но свежие силы все подходили и подходили, и им удалось наконец свалить меня. Второй раз за этот день враги оказались на мне, и снова я почувствовал на своем теле ужасные присасывающиеся губы.

Но едва я упал, как сильные руки схватили меня за ноги и потащили в дупло. Огромный растительный человек прочно присосался к моей груди, и все усилия Тарса Таркаса оттащить меня от него были напрасны. Чудом мне удалось просунуть ему под брюхо острие меча и нанести смертельный удар.

Израненный и окровавленный, едва переводя дыхание, я лежал внутри дерева, за спиной зеленого воина, защищавшего вход от разъяренной толпы чудовищ.

Около часа продолжались их атаки, но после нескольких попыток достать нас, они решили, очевидно, испугать нас шумом и гамом. Раздались визги, крики, страшное рычание белых обезьян и жуткое мурлыканье растительных людей. Потом все ушли, оставив десятка два животных стеречь нас. Вероятно, нам предстояла осада, единственным исходом которой могла быть голодная смерть. Даже если бы после наступления темноты нам удалось выскользнуть из дупла — куда бы мы могли направиться в этой незнакомой и враждебной долине?

Когда атаки наших врагов прекратились и глаза наши свыклись с полумраком, я решил исследовать убежище. Дерево было пустое примерно на протяжении пятидесяти

футов, и, судя по утрамбованной поверхности, на которой я лежал, можно было предположить, что и до нас здесь часто бывали. Подняв глаза кверху, я с изумлением заметил высоко над собой слабый проблеск света!

Наверху было отверстие! Если бы мы только смогли до него добраться, то тогда укрылись бы в одной из пещер в скале. Мои глаза теперь уже совсем свыклись с полумраком, и, продолжая свои исследования, я наткнулся на грубо сколоченную лестницу. Я быстро вскарабкался по ней. Там, где она кончалась, начинался целый ряд перекаладин. Они располагались поперек ствола, который здесь становился уже и имел вид трубы. Между ними было около трех футов, и они образовывали вполне удобную лестницу.

Спустившись на пол, я сообщил о своем открытии другу, и мы решили, что я продолжу, насколько возможно, свои исследования, пока он постережет вход от нападения. Я поспешил наверх и увидел, что лестница из перекаладин подымалась все выше и выше, насколько хватало глаз. С каждой ступенькой становилось все светлее.

Я поднялся футов на сто и наконец достиг отверстия, пропускавшего свет. Оно было такого же диаметра, как и дыра у подножия дерева, и выходило на огромный толстый сук, гладкая отполированная поверхность которого доказывала, что им часто пользовались. Я не отважился пройти по суку — меня могли заметить снизу и предупредить все попытки к побегу.

Я вновь спустился вниз, и мы оба начали подниматься по высокой лестнице. Тарс Таркас шел впереди, и, когда я достиг перекаладин, я втащил за собой лестницу и передал ее моему товарищу. Он пронес ее достаточно высоко, а затем укрепил между одной из перекаладин и внутренней стенкой ствола. Я вынимал, по мере продвижения, за собой все перекаладины, отрезая путь преследователям. Позже мы узнали что эта мера предосторожности спасла нас от ужасной судьбы и помогла нам спастись.

Когда мы достигли верхнего отверстия, Тарс Таркас пропустил меня вперед, не рискуя испытывать сук своим весом. Я прошел по нему под небольшим углом по направлению к скале и оказался на узком выступе скалы у входа в пещеру. Ветка прогнулась под моей тяжестью, и я осторожно начал раскачиваться на самом ее конце, пока она не оказалась на уровне выступа в двух футах от него.

Подо мной лежал ярко-красный ковер долины; надо мной возвышалась сверкающая стена неприступных утесов!

Это была не та пещера, которую я видел снизу. Та находилась гораздо выше, может быть, на высоте тысячи футов. Но, как мне показалось, вполне подходила нам. Я вернулся за Тарсом Таркасом, и мы вместе начали осторожно пробираться по качающемуся суку. Но когда мы вдвоем подошли к его концу, то оказалось, что он настолько прогнулся, что вход в пещеру очутился намного выше нас, и мы никак не могли в него попасть. Мы решили, что Тарс Таркас оставит мне свой длинный ремень, а сам вернется. Я же, раскачав ветку, должен был запрыгнуть на выступ и затем втащить на него друга.

План наш вполне удался, и вскоре мы стояли на краю узкого выступа, образующего как бы балкон, а перед нами открылся великолепный вид на долину. Насколько могло хватить глаз, роскошные леса и ярко-красные поля окаймляли спокойное море, а над всей этой роскошной картиной возвышались как стражники искрящиеся скалы. На мгновение нам показалось, что среди качающихся вершин далеких деревьев мелькнул позолоченный купол, блеснувший на солнце. Но мы сочли это за галлюцинацию, вызванную желанием найти признаки жилья цивилизованных людей в этой прекрасной, но столь недружелюбной стране.

Под нами на берегу реки большие белые обезьяны устроили трапезу, поедая останки павших товарищей Тарса Таркаса, а огромное стадо растительных людей паслось на лугу, подрезая траву лучше всякой косилки.

Зная, что нам нечего опасаться нападения со стороны дерева, мы вошли в пещеру. Мы имели основание предполагать, что она была продолжением той дороги, которую мы уже прошли. Одни боги знали, куда вел путь, но, очевидно, он должен был увести нас от долины ужасов.

Пройдя вперед, мы увидели туннель, пробитый в массивной скале. Он имел футов двадцать в высоту и около пяти в ширину. Потолок был сводчатый. В полной темноте наощупь мы начали пробираться вперед. Тарс Таркас держался за одну стену, а я за другую, и кроме того мы держали друг друга за руку, чтобы не разойтись в боковые разветвления и не затеряться в каком-нибудь лабиринте переходов.

Как долго мы шли таким образом по туннелю, я не знаю, но мы вышли к стене, которая загрозила нам путь. Она казалась скорее перегородкой и была не из скалистой породы, а из какого-то другого материала, который наощупь показался нам деревом.

Я молча принялся шарить в темноте по поверхности стены, пока не наткнулся на кнопку, которая на Марсе обыкновенно заменяет наши дверные ручки. Я осторожно нажал на кнопку и с удовольствием заметил, что дверь медленно открылась перед нами, и мы увидели перед собой тускло освещенное пустое помещение.

Я молча распахнул дверь и шагнул в комнату. Тарс Таркас последовал за мной. С минуту мы стояли, озираясь, как вдруг легкий шум позади нас заставил меня быстро оглянуться. К моему изумлению я увидел, что дверь с легким треском закрылась, как бы захлопнутая невидимой рукой. Немедленно я подскочил к двери, чтобы постараться открыть ее снова. В повороте двери и в напряженном тяжелом безмолвии комнаты было что-то угрожающее и зловещее.

Но напрасно мои пальцы царапали неподдающуюся дверь, а глаза искали кнопку, посредством которой можно было бы открыть ее. И внезапно пустая комната, скрытая в недрах золотой горы, наполнилась жутким леденящим смехом.

Глава III

ТАИНСТВЕННАЯ КОМНАТА

Мы долго стояли с Тарсом Таркасом в напряженном ожидании. Смех давно перестал звучать, ни один звук не нарушал молчания, и ничто не шелохнулось перед нами. Наконец Тарс Таркас засмеялся, как смеются люди его народа в присутствии чего-нибудь страшного и угрожающего.

Сколько раз я видел, как они надрывались от безумного хохота при виде предсмертной агонии женщин и маленьких детей, погибающих на арене во время адских марсианских празднеств — великих игр!

Я взглянул на тарка с улыбкой на губах. Правда, лучше было улыбаться, чем дрожать от страха.

— Что ты думаешь обо всем этом? — спросил я его. — Где мы, черт побери?

Он изумленно взглянул на меня. — Где мы? — повторил он. — Разве ты не знаешь, где мы находимся?

— Я знаю только, что я на Барсуме, да и то, если бы не ты и не большие белые обезьяны, я никогда не отгадал бы этого, потому что все, что я видел сегодня, так же мало

похоже на милый моему сердцу Барсум, каким я знал его десять лет назад, как на тот мир, откуда я родом. Нет, Тарс Таркас, я не знаю, где мы!

— Где же ты был с того дня, когда открыл тяжелые двери атмосферной станции после того, как ее смотритель умер, и все машины остановились? Твое тело нигде не было найдено, а люди всего света искали тебя в течение многих лет: джеддак Гелиума и его внука, твоя принцесса, предложили за это такую баснословную награду, что все джеддаки и джеды участвовали в этих поисках!

— Когда все поиски оказались бесплодными, осталось предполагать, что ты отправился в последнее странствие к таинственной реке Исс, чтобы там, в долине Дор, на берегах мертвого озера Корус, ожидать прекрасную Дею Торис, твою принцессу. Но зачем ты ушел, было непонятно, ведь Дея Торис была жива.

— Она жива?! — прервал я его. — Я не решался спросить тебя об этом. Я так боялся, что не успею спасти ее: она была без сознания, когда я покинул ее в дворцовом саду Тардоса Морса в ту давно прошедшую ночь. Я опасался даже, что ее дух отлетит прежде, чем я успею достичь атмосферной станции. Она и теперь жива?

— Она жива, Джон Картер!

— Но ты еще не сказал мне, где мы находимся, — напомнил я ему.

— Мы там, где я надеялся встретить тебя, Джон Картер, тебя и другую. Много лет тому назад ты слышал историю женщины, научившей меня чувству, которое зеленые марсиане приучены ненавидеть с детства — она научила меня любить. Ты знаешь, что ее любовь навлекла на нее жестокие пытки и страшную смерть от руки презренного Тала Хаджуса.

— Я верил, что она ожидает меня у мертвого озера Корус. Кроме нее мне был дорог еще один человек — ты, Джон Картер, научивший свирепого тарка дружбе. И я думал, что ты тоже бродишь по долине Дор. Вас обоих я больше всего жаждал видеть в конце того длинного странствия, которое мне предстояло. Время шло, а ты все не возвращался к Дее Торис, которая утешалась мыслью, что ты только временно вернулся на свою планету. Наконец я решил отправиться в последний путь. Месяц тому назад я вышел из Тарка, а сегодня ты был свидетелем конца путешествия. Понимаешь ли ты теперь, где мы находимся?

— Так, значит, это река Исс, несущая свои воды в мертвое озеро Корус в долине Дор? — спросил я.

— Это долина любви, мира и покоя, к которой с незапамятных времен стремится каждый житель Барсума в конце своей жизни, полной ненависти и борьбы. Это наш рай! — ответил Тарс Таркас.

Тон его был иронический и холодный. Горечь его слов слабо выражала то ужасное разочарование, которое он испытал. Я положил руку ему на плечо.

— Мне очень жаль, — сказал я, не находя других слов.

— Подумай только, Джон Картер, о тех бесчисленных миллионах барсумцев, которые с начала мира добровольно отправлялись к этой жестокой реке, чтобы попасть в лапы чудовищ, которые напали на нас сегодня!

— Существует старинная легенда о красном человеке, который вернулся однажды с берегов мертвого озера Корус, вернулся из долины Дор по таинственной реке Исс. В легенде говорится, что он рассказал о страшных животных, населяющих долину изумительной красоты, о животных, которые набрасываются на каждого барсумца в конце его странствия и пожирают его на берегах мертвого озера, где он надеялся найти любовь, мир и счастье. Но люди приняли его слова за богохульство и убили его, как велит обычай, потому что каждый вернувшийся с берегов таинственной реки должен умереть.

— Но теперь мы знаем, что рассказ этого человека не был богохульством, что легенда — была, и что красный человек рассказал только то, что видел! Положим, что нам это мало поможет, Джон Картер, потому что, если бы даже нам удалось спастись, с нами поступили бы точно так же, как с богохульниками. Мы находимся между диким тотом и бешеным зитидаром — спасения нет!

— Или, как говорят у нас в Виргинии, между чертом и пропастью, — ответил я с улыбкой.

— Нам не остается ничего другого, как ждать, что будет. Во всяком случае, у нас остается удовлетворение — знать, что с нами не так-то легко покончить. Кто бы ни был тот, кто захочет отнять у нас жизнь, белая ли обезьяна, растительный ли человек, зеленый или красный барсумец, он узнает, как дорого стоит жизнь Джона Картера, члена семьи Тардоса Морса, и Тарса Таркаса, джеддака тарков.

Я рассмеялся, и он тоже присоединился ко мне в одном из тех редких припадков истинного веселья, которые отличали его от соплеменников.

— Но ты, Джон Картер? — прервал он веселье. — Если ты не был здесь все эти годы, где же ты пропадал и как попал сюда сегодня?

— Я был на Земле,— ответил я.— Десять долгих земных лет я молился и верил, что наступит день, когда я снова буду отнесен на вашу старую угрюмую планету, к которой, несмотря на всю жестокость обычаев, я более привязан, чем к миру, в котором родился. Десять лет длилось мучительное ожидание, эта мука хуже смерти, десять лет меня терзали сомнения, жива ли Дея Торис. И вот теперь, когда мои молитвы наконец были услышаны, мои сомнения рассеяны, по жестокой насмешке судьбы я оказался заброшенным в единственное место на всем Марсе, откуда, очевидно, нет спасения. Да если бы оно даже и было, нет надежды, что я смогу когда-нибудь увидеть мою принцессу в этом мире.

— Всего за полчаса до того, как я увидел тебя сражающимся с растительными людьми, я стоял, освещенный лунной, на берегу широкой реки в одном из благословенных уголков Земли. Я ответил тебе, друг мой. Веришь ли ты мне?

— Верю,— ответил Тарс Таркас,— хотя и не могу понять.

Во время нашего разговора я осмотрел комнату. Она была футов в двести длиной и в сто шириной; в середине стены, противоположной той, через которую мы прошли, тоже была дверь. Помещение было высечено в скале, и при тусклом свете иллюминатора, находящегося в центре потолка, стены тускло сверкали как темное золото. Повсюду на стенах и потолке сверкали отполированные рубины, изумруды и алмазы. Пол был из другого материала, очень твердого и гладкого, как стекло. Так как дверь, через которую мы проникли в помещение не поддавалась, я направился обследовать другую.

Когда я протянул руку, чтобы найти кнопку, снова раздался тот же леденящий смех, на этот раз так близко от меня, что я невольно отшатнулся и схватился за рукоятку меча.

В это время из дальнего угла большой комнаты глухой голос произнес:

— Здесь нет надежды! Мертвым нет возврата! Воскресения нет! Не надейся, потому что здесь нет надежды!

Хотя наши глаза немедленно повернулись к тому месту, откуда, казалось, раздавался голос, там никого не оказалось. Должен признаться, что холодная дрожь пробежала по моей спине и волосы на голове встали дыбом так, как поднимается шерсть собаки, когда она ночью видит таинственные вещи, скрытые от людского взора. Я быстро на-

правился в сторону зловещего голоса, но он замолк раньше, чем я достиг стены, а в это время из другого угла комнаты раздался другой пронзительный и резкий голос:

— Глупцы! Глупцы — визжал он. — Думаете ли вы презреть законы жизни и смерти? Хотите ли вы отнять у таинственной Иссы, богини смерти, то, что ей принадлежит по праву? Разве ее могущественный вестник, древний Исс, не принес вас по вашей собственной просьбе в долину Дор?

— Думаете ли вы, глупцы, что Исса откажется от своей собственности? Думаете ли вы спастись из этого места, откуда за все века спаслась лишь одна единственная душа?

— Идите обратно той дорогой, которой пришли, идите к милосердным лапам детей дерева жизни или к блестящим клыкам больших белых обезьян: там ждет вас скорое освобождение от страданий. Но если вы останетесь при своем дерзком намерении пробиться сквозь золотые скалы горы Оцц, захотите пройти укрепления неприступных крепостей святых жрецов, то вас ожидает такая ужасная смерть, что даже святые жрецы, постигшие жизнь и смерть, отвратят глаза от ее дьявольской злобы и закроют уши, чтобы не слышать воплей ее жертв.

— Вернитесь, о глупцы, той дорогой, которой пришли!

И снова из другого конца комнаты раздался леденящий кровь хохот.

— В высшей степени странно, — заметил я, обращаясь к Тарсу Таркасу.

— Что нам делать? — сказал он. — Мы не можем сражаться с пустым воздухом. Я предпочитаю вернуться и очутиться лицом к лицу с настоящим врагом. Я вонжу в его тело свой меч и буду знать, что дорого продам свою жизнь, прежде чем перейду в то вечное забвение, которое, по видимому, единственное будущее всех смертных!

— Если, как ты говоришь, мы не можем сражаться с воздухом, — ответил я, — то ведь и воздух не может сражаться с нами! Я, который в своей жизни побеждал тысячи сильных воинов, не испугаюсь ветра так же, как и ты, Тарс Таркас!

— Но невидимые голоса могут исходить от невидимых существ, владеющих невидимым оружием, — возразил зеленый воин.

— Глупости, Тарс Таркас! — вскричал я. — Эти голоса исходят от существ таких же реальных, как ты или я. В их жилах течет живая кровь, которую так же легко выпустить, как и нашу. То, что они не показываются нам, — лучшее, по-моему, доказательство того, что они смертные, да и к

тому же не чересчур храбрые смертные. Неужели ты думаешь, Тарс Таркас, что Джон Картер убежит от первого крика трусливого врага, который не осмеливается выходить, боясь моего меча?

Я нарочно произнес эти слова очень громко, чтобы наши устрашители слышали меня. Мне уже начинала надоедать эта история, действующая на нервы. Мне пришло в голову, что все это было затеяно с целью прогнать нас обратно в долину смерти, откуда мы спаслись, и где с нами живо справились бы дикие звери.

Долгое время царило молчание. Затем мягкий крадущийся звук позади заставил меня обернуться, и я увидел огромного многоногого бенса, подбирающегося ко мне.

Бенс — хищное животное, наподобие нашего льва, который скитается среди низких холмов, окружающих высохшие моря Марса. Как почти все марсианские животные, он лишен волос, и только на толстой шее его растет длинная грива. Его длинное гибкое тело поддерживается десятью сильными лапами; огромные челюсти имеют несколько рядов длинных острых клыков. Его огромная пасть раскрывается до самых ушей, а большие зеленые глаза навывкате придают этому чудовищу еще более устрашающий вид.

Подкрадываясь ко мне, зверь бил сильным хвостом о свои могучие желтые бока. Видя, что я заметил его, он испустил жуткий рев, которым он парализует добычу, и ринулся на меня. Однако его грозный голос не испугал меня, и вместо нежного мяса, которого ожидала разинутая пасть, его встретила холодная сталь. Минуту спустя сердце барсумского льва уже не билось. Вытащив из него меч, я обернулся к Тарсу Таркасу и увидел, что перед ним стояло такое же чудовище.

Не успел он расправиться со своим врагом, как я, движимый внутренним инстинктом, обернулся в другую сторону и увидел бенса, готового прыгнуть на меня.

С этой минуты в продолжение более получаса одно страшилище за другим набрасывались на нас, выпрыгивая как будто из пустого воздуха!

Тарс Таркас мог быть доволен! Здесь было нечто вполне осязаемое, что он мог рубить и колоть своим огромным мечом. Могу сказать, что и я со своей стороны находил это развлечение гораздо более приятным, нежели жуткие голоса невидимых существ. То, что в наших врагах не было ничего сверхъестественного, доказывалось их криками ярости и боли, когда острый клинок перерубал им позвоночник, и потоки настоящей крови струились из их ран.

Я заметил, что звери появлялись только за нашей спиной. Мы ни разу не видели ни одного, который действительно материализовался бы перед нами из воздуха. И так как я ни на минуту не потерял способности рассуждать, то был уверен, что звери появляются в комнате через какую-нибудь потайную, хитро придуманную дверь.

Среди украшений, висевших на кожаных латах Тарса Таркаса — единственной одежды марсиан — висело небольшое зеркальце. Оно блестело посередине его широкой спины. И вот, когда он встал, глядя на только что сраженного противника, мой взгляд случайно упал на это зеркальце, и на блестящей поверхности его я увидел нечто, заставившее меня прошептать:

— Стой, Тарс Таркас! Стой и не двигайся.

Он ничего не спросил у меня, а замер как каменная статуя, в то время как я следил за отражением того, что так много значило для нас.

Я увидел в зеркале, как часть стены за нами отодвинулась. Она вертелась на оси, и вместе с ней двигалась часть пола. Все было так хорошо подогнано, что при тусклом освещении комнаты нельзя было различить ни одной трещины. Когда стена развернулась на полоборота, я увидел большого зверя, сидящего на той части пола, которая была за стеной комнаты. Но когда она совершила полный оборот, зверь оказался на нашей стороне. Это было очень просто!

А меня еще больше заинтересовало то, что я успел разглядеть в момент поворота стены. Я заметил большую комнату, хорошо освещенную, в которой несколько мужчин и женщин были прикованы к стене. Впереди них стоял человек с жестоким лицом, который, очевидно, управлял механизмом секретной двери. Он не был красным, как красные люди Марса, или зеленым, как Тарс Таркас, а белым, как я, с густой копной желтых волос.

Пленники за ним были представителями красных марсиан. Рядом с ними на цепи сидели дикие животные вроде тех, которые были выпущены на нас, и другие, не менее страшные. Когда я повернулся к своему другу, на душе моей было уже легко.

— Следи за стеной в твоем конце комнаты, Тарс Таркас, — предупредил я его. — Они выпускают на нас зверей через потайные двери.

Я стал совсем рядом с ним и говорил ему шепотом, чтобы наши мучители не догадались, что их секрет раскрыт. Все время, пока мы стояли лицом к противоположным кон-

дам комнаты, никакого нового нападения на нас не было произведено. Поэтому мне стало ясно, что в стене существует смотровое отверстие, позволяющее следить за нашими действиями.

Наконец мне в голову пришел план действий. Я прислонился спиной к спине Тарса Таркаса и тихим голосом познакомил его с этим планом, не отрывая глаз со стены, находящейся передо мной. Великий тарк согласился со мной и начал задом пятиться к той стене, на которую я смотрел, а я так же медленно приближался к ней.

Мы остановились в десяти футах от нее. Предупредив Тарса Таркаса, чтобы он не предпринимал никаких действий, пока я не подам условного сигнала, я быстро повернулся спиной к стене, сквозь которую почти ощущал устремленные на нас глаза злобного палача.

Я наблюдал за развитием события в зеркало, висевшее на спине воина, и с напряженным вниманием следил за той частью стены, которая уже выпустила на нас столько кошмарных чудовищ. Вскоре я заметил, что золотая поверхность начала приходить в движение. Я немедленно дал знак Тарсу Таркасу и прыгнул в отступающую половину вертящейся двери. Тарк последовал за мной.

Я очутился в соседней комнате лицом к лицу с человеком, которого уже видел. Он был приблизительно моего роста, с сильно развитой мускулатурой и в мельчайших деталях походил на людей Земли. На поясе у него висели меч, шпага, кинжал и один из тех страшных револьверов, которые обычны на Марсе.

Я был вооружен лишь мечом, а потому, согласно законам и обычаям боя на Марсе, враг мой мог встретить меня только подобным же оружием или меньшим. Но, очевидно, этот молодчик мало считался с моралью, и не успел я очутиться рядом с ним, как он выхватил огнестрельное оружие. Удар моего меча вышиб револьвер из его рук. Тогда он схватился за меч, и мы вступили с ним в смертельный бой.

Он был удивительным бойцом, по-видимому, очень тренированным, между тем, как я в течение десяти лет не держал меча в руке. К счастью, я быстро освоился с этим оружием за минувшие сутки, через несколько минут мой противник заметил, что он имеет перед собой равного себе бойца.

Его лицо подернулось мертвенной бледностью от ярости, когда он понял, что я неуязвим, между тем, как по его лицу и телу бежала кровь из десятка мелких ран.

— Кто ты, белый человек? — прошептал он. — По цвету

твоей кожи видно, что ты не житель внешнего мира Бармуса, а вместе с тем ты и не наш!

Последняя фраза прозвучала как вопрос.

— А что если я из храма Иссы? — рискнул я спросить наудачу.

— Да смилуется судьба! — воскликнул он, побледнев еще больше.

Его ответ доказывал, что я мог быть из храма Иссы и что такой храм существовал, и в нем были люди, подобные мне. Мой противник или боялся силы обитателей храма, или же он так почитал их, что дрожал при мысли о своей дерзости. Впрочем, мне было не до рассуждений! Мне нужно было во что бы то ни стало всадить ему меч меж ребер, что мне все-таки удалось!

Прикованные пленники следили за нашим поединком в глубоком молчании. Ни одного звука не раздалось в комнате, кроме звона мечей, мягкого шарканья наших босых ног и нескольких фраз, которыми мы обменялись шепотом, сквозь стиснутые зубы. Но как только тело моего противника безжизненной массой рухнуло на пол, предостерегающий крик вырвался у одной из пленниц.

— Обернись назад! Берегись! — закричала она.

Я тут же оглянулся и увидел перед собой второго человека той же расы, как тот, который лежал у моих ног. Он крался ко мне из темного коридора и уже занес надо мной свой меч. Тарса Таркаса нигде не было видно, и секретная панель, через которую я пришел, была закрыта.

Как я желал в ту минуту, чтобы мой друг был со мной! Я почти непрерывно сражался в течение уже многих часов. Я прошел через столько испытаний, пережил столько потрясений, что это должно было подорвать мои жизненные силы. К тому же я не ел и не спал целые сутки.

Я был утомлен вконец и в первый раз за многие годы спрашивал себя, в состоянии ли я справиться с новым противником. Но другого выхода не было. Нужно было снова кинуться в бой и как можно быстрее и яростнее. Единственным моим спасением было бы сбить его с ног стремительным натиском. Я не надеялся выдержать длительный бой.

Но мой противник, очевидно, был другого мнения. Он отступал, парировал, отскакивал в сторону и вновь наступал, пока, наконец, силы мои не истощились совершенно. Он был необычайно искусным бойцом, еще более искусным, чем мой предыдущий противник, и я должен сознаться, что он здорово загонял меня и чуть не прикончил.

Я чувствовал, что силы мои уходят, перед глазами ка-

~~Тогда~~ то туман, я шатался, спотыкался, делал частые промахи. ~~Тогда~~ тогда-то он привел в исполнение свой хитрый замысел, который едва не лишил меня жизни. Наступая на меня, он заставил меня пятиться, пока я не очутился у тела его мертвого товарища. Тогда он ринулся на меня с такой неожиданной силой, что я, желая перешагнуть через труп, споткнулся и упал навзничь. Моя голова со стуком ударилась о твердый пол, и, как ни странно, этому обстоятельству я и обязан своей жизнью. Удар прояснил мои мозги, а боль вызвала бешеную злобу. В эту минуту я был готов голыми руками разорвать врага, что, думаю, и сделал бы, но тут правой рукой я нащупал на полу холодный металл. Не глядя, я уже знал, что в моем распоряжении револьвер убитого человека. Мой противник подскочил ко мне, направляя конец своего блестящего клинка прямо в сердце. С его губ сорвался ужасный хохот, который я уже слышал внутри таинственной комнаты.

С этой злобной, полной ненависти усмешкой на тонких губах он и умер, когда его сразила пуля револьвера. Его тело свалилось на меня. Вероятно, при падении рукоятка его меча пришлось мне по голове, потому что я потерял сознание.

Глава IV

ТУВИЯ

Я очнулся от шума борьбы и в первую минуту никак не мог сообразить, где нахожусь и откуда доносятся звуки. Прислушавшись, я понял, что борются за стеной, рядом с которой я лежал. Я ясно различил шарканье ног, звериное рычание, звон оружия и тяжелое дыхание человека.

Встав на ноги, я быстро оглядел комнату, в которой встретил такой теплый прием. Пленники и дикие животные были прикованы к противоположной от меня стене, и их глаза, устремленные на меня, выражали любопытство, мрачную ярость, изумление и надежду.

Последнее чувство ясно отражалось на красивом и одухотворенном лице красной марсианки, которая спасла мне жизнь своим предупреждающим криком. Она была типичной представительницей этой прекрасной высшей марсианской расы, которая внешне очень близка к белой расе земных людей, за исключением того, что цвет кожи у них имеет медно-красный оттенок. На ней не было никаких украше-

ний, и я не мог установить, каково было ее положение в этой жизни. В настоящее время, очевидно, она была пленницей или рабыней.

Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался о том, что означают звуки, доносившиеся из-за стены. Это, наверно, Тарс Таркас! Он, очевидно, отчаянно сражается с дикими животными или с воинственными белыми людьми.

Издав ободряющий крик, я всей тяжестью навалился на потайную дверь, но так же безрезультатно, как если бы пытался сдвинуть скалу. Я лихорадочно принялся искать механизм вертящейся панели, но все мои поиски были бесплодны. Я занес уже меч, намереваясь пробить золотую стену, как голос молодой пленницы остановил меня:

— Сбереги свой меч, славный воин, он еще пригодится тебе! Не разбивай его о крепкий металл, который без труда поддается легкому нажатию руки человека, знающего секрет двери.

— Знаешь ли ты этот секрет? — спросил я.

— Да! Освободи меня, и я пропущу тебя в комнату ужасов, если ты этого пожелаешь. Ключи от моих оков ты найдешь на первом враге, убитом тобой. Но зачем ты хочешь идти обратно? Ты снова очутишься лицом к лицу со свирепым бенсом или с другим чудовищем, которого они выпустили в эту страшную ловушку.

— Мой друг сражается там один, — ответил я, лихорадочно ища ключи на теле мертвого сторожа этой мрачной ужасной комнаты. На кольце висело много ключей, но прекрасная марсианка быстро выбрала тот, который открыл большой замок у ее пояса, и поспешила к секретной панели.

Она выбрала ключ, открывающий стену. На этот раз это была тонкая штучка, наподобие иглы, которую она всунула в почти незаметную скважину в стене. Дверь немедленно повернулась по оси, и примыкающая к ней часть пола, на которой я стоял, очутилась вместе со мной в комнате, где сражался Тарс Таркас.

Великий тарк прислонился спиной к одному из углов, а вокруг него полукругом стояли с полдюжины огромных чудовищ, ожидавших удобного случая к нападению. Их головы, залитые кровью, их окровавленные тела свидетельствовали об их неосторожности и об искустве зеленого воина. На теле моего друга тоже остались серьезные раны — следы нападения кровожадных чудовищ.

Острые когти и жестокие клыки буквально разодрали в клочья его ногу, руку и грудь. Он так ослабел от потери крови и ужасного напряжения, что не прислонись он к сте-

не, вряд ли был бы в состоянии держаться на ногах. Но он все же продолжал смотреть на своих свирепых врагов с упорством и непреклонным мужеством великого воина. Он казался олицетворением старинной поговорки его народа, которая гласит: «Оставь тарку голову и одну руку, и он сумеет победить!»

Мой приход вызвал безобразную улыбку на его лице, испещренном царапинами. Улыбка могла означать удовольствие, или просто ему стало смешно при виде окровавленного и всклоченного друга. Я приготовился уже вмешаться в борьбу и занес свой меч, когда нежная рука опустилась на мое плечо. Обернувшись, я к своему удивлению увидел, что девушка последовала за мной в комнату.

— Постой,— прошептала она,— я справлюсь с ними сама,— и, оттолкнув меня, она приблизилась, беззащитная и невооруженная, к ворчащим бенсам.

Подойдя совсем близко, она произнесла тихим, но решительным тоном одно слово. Животные сразу обернулись на ее голос, и я замер от ужаса, ожидая, что они разорвут ее в клочья. Но вместо этого звери подползли к ее ногам как щенки, ожидающие заслуженного наказания.

Она снова сказала им что-то, но так тихо, что я не мог расслышать ничего, затем направилась к противоположному углу комнаты с шестью огромными чудовищами, следовавшими за ней по пятам. Одного за другим высала она их через секретную панель в смежную комнату и, когда исчез последний обернулась к нам, улыбаясь. Она еще раз посмотрела на наши растерянные лица и вышла, оставив нас одних. С минуту мы молчали. Затем Тарс Таркас сказал:

— Я слышал шум борьбы за стеной, через которую ты прошел, но я не боялся за тебя, Джон Картер, пока не раздался револьверный выстрел. Я знал, что на всем Барсуме нет человека, который направил бы свой меч против тебя и остался бы жив. Но этот выстрел совершенно лишил меня надежды: я ведь знал, что у тебя не было револьвера. Расскажи, что случилось?

Я исполнил его просьбу, и затем мы вместе принялись искать то место в стене, через которое я только что вошел.

Но, к нашему разочарованию, панель не поддавалась. Если бы мы очутились за ней, то могли бы надеяться каким-либо образом выбраться. А прикованные пленники, возможно, могли подсказать нам какой-нибудь выход из этого ада, населенного страшными существами.

Мы несколько раз переходили от одной двери к другой — и все без успеха. Отчаяние охватило нас. Мы уже от-

казались от всякой надежды, когда вдруг одна из панелей бесшумно повернулась, и в комнате появилась та же прекрасная девушка, которая усмирила и вывела бенсов.

— Кто вы,— спросила она,— дерзающие искать спасения из долины Дор и от смерти, которую вы выбрали?

— Я не выбирал смерти,— возразил я.— Я не с Барсума, и я не предпринял добровольного паломничества к реке Исс. Мой друг, джеддак всех тарков, еще не выразил желания вернуться в живой мир, но я все же возьму его с собой. Я спасу его от той лжи, которая завлекла его в это страшное место!

— Сам я человек из другого мира. Я Джон Картер, член семьи Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Быть может, случайно какой-нибудь слух обо мне и достиг пределов вашего адского обиталища.

Она улыбнулась.

— Да,— ответила она,— все, что происходит в мире, покинутом нами, известно нам. Я слышала о тебе много лет тому назад. Жрецы часто удивлялись, куда ты мог убежать — тебя не могли найти на всем Барсуме, а паломничество к реке Исс ты тоже не предпринимал.

— А теперь ответь мне,— спросил я,— кто ты? Ты кажешься пленницей, однако, твоя власть над дикими зверями этих мест вряд ли была бы дана рабыне.

— И все же я рабыня,— ответила она.— Уже целых пятнадцать лет я нахожусь в рабстве в этом ужасном месте, но теперь я им надоела. Они боятся меня, потому что я знаю их тайны. Недавно они приговорили меня к смерти.

Она содрогнулась.

— К какой смерти?

— Святые жрецы употребляют мясо людей, умерших под высасывающими губами растительных чудовищ. Они едят мясо, из которого выкачана кровь. К такой смерти я и была приговорена. Это должно было случиться сегодня. Ваш приход помешал им.

— Значит, я прикончил двух святых жрецов? — спросил я весело.

— О, нет! Те, которых ты убил, были младшими жрецами, но они принадлежат к той же жестокой и злобной расе. Святые жрецы живут на внешних склонах этих гор, на склонах, обращенных к миру, поставляющему им жертвы.

И она нам все рассказала. Целый лабиринт коридоров соединяет эти пещеры с роскошными дворцами святых жрецов. Через эти коридоры проходят младшие жрецы, многочисленные рабы, пленники, дикие звери — все мрач-

ные обитатели нашего бессолнечного мира. В этой огромной сети извилистых переходов и бесчисленных комнат живут мужчины, женщины и звери, которые родились в этом подземном мире, никогда не видели дневного света и никогда не увидят его. Они служат для исполнения приказаний жрецов: доставляют им развлечения и пищу.

Время от времени какому-нибудь злополучному пленнику удастся спастись от растительных людей и больших белых обезьян, которые оберегают храм Иссы, но спастись только для того, чтобы попасть в безжалостные руки жрецов. Иногда, как это было со мной, святой жрец, стоящий на страже на высоком уступе в том месте, где река вытекает из-под Золотых Скал, избирает себе жертву, которая ему чем-либо понравилась.

Все попавшие в долину Дор отдают растительным людям и большим белым обезьянам, только их руки и украшения, по обычаю, передаются жрецам. Но если кому-нибудь хоть на несколько часов удастся спастись от страшных обитателей долины, то он делается полной собственностью жрецов.

Говорят, что иногда случайно какой-нибудь обманутой жертве барсумских предрассудков удастся спастись от бесчисленных врагов, которые подстерегают ее на всем пути до того самого момента, как река Исс выходит из-под земли. А ведь это тысячи миль! Иногда такой жертве удастся добраться до стен храма Иссы. Что случается с ней тогда — неизвестно. Даже святые жрецы не знают, какая судьба ожидает человека, проникшего в храм, потому что из тех, кто вошел в него, никто назад не вернулся.

Храм Иссы для жрецов — то же самое, что долина Дор для остальных жителей Барсума. Он представляется им убежищем высшего мира, покоя и счастья, куда они надеются перейти после этой жизни, и где их ждет вечность среди тех плотских наслаждений, которые считаются высшим блаженством у этой высоко цивилизованной, но развращенной расы.

— Значит, как я понимаю, храм Иссы — это как бы рай в раю, — сказал я. — Будем надеяться, что святые жрецы будут там встречены так же приветливо, как они встречают здесь свои жертвы.

— Кто знает? — прошептала девушка.

— Судя по тому, что ты рассказала, эти жрецы — такие же смертные, как и мы. А с каким благоговением говорят о них на Барсуме и чтут как богов!

— Жрецы смертны, — ответила она. — Те из них, кото-

рые не доживают до назначенного им жизненного предела — до тысячи лет — могут умереть от тех же причин, что ты или я. После этого предела они, в силу обычая, отправляются в свой последний путь по длинному туннелю, который ведет к Иссе.

— Говорят, что те, которые умирают ранее тысячи лет, воплощаются на время в образ растительных людей. В этом облики они доживают до своего предела. Вот почему растительные люди священны для жрецов. Они верят, что каждое из этих ужасных созданий было когда-то жрецом.

— А если растительный человек умирает? — спросил я.

— Если он умирает до истечения тысячи лет, считая со дня рождения жреца, то душа его переходит в большую белую обезьяну. Но если эта обезьяна умрет до истечения срока, то душа гибнет навеки, переселяясь в тело одного из липких силианов (это огромные рептилии, похожие на земных крокодилов), которые тысячами извиваются в безмолвных водах озера Корус при свете луны, когда солнце заходит, и странные тени бродят по долине Дор.

— Мы сегодня отправили немало святых жрецов к силианам, — рассмеялся Тарс Таркас.

— Потому-то вас и ожидает самая страшная смерть, — промолвила девушка, — и она наступит — вы не сможете спастись никак.

— Один человек спасся несколько сот лет назад, — напомнил я ей. — Что удалось однажды, может случиться и теперь.

— Не стоит даже и пытаться, — ответила она безнадежно.

— А мы все-таки попытаемся! — вскричал я. — И ты пойдешь с нами, если захочешь.

— Чтобы меня убил мой собственный народ и чтобы память обо мне была позором для моей семьи и для всего племени? Ты должен был бы подумать, прежде чем предлагать мне это!

Тарс Таркас слушал в глубоком молчании. Я чувствовал, что взгляд его устремлен на меня. Я знал, что он ожидал моего ответа с таким же напряжением, как подсудимый ожидает чтения своего приговора из уст судьи. То, что я посоветую девушке — будет нашим общим уделом. Если я склонюсь на сторону неумолимого векового суеверия — мы все должны будем примириться с нашей судьбой, остаться и без борьбы ожидать ужасной смерти.

— Мы имеем право спастись, если нам это удастся, — ответил я. — Нравственные устои барсумцев не будут

оскорблены, потому что мы знаем, что сказочная жизнь в благословенной долине Дор — злостная выдумка. Мы знаем, что долина не священна, мы знаем, что святые жрецы отнюдь не святы, что они жестокие и бессердечные смертные, знающие о вечной жизни не больше нас.

— Приложить все усилия к спасению — не только наше право, но и наш священный долг, долг, перед которым мы не смеем отступить, даже если бы мы знали, что нас ожидают брань и пытки со стороны нашего народа, когда мы к нему вернемся. Ведь только так мы сможем открыть истину людям внешнего мира! Я прекрасно сознаю, что наш рассказ вряд ли вызовет доверие — люди так крепко держатся за свои глупые суеверия! Но мы были бы жалкими трусами, если бы отступили от долга, который возложен на нас.

— К тому же мы имеем шанс, что свидетельству нескольких лиц поверят скорее, может быть, даже согласятся отправить экспедицию для исследования этой страшной пародии рая.

Девушка и зеленый воин некоторое время стояли молча, погруженные в глубокое раздумье. Девушка первая прервала молчание.

— Я никогда еще не думала об этом с такой точки зрения, — промолвила она задумчиво. — Я готова отдать свою жизнь тысячу раз, если бы этим спасла хоть одну душу от ужасной жизни, которую я здесь вела! Да, ты прав! Я пойду за тобой, хотя и сомневаюсь, что нам удастся спастись.

Я вопросительно взглянул на тарка.

— Куда бы Джон Картер ни повел меня — к вратам ли храма Иссы или на дно Коруса, к снегам севера или к снегам юга — Тарс Таркас последует за ним!

— Идемте же немедленно! — воскликнул я. — Мы должны действовать, потому что не может быть спасения в сердце этой горы и в четырех стенах этой комнаты смерти.

— Идемте, — повторила девушка, — но не обольщайтесь надеждой, жрецы не позволят нам выбраться отсюда.

С этими словами она повернула секретную панель, которая отделяла нас от того помещения, где я нашел ее и где находились другие пленные. Их было всего десять красных марсиан, мужчин и женщин. Мы коротко объяснили им наш план. Они решили идти с нами, хотя было видно, что они трепещут при мысли о нарушении священных законов Барсума. Между тем, все они на своем горьком опыте

знали, как нагло обманывали их святые жрецы, и какой ложью обернулась старая вера.

Тувия, девушка, которую я освободил первой, открыла замки на цепях остальных. Тарс Таркас и я сняли с тел убитых жрецов оружие, которое состояло из мечей, кинжалов и двух револьверов самого совершенного образца, который производится красными марсианами. Мы распределили оружие среди наших спутников, насколько это было возможно. Револьверы мы дали двум женщинам, в том числе и Тувии.

Она была нашим проводником, и мы быстро, но соблюдая осторожность, отправились вслед за ней по лабиринтам ходов. Мы проходили через большие комнаты, высеченные в массиве скалы, шли по извилистым коридорам, поднимались на крутые подъемы и прятались в темных нишах при звуке приближающихся шагов.

Тувия хотела провести нас в комнату, где, по ее словам, были запасы оружия и снарядов. Оттуда мы должны были отправиться на вершину скалы, а там попытаться прорваться через твердыню святых жрецов к внешнему миру.

— И даже тогда,— воскликнула Тувия,— мы не будем в безопасности! Длинные руки святых жрецов! Они настигнут нас в любом месте на Барсуме. Их тайные храмы прячутся в сердце каждой обшины. Куда бы мы ни пришли, весть о нашем бегстве опередит нас, и смерть найдет нас раньше, чем мы сможем разоблачить их.

Мы шли уже около часа, не встречая никаких препятствий. Тувия только шепнула мне, что мы близки к цели, как при входе в обширную комнату наткнулись на человека, очевидно, жреца.

Кроме обычного кожаного наряда и украшений, он носил вокруг лба массивный золотой обруч, в центре которого был вправлен огромный камень. Точную копию этого камня я видел около двадцати лет тому назад на груди маленького старика на атмосферной станции. Это — бесценное сокровище Барсума! Известны только два таких камня, и их носили два старика, поддерживавших воздушный баланс на всей планете.

Камень, который был на встретившемся нам старике, был приблизительно такой же величины, как тот, который я видел когда-то. Он имел около дюйма в диаметре и излучал девять различных ясно видимых лучей: семь основных цветов нашей земной призмы и еще два луча, которые на Земле неизвестны и изумительная красота которых не поддается описанию.

Жрец увидел нас, и глаза его злобно сверкнули и сузились.

— Стойте, — вскричал он. — Что это значит, Тувия? Вместо ответа девушка подняла свой револьвер и в упор выстрелила в него. Он без звука замертво упал.

— Гадина! — прошипела она. — Наконец-то я отомстила тебе за все эти годы!

Она повернулась ко мне, желая, видимо, что-то объяснить, но внезапно по ее лицу пробежала гримаса удивления, и она бросилась ко мне.

— О, воин! — вскричала она. — Судьба действительно благоприятствует нам! Нам предстоит трудный путь, но благодаря этой твари, которая лежит на полу, мы все же сможем пробиться к внешнему миру. Разве ты не видишь чудесного сходства между этим святым жрецом и тобой?

Действительно он был моего роста, и глаза и черты его лица очень напоминали мои, но голову его венчала копна желтых волос, как и у тех двух, которых я убил раньше, а у меня были черные коротко остриженные волосы.

— Что же из этого? — спросил я Тувия. — Неужели ты думаешь, что я смогу со своими короткими черными волосами выдавать себя за желтоволосого священника вашего адского культа?

Она улыбнулась и вместо ответа подошла к телу убитого ею человека. Встав на колени, она сняла золотой обруч, а вместе с ним, к моему удивлению, и роскошные золотистые волосы с головы мертвеца!

Она надела желтый парик на мои черные волосы и увенчала золотым обручем со сверкающим камнем.

— Одень его кожаный наряд, — сказала она, — и ты сможешь свободно пройти по владениям жрецов, потому что Сатор Трог был святым жрецом десятого цикла и имел великую власть.

Когда я наклонился над мертвым, чтобы снять его наряд, то заметил, что на его голове не было ни единого волоска — она была гладкой, как яйцо!

— Они все такие от рождения, — объяснила Тувия, заметив мое недоумение. — Раса, от которой они произошли, обладала роскошными золотистыми волосами, но в течение многих веков они стали совсем безволосыми. Парик сделан принадлежностью их наряда и такой важной, что считается величайшим позором, если жрец публично покажется без него.

Через минуту я полностью облачился в наряд жреца. По совету Тувии, двое из сопровождавших нас пленников

понесли тело жреца, и мы продолжали свой путь к комнате с оружием, не встретив никаких препятствий.

Ключи, снятые Тувией с первого убитого мною жреца открыли нам доступ в арсенал, и мы быстро все вооружились. Но к этому моменту нервное напряжение прошедших суток и физическое переутомление сломили меня. Я не в состоянии был дальше передвигаться, повалился на пол, успев отдать приказание нести по очереди караульную службу, и крепко заснул.

Глава V

В ПОДЗЕМНОМ ЛАБИРИНТЕ

Не знаю, сколько времени проспал я на полу в оружейной комнате, но, должно быть, много часов. Внезапно я был разбужен тревожными криками и не успел еще собраться с мыслями и сообразить, где я нахожусь, как услышал выстрелы, звук которых гулко прокатился по подземным коридорам.

Я вскочил на ноги. В дверях, противоположных тем, через которые мы вошли в комнату, стояли двенадцать младших жрецов. Вокруг меня в предсмертных судорогах извивались почти все беглецы, спаслись только Тувия и Тарс Таркас, которые подобно мне, лежали на полу во время стрельбы.

При виде меня жрецы опустили ружья, и на их лицах отразились испуг и изумление. Я немедленно воспользовался этим.

— Что это значит? — вскричал я гневно, — не хватает, чтобы Сатор Трог был убит своими подчиненными!

— Смилуйся, владыка десятого цикла, — вскричал один из жрецов, а остальные попятились к выходу, стараясь как можно быстрее скрыться с глаз разгневанного повелителя.

— Спроси, что им здесь нужно, — шепнула мне Тувия.

— Эй, что вы здесь делаете? — крикнул я.

— Двое из внешнего мира бежали и скрываются во владениях жрецов. Мы ищем их по приказанию отца жрецов. Один из них белый с черными волосами, а другой — огромный зеленый воин.

И при этом жрец бросил подозрительный взгляд на Тарса Таркаса.

— Вот он, — воскликнула Тувия, — и если бы вы взглянули на мертвого человека у двери, то признали бы и дру-

того. Сатору Трогу и его рабам удалось выполнить то, чего младшие жрецы охраны не сумели сделать — убить одного и захватить в плен другого. За это Сатор Трог даровал им свободу, а вы, несчастные, убили всех, а самому великому Сатору Трогу тоже угрожала смертельная опасность!

Жрецы казались испуганными и ошеломленными.

— Не лучше ли им бросить эти тела растительным людям и вернуться к себе, владыка? — обратилась ко мне Тувия.

— Да, сделайте, как вам укажет Тувия, — сказал я.

Когда жрецы подняли тела, я заметил, как один из них, увидев тело Сатора Трога, бросил украдкой взгляд в мою сторону. Я мог бы поклясться, что он что-то заподозрил, но это было только подозрение, которое он не осмелился высказать. Вынося тело из комнаты, он снова окинул меня быстрым вопросительным взглядом, а затем перевел глаза на блестящий лысый череп мертвеца, и на губах его появилась подозрительная улыбка.

Итак, только Тарс Таркас, Тувия и я остались в живых. Роковые выстрелы жрецов лишили наших спутников последнего шанса на свободу. Как только мрачная процессия с убитыми скрылась, Тувия поторопила нас. Она тоже заметила подозрительный взгляд жреца, выносившего тело Сатора Трога.

— Это не обещает нам ничего хорошего, — молвила она. — Жрец не осмелится сам обвинить тебя, боясь ошибиться, но есть жрецы выше его, которые могут потребовать тщательного расследования, а это будет означать для нас конец.

Я пожал плечами. Мне самому казалось, что концом всех наших усилий будет смерть. Хотя сон и освежил меня, но я чувствовал себя очень слабым от потери крови. Раны мои горели. Медицинской помощи ожидать было неоткуда. Как я хотел бы теперь иметь в своем распоряжении мази и настойки зеленых марсианских женщин, которые обладали почти волшебной целительной силой! Эти средства вернули бы мне силы через час.

Меня охватили подавленность и отчаяние. Никогда еще я не чувствовал такой полной безнадежности перед лицом опасности. В эту минуту сквозняк подхватил длинные желтые волосы моего парика, которые скользнули по лицу. Поможет ли все же мой маскарад открыть нам дорогу к свободе? Можем ли мы все-таки спастись, если попробуем бежать раньше, чем будет поднята общая тревога? И я решил предпринять еще одну попытку.

— Что сделает жрец, Тувия,— спросил я.— Через сколько времени они смогут вернуться?

— Он пойдет прямо к отцу жрецов, к старому Матану Шангу. Ему придется ждать аудиенции, но так как он занимает высокое положение среди младших жрецов, то его скоро допустят. Если отец жрецов поверит его истории, то через час все коридоры и комнаты, все дворцы и сады будут оцеплены сыщиками.

— Значит, у нас все же есть один час. Мы должны пройти прямо на вершину скал,— ответила она,— а оттуда через сады во внутренний двор. Затем наш путь проляжет между храмами жрецов к внешнему двору. А потом еще укрепления... Нет, нет, это совсем безнадежно! Десять тысяч воинов не смогли бы пробиться к свободе из этого ужасного места. С начала мира жрецы работают над укреплением своей твердыни. Бесперывная линия неприступных крепостей окружает внешние склоны горы Оц. За этими укреплениями находится миллион бойцов, всегда готовых к сражению. Дворы и сады полны рабами, женщинами и детьми. Нельзя пройти и несколько шагов без того, чтобы не быть обнаруженным.

— Если нет другого пути, Тувия, не к чему теперь рассуждать о трудностях!

— Не лучше ли нам попытаться пробраться после наступления темноты? — спросил Тарс Таркас.— Днем, по-видимому, нет никаких шансов на успех.

— Ах! Ночью укрепления хорошо охраняются, может быть, даже еще лучше, чем днем. Правда, в садах и во дворе меньше народа,— ответила Тувия.

— Какой теперь час? — спросил я.

— Была полночь, когда ты меня освободил,— сказала Тувия.— Через два часа мы были в оружейной комнате. Здесь ты проспал четырнадцать часов. Теперь, должно быть, опять солнечный закат. Пойдем к какому-нибудь ближайшему отверстию в скале и посмотрим.

При этих словах она повела нас по извилистым коридорам, пока после одного поворота мы не подошли к отверстию, выходящему на долину Дор. По правую руку от нас за склоны горы Оц уходило огненное солнце. Немного ниже нас на балкончике стоял на часах святой жрец. Его красное платье было туго стянуто вокруг тела в ожидании холода. Днем в этих горах всегда страшно жарко, а ночью необычайно холодно. Так как разреженная атмосфера не преломляет солнечных лучей, то на Марсе нет сумерек. Когда огромный солнечный шар скрывается за горизонтом, то

это можно сравнить с эффектом потушенной лампы в комнате. После блестящего света вас сразу окутывает полный мрак. Тогда восходят луны, таинственные волшебные луны Марса, низко пробегающие над планетой как большие метеориты.

Заходящее солнце кидало яркие блики на берег Коруса, на пурпурный луг и роскошные леса. Под деревьями паслись стада растительных людей. Взрослые стояли, вытянувшись во весь рост, и подрезали своими когтями листья и ветки. Теперь я понял, отчего деревья были подрезаны так тщательно, что я даже вообразил накануне, что нахожусь в парке цивилизованных людей!

Стоя у окна, мы смотрели на Иссу, вытекающую из-под скал под нами. Вскоре на реке появился челн, нагруженный людьми из внешнего мира. Их было двенадцать. Все они принадлежали к красной расе, которая является господствующей на Марсе.

Взгляд сторожевого жреца тоже немедленно устремился на обреченных. Он поднял голову и, перегнувшись через низкие перила, окаймлявшие балкон, испустил пронзительный зловеющий крик, которым он созывал к нападению дьяволов этого адского места. С минуту животные стояли, наострив уши, а затем огромными неуклюжими прыжками бросились из рощи к берегу реки.

Путешественники уже высадились и стояли на лугу, когда ужасная орда накинута на них. Бесплодные попытки защититься и вопли быстро прекратились. Наступило молчание, во время которого огромные чудовища покрывали тела несчастных жертв и отвратительные губы присасывались к ним.

Я с отвращением отвернулся.

— Их пир скоро будет кончен,— сказала Тувия.— Большие белые обезьяны получают мясо после того, как растительные люди высосут кровь. Смотри, они уже идут!

Я посмотрел в сторону, куда указала девушка, и увидел десяток белых чудовищ, бегущих через долину к реке. Но в эту минуту зашло солнце, и все погрузилось во мрак. Не теряя времени, Тувия повела нас по коридору в скале, который все время уходил куда-то вверх. Этот коридор должен был вывести нас на скалу, лежащую на тысячу футов выше того уровня, на котором мы находились первоначально. Дважды огромные бенсы, которые свободно бродили по коридорам, преграждали нам путь, но всякий раз Тувия отдавала им тихим голосом приказание, и рычащие звери уходили прочь.

— Если все препятствия ты будешь преодолевать так же легко, то наш путь не будет особенно трудным,— сказал я улыбаясь.— Как тебе это удастся, Тувия?

Она засмеялась, но потом содрогнулась.

— Я и сама не знаю,— промолвила она.— Когда я попала сюда, то навлекла на себя гнев Сатора Торга за то, что оттолкнула его. Он приказал бросить меня в одну из больших ям во внутренних садах. Яма была полна бенсами. У себя на родине я привыкла повелевать. Что-то в моем голосе устрасило зверей, когда они прыгнули на меня.

— Вместо того, чтобы разорвать меня в клочья, как того желал Сатор Трог, они улеглись у моих ног и начали ласкаться. Это так позабавило Сатора Трога и его друзей, что они оставили меня для дрессировки этих страшных зверей. Я их всех знаю по именам. Их много бродит по этим нижним коридорам; пленники часто умирают, и бенсы помогают очищать проходы от трупов. Наверху, в храмах и садах, бенсы содержатся в ямах. Жрецы их боятся и избегают появляться на нижних коридорах, разве что если служба этого потребует.

Слова Тувия навели меня на новую идею.

— Не взять ли нам с собой несколько бенсов и выпустить их на волю? — спросил я.

Тувия засмеялась.— Да! Это, наверное, отвлекло бы внимание от нас.

Она начала напевать тихим голосом, подзывая животных, пока мы кружились по лабиринту подземелья. Вскоре позади нас послышались шаги мягких лап, и, обернувшись, я увидел пару больших зеленых глаз, горевших в темноте. Из бокового коридора неслышно выскользнула гибкая темная фигура. Мы спешили вперед. Со всех сторон раздавалось глухое рычание. Свирепые звери один за другим отзывались на зов своей госпожи.

Каждому из тех, кто присоединялся к нам, она говорила что-то. Они шли за нами как хорошо вышколенные терьеры. Но я не мог не смотреть с опаской на их страшные челюсти, покрытые пеной. Тарс Таркас и я, по-видимому, возбуждали их аппетит, и они бросали на нас жадные взгляды. Вскоре мы и вовсе оказались окруженными пятьюдесятью животными. Двое из них шли по обе стороны Тувии, напоминая стражников. Время от времени гладкое холодное тело касалось моих голых ног.

Я никогда не забуду этой необычайной картины. Среди золотых стен, сиявших драгоценными камнями, тускло мерцал свет редких ламп. Огромные звери бесшумно ступали

по камню. Рядом со мной шагала огромная фигура тарка, а сам выступал увенчанный драгоценной диадемой жреца, а впереди нас шла прекрасная нежная девушка.

Вскоре мы дошли до большой комнаты, которая была освещена ярче, чем коридоры. Тувия остановила нас, осторожно подкралась к двери и заглянула внутрь. Затем знаком приказала нам следовать за ней.

Комната была полна странными существами, которые населяют этот подпочвенный мир. Это была необычайно богатая коллекция вырожденков — потомство пленников внешнего мира, странная помесь красных и зеленых марсиан и белой расы жрецов. Благодаря постоянному заключению в подвалах, они больше походили на трупы, чем на живые существа. Многие из них были искалечены; большая часть из них, по словам Тувии, потеряла способность видеть.

Они кучами валялись на полу, и их вид напомнил мне иллюстрации к «Аду» из «Комедии» Данте. И какое сравнение могло бы быть более подходящим? Разве это место не было настоящим адом, населенным погибшими душами, проклятыми навеки, без всякой надежды на спасение?

Осторожно пробирались мы через комнату, обходя спящих. Бенсы жадно поводили ноздрями при виде соблазнительной добычи, в таком изобилии лежащей перед ними. Мы прошли несколько подобных комнат, в других нам попадались пленники и звери, закованные цепями.

— Почему не видно ни одного жреца? — спросил я Тувию.

— Они редко спускаются ночью в подземные коридоры. Бенсы бродят здесь на свободе, а жрецы их боятся. Они боятся всех обитателей этого мрачного мира, который они сами же вскормили. Иногда пленники восстают и убивают их. Жрец никогда не может быть уверен, что на него сзади не нападет убийца из какого-нибудь темного угла.

— Днем другое дело. Коридоры и комнаты переполнены стражей, которая ходит взад и вперед. Из верхних храмов сюда сотнями приходят рабы в кладовые и склады. Все кипит жизнью. Ты не видел этого сегодня, потому что я вела вас кружным путем. Однако и теперь нам может повстречаться жрец, иногда они заходят сюда и после заката солнца. Поэтому-то я и продвигаюсь с такой осторожностью.

Мы благополучно добрались до верхних этажей, и Тувия остановила нас перед последним коротким, но крутым подъемом.

— Над нами, — сказала она, — дверь во внутренние

сады. Отсюда до внешних укреплений на протяжении четырех миль нам грозят бесчисленные опасности. Стража охраняет дворы, храмы, сады. Каждый дюйм укреплений находится под наблюдением часового.

Я не мог понять, для чего жрецам необходима столь огромная вооруженная сила, если их крепость и так окружена тайной и суеверием, и ни один человек Барсума не осмелился бы приблизиться к ней. Я спросил Тувию, каких врагов могли опасаться жрецы в своей неприступной твердыне.

Мы уже стояли у двери, и Тувия открывала ее.

— Они боятся черных пиратов Барсума,— сказала она.— Да спасут нас от них наши предки!

Дверь открылась. Холодный воздух ночи пахнул нам в лицо. Огромные бенсы, почуяв непривычные запахи, с глухим рычанием бросились мимо нас в сад.

Внезапно с крыши храма раздался громкий тревожный крик. Он был подхвачен и передавался от поста к посту, пока не замер вдали. Меч великого тарка выпал из ножен. Тувия, вздрогнув от страха, прижалась ко мне.

Глава VI

ЧЕРНЫЕ ПИРАТЫ БАРСУМА

— Что это за шум? — спросил я девушку.

Вместо ответа она указала на небо. Я взглянул вверх и увидел неясные темные предметы, летающие туда-сюда высоко над храмом, садом и двором. Почти сразу же на этих странных предметах вспыхнули огоньки. Затрещали ружейные выстрелы. В ответ на них раздалась залпы с крыш храмов.

— Черные пираты Барсума,— прошептала девушка.

Воздушный флот разбойников кружил все ниже и ниже над твердыней жрецов. Пираты обстреливали сторожевую охрану храмов. Приблизившиеся аэропланы были встречены ответным огнем. Когда пираты опустились еще ниже, из храмов высыпало войско под предводительством жрецов. Воины рассредоточились по садам и двору. Аэропланы стремительно снижались в нашем направлении.

Жрецы стреляли по ним ружьями, прикрываясь щитами, укрепленными к ним, но это не помешало мрачному флоту черных пиратов совершать массированные налеты небольшими аэропланами, рассчитанными на двух — трех

человек. В воздухе появились и более крупные суда, но они держались высоко, сбрасывая снаряды на храмы и укрепления.

Наконец, очевидно повинаясь команде, пираты одновременно кинулись вниз и бесстрашно опустились совсем близко от нас, почти в центре неприятельских войск. Не дожидаясь полной посадки машин на поверхность, пираты выскочили из них и с демонической яростью набросились на жрецов. Что это был за бой! Я всегда считал, что зеленые марсиане самые отважные воины во всей вселенной, но дикое ожесточение, с которым черные пираты накинулись на своих врагов, превосходило все виденное мною до сих пор.

Свет обеих лун Марса бесстрастно высветил всю сцену боя. Светловолосые белокожие жрецы с отчаянным мужеством бились врукопашную со своими чернокожими врагами. На роскошной клумбе сказочных цветов в смертельной схватке сражалась самая большая группа воинов; у подножия чудесной статуи, украшенной рубинами, замертво свалился жрец, пронзенный изогнутым мечом пирата; дальше несколько жрецов теснили врага, который пал на изумрудную скамейку, по радужной поверхности которой алмазами был выложен поразительно красивый рисунок.

Тувия, джеддак тарков и я стояли несколько в стороне от главного места боя, но время от времени сражавшиеся приближались к нам так близко, что мы могли хорошо рассмотреть их.

Черные пираты необычайно интересовали меня. Во время моего первого пребывания на Марсе смутные слухи о них дошли до меня, но я не поверил им, так они походили на легенду. Я их никогда не видел, и мне никогда не приходилось разговаривать с кем-либо, кто встречался с ними. Барсумцы предполагали, что они населяют ближнюю луну, с которой изредка спускаются на Барсум. Всюду, где бы ни появлялись, они совершали страшные зверства и забирали с собой огнестрельное оружие, снаряды и молодых девушек. По слухам, девушек приносили в жертву какому-то ужасному богу во время оргии, которая заканчивалась пожиранием жертвы.

Мне представился теперь великолепный случай рассмотреть их собственными глазами. Они были высокого роста, вероятно, более шести футов. Черты лица их были правильны и необычайно прекрасны, а немного узкий разрез глаз придавал им выражение коварства. Цвет глаз, насколько я мог судить при лунном свете, был совершенно черный. Строение тела было таким же, как и у жрецов, крас-

ных людей и у меня. Они отличались от нас только цветом кожи: она имела вид полированного черного дерева и, как ни странно, не только не умаляла их красоты, но даже подчеркивала ее. Но если внешностью они походили на богов, то сердцем, по-видимому, более напоминали дьяволов. Никогда прежде не видел я такой злобной кровожадности, какую проявили эти демоны в яростной схватке со жрецами.

Вокруг нас в саду лежали их аэропланы, и по какой-то причине жрецы не делали никаких попыток к их истреблению. Время от времени чернокожий воин выбегал из ближайшего храма с молодой девушкой на руках. Он несся прямо к своему аэроплану, а его товарищи спешили к нему, чтобы прикрыть.

Жрецы со всех сторон сбегались на выручку, но через минуту черный пират со своей жертвой исчезал в водовороте ревущих дьяволов, рубящих и колющих с бешеной яростью. Казалось, что черные пираты Барсума всегда выходили победителями. Каким-то образом им удавалось пронести девушку в сохранности через толпу сражающихся, и ее уносил быстросходный аэроплан в темноту ночи.

Шум боя доносился с обеих сторон, и Тувия сказала мне, что черные пираты обыкновенно нападают по всей линии владений жрецов, которая проходит по внешним склонам горы Оц.

Когда сражающиеся воины отхлынули от того места, где мы стояли, Тувия обернулась ко мне.

— Понимаешь ли ты теперь, — спросила она, — почему миллион воинов денно и ночью охраняет владения святых жрецов? То, что вы сейчас видите, я наблюдала десятки раз в течение пятнадцати лет моего плена. С незапамятных времен черные пираты Барсума грабят владения святых жрецов.

— Но они никогда не уничтожают до конца расу жрецов, хотя, как мне кажется, это в их власти. Нападая на жрецов, они удовлетворяют свою свирепую кровожадность и добывают в бою оружие и пленников.

— Почему же жрецы не набрасываются на аэропланы и не уничтожают их? — спросил я. — Это положило бы конец нападениям пиратов или, во всяком случае, поубавило их наглость. Посмотри! Аэропланы совсем не охраняются, как будто они находятся в безопасности, как у себя на стоянках.

— Жрецы не смеют их тронуть. Однажды, много веков тому назад, они попробовали уничтожить флот, но на сле-

дующую ночь, а затем и в течение целого месяца тысяча огромных черных военных кораблей кружилась над горой Оц и осыпала снарядами храмы, сады и дворцы, пока оставшиеся в живых жрецы не скрылись в подземных галереях. Жрецы знают, что они вообще живут только по милости чернокожих. В тот раз раса была близка к уничтожению, и они не отваживаются рисковать снова.

В это время в борьбу вмешались новые силы. Это было одинаково неожиданно как для жрецов, так и для пиратов. Огромные бенсы, которых мы выпустили в сад, напуганные грохотом битвы, воем воинов, громкими ружейными выстрелами и взрывами бомб, пришли в возбуждение от запаха свежей крови. Внезапно из-за низкого кустарника выпрыгнуло огромное животное и бросилось в кучу сражающихся. Бенс испустил страшный вой животной ярости, когда почувствовал под своими когтями трепещущее человеческое тело. В ответ на этот сигнальный крик вся свора чудовищ бросилась на бойцов. Наступила паника. Жрецы и чернокожие повернулись против общего врага, так как бенсы не делали никакого различия между ними.

Страшные звери тяжестью своих огромных тел опрокинули около сотни людей, когда кинулись в гущу сражения. Они убивали воинов ударами своих могучих лап и раздирали их своими страшными клыками. Картина была ужасная. Внезапно я сообразил, что мы напрасно теряем драгоценное время, наблюдая за боем, который сам по себе мог послужить нашему спасению.

Жрецы были так поглощены новым врагом, напавшим на них, что если наше бегство вообще было возможно, то только теперь. Я оглянулся, ища проход через двор. Если бы нам только удалось достичь укреплений! Может быть, стрельба пиратов разогнала охрану, и мы как-нибудь пробьем себе дорогу во внешний мир!

Окидывая взглядом сад, я увидел сотни аэропланов, лежащих вокруг нас безо всякой охраны. Это был самый простой путь к свободе! Почему эта мысль не пришла мне в голову раньше?! Я был знаком с механизмом всех летающих аппаратов Барсума. Девять лет я летал и сражался во флоте Гелиума. Мне довелось пользоваться маленькими разведывательными аппаратами, приспособленными для одного человека, и управлять огромными кораблями.

Я привык следовать в поступках своим мыслям. Схватив Тувию за руку и предупредив Тарса Таркаса следовать за нами, я скользнул к маленькому аппарату, который находился дальше всех от сражавшихся. Через минуту мы

уже были внутри его. Моя рука легла на рычаг управления, и я нажал на кнопку, включающую весь механизм аэроплана. Он слегка качнулся, но не тронулся; за нами раздался грозный окрик. Десять черных воинов стрелой неслись к нам из гущи битвы. С криками ярости черные дьяволы мчались прямо на нас. Я с отчаянным упорством продолжал давить на кнопку, от которой теперь всецело зависела наша судьба, но аппарат не взлетал. Тогда я понял причину, почему он не может подняться. Мы попали на аэроплан, который предназначался только для двух пассажиров! Его резервуары были заряжены отталкивающей жидкостью, достаточной для поднятия двух средних людей. Огромный вес тарка пригвоздил нас к почве.

Чернокожие были почти рядом. Нельзя было терять ни минуты. Я глубоко вдавил кнопку и закрепил ее в таком положении. Затем поставил рычаг на высшую скорость и, когда чернокожие с криком набросились на нас, выскочил из аппарата и встретил их с обнаженным мечом.

В ту же минуту позади меня раздался пронзительный вопль девушки:

— О, мой вождь! Я бы хотела остаться и умереть...

Остальные слова утонули в реве нападающих. Моя хитрость удалась — Тувия и Тарс Таркас были спасены, по крайней мере, временно.

Первую минуту казалось, что я не смогу устоять против многочисленных врагов. Но опять, как и в других случаях, когда мне приходилось сталкиваться на этой планете с воинами и зверями, оказалось, что моя земная сила настолько превосходила их силу, что численное неравенство было не столь значительным, как казалось.

Мой острый меч сеял вокруг меня смерть. На лицах моих противников можно было прочесть уважение, которым они прониклись к моему боевому искусству. Но я знал, что вся эта борьба — вопрос нескольких минут, пока не подойдут свежие силы и не сломят меня. Смерть подстерегала меня. Я содрогнулся при мысли умереть в этом страшном месте, при мысли, что весть о моей кончине никогда не достигнет моей любимой Ден Торис. Умереть от рук неизвестных чернокожих в саду жестоких жрецов!

Но мой боевой дух вновь вернулся ко мне. Воинственная кровь моих предков закипела в жилах. Мною овладела жестокая кровожадность и радость борьбы. На губах появилась воинственная улыбка, которая всегда приводила в ужас моих врагов. Я отбросил всякую мысль о смерти и встретил своих противников с такой яростью, о которой до конца жиз-

ни будут вспоминать те, кому удалось спастись. Я знал, что на помощь этим врагам придут другие, а потому, сражаясь, ни на минуту не переставал думать о пути к спасению.

Спасение пришло неожиданно из темноты ночи позади меня. Я только что обезоружил огромного парня, который отчаянно бился со мной, и чернокожие на минуту отступили, чтобы прийти в себя. Они смотрели на меня со злобной яростью, но, несмотря на это, на их лицах было написано почтение.

— Жрец,— сказал один из них,— ты сражаешься как датор. Если бы не твои отвратительные желтые волосы и белая кожа, ты сделал бы честь перворожденным Барсума.

— Я не жрец,— объявил я и уже хотел сообщить им, что я из другого мира. Мне пришло в голову, что, заключив перемирие с чернокожими и сражаясь с ними против жрецов, я смогу завоевать свободу. Но как раз в эту минуту какой-то тяжелый предмет ударил меня по спине с такой силой, что чуть не сшиб с ног.

Я повернулся, чтобы посмотреть на нового врага, но таинственный предмет перелетел через мое плечо и ударил одного из чернокожих в лицо так резко, что тот, лишившись сознания, упал на траву. В ту же минуту я увидел, что это был якорь воздушного корабля.

Судно, которое на вид казалось небольшим крейсером человек на десять, медленно плыло над нами. Передо мной была возможность спастись! Корабль медленно поднимался. Якорь висел за чернокожими, стоящими ко мне лицом, всего в нескольких футах над их головами.

Одним прыжком, заставившим их застыть от удивления, я перелетел через них. Я подпрыгнул вновь и ухватился за быстро поднимающийся якорь. Я повис на нем, держась одной рукой, и меня тащило вверх через ветви садовых деревьев, в то время как подо мной выли и кричали мои враги.

Корабль повернул к западу, а затем плавно понесся к югу. Через минуту я уже проносился над гребнем Золотых Скал, оставляя позади себя долину Дор, где на страшной глубине блестело при лунном свете мертвое озеро Корус.

Я примостился, как мог, на якорю. Почему-то во мне крепла надежда, что корабль покинут экипажем. Может быть, он даже принадлежит дружественному народу и только случайно залетел так далеко, что чуть не попал в руки жрецов и пиратов? То обстоятельство, что он спешно уходил с поля боя, подтверждало мое предположение.

Надо было удостовериться в этом: с величайшим трудом я начал медленно взбираться по якорной цепи на палубу. Я уже ухватился одной рукой за борт корабля, когда свирепое черное лицо перегнулось через перила и устремило на меня глаза, полные торжествующей ненависти.

Глава VII

ДРЕВО ЖИЗНИ

Минуту черный пират и я молча глядели друг на друга. Затем жестокая усмешка искривила его красивые губы, черная рука показалась из-за края палубы, и холодное дуло револьвера коснулось моего лба. Я схватил свободной рукой чернокожего за горло и судорожно сдавил его. Пират прохрипел чуть слышно:

— Умри, проклятый жрец! — и нажал курок...

Револьвер дал осечку.

Я так стремительно рванул его за борт палубы, что он выронил револьвер и ухватился обеими руками за перила. Я продолжал сжимать ему горло со всей силой. Наша жестокая схватка была недолгой. Он пытался освободиться от моей руки, а я старался вытянуть его за борт.

Его губы приняли мертвенный оттенок, глаза вылезали из орбит. Он понимал, что умрет, если не вырвется из стальных пальцев, которые душили его. Сделав последнее отчаянное усилие, он откинулся назад на палубу и, не держась за перила, принялся отрывать мою руку от своей шеи. Я воспользовался этим и сильным движением перетянул врага через перила. Он чуть не увлек и меня за собой, так как я держался за якорную цепь одной рукой.

Однако я не выпускал его горла, зная, что его крик привлечет внимание его товарищей. Я продолжал крепко держать его и душил все сильнее, в то время как он тянул меня все ниже и ниже к краю якорной цепи. Но постепенно судорожные движения становились все реже и наконец прекратились. Тогда я отпустил его, и через мгновение он полетел во мрак.

Я снова вскарабкался наверх. На этот раз мне удалось взобраться выше и заглянуть через борт. Ближняя луна скрылась за горизонтом, но и одной луны оказалось достаточно, чтобы разглядеть на палубе четкие силуэты шести или восьми спящих чернокожих. Около пушки, поджав ноги, сидела крепко связанная белая девушка. Ее глаза устреми-

лись на меня, выражая страх и изумление, когда я показался из-за борта судна. Но когда ее взгляд упал на священный камень, сверкавший в завоеванной мною диадеме, выражение ужаса сменилось несказанным облегчением. Она молча, глазами, указала мне на спящие фигуры.

Я бесшумно перебрался на палубу. Девушка подозвала меня кивком головы. Я низко склонился над ней, и она шепотом попросила освободить ее.

— Я смогу помочь тебе,— сказала она.— Тебе пригодится любая помощь, если они проснутся!

— Некоторые из них проснутся в Корусе,— ответила я, улыбаясь.

Она поняла значение моих слов и ответила такой жестокой улыбкой, что привела меня в ужас. Жестокость не поражает, отражаясь на безобразном лице, но когда она появляется на лице богини, чьи черты кажутся воплощением любви и добра, то контраст получается потрясающим.

Я быстро освободил ее.

— Дай мне револьвер,— шепнула она торопливо.— Я пушу его в ход против тех, кого твой меч вовремя не успокоит.

Я исполнил ее просьбу. Теперь мне предстояла неприятная задача — напасть на спящих. Но рыцарские чувства здесь были совсем некстати, да и не были бы оценены этими свирепыми демонами. Крадучись, я подошел к ближайшему спящему незнакомцу. Когда он проснулся, то был уже на лету в озеро Корус. Его пронзительный крик слабо долетел до нас из черной глубины.

Второй проснулся от прикосновения моих рук, и хотя я успел сбросить его с палубы, протяжный тревожный крик поднял на ноги остальных пиратов. Их было пять человек.

Револьвер девушки выстрелил, как только они поднялись, и один из них замертво упал на палубу. Остальные, обнажив мечи, накинулись на меня. Девушка, боясь ранить меня, не стреляла, но я видел, как она осторожно, по-кошачьи, подбирается к нападающим сбоку.

Наш короткий бой был страшен. На тесной палубе негде было развернуться. Приходилось стоять на месте, принимать и парировать удары почти не двигаясь. Вначале я больше отбивался, чем нападал, но вскоре мне удалось поразить одного из них, и он упал на палубу.

Оставалось трое противников, но девушка почти достигла места, откуда она могла бы уменьшить их число, по крайней мере, еще на одного. Затем все произошло с такой поразительной быстротой, что я даже теперь не могу по-

нять, как это могло случиться в такой короткий миг.

Все трое бросились на меня с явным намерением перебросить через перила. Вдруг девушка выстрелила, в ту же минуту я сделал два движения правой рукой, вооруженной мечом. Один из чернокожих упал, пронзенный пулей, у другого я выбил меч из руки, который, ударившись о перила, полетел в пропасть; третий враг свалился, пронзенный моим мечом, которым я насквозь проткнул ему грудь, но, падая, он увлек за собой и мой меч.

Я остался без оружия лицом к лицу с последним, но тоже безоружным врагом, меч которого лежал где-то внизу, на дне мертвого озера. Новые условия борьбы, казалось, пришлись ему по вкусу. Зловеще улыбаясь и обнажая свои блестящие белые зубы, он бросился на меня. Хорошо развитые мускулы перекачивались под его черной лоснящейся кожей, придавая ему уверенность в легкой победе. Он, очевидно, даже не считал необходимым прибегнуть к кинжалу.

Я подпустил его совсем близко к себе. Затем пригнулся под его вытянутой рукой и отскочил на шаг в сторону. Повернувшись на левой ноге, я правым кулаком нанес ему оглушительный удар в челюсть, и он, сраженный как бык, рухнул на палубу.

Тихий серебристый смех раздался позади меня.

— Ты не жрец,— нежным голоском заявила моя помощница,— несмотря на твои золотистые локоны и украшения Сатора Трога. Никогда еще не было на всем Барсуме человека, который мог бы так сражаться! Кто ты такой?

— Я Джон Картер, член семьи Тардоса Морса, джедака Гелиума,— ответил я.— А кому я имел честь услужить?

Она с минуту колебалась, прежде чем ответить, и еще раз спросила меня:

— Ты не жрец? Ты враг жрецов?

— Я пробыл в их владениях всего полтора дня. Все это время моя жизнь подвергалась постоянной опасности. Меня преследовали и мучили. На меня выпускали диких зверей и вооруженных воинов. У меня не было никаких ссор со жрецами до этого времени, но можешь ли ты удивляться, если я не испытываю к ним теперь большой любви?

Несколько минут она пристально смотрела на меня. Казалось, она хотела проникнуть в самую глубину моей души, чтобы понять мои истинные намерения. По-видимому, результат удовлетворил ее.

— Я Файдора, дочь Матана Шанга, отца святых

жрецов, владыки над жизнью и смертью на Барсуме, брата Иссы, богини вечной жизни.

В эту минуту я вдруг заметил, что чернокожий, которого я свалил кулаком, начал проявлять некоторые признаки жизни. Я подскочил к нему, сорвал с него ремень, скрутил ему руки за спину, связал ноги и привязал к лафету пушки.

— Почему так сложно? — спросила Файдора, удивленно подняв свои брови.

— Я не понимаю! Что тебе кажется слишком сложным? — спросил я.

Слегка пожав своими прекрасными плечами, она жестом руки указала, что пленника следовало бы выбросить за борт.

— Я не убийца, — ответил я. — Я убиваю только защищаясь.

Она удивленно посмотрела на меня и покачала головой. Она не могла понять!

Ведь даже моя любимая Дея Торис считала, что моя политика по отношению к врагам полна безрассудства. На Барсуме не знают пощады. На этой умирающей планете каждый убитый означает известную долю экономии иссякающих жизненных средств в пользу живых. Но все же между жестоким взглядом этой девушки на убийство врага и нежным сожалением Деи Торис о суровой необходимости этой меры была некоторая разница. Мне показалось даже, что Файдора не столько опасалась оставить врага в живых, сколько жалела о том, что не испытает радостного возбуждения от созерцания его страданий и смерти.

Связанный чернокожий совершенно пришел в себя. Взор его пристально следил за нами. Он был хорошо сложен и прекрасен лицом. Глаза этого черного Адониса сверкали умом и отвагой.

Корабль медленно плыл над долиной, и я подумал, что самое время взяться за руль. О расположении долины Дор я мог догадываться только приблизительно. Судя по созвездиям, она находилась далеко на юге от экватора, но я недостаточно знал марсианскую астрономию, чтобы ориентироваться точнее, не имея тех великолепных карт и инструментов, с помощью которых я управлял кораблем в бытность мою командиром гелиумского воздушного флота.

Все же курс на север быстрее всего должен был привести меня в более населенные местности Марса, и я решил держаться этого направления. Под моим управлением крейсер плавно развернулся. Нажав кнопку, регулирующую от-

талкивающую силу и проставив рычаг на самую большую скорость, мы помчались к северу, поднимаясь все выше и выше над страшной долиной смерти.

Мы пронеслись на головокружительной высоте над узкой полосой владений жрецов, а огненные вспышки далеко под нами свидетельствовали о все еще продолжающейся жестокой битве. Шум борьбы не долетал до нас. Звуковые волны не могли достичь той огромной высоты, на которой мы находились.

Становилось страшно холодно. Дышать было трудно. Глаза девушки и черного пирата были устремлены на меня. Наконец она заговорила:

— На такой высоте часто теряешь сознание. Если ты не хочешь смерти для всех нас, то лучше спустись.

В голосе ее не было страха. Она произнесла это так же просто и спокойно, как если бы сказала: «Лучше взять зонтик, будет дождь».

Я быстро снизил корабль, поскольку в этом нуждались мы все: девушка уже лишилась чувств, чернокожий тоже был без сознания, да я и сам держался, вероятно, только за счет силы воли. Тот, на ком лежит вся ответственность, всегда в состоянии выдержать большую нагрузку.

Мы поплыли низко над горой Оц. Тут было много теплее, и так легко дышалось! Очень скоро и чернокожий, и девушка пришли в себя.

— Мы были на волосок от гибели,— сказала она.

— Но это научило меня двум вещам,— ответил я.

— Чему?

Я ответил, улыбаясь:

— Во-первых, тому, что даже Файдора, дочь владыки жизни и смерти, такая же смертная, как и я.

— Только в храме Иссы бессмертие,— ответила она.— А храм Иссы только для расы жрецов. Я никогда не умру!

Я заметил, как при ее словах на губах чернокожего мелькнула усмешка. Я не понял тогда ее значения. Я узнал это позже, так же как и она, и при самых ужасных обстоятельствах!

— Если и то, другое, чему ты научился,— продолжала она насмешливо,— столь же правильно, то поумнел ты ненамного!

— Другое — это то,— ответил я,— что наш черный друг не упал с ближней луны — он чуть не умер на высоте всего нескольких тысяч футов над Барсумом. Если бы мы поднялись на те пять тысяч миль, которые лежат между

Барсумом и Турией, то от него осталась бы одна ледяная сосулька.

Файдора с явным изумлением взглянула на чернокожего.

— Но если ты не с Турии, то откуда же ты? — спросила она.

Он пожал плечами, взглянул в сторону, но не ответил. Девушка гневно топнула своей маленькой ножкой.

— Дочь Матана Шанга не привыкла, чтобы ее вопросы оставались без ответа, — сказала она. — Человек низшей породы должен почитать за честь, что член священной расы, которая наследует вечную жизнь, удостоивает его своим вниманием.

Чернокожий снова улыбнулся той же загадочной улыбкой.

— Ксодар, датор перворожденных Барсума, привык отдавать приказания, а не получать их, — произнес он наконец. А затем повернулся ко мне. — Что ты хочешь делать со мной?

— Я хочу взять вас обоих в Гелиум, — сказал я. — Вам не причинят там никакого зла. Вы увидите, что красные люди Гелиума — великодушная раса! Надеюсь, что они послушают меня и больше не будут предпринимать добровольных паломничеств к реке Исс. Надеюсь, что вера, которой они держались десятки веков, будет разбита.

— Ты из Гелиума? — спросила она.

— Я член семьи Тардоса Морса, джеддака Гелиума, — ответил я, — но сам я не с Барсума. Я из другого мира.

Ксодар пристально смотрел на меня несколько минут.

— Верю, что ты не с Барсума, — сказал он наконец. — Ни один человек этого мира не смог бы справиться один с восьмью перворожденными! Но объясни, почему же ты носишь золотые волосы и драгоценный обруч «святого» жреца?

При слове «святой», на котором он сделал ударение, в голосе его звучала ирония.

— Я и забыл о них! — ответил я. — Это моя военная добыча. — С этими словами я снял парик.

Когда чернокожий увидел мои коротко остриженные черные волосы, то глаза его раскрылись в изумлении. Очевидно, он все-таки ожидал увидеть лысую голову жреца.

— Ты действительно из другого мира, — произнес пират, и в тоне его послышалось благоговение. — У тебя кожа жреца, черные волосы перворожденных и мышцы, как у дюжины даторов! Даже для Ксодара — не позор

признать твое превосходство. Он никогда не сделал бы этого, будь ты барсумец! — прибавил он.

— Теперь ты знаешь обо мне больше, чем я о тебе, — прервал я его. — Я знаю только, что твое имя Ксодар, но скажи мне, кто такие перворожденные, и что такое «датор», и почему ты бы не мог допустить, чтобы тебя победил барсумец?

— Перворожденные Барсума, — объяснил он, — это раса черных людей, а датор означает то же, что для барсумцев значит титул джед. Моя раса самая древняя на всей планете! Мы ведем наш род прямо от древа жизни, которое росло в середине долины Дор двадцать три миллиона лет тому назад.

— В течение этого времени плод дерева подвергался постепенным изменениям. Он совершенствовался, переходя от чисто растительной жизни к жизни, в которой смешивались элементы растительного и животного. На первых ступенях развития плод обладал только силой самостоятельных мускульных движений, в то время как стебель оставался прикрепленным к дереву. Позднее внутри плода развивался мозг, так что он, оставаясь висеть на длинных стеблях, уже думал самостоятельно. Понятия развивались: появилось сравнение и суждение. Так на Барсуме родился разум.

— Проходили века. Много форм жизни появилось на древе жизни, и все они были прикреплены к дереву-прародителю. Наконец из дерева вышли растительные люди — почти такие же, каких мы видим теперь в долине Дор, но не такие крупные; они еще были прикреплены к ветвям дерева стеблями, которые росли из макушек их голов. Почки растительных людей походили на большие орехи, достигали в диаметре фута и были разделены перегородками на четыре части. В одной части развивался растительный человек, в другой — шестнадцатиногий червь, в третьей — прародитель белой обезьяны и в четвертой — прародитель черного человека Барсума. Когда почка раскрывалась, растительный человек оставался висеть на своем стебле, но три другие части падали на почву. Каждая часть была в своей скорлупе, и заключенные в ней существа, стараясь освободиться, прыгали и скакали во всех направлениях.

— Вскоре весь Барсум покрылся этими орешками. В течение бесчисленных веков заключенные в них существа жили всю жизнь в твердой скорлупе, прыгая и перекачиваясь по всей планете, падая в реки, озера и моря. Бесчисленные миллионы умерли раньше, чем первый человек

пробил стены своей темницы и вышел на дневной свет. Побуждаемый любопытством, он раскрыл другие скорлупки, и таким образом началось заселение Барсума.

— В черной расе сохранилась незапятнанная чистая кровь первого черного человека. Они никогда не смешивались ни с какими другими существами. От шестнадцатинного червя, белой обезьяны и отступников чернокожих произошли на Барсуме все формы животной жизни.

— Жрецы,— и при этих словах он насмешливо улыбнулся,— представляют собой только результат вековой эволюции от чистого древнего типа белой обезьяны. И поэтому они принадлежат к низшему порядку. Существует только одна раса настоящих бессмертных людей — раса черных людей! Дерево жизни погибло, но до его смерти растительные люди сумели оторваться от него и теперь населяют Барсум вместе с другими детьми первого родителя. Они двуполы и могут размножаться наподобие настоящих растений, но в других отношениях они почти не претерпели изменений за все века существования. Их поступками и движениями управляет инстинкт, а не разум — мозг растительного человека немногим больше кончика нашего мизинца. Они питаются растениями и кровью животных. У них совсем нет чувства самосохранения, и поэтому они не знают чувства страха перед лицом опасности. Вот почему они так страшны для разумных существ.

Меня вдруг поразило, почему чернокожий вздумал так подробно рассказывать о происхождении жизни на Барсуме. Казалось бы, что момент был самый неподходящий для гордого представителя его расы — унижаться до разговора со своим победителем, тем более, что он продолжал лежать связанным на палубе.

Но его взгляд, случайно перехваченный мною, объяснил мне, почему он старается овладеть всем моим вниманием, рассказывая действительно увлекательную историю. Он лежал немного впереди от того места у рычагов, где стоял я, и лицо его было повернуто в сторону кормы. Уже в конце его рассказа о растительных людях я поймал его странный взгляд, устремленный на что-то позади меня. Я не мог также не заметить торжествующего выражения, промелькнувшего через мгновения в его глазах.

За несколько минут перед этим я сбавил скорость судна, так как долина Дор осталась на много миль позади нас и я почувствовал себя в сравнительной безопасности. Недоброе предчувствие зашевелилось во мне. Я обернулся, и картина, представшая передо мной, убила зародившуюся

надежду на свободу. Огромный корабль, бесшумно плывущий без огней во мраке ночи, обрисовался за кормой нашего аэроплана.

Глава VIII

В ГЛУБИНАХ ОМИНА

Теперь я понял, почему черный дьявол так любезно занимал меня баснями! Он уже давно заметил приближение помощи и с затаенным торжеством ожидал ее. Не будь его неосторожного взгляда, возбудившего мои подозрения, я так бы и не заметил корабля, который мог бы подойти достаточно близко и взять нас на abordаж, пока я так просто-душно наслаждался легендами Барсума.

К счастью, я имел опыт воздушной войны и выбрал удачный маневр. Дав машине задний ход, я одновременно опустилсся сразу на целых сто футов. Военный корабль промчался над нами, и я заметил фигуры людей, болтающихся на веревках, которые приготовились спуститься на мою палубу. Тогда я поднялся под острым углом и повернул рычаг на максимальную скорость.

Как стрела, пущенная из лука, взвилась моя чудесная машина, целясь своим стальным носом прямо в вертящиеся пропеллеры гигантского корабля. Если мне удастся задеть их, то огромное судно выйдет из строя на несколько часов, а я получу долгожданную свободу!

В эту минуту солнце выплыло из-за горизонта и осветило свирепые черные лица, внимательно следящие за мной. При виде нас раздалась крики ярости. Послышалась команда, но было уже поздно спасать гигантские пропеллеры. Моя машина врезалась в них. Раздался треск. Я дал задний ход, но нос моего корабля безнадежно застрял в отверстии, пробитом в корме неприятельского судна. Через минуту палубу моего судна заполонили черные дьяволы.

Было безумием решиться принять бой со столь многочисленными противниками, которые сразу же окружили меня, обнажив мечи, но Ксодар остановил их.

— Свяжите их, — приказал он, — но не причиняйте им вреда.

Несколько пиратов освободили Ксодара, и он сам обезоружил меня и наблюдал, как они связывают мне руки. Но их марсианские веревки было смехотворно слабыми для меня — при желании я мог бы разорвать их без малей-

шего усилия. Девушку они тоже связали и привязали нас друг к другу. Между тем, наше судно было подведено к поврежденному военному кораблю, и вскоре нас перенесли на его палубу.

Экипаж огромного судна состоял из целой тысячи чернокожих. Палубы были переполнены людьми, и им всем непременно хотелось взглянуть на пленников. Красота девушки вызвала грубые замечания и вульгарные шутки. Мне стало ясно, что эти полубоги, каковыми они сами себя называли, были намного ниже красных людей Барсума по части благородства и утонченности.

То, что у меня были коротко остриженные черные волосы и цвет кожи, как у жрецов, страшно занимало их. Когда Ксодар рассказал своим товарищам о моей доблести в бою и странном происхождении, они столпились вокруг меня и стали забрасывать вопросами.

На мне были латы и украшения убитого мною жреца, и это явилось явным доказательством того, что я не был другом их заклятых врагов и подняло меня в их глазах.

Все чернокожие, без исключения, были красивые и хорошо сложенные люди. Командный состав отличался сказочной роскошью военных доспехов. Многие латы были сплошь покрыты золотом, платиной, серебром и драгоценными камнями.

Латы главного командира были усеяны крупными алмазами. Они сияли особенным блеском на фоне черной кожи. Сцена, представшая моим глазам, казалась сказочной: красивые люди, варварское великолепие их нарядов, полированное дерево палубы, обшивка кают, украшенная драгоценными металлами и камнями, золотые перила, блестящий металл орудий.

Файдора и я были перенесены в трюм, где нас поместили в небольшую каюту с маленькими иллюминатором. Дверь плотно закрыли на засов. До нас доносилось позвякивание инструментов, которыми чернокожие ремонтировали поврежденные пропеллеры, а через окошко было видно, что корабль медленно относил к югу.

Некоторое время мы молчали, предавшись собственным мыслям. Я вспомнил о Тарсе Таркасе и Тувии и размышлял над их участью. Если им даже и удалось избежать преследования, то они рано или поздно должны были попасть в руки красных или зеленых людей, а в качестве беглецов из долины Дор их могла ожидать только быстрая и жестокая смерть.

Как я сожалел, что не мог их сопровождать! Мне

казалось, что я непременно сумею разоблачить перед красными марсианами обман, в который их вводило бессмысленное суеверие. Тардос Морс поверил бы мне. В этом я не сомневался, зная его характер, а также уважение и любовь ко мне. У него хватит мужества и ума, чтобы разобраться во всем этом. И потом были еще тысячи моих зеленых и красных друзей, готовых, я знал это, ради меня пойти на вечные муки. Подобно Тарсу Таркасу, они пошли бы за мной, куда бы я их ни позвал. Правда, спасаясь от черных пиратов, я мог бы попасть в руки враждебных красных или зеленых людей — тогда конец был бы коротким! Но об этом и думать было бессмысленно! Сама возможность спасения от чернокожих казалась в тот момент маловероятной и неправдоподобной.

Мы с Файдорой были связаны между собой веревкой, которая позволяла отодвинуться друг от друга только на три — четыре фута. Единственным убранством комнаты была небольшая скамейка под окном, на которой мы и устроились. Пол, потолок и стены были сделаны из сплава алюминия с другим прочным металлом, который применяется в марсианских воздушных кораблях.

Я сидел, размышляя о будущем и поглядывая в оконце. Внезапно я перевел взгляд на Файдору, которая достаточно бесцеремонно меня разглядывала. В ее глазах я заметил странное выражение — любопытство, смешанное с восхищением. В тот момент она была изумительно прекрасна!

Она сразу отвела глаза, и мне показалось, что она покраснела от смущения. «Вероятно, ей неприятно, что ее уличили в пристальном изучении низшего существа», — подумал я.

— Ну, как ты находишь низшую породу? — спросил я ее шутливо.

Она взглянула на меня и нервно засмеялась. — Очень интересной, — ответила она, — в особенности, если у нее такой прекрасный профиль.

Наступил мой черед краснеть, но я не покраснел. Ее мужество, которое позволяло ей шутить на пороге смерти, восхитило меня. Я присоединился к ее смеху.

— Знаешь ли ты, что будет с нами? — спросила она.

— Думаю, что скоро мы разрешим тайну вечности, — ответил я.

— Меня ожидает судьба худшая, чем смерть, — молвила она и содрогнулась.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не знаю, все это одни догадки, — ответила она. —

Ведь ни одна девушка нашей расы из тех, которые были похищены черными пиратами за все века, не вернулась, чтобы рассказать о своих испытаниях. Они никогда не забирают в плен мужчин, и поэтому можно предположить, что судьба украденных девушек хуже, чем смерть.

— Разве это не справедливое возмездие? — вырвалось у меня. — Разве жрецы не поступают так же с теми несчастными, которые предпринимают добровольное паломничество к таинственной реке Исс? Разве не была Тувия рабыней в течение пятнадцати лет? Вполне справедливо, что вы должны страдать так же, как заставляли страдать других!

— Ты не понимаешь, — ответила она. — Мы ведь жрецы, святая раса. Для низших существ — честь быть нашими рабами. Разве мы не спасаем иногда людей низшей породы, которые бессмысленно идут к неведомой реке и к неведомому концу, и которые без нас стали бы добычей растительных людей и белых обезьян?

— Да, но вы поддерживаете всеми средствами это суеверие среди людей внешнего мира. Это гнусно! Попробуй объяснить мне, почему вы поддерживаете этот гнусный обряд!

— Все живущее на Барсуме, — убежденно ответила она, — создано для поддержания расы жрецов. Как бы мы могли жить, если бы внешний мир не поставлял нам рабочую силу и пищу? Неужели ты думаешь, что жрец унился бы до работы?

— Значит, верно, что вы едите человеческое мясо? — спросил я в ужасе.

Она посмотрела на меня, выразив сожаление за мое невежество.

— Верно, мы едим мясо низших пород. Разве вы не поступаете так же?

— Мы едим мясо зверей, а не человека!

— Если человек может есть мясо зверей, то боги могут есть мясо людей. Святые жрецы — боги Барсума.

Я почувствовал отвращение, и, думаю, она заметила это.

— Ты неверующий, — сказала она мягко, — но если нам посчастливится вырваться из рук черных пиратов и вернуться ко двору Матана Шанга, я думаю, мы сумеем убедить тебя в твоём заблуждении. И, — она запнулась, — быть может, мы найдем способ удержать тебя как... одного из наших!

Она снова опустила глаза и слегка зарумянилась. Я не понял тогда значения ее слов, их смысл раскрылся мне много позже. Дея Торис часто говорила, что я иногда

поражал ее своей наивностью в понимании некоторых вещей, и, мне кажется, она была права.

— Я опасаясь, что не сумел бы достойно отплатить за гостеприимство твоего отца, — ответил я ей, — потому что, будь я жрецом, я бы обязательно поставил вооруженную стражу у устья реки Исс и отдал бы ей приказ отводить несчастных обманутых паломников обратно во внешний мир. Я посвятил бы всю свою жизнь истреблению омерзительных растительных людей и больших белых обезьян.

Она взглянула на меня с неподдельным ужасом.

— Нет! Нет! — вскричала она. — Ты не должен так говорить! Ты не смеешь даже думать так! Это ужасное кощунство! Если бы жрецы когда-нибудь догадались, какие мысли у тебя на уме, они приговорили бы тебя к самой страшной казни. Даже моя... моя... — она замялась и вспыхнула. — Даже я не могла бы спасти тебя!

Я ничего не ответил. Да это было бы бесполезно, так как Файдора была жертвой еще более суеверных предрассудков, чем марсиане внешнего мира. Те поклонялись, по крайней мере, мечте о прекрасной грядущей жизни, полной любви, мира и счастья. Жрецы же поклонялись отвратительным растительным людям и обезьянам и почитали их как обитель духа их близких.

В эту минуту дверь нашей темницы открылась, и вошел Ксодар. Он ласково улыбнулся мне. Когда он улыбался, лицо его принимало добродушное выражение — вся жестокость с него исчезала.

— Так как вы не сможете бежать с корабля, — сказал он, — то я не вижу никакой необходимости держать вас взаперти. Я разрежу ваши путы, и вы сможете выйти на палубу. Вас ждет нечто очень интересное, и так как вы никогда не вернетесь во внешний мир, то не беда, если я позволю вам позабавиться этим зрелищем. Никто, кроме перворожденных и их рабов, не видел того, что вы увидите: подпочвенный вход в священную страну, в настоящий рай Барсума.

— Кстати, это будет отличный урок для дочери жрецов, — прибавил он, усмехаясь. — Она увидит храм Иссы, и Исса, быть может, обнимет ее.

Файдора гордо подняла свою головку.

— Не богохульствуй, собака! — гневно вскричала она. — Исса смяла бы всю твою породу, если бы ты осмелился подойти к ее храму!

— Тебе еще придется многому поучиться, дочь жре-

~~Ксодар~~, — ответил Ксодар с неприятной улыбкой, — и я не ~~за-
мечу~~ твою участи.

Когда мы вышли на палубу, то я, к своему удивлению, увидел, что корабль пролетает над огромной снежной равниной. Насколько мог охватить взор, ничего другого не было видно. Могла быть только одна разгадка этой тайны. Мы пролетали над южным полюсом. Только на полюсах Марса имеется снег и лед. Нигде не было никаких признаков жизни. Очевидно, мы были так далеко на юге, что здесь не водились даже огромные пушные звери, за которыми так любят охотиться марсиане.

Ксодар стоял около меня у перил корабля.

— Какой курс? — спросил я его.

— Немного к западу от юга, — ответил он. — Сейчас ты увидишь долину Оц; мы пролетим над ее краем.

— Как долина Оц?! — воскликнул я. — Но разве не там лежат владения жрецов, от которых я убежал?

— Да, — ответил Ксодар. — Ты пересек уже это ледяное поле в прошлую ночь во время бешеного полета. Долина Оц лежит в огромной котловине у южного полюса. Эта котловина находится на тысячу футов ниже окружающей местности и представляет собой как бы огромную чашу. В ста милях от ее северной границы поднимаются горы Оц, которые окружают внутреннюю долину Дор, в середине которой находится озеро Корус. На берегу этого озера стоит золотой храм Иссы в стране перворожденных. Туда-то мы и направляемся.

Теперь я начал понимать, почему во все века только один человек спасся из долины Дор. Я не переставал удивляться, как ему одному удалось пересечь бескрайнюю пустыню изо льда и снега, да еще пешком! Это казалось не под силу ни одному смертному!

— Пересечь ледяную пустыню можно только на воздушном судне, — невольно высказал я вслух свою мысль.

— Именно так и бежал один человек от жрецов в давно прошедшие времена, но никогда еще никто не бежал от перворожденных! — сказал Ксодар, и в голосе его прозвучала гордость.

Мы достигли южного края огромного ледяного гребня. Он заканчивался крутой обрывистой стеной высотой около тысячи футов. За ним расстиралась равнина, изрезанная низкими возвышенностями, небольшими лесами и речками, текущими со склонов, покрытых льдом. Далеко внизу я увидел голубую ленту. Она тянулась от северного края ледяной стены, пересекала долину и терялась где-то вдали.

— Это русло реки Исс,— объяснил мне Ксодар.— Она течет глубоко под ледяным полем ниже уровня долины, но здесь выходит на поверхность.

Вскоре я различил какие-то строения и указал на них Ксодару.

— Это деревня погибших душ,— ответил он смеясь.— Полоса между ледяной пустыней и горами считается нейтральной. Иногда паломники не выдерживают испытаний и, вскарабкавшись по отвесным берегам реки Исс, задерживаются в долине. Иногда какому-нибудь рабу удастся бежать от жрецов и найти здесь убежище.

— Жрецы не ловят беглецов — из этой долины все равно нет спасения. Кроме того, они не отваживаются выходить далеко за пределы своих владений из боязни перед нашими сторожевыми крейсерами. А мы не трогаем жалких жителей долины, потому что у них нет ничего, что нам нужно, и их слишком мало, чтобы доставить нам развлечение в бою. Здесь несколько деревень, но они вечно воюют между собой, а потому число жителей за все эти годы мало увеличилось.

Теперь мы повернули к северо-западу, и вскоре я различил с высоты полета черное плоскогорье, возвышающееся над ледяной пустыней. Ксодар удалился, так как необходимо было отдать приказание к спуску корабля, а мы с Файдорой остались одни. Девушка не проронила ни одного слова с тех пор, как мы вышли на палубу.

— То, что он мне рассказал, правда? — спросил я ее.

— Отчасти да,— ответила она.— То, что он сказал о положении храма Иссы в центре его страны — нагая ложь...— она остановилась.— Если бы это оказалось правдой, то значит, в продолжение бесчисленных веков мой народ шел на мучения и позорную смерть к своим злейшим врагам вместо того, чтобы идти в прекрасную вечность, которую, как нам говорили, дарует Исса.

— Как барсумцы внешнего мира заманивались вами в страшную долину Дор, так, быть может, вас самих заманивали перворожденные в такое же страшное место. Это ужасно суровое, но справедливое возмездие!

— Я не могу поверить этому,— помолчав, промолвила она.

— Увидим! — ответил я.

Мы снова замолкли. Каждый из нас с тревогой смотрел на быстро вырастающую черную гору. Корабль так уменьшил ход, что почти неподвижно завис в воздухе. Когда мы достигли высшей точки горы, перед нами открылось

большое круглое отверстие, дно которого терялось в глубокой тьме.

Этот гигантский колодез имел полных тысячу футов в диаметре. Стены его казались отполированными. По-видимому, они были из черного базальта. С минуту корабль висел неподвижно, а затем начал медленно опускаться прямо в черную бездну. Нас скоро окутала тьма. На корабле зажгли фонари, при тусклом свете которых корабль падал все ниже и ниже в недра Барсума.

Спуск продолжался около получаса, когда мы внезапно очутились в каком-то новом мире. Под нами колыхались воды подземного моря. Станный фосфорический свет ложился на поверхность воды, по которой величаво проходили большие и маленькие суда. Повсюду виднелись небольшие островки, покрытые бесцветной растительностью.

Наш корабль медленно опустился прямо на воду, команда заменила огромные пропеллеры на меньшие по размеру, но более прочные винты. Они были пущены в ход, и корабль продолжал свое путешествие в новой стихии так же легко и уверенно, как и по воздуху.

Файдора и я онемели от изумления. Никому из нас и не грезилось, что под поверхностью Барсума существовал такой мир!

Все корабли, встретившиеся нам, были военные. Прошло несколько транспортных судов и барж, но не было ни одного большого торгового судна из тех, что совершают воздушные рейсы между городами внешнего мира.

— Это морская гавань перворожденных,— произнес голос за нами, и, обернувшись, мы увидели Ксодара, с улыбкой наблюдавшего за нами.— Наше море,— продолжал он,— больше, чем озеро Корус. У него есть приток из внешнего моря. Чтобы удержать воду на известном уровне, у нас сооружены четыре большие станции, которые выкачивают лишнюю воду в резервуары, находящиеся далеко на севере. Из них же красные люди проводят воду в каналы, которые орошают их фермы.

Новая догадка осенила меня при этом объяснении. Красные люди считали необъяснимым чудом, что из массивных скал, окружающих их резервуары, мощными потоками выбивается вода. Никто никогда не проникал в тайну происхождения таких огромных запасов воды. С веками это приняли за одну из тайн природы Барсума и прекратили исследования.

Мы прошли мимо нескольких островов, на которых

возвышались странные круглые строения без крыш, с небольшими зарешеченными окнами. Они походили на темницы, а вокруг них, в подтверждение моей догадки, ходила вооруженная стража.

Островки, которые мы миновали, достигали всего десятины, но вскоре мы увидели перед собой большой остров. Он оказался целью нашего плавания, и вскоре корабль причалил к берегу. Ксодар знаком велел нам следовать за ним. Под конвоем из нескольких чернокожих мы сошли на берег и подошли к большому строению, находящемуся недалеко от берега. Фасад его был сложен полукругом.

— Ты скоро увидишь Иссу,— сказал Ксодар Файдоре.— Все пленницы, которых мы привозим, предстают перед ней. Иногда она выбирает среди них девушек, чтобы пополнить ряды своих прислужниц. Впрочем, никто не служит Иссе больше года.

Жестокая улыбка, которая искривила его губы, придала этим словам зловещее значение.

Хотя Файдора и отказывалась верить, что Исса имеет какое-то отношение к этим чернокожим демонам, однако у нее возникли сомнения. Она испуганно прижалась ко мне и не казалась больше гордой дочерью владыки жизни и смерти Барсума, а молоденькой испуганной девушкой, находящейся во власти безжалостных врагов.

Строение, в которое мы вошли, не имело крыши. В центре его был устроен продолговатый бассейн. У одного из краев в воде плавал какой-то странный черный предмет. Я не мог сразу разобрать, чудовище ли это из подпочвенных вод или просто плот. Однако вскоре все прояснилось. Подойдя к краю бассейна, Ксодар крикнул несколько слов на незнакомом языке. Немедленно на поверхности предмета поднялась крышка люка, и из него выскочил чернокожий.

— Передай своему начальнику,— обратился к нему Ксодар,— мое приказание. Скажи ему, что датор Ксодар со своими людьми и двумя пленниками желает попасть в сады Иссы у золотого храма.

— Будь благословенна скорлупа твоего первого предка, о благородный датор,— ответил тот.— Будет сделано, как ты приказываешь.

Он поднял над головой обе руки, ладонью к себе, в знак приветствия — обычай, принятый среди всех рас Барсума — и снова исчез в глубине люка. Минуту спустя на палубе появился начальник в блестящем уборе, соответствующем его положению, и пригласил Ксодара на судно.

Мы последовали за ним под охраной чернокожих.

Каюта, в которой мы очутились, была устроена во всю ширину судна и имела с каждой стороны иллюминаторы ниже уровня воды. Как только мы все спустились, люк задраили, и судно двинулось.

— Куда же мы поплывем в таком маленьком бассейне? — спросила Файдора.

— Думаю, что не навверх, — ответил я.

— Тогда куда же?

— Судя по судну, я предполагаю, что мы отправимся вниз, — ответил я.

Файдора вздрогнула. Уже много веков сведения об огромных барсумских морях передавались лишь преданиями и легендами среди обитателей Марса. И даже дочь жрецов, родившаяся недалеко от последнего на планете озера, испытывала, как и все марсиане, какой-то инстинктивный страх перед водой. Мы почувствовали, что погружаемся, и ясно услышали всплески воды. Через иллюминаторы виднелись тускло освещенные пенящиеся волны.

Файдора схватила меня за руку. — Спаси меня! — прошептала она. — Спаси меня — и любое твоё желание исполнится. Все, что во власти святых жрецов, всё будет твоё. Файдора, — она запнулась и прибавила тихим, еле слышным голосом. — Файдора будет твоёй.

Мне стало очень жаль несчастную девушку, и я положил руку ей на плечо. Она, по-видимому, по-своему истолковала моё дружеское прикосновение, потому что порывисто обвила руками мою шею и притянула к себе моё лицо.

Глава IX

ИССА, БОГИНЯ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Признание в любви, которое вырвалось у девушки под влиянием чувства страха, страшно взволновало меня. Мне казалось, что я каким-нибудь необдуманном словом или поступком дал ей повод думать, что я отвечаю на её чувство.

Я никогда не был знатоком женских сердец. Меня больше интересовали военная служба и охота — эти занятия казались мне настоящим занятием для мужчины. Я не умел вздыхать над надушенными перчатками или целовать засохший цветок. Поэтому я совсем растерялся и не знал как посупить и что сказать. В тысячу раз легче биться с дикими

ордами, кочующими по высохшему морскому дну, чем, глядя в глаза прекрасной девушки, сказать ей то, что я должен был сказать. Но ничего другого не оставалось. Боюсь, однако, что я сделал это очень и очень неловко.

Осторожно убрал ее ручки с моей шеи и держа их в своих, я рассказал ей историю своей любви к Дее Торис. Рассказал, что из всех женщин двух миров, которых я знал и которыми восхищался, я любил только ее одну за всю свою долгую жизнь. Файдора слушала меня, закусив губу. Вдруг она вскочила как разъяренная тигрица. Ее прекрасное лицо перекосилось злобой, глаза загорелись недобрым огнем.

— Собака! — прошипела она. — Проклятый богохульник! Ты воображаешь, кажется, что Файдора, дочь отца жрецов, умоляет тебя? Она приказывает! Что ей до твоей низменной страсти к жалкой краснокожей, которую ты избрал в своей прежней жизни? Файдора подняла тебя до себя, а ты, безумный, оттолкнул ее. Тысяча самых ужасных смертей не смогут смыть твоего оскорбления! Существо, которое ты называешь Деей Торис, умрет лютой смертью, и ты сам подписал ей смертный приговор. — А ты — ты будешь самым жалким рабом богини, которую ты хотел унижить. Самые позорные работы будут поручаться тебе, тебя будут мучить до тех пор, пока ты не будешь ползать у моих ног и просить, как милости, смерти! Тогда, наконец, я снизойду до твоей мольбы и с высоты Золотых Скал буду любоваться на то, как белые обезьяны раздерут твоё тело.

О, как она успела все предусмотреть! Меня поразило, что такая божественная красавица так дьявольски злобна. Однако я решил, что она все-таки упустила одно маленькое обстоятельство. Поэтому я решил вернуть ее к действительности, чтобы она успела откорректировать свой план применительно к настоящему положению — я молча указал ей на ближайший иллюминатор. Она, вероятно, совершенно забыла об окружающей ее обстановке. При виде темной воды, струящейся за стеклом, она бросилась на низенькую скамеечку, закрыла руками лицо и зарыдала как несчастная маленькая девочка, а не гордая и всемогущая богиня.

Спуск все еще продолжался. Толстое стекло иллюминатора стало теплым от окружавшей нас горячей воды. Вероятно, мы опустились на большую глубину этой загадочной планеты. Наконец мы остановились. Раздался шум заработавших винтов, и наше судно на большой скорости двинулось вперед. Нас окружал сплошной мрак, но свет

~~м~~агнитаторов и мощный луч прожектора, установленного на носу подводной лодки, давали возможность разглядеть узкий подпочвенный канал, по которому мы продвигались.

Через несколько минут винты прекратили работу. Мы остановились, а затем начали быстро подниматься. Вода стала светлее, а мы окончательно остановились.

Ксодар со своими людьми вошел в каюту.

— Идемте,— сказал он, и мы вышли с ним через люк, который открыл один из матросов.

Мы очутились в небольшой подпочвенной пещере, в центре которой был бассейн, где и всплыла наша подводная лодка. Вокруг бассейна тянулся ровный неширокий пляж, а затем поднимались стены пещеры, переходящие в сводчатый потолок. Кое-где в стене виднелись уходящие в разные стороны тускло освещенные проходы. Ксодар повел нас по одному из них и остановился перед стальной клеткой лифта. Это была обычная подъемная машина, которая распространена на Барсуме. Ею управляет электрический прибор, который регулирует работу огромных магнитов, сообщая подъемнику необходимую скорость. На этот раз мы молниеносно поднялись по высокому пролету, едва за нами закрылась дверь кабины.

Мы вышли из клетки подъемника и очутились в сказочном мире. На ярко-красных лугах росли деревья цвета слоновой кости, покрытые пунцовыми цветами, по парку пролегалли аллеи, посыпанные песком из изумрудов, бирюзы и даже алмазов, всю эту великолепную картину венчал храм из полированного золота, украшенный поразительными орнаментами. Мне трудно подыскать слова, чтобы описать очарование красок, неизвестных нашему земному глазу. А незнакомые нам цвета лучей, переливающихся как драгоценные камни Барсума, ослепили даже мои глаза, которые за долгие годы привыкли к роскоши дворцов джеддаков.

В глазах Файдоры я прочел восхищение и изумление этой красотой.— Храм Иссы,— прошептала она про себя.

Ксодар наблюдал за нами с жестокой усмешкой, забавляясь нашим удивлением.

Сады были переполнены чернокожими мужчинами и женщинами в великолепных уборах. Среди них сновали красные и белые женщины, прислуживающие им. Из дворцов внешнего мира и из храмов жрецов все века похищались самые красивейшие девушки, которых потом превращали в рабынь чернокожих.

Мы шли через сады к храму. У главного входа нас остановила вооруженная стража. Ксодар доложил о прибытии ее начальнику, и они вместе вошли в храм. Через несколько минут они возвратились и объявили, что Исса желает видеть дочь Матана Шанга и необычное существо другого мира, из семьи джеджака Гелиума.

Мы медленно прошествовали через великолепные залы, поражающие своим убранством. Наконец мы оказались в центре храма — огромном колонном зале. Один из сопровождавших нас воинов скрылся за большой дверью, которая через некоторое время медленно распахнулась, и показался богато одетый мужчина.

Нас подвели к двери и приказали встать на четвереньки спиной к ней. Под страхом смерти нам велели не оборачиваться и ползти задом в зал к трону священной особы Иссы.

Никогда в жизни я не был в таком унижительном положении, и только моя любовь к Дее Торис и надежда, что я смогу, быть может, встретиться с ней, удержала меня от желания встать и умереть, как подобает джентльмену, лицом к врагу.

Конвой остановил нас через двести футов, а позади нас раздался дрожащий слабый голос, в котором, однако, слышалась привычка повелевать.

— Пусть они встанут.

— Встаньте, — повторили конвоиры, — но не оборачивайтесь к Иссе.

— Женщина нравится мне, — сказал тот же голос после некоторого молчания. — Она будет служить мне установленное время. Мужчину можно вернуть на остров Шадор, что лежит у северного берега моря Омин. Пусть женщина обернется и взглянет на Иссу, помня при этом, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Скосив глаза, я украдкой следил за Файдорой. Она мертвенно побледнела. Повинуясь невидимой и неодолимой силе, она медленно повернулась. Файдора стояла совсем близко от меня, так близко, что ее обнаженная рука коснулась моей, когда она взглянула на Иссу, богиню вечной жизни. Я не мог видеть лица девушки, глаза которой в первый раз увидели высшее божество Марса, но я почувствовал, как дрожь пробежала по ее руке.

«Вероятно, это действительно ослепительная красота, — подумал я, — если вызывает такое сильное волнение в такой блестящей красавице, как Файдора, дочь Матана Шанга».

— Пусть женщина останется. Уведите мужчину. Ступайте!

Так велела Исса, и тяжелая рука начальника опустилась на мое плечо. Повинуясь его приказанию, я снова встал на четвереньки и отполз от божества. Это была моя первая аудиенция у богини, но я беру на себя смелость признаться, что она не произвела на меня большого впечатления.

Как только я выполз из помещения, дверь закрылась, и мне приказали встать. Ксодар подошел ко мне, и мы вместе с ним вышли в сад.

— Ты оставил мне жизнь, хотя легко мог бы отнять ее,— промолвил он после того, как мы некоторое время шли молча,— и я хотел бы помочь тебе. Я могу сделать твою жизнь сносной, но судьба твоя неизбежна. Брось надежду когда-либо вернуться во внешний мир!

— Какая судьба ожидает меня? — спросил я.

— Все зависит от Иссы. Пока она не пошлет за тобой и не раскроет тебе своего лица, ты можешь годами жить в рабстве.

— А для чего я могу понадобиться ей?

— Она часто использует мужчин низшей породы для развлечений. Такой боец, как ты, например, послужил бы великолепной забавой во время ежемесячных ритуалов, когда во славу Иссы люди сражаются между собой и со зверями в храме.

— Она ест человеческое мясо? — спросил я, не выражая, однако, никакого ужаса. Со времени моего недавнего знакомства со святыми жрецами я был готов ко всему, а в этом еще более закрытом «раю», где все диктовалось, по-видимому, единой всемогущей волей, века фанатизма и самопоклонения искоренили все гуманные инстинкты, которыми, может быть, и обладала раса перворожденных.

Это был народ, опьяненный своим могуществом и успехом, который смотрел на других жителей Марса совершенно так же, как мы смотрим на лесных зверей. Почему бы им и не есть человеческого мяса? Они вникали в жизнь низших существ не больше, чем мы сами в мысли скота, идущего на убой!

— Она ест только мясо святых жрецов и красных барсумцев высокого происхождения. Мясо других идет к нашему столу. Впрочем, богиня ест также и другие лакомства.

Я не знал тогда, что в упоминании о других лакомствах было скрыто особое значение. Мне предстояло еще узнать, до какой жестокости может довести вседозволенность перворожденных.

Мы уже почти дошли до выхода из сада, как нас догнал один из начальников.

— Исса хочет взглянуть на этого человека, — сказал он. — Девушка рассказала о его изумительной красоте и необычайной ловкости, рассказала, будто он один победил семерых перворожденных, и что он голыми руками захватил в плен Ксодара, связав его собственным ремнем.

Ксодару стало, по-видимому, не по себе. Ему не понравилось, что Исса узнала о его бесславном поражении. Не проронив ни слова, он повернулся, и мы снова последовали за начальником к дверям зала для аудиенций, где восседала Исса, богиня вечной жизни. Здесь вновь повторилась унижительная церемония приема. Снова Исса приказала мне встать. Несколько минут царило гробовое молчание. Глаза божества оценивали меня. Наконец тонкий дрожащий голос прервал молчание, повторив нараспев слова, которые в продолжение бесчисленных веков решали судьбу несчастных жертв.

— Пусть мужчина обернется и взглянет на Иссу, помня, что те из низшей породы, которым дано созерцать ее лучезарный лик, переживают это ослепляющее блаженство всего один год!

Я повернулся, невольно ожидая высшего блаженства священного видения божественной красоты. Я узрел... плотную массу вооруженных людей между мной и балдахинном, под которым стоял большой резной трон из полированного дерева. На этом великолепном троне сидела, поджав ноги, черная женщина. Она, очевидно, была страшно стара. Ни одного волоса не осталось на ее сморщенной голове. Тонкий крючковатый нос свисал над беззубым ртом, из которого торчали два желтых клыка. Глаза ввалились, кожа была испещрена сетью глубоких морщин. Тело было такое же морщинистое и такое же отталкивающее, как и лицо.

Высохшие руки, ноги и безобразное тело дополняли священное видение ее лучезарной красоты. Ее окружали рабыни, между которыми я увидел Файдору, бледную и дрожащую.

— Это и есть тот человек, который победил семерых перворожденных и голыми руками связал датора Ксодара его собственным ремнем? — спросила Исса.

— Да, это он, лучезарное видение божественной красоты! — ответил начальник, стоявший подле меня.

— Приведите сюда датора Ксодара! — приказала она. Из смежной комнаты привели Ксодара. Исса уставилась

на него, и злобный огонек засветился в ее отвратительных глазах.

— И такой, как ты, датор перворожденных? — завизжала она. — За позор, который ты навлек на бессмертную расу, ты будешь унижен до положения низшего из низших! Ты больше не датор! Ты будешь навсегда рабом рабов и будешь служить низшим породам, которые прислуживают в садах Иссы. Снимите его убор. Рабы и трусы не носят воинских доспехов!

Ксодар стоял неподвижно. Ни один мускул не дрогнул на его лице, дрожь не пробежала по его могучему телу, когда солдат гвардии грубо сорвал его роскошный наряд.

— Убирайся! — вопила разъяренная старушонка. — Убирайся! Ты не ступишь более в сады Иссы! Ступай на остров Шадор на море Омин и служи рабом этого раба, который тебя победил. Уберите его с моих божественных глаз!

Медленно с высоко поднятой головой вышел Ксодар из помещения. Исса встала и направилась к другой двери. Обернувшись, она сказала мне:

— Пока ты вернешься на остров Шадор. Позднее Исса посмотрит, как ты сражаешься. Можешь идти. Ступайте все!

Она скрылась в сопровождении свиты. Только Файдора замешкалась позади и, когда я собирался последовать за стражей к выходу, кинулась ко мне.

— О, не оставляй меня в этом ужасном месте, — умоляла она. — Прости меня! Я не хотела тебя обидеть! Только возьми меня с собой. Позволь мне разделить с тобой заключение на Шадоре.

Она торопилась и говорила несвязно. — Ты не понял чести, которую я тебе оказала. Среди жрецов нет брака, как среди низших пород внешнего мира. Мы могли бы всегда жить вместе в любви и счастье. Мы оба взглянули на Иссу и оба умрем через год. По крайней мере, проживем хоть этот год вместе, насладимся той мерой радости, которая остается для обреченных!

— Файдора, — ответил я, — постарайся понять, что тебе так же трудно усвоить те побуждения, обычаи и социальные законы, которые управляют мною, как мне — понять ваши законы. Я не хочу тебя обидеть или умалить честь, которую ты мне оказала, но то, чего ты желаешь, невозможно. Несмотря на глупое поверие людей внешнего мира, святых жрецов или черных перворожденных, я не умер, сердце мое бьется только для одной женщины — для не-

сравненной Деи Торис из Гелиума. Когда смерть настигнет меня, мое сердце перестанет биться... Но что будет после того — не знаю. И в этом отношении сам Матан Шанг не мудрее меня, а ведь он владыка жизни и смерти на Барсуме.

Файдора некоторое время пристально смотрела на меня. В ее глазах на этот раз не было злобы, а только трогательное выражение безнадежной печали.

— Не понимаю! — сказала она и, повернувшись, медленно пошла по направлению к двери, через которую вышла Исса в сопровождении свиты. Через минуту она скрылась из моих глаз.

Глава X

В ПЛЕНУ НА ОСТРОВЕ ШАДОР

Стража привела меня во внешние сады, где я увидел Ксодара, окруженного целой толпой чернокожих. Они осыпали его ругательствами и проклятиями. Мужчины били его по лицу. Женщины плевали на него. При моем появлении они обратили свое внимание на меня.

— А, вот он! — вскричал один. — Так вот каков тот, который голыми руками победил великого Ксодара! Посмотрим, как ему это удалось!

— Пусть он попробует связать Турида, — предложила, смеясь, одна черная женщина. — Турид — благородный датор. Турид покажет собаке, что значит встретиться с настоящим мужчиной.

— Да, да! Турид, Турид! — подхватили другие голоса.

— Вот он! — воскликнул кто-то.

Все головы повернулись в одну сторону. Я тоже обернулся и увидел огромного чернокожего, увешанного блестящими украшениями и оружием, который приближался к нам горделивой походкой.

— Что случилось? — спросил он. — Что вам нужно от Турида?

Несколько человек, волнуясь и перебивая друг друга, принялись объяснять ему, в чем дело. Турид повернулся к Ксодару. Его глаза сузились от презрения.

— Калот! — прошипел он. — Я всегда предполагал, что в твоей груди сердце сорока. Ты одерживал верх над мной в тайных советах Иссы, но на поле битвы, где нужна настоящая мужская доблесть, ты показал свое жалкое

трусливое сердце! Калот, который заслуживает лишь пинка ногой! — и с этими словами он повернулся, чтобы ударить Ксодара.

Кровь бросилась мне в голову. Уже несколько минут я кипел от негодования при виде подлого обращения чернокожих с их бывшим всемогущим товарищем. Они презирали его только потому, что он лишился милости Иссы. Я не чувствовал никакой особой любви к Ксодару, но я вообще не выношу несправедливости и унижения. Тогда глаза мои застилает кровавый туман, и я, не рассуждая, действую по первому побуждению.

Я стоял около Ксодара, когда Турид поднял ногу, чтобы нанести удар. Униженный датор стоял прямо, не двигаясь, как изваяние из камня. Он приготовился к оскорблениям и насмешкам, которыми прежние товарищи осыпали его, и принимал их мужественно и стойко. Он все время молчал.

В ту минуту, когда Турид размахнулся ногой, я сделал то же самое и нанес ему болезненный удар в голень, чем спас Ксодара от незаслуженного позора. Минуту царилو гробовое молчание. Затем Турид с яростным ревом набросился на меня, чтобы схватить за горло — совсем так же, как бросился на меня Ксодар на палубе крейсера. Я применил тот же прием — пригнулся под его вытянутой рукой, а когда он пролетел по инерции мимо, нанес ему страшный удар кулаком в челюсть.

Огромный воин повернулся как волчок, колени его подогнулись, и он упал у моих ног. Чернокожие изумленно смотрели то на неподвижную фигуру гордого датора, распластавшуюся на рубиновом песке, то на меня: они не верили своим глазам.

— Вы просили меня связать Турида, — вскричал я. — Смотрите!

Нагнувшись над ним, я сорвал с него ремень и крепко связал Туриду руки и ноги.

— Теперь поступайте с ним так, как вы поступили с Ксодаром! Отнесите его к Иссе связанным его же собственным ремнем, чтобы она удостоверилась, что среди вас есть более великий человек, чем перворожденные.

— Кто ты? — прошептала испуганно та женщина, которая первая пожелала, чтобы я связал Турида.

— Я гражданин двух миров — капитан Джон Картер из Виргинии, член семьи Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Отнесите же этого человека вашей богине и скажите ей, что то, что я проделал с Ксодаром и Туридом, я смогу

сделать с самым могучим из ее даторов. Я вызываю на бой ее лучших борцов, все равно как — врукопашную, на шпагах или мечах.

Но тут офицер, который должен был отвезти нас на Шадор, сказал: — Пойдем! У меня строгое приказание, нельзя медлить. Пойдем, Ксодар!

В тоне, которым он обратился ко мне и Ксодару, не было презрения. Было очевидно, что он переменял свое мнение о бывшем даторе с тех пор, как стал свидетелем того, с какой легкостью я справился с силачом Туридом. И его почтение воина ко мне проявилось весьма своеобразное: во время нашего обратного путешествия он сопровождал меня с обнаженной шпагой, находясь позади меня, а не рядом.

Возвращение к морю Омин прошло без приключений. Мы спустились по большому пролету в той же кабине, которая подняла нас наверх. Там мы вошли в подводную лодку, доставившую нас по длинному туннелю глубоко под поверхностью Барсума в тот же бассейн, где мы начали свой путь в храм Иссы.

С этого острова нас переправили на небольшом крейсере на далекий остров Шадор. На нем находилась маленькая каменная тюрьма, охраняемая шестью чернокожими стражниками. Нас передали им без всяких церемоний. Один из чернокожих открыл дверь темницы огромным ключом, мы вошли, дверь закрылась, замок щелкнул, и мною снова овладело страшное чувство безнадежности, которое я уже испытал в таинственной комнате, затерянной в толще Золотых Скал, принадлежащих святым жрецам.

Но тогда со мной был Тарс Таркас, теперь же я был совершенно один, то есть у меня не было друга. Я снова задумался о судьбе великого тарка и его прекрасной спутницы Тувии. Если бы даже каким-то чудом они спаслись и люди пощадили их жизни, разве мог я надеяться на их помощь, которую, я знал, они с радостью оказали бы мне.

Как могли они догадаться о моей судьбе, догадаться о том, где я нахожусь? Никому на Барсуме и не снилось, что существует место, подобное этому. И даже если бы они знали точное местоположение моей темницы, разве это помогло бы мне? Кто мог проникнуть в это подземное море, оберегаемое могучим флотом перворожденных? Нет, мое положение безнадежно!

— Ну, все равно необходимо сделать все, что можно, — подумал я и, поборов отчаяние, решил исследовать темницу.

Ксодар сидел, опустив голову, на низкой каменной скамье почти посередине комнаты. Он не проронил ни

слова с того времени, как Исса разжаловала его.

Строение не имело крыши, стены достигали высоты тридцати футов. Посередине стены были два небольших окна с прочными решетками. Темницу разделяли на несколько камер перегородки высотой в двадцать футов. В нашем отделении никого кроме нас не было, но две двери, которые вели в другие комнаты, я нашел полуоткрытыми. Я вошел в одну из них — она была пуста. Просмотрев все другие комнаты, я нашел наконец в одной из них юного красного марсианина, еще совсем мальчишка, спящего на каменной скамье. Другой мебели, по-видимому, не полагалось.

Вероятно, мальчик был единственным пленником кроме нас. Я нагнулся и посмотрел на него. Было что-то странно знакомое в его лице, но я, однако, не мог его узнать. Его черты были очень правильны и необычайно красивы, но в остальном он казался типичным представителем этой красивой расы.

Я не стал будить его. Сон в темнице — бесценный дар. Мне случалось видеть мужчин, буквально зверевших, если товарищи по тюрьме будили их не вовремя.

Я возвратился в нашу камеру. Ксодар продолжал сидеть все в той же позе, в какой я его оставил.

— Послушай! — окликнул я его. — Нечего унывать! Это ни к чему не ведет! Нет никакого позора в том, что тебя победил Джон Картер. Ты видел сегодня, с какой легкостью я справился с Туридом, а ты помнишь, как я убил троих твоих товарищей на палубе крейсера?

— Лучше бы ты и меня убил тогда вместе с ними!

— Перестань! — воскликнул я. — У нас есть надежда! Мы оба — великие бойцы. Почему бы нам не завоевать себе свободу?

Он посмотрел на меня изумленно.

— Ты не знаешь, что говоришь, — ответил он. — Исса всемогуща. Исса всеведуща. Она слышит слова, которые ты говоришь. Она знает мысли, которые возникают у тебя. Идти против ее приказаний — кощунство!

— Вздор, Ксодар! — воскликнул я нетерпеливо.

Он в ужасе вскочил со скамьи.

— Проклятие Иссы падет на тебя! — прошептал он. — Через миг ты будешь повержен и умрешь в страшных мучениях!

— Неужели ты и правда веришь этому, датор? — спросил я его удивленно.

— Верю, конечно. Кто осмелился бы сомневаться?

— Я сомневаюсь, Ксодар; более того, я отрицаю,— сказал я.— Ты говоришь мне, что ей известны даже мои мысли? Что ж мне до этого? Красные люди уже много веков обладают способностью читать мысли. Они обладают еще другой удивительной силой: скрывать свои мысли так, чтобы никто не смог прочесть их. Первому секрету я научился много лет назад. Второму мне учиться не пришлось; на всем Барсуме нет человека, который сумел бы прочесть мои мысли, и ваша богиня не сможет проникнуть в тайник моего сознания так же, как не сможет прочесть и твоих мыслей, если не видит тебя. Если бы она догадалась, о чем я думаю, то боюсь, что ее самолюбие было бы уязвлено в ту минуту, когда я, по приказанию, обернулся взглянуть на священное видение ее лучезарного лика.

— Что ты хочешь сказать? — прошептал он испуганным голосом и так тихо, что я еле услышал его слова.

— Я хочу сказать, что она показалась мне самым безобразным существом, которое я когда-либо видел.

С минуту он смотрел на меня, пораженный диким ужасом, а затем с криком «богохульник» бросился на меня. Я не хотел причинять ему боль, да в этом и не было необходимости. Он был безоружен и, следовательно, совершенно не опасен для меня. Я просто схватил его за левое запястье, выкрутил ему руку, а правой рукой приподнял его подбородок. Он беспомощно повис, глядя на меня в бессильной ярости.

— Ксодар,— сказал я,— будем друзьями. Нам придется, быть может, целый год жить вместе в четырех стенах этой маленькой комнаты. Мне жаль, что я оскорбил тебя, но я не мог себе представить, что тот, кто так жестоко пострадал от несправедливости Иссы, все еще может верить в ее божественность и непогрешимость.

— Я хотел бы сказать тебе еще несколько слов, Ксодар, и поверь, не для того, чтобы оскорбить тебя снова, а для того, чтобы ты понял, что пока мы живы, то сами и являемся господами нашей судьбы, мы — а не какой-нибудь бог!

— Вот смотри, Исса не поразила же меня и не спасла своего верного Ксодара из рук «богохульника», который поносил ее божественную красоту! Нет, Ксодар, поверь, Исса — простая смертная. Только бы выбраться из ее лап, и она больше не сможет причинить нам вреда.

— С твоими знаниями этой необыкновенной страны и с моими внешнего мира два таких бойца, как ты и я, смогут пробить себе путь к свободе! Даже если бы мы умерли, пытаясь бежать, разве память о нас не будет светлее, чем

если бы мы оставались здесь, ожидая бесславной смерти раба? Разве лучше зависеть от жестокого, несправедливого произвола богини, как полагаешь ты, или смертной, как думаю о ней я?

Сказав это, я отпустил Ксодара. Он не пытался больше нападать на меня и не ответил ни слова. Молча он отошел к скамейке и на несколько часов погрузился в раздумья.

Время, казалось, замерло. Вдруг я услышал легкий шум у дверей, ведущих в другие камеры, и, взглянув, увидел красного марсианского мальчика, пристально смотревшего на нас.

— Каор,— поприветствовал я его по-марсиански.

— Каор,— ответил он.— Что вы здесь делаете?

— По всей вероятности, ожидаем смерти,— ответил я, невесело улыбаясь.

Он улыбнулся бесстрашной улыбкой, полной очарования.

— Я тоже,— сказал он.— Моя смерть скоро наступит. Прошло уже около года с тех пор, как я взглянул на лучезарную красоту Иссы и до сих пор удивляюсь, как это я не умер сразу при виде этого уродца. А ее живот! Клянусь моим первым предком, во всей вселенной никогда не было такой безобразной фигуры! Как они могут величать чудовище богиней вечной жизни, богиней смерти, матерью ближнего месяца и давать ей еще пятьдесят таких же невозможных титулов?

— Как ты попал сюда? — спросил я.

— Очень просто. Я залетел на одноместном разведчике далеко к югу, когда мне пришла неудачная мысль поискать мертвое озеро Корус, которое, по преданиям, лежит где-то у самого полюса. Вероятно, я унаследовал у своего отца страсть к приключениям, а также отсутствие чувства идолопоклонства. Я достиг уже полосы вечных льдов, когда пропеллер моей машины начал пошаливать, мне пришлось снизиться, чтобы починить его. Не успел я оглянуться, как все небо почернело от аэропланов, и сотня этих перворожденных дьяволов спустилась и окружила меня. Они кинулись на меня с поднятыми мечами, но прежде, чем они со мной справились, я успел неплохо поработать своим мечом. Я сумел достойно постоять за себя, что, наверное, понравилось бы моему отцу, если бы он дожил до сего дня!

— Твой отец умер?

— Он умер раньше, чем я вылупился из яйца. Единственным горем моей жизни было то, что я не имел счастья знать его. А то моя жизнь была бы очень и очень счастли-

вой. Теперь я печалюсь только о том, что моя мать будет оплакивать меня так же, как оплакивала отца все эти десять лет.

— Кто был твоим отцом? — спросил я.

Он собирался ответить мне, но наружные двери нашей темницы открылись, и вошел дюжий стражник. Он приказал мальчику водвориться на ночь в свою камеру и запер его.

— Исса желает, чтобы вы оба были заключены в одном отделении, — заметил стражник, возвратясь к нам в камеру, и, повернувшись ко мне, добавил: — Этот негодный трус — твой раб. Он должен хорошенько служить тебе. Ты можешь даже избить его, если он не будет подчиняться! Исса желает, чтобы ты придумал для него самые отвратительные и неслосьные унижения.

С этими словами он покинул нас. Ксодар все еще сидел, закрыв лицо руками. Я подошел к нему и положил руку ему на плечо.

— Ксодар, — сказал я, — не бойся, я и не подумаю исполнять приказание Иссы. Ты храбрый человек, Ксодар. Конечно, если ты хочешь, чтобы тебя преследовали и унижали — дело твое. Но будь я на твоем месте, я бы не боялся ничего, защищая свое мужское достоинство.

— Я очень много думал, Джон Картер, — ответил он, — о том, что ты сказал мне несколько часов тому назад. Это были такие новые для меня мысли! Я сопоставил то, что ты мне сказал, и что мне тогда казалось кощунством, с тем, что я видел в своей прошлой жизни и о чем даже не смел думать, страшась навлечь на себя гнев Иссы. Я верю теперь, что она обманщица. Она такое же божество, как ты или я. Я готов даже признать, что перворожденные не более священны, чем святые жрецы, а святые жрецы, в свою очередь, не выше красных людей. Вся наша религия основана на суеверии, обмане и лжи. Нас веками держали в неведении те, кому это было выгодно. Они жили тем, что мы верили их рассказам.

— Я готов сбросить с себя оковы, которыми был опутан. Я готов вызвать на бой саму Иссу. Но к чему все это? Кто бы ни были перворожденные — боги ли, смертные ли — они, во всяком случае, сильные воины, и нам не вырваться из их рук. Нам нет спасения!

— Мой друг! Мне приходилось выходить благополучно из худших злоключений в моей прошлой жизни, — ответил я. — Пока сердце бьется в груди, я не теряю надежды бежать с острова Шадор.

— Но мы не сможем даже убежать из нашей темницы, — протестовал Ксодар. — Попробуй крепость стен — они как камень! Посмотри на их полированную поверхность — как взобраться по ней и перелезть?

Я улыбнулся. — Это — совсем пустяки, Ксодар, — отвечал я. — Я ручаюсь тебе, что вскарабкаюсь по стене и возьму тебя с собой, если ты сможешь мне своим знанием ваших обычаев и скажешь, когда лучше всего пытаться бежать. Ты сможешь провести меня к выходу из подземного царства и свободе внешнего мира.

— Самое лучшее время для бегства — ночь. Ночью есть некоторый шанс на спасение: ночью военные корабли, крейсера и аэропланы охраняются небольшим числом часовых. Теперь ночь.

— Какая же ночь? — воскликнул я. — Ведь совсем светло!

Он улыбнулся. — Ты забываешь одно, — сказал он, — мы находимся глубоко под поверхностью Барсума. Солнечный свет не проникает сюда. Луна и звезды никогда не отражаются в водах Омина. Фосфорисцирующий свет, которым освещается эта огромная подземная пещера, излучают скалы, образующие ее свод. На Омине всегда одинаково светло, точно так же, как всегда одинакова сила волн, которые ты видишь: несмотря на безветрие, они вечно перекачиваются. Но когда наверху наступает ночь — люди ложатся спать и здесь, несмотря на то, что свет остается тот же.

— Это затруднит наш побег, — сказал я и прибавил, пожав плечами. — Впрочем, какое удовольствие, скажи мне, добиваться чего-то с легкостью?

— Давай ляжем спать, — сказал Ксодар, — а утром, быть может, мы что-нибудь и придумаем.

Мы улеглись на твердый каменный пол и крепко заснули.

Глава XI

КОГДА РАЗВЕРЗАЕТСЯ АД

На следующий день рано утром мы с Ксодаром начали разрабатывать план бегства. Я начертил на каменном полу нашей камеры по возможности точную карту областей, прилегающих к южному полюсу, при помощи пряжки от моих доспехов и острия чудесного алмаза Сатора Трога.

По ней я определил направление на Гелиум, а также расстояние до него от расселины, ведущей в Омин.

Затем я набросал карту Омина с точным расположением острова Шадор и отверстия в куполе, которое вело во внешний мир. Я постарался запечатлеть все это в моей памяти до мельчайших подробностей, а также разузнал у Ксодара распорядок караульной службы нашей тюрьмы. Как выяснилось, ночью стоял только один часовой. Он ходил вокруг тюрьмы футами в ста от здания. По словам Ксодара, он шел так медленно, что ему требовалось двадцать минут, чтобы сделать полный круг. Практически это означало для нас, что в течение пяти минут то одна, то другая сторона тюрьмы оставались без надзора, пока часовой черепашим шагом проходил по противоволожной стороне.

— Все эти сведения, — прибавил Ксодар, — пригодятся нам, когда мы выберемся, но ни одно из них не поможет нам решить самый важный вопрос: как освободиться?

— Предоставь это мне, — возразил я со смехом.

— Когда ты думаешь бежать? — спросил Ксодар.

— В первую же ночь, как к Шадору причалит маленький челн, — ответил я.

— Но как мы узнаем, что у Шадора причалил челн? Ведь до окон нам не добраться.

— Ну, не так уж это и невозможно, — возразил я. — Посмотри!

Одним прыжком я подскочил к решетке окна, находившегося напротив нас, и быстро окинул открывающийся из него вид. Несколько небольших барок и два крупных военных судна стояли на расстоянии ста ярдов от Шадора.

«Сегодня вечером», — подумал я и был готов сообщить о моем решении Ксодару, когда внезапно открылась дверь нашей тюрьмы и вошел стражник. Если бы этот человек увидел меня у окна, наши шансы на побег свелись бы к нулю — нас непременно заковали бы в кандалы, если бы стражники имели малейшее представление о том удивительном проворстве, которое давали мне на Марсе земные мускулы.

К счастью, тюремщик стоял спиной ко мне и смотрел в другую сторону. Надо мной на высоте пяти футов находился верх перегородки, отделявшей нашу камеру от соседней. Единственным шансом на спасение было соскочить туда. Если бы только сторож обернулся, я бы погиб. Незаметно соскочить назад в камеру было немыслимым — страж стоял внизу так близко ко мне, что спрыгивая, я задел бы его.

— Где же белый человек? Исса велела привести его к себе! — воин обернулся, чтобы посмотреть, нет ли меня в другой части камер.

Я быстро лез по железной решетке, пока не уперся ногой о выступ окна, затем выпустил из рук решетку, перескочил через перегородку и спрыгнул в соседнюю камеру. При этом решетка ударилась о каменную стену, привлекая внимание тюремщика.

— Где же белый раб? — раздраженно спросил он.

— Не знаю, — ответил Ксадор. — Он был здесь еще в тот момент, когда ты вошел. Я не сторож ему — иди, ищи его.

Черный проворчал что-то недовольно, а затем я услышал, как он отпер дверь одной из камер, расположенных дальше. Тогда я снова забрался на перегородку и спрыгнул в нашу камеру около удивленного Ксодара.

— Теперь ты видишь, каким образом мы убежим? — спросил я его шепотом.

— Я вижу, каким образом сумеешь справиться с этим ты, — отвечал он мне, — но не вижу по-прежнему, как я переберусь через эти стены. Ведь я не могу перескочить через них подобно тебе!

Сторож суетливо обходил одну камеру за другой, пока в конце концов не вошел вновь в нашу. Когда его взор упал на меня, то глаза у него чуть не выскочили из орбит.

— Клянусь скорлупой моего первого предка! — прорычал он. — Где ты был?

— Я нахожусь все время в тюрьме с той минуты, как ты вчера посадил меня сюда, — отвечал я наивным голосом. — И когда ты заходил в эту камеру, я тоже был здесь. Тебе следовало бы обратить внимание на свое зрение.

Он сверкнул на меня глазами, испытывая смешанное чувство гнева и облегчения.

— Иди за мной! Исса велела привести тебя к ней!

Он вывел меня из тюрьмы, оставив в ней Ксодара. У ворот стояли несколько сторожей и тот краснокожий марсианский юноша, с которым я виделся накануне.

Мы вновь совершили путешествие к храму Иссы. Сторожа все время отделяли меня от юноши, так что мы не имели возможности продолжить вчерашний разговор.

Его лицо не выходило у меня из головы. Где я мог видеть его раньше? В каждой его черте, в его походке, манере говорить, движениях сквозило что-то удивительно знакомое. Я мог бы поклясться, что знал его прежде, а вместе с тем был уверен, что никогда не видел его до сих пор.

Когда мы дошли до садов, то повернули почему-то в противоположную от храма сторону. Дорога шла по живописному парку. Его замыкала величественная стена, окаймленная таким же пышным лесом, какой я видел у подножия гор в долине Дор.

Толпы черных людей тянулись в том же направлении, что и мы. Когда они загораживали путь, то стража грубо отталкивала их и освобождала нам дорогу. Наконец мы пришли к месту нашего назначения. Это был большой амфитеатр, возвышавшийся на дальнем конце долины на расстоянии мили от стен парка. Черные люди стекались в амфитеатр через массивные сводчатые ворота, спеша занять места, нас же повели к меньшему входу у одного из концов здания.

Через него нас ввели в помещение, расположенное под трибунами и обнесенное крепкой решеткой. Здесь уже были другие пленники, согнанные вместе под присмотром воинов. Некоторые из них были в кандалах, но большинство несчастных было так напугано предстоящим, что и думать не могли о побеге.

Пока мы добирались с острова, мне не удалось поговорить с моим товарищем по несчастью, однако теперь, когда мы были благополучно доставлены и заключены в надежном загоне, наши стражи оставили нас без внимания. Я смог, наконец, подойти к красному марсианину, к которому испытывал странное влечение.

— Что это за сборище? — спросил я его. — И чего они хотят от нас? Должны ли мы сражаться, развлекая первожденных, или нам предстоит испытать нечто худшее?

— Этот обряд Иссы проводят раз в месяц, — ответил мне мальчик. — Так черные люди смывают грехи со своих душ в крови людей, пришедших из внешнего мира. Если случайно во время сражений оказывается убитым черный человек — это является уликой его неверности Иссе и считается смертным грехом, если же черный человек выживает в борьбе, то он освобождается от обвинения, которое навлекло на него необходимость участия в очистительном обряде. Формы борьбы бывают разные. Иногда против нас ставят равное количество черных людей, иногда вдвое больше. Нас могут также заставить вступить в единоборство с диким зверем или каким-нибудь знаменитым черным воином.

— Ну, а если мы выходим из борьбы победителями, — спросил я, — тогда что — свобода?

Юноша рассмеялся. — Ждите! Единственная свобода

для нас — смерть. Никто из вступивших в царство перво-рожденных никогда не покидает его. Если мы окажемся искусными бойцами, то получим позволение сражаться часто. Если же мы слабые бойцы, то... — он только пожал плечами. — Впрочем, рано или поздно мы умрем на арене, — прибавил он.

— А ты часто сражался? — спросил я его.

— Очень часто, — вспыхнув от удовольствия, ответил он. — Это — моя единственная радость. Меньше чем за год я отправил на тот свет несколько сотен черных дьяволов на этих обрядах Иссы. Моя мать гордилась бы мною, если бы только знала, с какой честью я поддерживаю славу отца.

— Твой отец, наверно, был могучим воином, — сказал я. — В свое время я был знаком с большинством воинов Барсума, вероятно, я знал и его. Кто был твой отец?

— Мой отец...

— Идите же, идите! — раздался грубый голос стражника. — Марш на арену!

Вслед за этими словами нас грубо вытолкали на крутой спуск, ведущий в расположенные далеко внизу клетки, из которых был выход прямо на арену. Амфитеатр, как и везде на Барсуме, был построен в котловине. Только самые верхние места, образовавшие низкую стену вокруг гигантской воронки, возвышались над уровнем почвы. Сама же арена находилась значительно ниже поверхности. Под нижним ярусом мест для зрителей были сооружены клетки, выходившие прямо на арену. В них-то нас и загнали. К несчастью мой юный друг оказался не со мной.

Как раз напротив моей клетки возвышался трон Иссы. На нем, сгорбившись, на корточках восседала ужасная старушонка, окруженная сотней красавиц-рабынь, облаченных в роскошные уборы. Блестящие переливающиеся ткани странного покроя образовывали над троном подобие балдахина. По четырем сторонам трона, в нескольких футах ниже него, плотными рядами стояли тяжело вооруженные солдаты. Напротив этой группы находились высшие сановники этих «небес»: иссиня-черные люди, усыпанные драгоценными камнями, лбы их украшали золотые обручи, знаки их положения в обществе.

По обеим сторонам трона расположились массы перво-рожденных, заполнявшие снизу доверху весь амфитеатр. Женщин и мужчин было примерно поровну. Все они были одеты в доспехи удивительно тонкой работы, обозначающие их принадлежность к определенному роду и занимаемое

положение в иерархии знати. Каждого черного сопровождали рабы — люди внешнего мира. Все черные принадлежали к «благородной» расе, среди них не было простолюдинов. Самый последний солдат является богом и имеет прислуживающих ему рабов.

Первороденные не выполняют никакой работы. Мужчины, правда, — все воины. Сражаться и умереть за Иссу — это их священная привилегия и долг. Зато женщины вообще ничего не делают. Рабыни выполняют всю работу, даже моют и одевают их. Есть даже такие, за которых рабыни говорят. Во время обряда я видел одну женщину, которая сидела с закрытыми глазами, а рабыня рассказывала ей о событиях, происходивших на арене.

Первой частью церемонии нынешнего дня было принесение жертвы Иссе. Эта жертва знаменовала собой кончину несчастных, которые за год до этого лицеизрели божественную славу богини. Их было десять — блистательные красавицы из лучших дворов могущественных джедаков и из храма святых жрецов. В течение года они служили в свите Иссы; сегодня они платили жизнью за эту божественную привилегию. Завтра они украсят собой столы придворных чиновников.

Девушек вывели на арену. За ними вышел громадный черный воин. Он тщательно их осмотрел, пощупал тела и потыкал между ребрами. Затем, выбрав одну, он повел ее к трону Иссы и обратился к богине с несколькими словами, которых я не расслышал. Исса кивнула. Черный поднял руки над головой в знак приветствия, схватил девушку и потащил ее с арены через небольшую дверь под тронном.

— Исса вкусно пообедала сегодня, — промолвил находившийся возле меня пленник.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я.

— Это ее обед: старый Тэбис потащил ее на кухню. Разве ты не заметил, как он выбирал самый жирный и нежный кусок?

Я пробормотал проклятия в адрес чудовища, сидевшего напротив нас на пышном троне.

— Не кипятись, — увещевал меня мой сотоварищ. — Ты увидишь кое-что похуже этого, если проживешь хотя бы месяц среди первороденных.

Я обернулся как раз в тот момент, когда решетка соседней клетки открылась, выпуская трех чудовищных белых обезьян, одним прыжком очутившихся на арене. Девушки в испуге сбились в кучу и замерли. Одна из них на коленях с мольбой простерла руки к Иссе, но чудовищное

божество только слегка подалось вперед, предвкушая потешное зрелище, которое сейчас состоится. Обезьяны скоро высмотрели сбившихся в кучку девушек и бросились на них, испуская крики животного бешенства.

Мною овладел припадок дикой ярости. Жестокая подлость твари, злобный ум которой придумывал такие ужасные формы пытки, никого не оставил бы равнодушным. Кровавый туман застлал мои глаза — тот туман, который всегда предвещал гибель моих врагов.

Сторож стоял, небрежно облокотившись у открытой двери клетки, в которую меня поместили. В самом деле, к чему решетка, только мешающая бедным жертвам броситься на арену, которая, по велению богов, стала для них лобным местом.

Одним ударом я опрокинул черного воина на землю, схватил его меч и выпрыгнул на арену. Обезьяны уже почти подмяли под себя девушек, но для моих земных мускулов понадобилось всего несколько больших прыжков, чтобы очутиться около них.

На миг в огромном амфитеатре воцарилось молчание, а затем раздался дикий вопль из клеток осужденных. Мой длинный меч с шумом описал в воздухе круг, и одна из больших белых обезьян, обезглавленная, растянулась у ног впавших в беспамятство девушек.

Две оставшиеся обезьяны кинулись на меня. На арене творилось нечто неопишное: мрачный ропот зрителей покрыл дикий крик радости, разнесшийся из клеток. Краешком глаза я заметил, что десятка два стражников спешно двинулись ко мне по блестящему песку. Тотчас же из одной клетки выскочила стройная фигура. Это был тот самый юноша, внешность которого так поразила меня. Он на мгновение остановился перед клетками с поднятым мечом.

— Идите, люди внешнего мира! — воскликнул он. — Продадим дорого нашу жизнь! Последуем за неизвестным воином и превратим сегодняшний день жертв Иссы в оргию мщения, весть о которой пройдет сквозь века и заставит всякий раз бледнеть чернокожих, если они вздумают повторить обряд Иссы! Выходите! Перед вашими клетками есть стойки, полные мечей!

Не дожидаясь поддержки, он повернулся и бегом направился ко мне! Громовой клич стал ответом на его призыв. Из всех клеток, где были заключены краснокожие, хлынула толпа обреченных рабов, которые смели стражу и разобрали мечи. Вооружившись, пленники приготовились к смертельной схватке.

Большие обезьяны уже лежали на песке, вытянувшись во весь свой пятнадцатифутовый рост, поверженные моим мечом, между тем как шедшие в атаку воины еще находились на некотором расстоянии от меня. За ними вслед бежал красный юноша. Сзади меня стояли, замерев от страха, испуганные девушки, и я не двигался с места, приготовившись встретить неизбежную смерть. Однако я был проникнут решимостью так дорого продать свою жизнь, чтобы об этом долго помнили в стране перворожденных. Помню, что я тогда же отметил удивительную скорость, с какой молодой марсианин гнался за стражниками. Никогда мне не доводилось видеть такой сноровки у красных марсиан. Его прыжки мало уступали моим.

Он успел напасть на них с тыла раньше, чем они добежали до меня, а я со своей стороны набросился на них. В последовавшей за этим скоротечной схватке мне было трудно уследить за событиями — я видел лишь своих ближайших врагов. Время от времени рядом со мной мелькала легкая фигура юноши, который удивительно ловко орудовал мечом, и каждый раз сердце мое замирало от странного томления и какой-то безотчетной гордости.

На прекрасном лице юноши играла жестокая улыбка, и он то и дело бросал хладнокровный вызов стоявшим перед ним врагам. Его манера ведения боя и даже отдельные выпады и уловки странно походили на мои собственные. Возможно, что именно это неопределенное сходство и заставило меня полюбить юношу, между тем, как ужасное опустошение, которое его меч вносил в ряды стражей, внушало мне трепетное уважение к нему.

Что касается меня, то я сражался так, как делал это тысячи раз ранее: то уклонялся от опасного удара, то быстро выдвигался вперед, чтобы вонзить острое своего меча глубоко в сердце или горло врага. Мы оба играючи расправлялись с ними, пока большому отряду гвардейцев Исссы не было отдано приказание уничтожить нас. Они выступили на арену с дикими криками, но в это время на них со всех сторон набросились вооруженные пленники.

В течение получаса место битвы напоминало разверзшийся ад. Мы походили на окровавленных демонов, изрыгающих проклятия и дикий вой. Меч молодого краснокожего все время сверкал возле меня. Постепенно я сумел овладеть ситуацией и стянул пленников вокруг себя. Мы образовали круг, в центре которого находились девушки. Многие пали с обеих сторон, однако гораздо большие

потери от резни понесли ряды гвардии богини. Я видел, как по рядам побежали посланцы Иссы, собирая с трибун подкрепление. Воины с обнаженными мечами спрыгивали с мест прямо на арену. Несомненно, они собирались подавить нас численным превосходством.

На какую-то долю секунды я встретился взглядом с Иссой, наклонившейся вперед над троном. Ее отвратительное лицо было искажено гримасой, в которой ненависть смешалась с яростью. Мне показалось даже, что я уловил в нем выражение испуга. У меня мгновенно созрел план действий.

Приказав пятидесяти пленникам окружить девушек и защищать их, я обратился к остальным:

— Долой Иссу! Идемте к трону! Она заслужила нашу месть!

Юноша, стоявший подле меня, первым подхватил клич «Долой Иссу!». И тотчас за моей спиной и со всех сторон поднялся неистовый рев: «Долой Иссу!» Безудержной лавиной мы ринулись к ней, все сметая на своем пути к пышному трону марсианской богини.

Множество храбрейших воинов перворожденных уже встали на нашем пути, защищая Иссу. Мы нещадно косили их, словно это были не люди, а манекены.

— Окружайте трон! — вскричал я, когда мы подошли к барьеру, отделяющему арену от зрительских мест. — У нас хватит сил захватить трон!

Я успел заметить, что большая часть гвардейцев Иссы вступила в схватку, завязавшуюся на арене. Пленники устремились в ряды зрителей, перепрыгивая через последнее препятствие с окровавленными мечами, алчно ожидающими новых жертв.

Весь амфитеатр наполнился стоном умирающих и раненых, звоном оружия и торжествующими криками победителей. Бок о бок с молодым краснокожим мы при поддержке других пленников пробили себе путь к трону. Перед нами сомкнули ряды уцелевшие гвардейцы и высшие сановники перворожденных. Исса, наклонившись вперед, сидела на своем резном троне, то отдавая писклявым голосом приказания своей свите, то посылая проклятия в адрес тех, кто стремился покончить с ней.

Окружившие ее перепуганные рабыни, дрожа, ожидали исхода, не зная, молиться ли им за нашу победу или за наше поражение. Некоторые из них, вероятно, гордые дочери благороднейших воинов Барсума, выхватили мечи из рук павших и бросились на охрану Иссы. Но воины очень

скоро покончили с ними, перерезав всех этих мучениц.

Гвардия оказала нам бешеное сопротивление, но никогда еще с тех пор, как я с Тарсом Таркасом сражался плечом к плечу против воинственных орд Барсума на пересохшем морском дне, мне не доводилось видеть, чтобы два человека бились с такой безумной жестокостью, как дрались в тот день я и мой юный товарищ перед тронном Иссы, богини смерти и вечной жизни.

Перворожденные, отделявшие нас от резного трона, валились один за другим под ударами наших мечей. Их место занимали другие, но дюйм за дюймом, фут за футом мы приближались к нашей цели.

Неожиданно мы получили мощную поддержку. В рядах зрителей раздался крик призыва к находящимся там рабам: «Подымайтесь, рабы!» Он звучал то громче, то слабее, пока не перерос в мощный гул, словно огромными волнами перекатывавшийся по всему амфитеатру. На какой-то миг, словно по приказу, мы замерли, прислушиваясь к шуму боя. Во всех частях амфитеатра рабыни, вооруженные чем попало, напали на своих господ. Я увидел прекрасную рабыню, которая стояла с высоко поднятым кинжалом, выхваченным из доспехов ее госпожи и обгаренным ее кровью. Другие же успели поднять мечи поверженных чернокожих и пустить их в ход. Женщины опьянели от крови и близости мести. Пробил час, когда они могли воздать своим господам за все унижения и жестокость, которым их подвергали черные деспоты. Те, кто не нашел никакого оружия, пускали в ход руки и зубы.

Как кстати они поддержали нас! Как яростно бились рабыни! Мы вновь схватились с гвардейцами у трона, а боевой клич женщин «Вставайте рабы!» вселял в нас надежду на победу.

Нас отделяла от Иссы небольшая группа воинов. Я уже ясно видел ее лицо, покрытое синевою и перекошенное от страха. На губах выступила пена. Казалось, она была парализована от ужаса. Теперь мы остались только вдвоем с юношей. Все остальные пали в бою, и я сам едва не погиб от грозного удара, если бы чья-то рука не схватила сзади моего противника и не сдавила бы его локоть с такой силой, что меч упал возле меня. Краснокожий юноша подскочил и проткнул моего противника, прежде чем тот успел прийти в себя.

Я обернулся и взглянул в глаза той, чья быстрая рука спасла мне жизнь — это была Файдора, дочь Матана Шанга.

— Беги, мой принц! — вскричала она, — Дальше биться с ними бесполезно. Уже все убиты на арене, все, кто вел наступление на трон, убиты, кроме тебя и этого юноши. Лишь среди зрителей осталось несколько ваших бойцов, да и те вместе с рабынями скоро будут перерезаны. Прислушайся — почти не слышно боевого клича женщин — они почти все погибли! На каждого из вас приходится десять тысяч черных в стране перворожденных. Постарайся пробиться в открытое место к озеру Корус. Твоя могучая рука бойца может еще проложить себе путь к Золотым Скалам и садам храма святых жрецов. Расскажи там обо мне моему отцу, и, быть может, вы найдете способ вместе освободить меня. Беги, пока еще есть шанс на спасение!

Однако бегство не входило в мои планы, тем более, что я не видел существенной разницы между святыми жрецами и перворожденными.

— Долой Иссу! — воскликнул я и снова кинулся в бой вместе с юношей. Двое черных пали под нашими ударами, и мы очутились лицом к лицу с богиней. Когда я уже занес меч отмщения, намереваясь рассчитаться с нею сполна, она вдруг обрела способность действовать и соображать и пустилась в бегство, издавая пронзительные вопли. Прямо за тронном неожиданно разверзлась черная пропасть, и она бросилась туда вместе с юношей, я последовал за ними. Напоследок меня оглушили ударом в голову, юноша успел подхватить меня, и мы вместе вслед за Иссой исчезли в черной глубине, раскрывшейся перед нами.

Глава XII

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ

Под натиском стражников я пятился шаг за шагом к яме, поглотившей Иссу. Вдруг я потерял твердую опору, моя нога скользнула в пустоту, и вместе с юношей я покатился в черную пропасть. Тайный лаз над нами захлопнулся, а по гладкому скату мы попали в скудно освещенное помещение, расположенное значительно ниже арены.

Первое, что я увидел, поднявшись на ноги, — это злобное лицо Иссы, глядевшей на меня сквозь тяжелую решетчатую дверь в конце комнаты.

— Безумцы! — вскричала она пронзительным голосом. — Вы дорого заплатите за ваше святотатство! Вы останетесь здесь в темноте и смраде среди трупов ваших же

соучастников до тех пор, пока, обезумев от одиночества и голода, не станете пожирать человеческие останки!

Голос Иссы смолк. В следующий же момент она исчезла, а тусклый свет, озарявший камеру, превратился в крошечную тьму!

— Миленькая старушонка! — раздался возле меня насмешливый голос.

— Кто это говорит? — спросил я.

— Это я, твой товарищ, который имел сегодня честь сражаться бок о бок с величайшим из воинов, когда-либо носивших оружие на Барсуме!

— Слава богу, что ты жив! — воскликнул я. — Я так боялся последствий того скверного удара, который был нанесен тебе по голове!

— Он только оглушил меня, — ответил юноша. — Простая царапина!

— Возможно, что мы еще пожалеем, что не пали от ударов перворожденных, — сказал я. — По-видимому, здесь у нас блестящая перспектива умереть от голода и жажды.

— Где же мы находимся?

— Под ареной, — ответил я. — Мы свалились кувырком в яму, поглотившую Иссу в тот момент, когда она была почти уже в наших руках.

Мой товарищ тихо засмеялся, затем нащупал мое плечо и, приставив свои губы к моему уху, прошептал:

— Это большая удача, лучше и не придумаешь! Видишь ли, в лабиринтах Иссы существуют такие тайны, о которых и она сама ничего не знает!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Год тому назад мне пришлось работать с другими рабами над восстановлением этих подземных галерей; тогда же мы и открыли целую систему забытых коридоров и камер, не использовавшихся бог знает сколько веков. Черные, руководившие ходом работ, обследовали эти коридоры, взяв нескольких из нас с собой для выполнения работ. Я был среди них и прекрасно знаком со всей системой.

Эти коридоры тянутся на многие мили; над ними раскинуты сады и возвышается храм. Тут совсем близко есть один проход, который идет вниз. Он соединяется с участками, расположенными еще ниже, и выходит к каналу, который выведет нас прямо к Омину.

— Если нам удастся незаметно пробраться к подводной лодке, то мы вырвемся в море, где много островов, совершенно не посещаемых черными. Получив на некоторое время

Безопасное убежище, мы со временем найдем пути к свободе.

Он говорил еле слышно, очевидно опасаясь ушей невидимых шпионов, я отвечал ему точно так же.

— Друг мой, нужно вернуться на Шадор,— сказал я шепотом.— Там остался Ксодар. Без него я не могу бежать. Я не покину его.

— Да! — сказал мальчик.— Последнее дело — бросить друга.

Сказав это, он взял меня за руку и быстро повел вперед, ощупывая стены и часто останавливаясь, чтобы убедиться, что он не заблудился в боковых проходах. Теперь мы стали спускаться по коридору, резко уходящему вниз.

— Скоро будет светло,— сказал мой спутник.— На нижних уровнях коридоры проложены в пластах той же фосфорисцирующей породы, которая освещает Омин.

Никогда не забыть мне этой прогулки по подземным галереям Иссы; она была полна для меня своеобразной прелестью, возбуждением и риском. Трудно передать таинственное очарование этих древних, темных, давно заброшенных коридоров! Пробираясь по ним, мое воображение рисовало картины жизни древних народов этого умершего мира. Они оживали в моих мыслях, предавались труду, играм, интригам, таинствам, жестокостям, иступленно боролись против неудержимого натиска бесчисленных орд, пришедших с высохшего морского дна и шаг за шагом теснивших первых пластелинов планеты в эти таинственные последние убежища, где им удалось укрыться за непроницаемой стеной суеверия.

Кроме зеленых людей на Барсуме существовали три человеческие расы: черная, белая и желтая. Когда высохли моря, обнажив бесплодную почву, жизнь на планете превратилась в сплошную борьбу за существование. Орды дикарей, вытесненные когда-то в пустынные степи, теперь сами совершали набеги на города черных, белых и желтых людей. Исчезающие моря заставили последних постепенно покинуть укрепленные жилища. Кочевой образ жизни разделил их на небольшие общественные единицы. Былые победители вскоре стали жертвами жестоких племен зеленых людей. Произошло смешение трех рас, в результате которого появилась нынешняя раса красных людей, представляющая высший разум на Барсуме.

Я всегда предполагал, что все следы первоначальных рас исчезли с поверхности Марса, однако за последние четыре дня убедился в существовании белых и черных людей. Может быть, в каком-нибудь затерянном уголке

планеты еще существуют последние желтые люди?

Мои размышления были прерваны тихим возгласом юноши.

— Наконец-то мы вышли на светлую дорогу,— воскликнул он.

Присмотревшись, я заметил вдалеке тусклое мерцание. По мере нашего продвижения становилось все светлее и светлее, пока мы не вышли в хорошо освещенный коридор, который вывел нас прямо в бассейн, где у причала стояла подводная лодка.

Мы увидели поднятый люк, и, приложив палец к губам и многозначительно ударив по рукоятке меча, юноша бесшумно пополз к ней. Я следовал за ним по пятам. Сохраняя молчание, мы ступили на лодку и на четвереньках подползли к забранному решеткой люку. Оказалось, что экипаж покинул судно, и мы с проворностью и мягкостью кошек спустились вовнутрь, задрав за собой люк.

Затем юноша занял место у рулей, запустил двигатель, и лодка плавно стала опускаться в воду. Даже и теперь никто не кинулся к нам, и мы не услышали спешащих шагов стражи. Пока юноша правил лодкой, я быстро обследовал все каюты в поисках кого-нибудь из экипажа, но никого не обнаружил. Такое счастье казалось мне почти невероятным.

Когда я вернулся к своему товарищу, чтобы сообщить ему хорошие вести, он протянул мне бумагу.

— Вот что может объяснить нам отсутствие экипажа,— сказал он.

Это была радиограмма командиру подводной лодки со следующим содержанием:

«Рабы восстали. Спешите со всеми вашими людьми. Забирайте всех, кого встретите по пути. Слишком поздно, чтобы ожидать помощи с Омина. Рабы устроили резню в амфитеатре.

Жизнь Иссы в опасности. Спешите!

ЗИТХАД».

— Зитхад — начальник охраны Иссы,— объяснил мне юноша,— нагнали мы, видно, страху, долго они будут помнить нас!

— Будем надеяться, что это лишь начало конца Иссы,— сказал я.

— Об этом известно только нашему предку,— ответил он мне барсумской поговоркой.

Мы прибыли к Омину без приключений. Здесь нам пришлось довольно долго решать судьбу лодки — затопить ли ее или оставить на плаву. В конце концов было решено, что ее уничтожение не прибавит нам шансов на спасение, ведь на Омине было достаточно черных людей, чтобы задержать нас в случае обнаружения. Главным сейчас было миновать цепь воинов, карауливших воды, омывающие остров. Мне пришел в голову оригинальный план.

— Как зовут офицера, командующего этой стражей? — спросил я юношу.

— Сегодня утром дежурил Торит.

— Прекрасно, а как зовут командира подводной лодки?

— Эрстед.

Я нашел в каюте телеграфный бланк и написал ниже следующий приказ:

«Начальнику Ториту.

Немедленно вернуть в Шадор препровождаемых при сем двух рабов.

ЭРСТЕД».

— Это самый простой способ вернуться в Шадор, — сказал я, улыбаясь и вручая юноше вымышленный приказ. — Посмотрим, каково будет его действие.

— Но как же наше оружие? — воскликнул юноша. — Как мы объясним все страже?

— Нам придется бросить мечи, — ответил я.

— Не будет ли с нашей стороны крайне опрометчиво снова отдаться во власть перворожденных безоружными? — возразил юноша.

— Сейчас это единственно возможный для нас план действий, — ответил я. — Ты можешь положиться на меня в том, что из Шадорской тюрьмы я найду дорогу, и я полагаю, что раз выбравшись оттуда, мы без особого труда вооружимся снова. Это легко в стране, где так много вооруженных людей.

Юноша пожал плечами, улыбнулся и сказал:

— Пусть будет по-твоему! На всем Барсуме нет вождя, которому я мог бы довериться больше, чем тебе. Ну что ж, испытаем придуманную тобою хитрость.

Мы выбрались из подводной лодки и бесстрашно направились совершенно безоружными к главным воротам, где находились караульный пост и комната начальника стражи. При виде нас стражники с удивлением выбежали и взяли ружья наперевес. Я протянул одному из них на-

писанное мною послание. Воин взял его и вручил Ториту, который как раз вышел из помещения, чтобы узнать о причине переполоха.

Чернокожий начальник, прочитав приказ, некоторое время оглядывал нас с подозрением.

— Где же сам начальник Эрстед? — спросил он меня.

Мое сердце екнуло, и я внутренне обругал себя за то, что не потопил подводной лодки.

— Эрстед получил приказ немедленно вернуться к пристани у храма, — ловко соврал я.

Торит сделал уже было пару шагов в направлении к бассейну, чтобы проверить мои слова. В одно мгновение весь план повис на волоске: если только он заметит, что лодка пуста, то вся моя выдумка раскроется, но, к счастью, он решил, что не стоит терять времени на лишние проверки. Да и на самом деле, какое было основание сомневаться в том, что два раба добровольно отдались под стражу? Мой план имел успех именно благодаря своей дерзкой смелости.

— Не были ли вы, случайно, в числе восставших рабов? — спросил Торит. — Мы ничего толком не знаем об этом событии.

— Мы все в нем участвовали, — ответил я, — но оно ни к чему не привело. Стража быстро справилась с нами и перебила почти всех.

По-видимому, Торит был удовлетворен ответом.

— Доставь их на Шадор, — приказал он, обращаясь к одному из своих подчиненных.

Мы вошли в небольшую лодку, стоявшую возле острова, и через несколько минут вышли на Шадоре. Здесь нас водворили в камеры; я очутился с Ксодаром, а юношу заперли отдельно. Мы снова стали пленниками первоорожденных!

Глава XIII

ПУТЬ К СВОБОДЕ

Ксодар с недоверчивым изумлением слушал мой рассказ о событиях, разыгравшихся на арене во время ритуала. Хотя вера его в божественность Иссы была уже сильно поколеблена, он все же никак не мог понять, как можно было осмелиться угрожать богине мечом и не рассыпаться на тысячи кусков от ее гневного взгляда. — Это — послед-

няя капля, — сказал он наконец. — Я окончательно утратил веру в божество Иссы. Она просто злобная старуха, облеченная огромной властью, которую направляет исключительно на злые дела. Разными хитростями ей удавалось держать мой народ и весь Барсум в полном невежестве под гнетом суеверий и ритуальных тайн.

— Однако здесь она все еще всемогуща, — ответил я. — Нам обязательно нужно будет удалиться из этих прекрасных мест при первом благоприятном случае!

— Будем надеяться, что ты найдешь этот благоприятный случай! — молвил он со смехом. — Я могу только заверить тебя, что за всю мою жизнь я ни разу не видел ни одного благоприятного случая, при котором пленник первожденных смог бы бежать!

— Можно попробовать сегодня ночью, — ответил я.

— Ночь скоро наступит. Каким образом я могу помочь тебе, Джон Картер?

— Умеешь ли ты плавать?

— Ни одно животное в глубинах Коруса не чувствует себя в воде лучше, чем Ксодар, — гордо ответил чернокожий.

— Хорошо! Юноша вряд ли умеет, — сказал я. — Если собрать всю воду в их владениях, то по ней нельзя было бы пустить даже челнока. Поэтому одному из нас придется его поддерживать, пока мы доплывем до судна. Я надеялся, что мы сможем проплыть все расстояние под водой, но вряд ли красный юноша это выдержит!

— Красный юноша будет нас сопровождать? — спросил Ксодар.

— Да.

— Это хорошо. Три меча лучше двух, в особенности, если третий такой сильный, как меч юноши. Я много раз видел, как он сражался на арене во время ритуала Иссы. Кроме тебя я не встречал никого, кто бы лучше владел оружием. Про вас двоих можно сказать, что вы будто учитель и ученик, или отец и сын. Даже если припомнить его лицо, то между вами есть сходство. Это особенно заметно, когда вы сражаетесь — та же жестокая улыбка, то же безумное презрение к своему противнику, которое выражается в каждом движении вашего тела, в каждом выражении вашего лица.

— Как бы то ни было, Ксодар, но он великий боец. Я думаю, нас троих нелегко будет сразить, а если бы среди нас был мой друг Тарс Таркас, джеддак тарков, то мы могли бы пробить себе путь с одного края Барсума на

другой, даже если бы весь свет восстал против нас!

— Так оно и будет, — сказал Ксодар, — если они узнают, откуда вы явились. Этим суеверием легкомысленные люди обязаны Иссе и ее священникам. Она вершит свои дела через жрецов, которые, однако, так же мало знают о ней, как барсумцы внешнего мира. Жрецы получают ее указы, написанные кровью на особом пергаменте, и воображают, несчастные глупцы, что откровения богини доходят до них каким-то сверхъестественным образом! Они находят ее указы на своих алтарях, к которым нет доступа, и трясутся от суеверного страха. Я сам много лет носил их от Иссы к главному храму Матана Шанга и знаю все. Существует длинный туннель, который ведет от храма Иссы к главному храму Матана Шанга. Он был прорыт много веков тому назад рабами перворожденных. Эти работы держались в такой тайне, что ни один жрец и не догадывается о его существовании.

— С другой стороны, тайные храмы жрецов рассеяны по всему культурному миру. В них священнослужители, которых народ никогда не видит, распространяют учение о таинственной реке Исс, о долине Дор и мертвом озере Корус. Они убеждают обманутых людей совершить добровольное паломничество, которое увеличивает богатство святых жрецов и число их рабов.

— Жрецы, таким образом, являются главным орудием для накопления богатств, которые перворожденные вырывают у них, когда им это нужно. Иногда перворожденные сами делают набеги на внешний мир. Тогда они забирают в плен женщин из дворцов красных людей, новейшие корабли, а также мастеров, которые их строят.

— Мы никогда ничего не производили сами и гордимся этим. Перворожденные считают позором трудиться или изобретать. Это дело низших пород, которые существуют только для того, чтобы перворожденные могли наслаждаться роскошью и ничегонеделанием. Единственное наше дело — сражения и борьба. Если бы не это, то перворожденных было бы столько, что все люди Барсума не смогли бы их прокормить. Насколько я знаю, никто из нас не умирает естественной смертью. Наши женщины жили бы вечно, но они надоедают нам, и мы избавляемся от них, чтобы заменить другими. Только одна Исса защищена от смерти. Она живет уже бесчисленные века.

— Может быть, и другие барсумцы жили бы вечно, если бы не было учения о добровольном паломничестве,

в которое они отправляются, когда им исполняется тысяча лет? — спросил я его.

— Я начинаю думать, — ответил Ксодар, — что они той же породы, что и перворожденные. Надеюсь, что мне придется сражаться за них, чтобы искупить грехи, которые я совершил по неведению!

Дальнейший наш разговор был прерван зловещим криком, прокатившимся над Омином. Накануне я уже слышал его в то же время и знал, что он означает конец дня. После сигнала, извещающего наступление ночи, все люди на Омине раскладывают свои шелковые одеяла на палубах кораблей и погружаются в глубокий сон.

Совершая последний обход, стражник вошел в нашу комнату, пересчитал нас, и тяжелая дверь темницы закрылась за ним. Мы остались одни на всю ночь. Я выждал время, пока сторож дойдет до своего караульного помещения, и вскочил на решетку окна, чтобы осмотреть обстановку снаружи. На небольшом расстоянии от острова, приблизительно в четверти мили, я обнаружил чудовищных размеров военный корабль, а между ним и берегом стояло несколько небольших крейсеров и односторонних гидропланов. Только на военном корабле я заметил часового. Пока я наблюдал за ним, он разостлал одеяло прямо на своем посту и растянулся во весь рост. Как видно, дисциплина на Омине здорово хромала. Оно и неудивительно, если принять во внимание, что ни один враг не только не знал о существовании такого флота, но даже и не догадывался о существовании моря Омин и самих перворожденных. Для чего же им было держать часовых?

Я прыгнул на пол и принялся описывать Ксодару увиденные суда.

— Одно из них, — сказал он, — моя личная собственность. Оно может поднять пятерых, это самое быстроходное судно из всех. Если бы нам удалось захватить его, то, пожалуй, удалось бы и удрать.

Он подробно разъяснил мне устройство машины. Из его объяснений мне стало ясно, что перворожденные украли его из флота Гелиума, потому что только гелиумцы использовали систему зубчатых колес, приводящих машину в движение. Если это было так, то Ксодар не напрасно превозносил скорость своего аппарата. Никакие другие суда не могут сравняться по этому параметру с судами Гелиума.

Мы решили обождать час, чтобы успели улечься все празднующиеся. Не теряя времени, я решил пока переправить красного юношу в нашу камеру, чтобы уже быть всем троим наготове.

Я запрыгнул на верхний край перегородки между камерами, которая оказалась около фута в ширину, и дошел по ней до помещения, где сидел мальчик. Он лежал на скамейке, разглядывая светящийся свод над Омином. Увидя меня на перегородке, он удивленно раскрыл широко глаза, а затем радостно засмеялся. Я уже собирался спрыгнуть вниз, но он жестом остановил меня и быстро прошептал:

— Поймай меня за руку! Я и сам уже почти могу допрыгнуть до верха стены. Я много раз пробовал, тренируясь ежедневно. Я уверен, что в конце концов смог бы до нее допрыгнуть!

Я лег на живот поперек стены и протянул ему руку. Он разбежался в середины комнаты, подпрыгнул вверх, а я ухватил его за руку и втащил на перегородку.

— Никогда еще я не видел на Барсуме такого прыгуна, как ты, — заметил я.

Он улынулся. — Это неудивительно. Я расскажу тебе причину, когда у нас будет больше времени.

Мы вместе вернулись в мою камеру, где нас ждал Ксодар, спустились на пол и провели остаток часа за разговором. Мы составили план на ближайшее будущее и связали себя торжественной клятвой биться один за другого до смерти, какие бы враги нам ни угрожали. Ведь если бы нам даже и удалось бежать от перворожденных, против нас должен был подняться целый мир — так велика сила фанатизма и религиозных предрассудков.

Было решено, что, если нам удастся достигнуть судна, управлять им буду я и мы полетим прямо в Гелиум.

— В Гелиум? Почему? — спросил юноша.

— Я принц Гелиума, — ответил я ему.

Он бросил на меня странный взгляд, но ничего не сказал. Меня удивило тогда выражение его лица, но спешные приготовления к побегу отвлекли меня, и только много позже я вспомнил об этом эпизоде.

Наступил наш час. Через минуту мы с юношей очутились на верху перегородки. Расстегнув и связав свои ремни, я опустил их ожидавшему внизу Ксодару. Он ухватился за конец и вскоре сидел рядом с нами.

— Как просто, — засмеялся он.

— Остальное будет еще проще! — успокоил я его.

Затем я подошел к внешней стене темницы, выглянул из-за нее и стал наблюдать за проходящим часовым. Он появлялся минут через пять из-за угла, медленной походкой обходя темницу. Когда же он миновал ту сторону, по которой мы должны были спуститься на волю, я спустил Ксо-

дара по ремню вниз. Юноша последовал за ним. Как мы и уговорились, они, не дожидаясь меня, осторожно направились к берегу. Расстояние до воды было около двухсот футов, и нужно было пройти как раз мимо сторожки, переполненной спящими солдатами.

Они прошли шагов десять, и я тоже соскочил вниз и, не торопясь, последовал за ними. Минувя сторожку, я вспомнил о мечах, которые там находились. Если кому-нибудь и нужны были эти мечи, то, конечно, больше всего нам, собравшимся в столь опасное путешествие!

Не выпуская из виду Ксодара и юношу, я увидел, что они соскользнули через борт дока и воду. По уговору, они должны были зацепиться за металлические кольца, вделанные в каменные глыбы дока на уровне воды, и ждать, пока я не присоединюсь к ним.

Мечи в сторожке неудержимо притягивали меня, и я мучительно колебался, не зная, на что решиться. Каждая минута промедления грозила нам гибелью. Я взял себя в руки и в следующую минуту уже неслышно крался к двери сторожки. Приоткрыв дверь лишь настолько, чтобы заглянуть внутрь комнаты, я разглядел дюжину чернокожих, растянувшихся на одеялах и погруженных в глубокий сон. В дальнем углу комнаты стояли мечи и ружья, составленные в пирамиды. Больше ничего не было видно; я осторожно раскрыл дверь пошире, но дверная петля протяжно скрипнула. Сердце мое упало. Один из спящих зашевелился. Я мысленно осыпал себя проклятиями, что решился на столь рискованный поступок, который сорвет, может быть, весь наш план, но отступить было поздно.

Как тигр я быстро и бесшумно прыгнул к тому воину, который пошевелился. Мои руки замерли над его горлом, ожидая момента, когда он раскроет глаза. Мне показалось, что я простоял в нервном напряжении целую вечность. Солдат что-то промычал, повернулся на бок и снова мерно задышал во сне.

Осторожно пробираясь между воинами, я подобрался к оружию. Я обернулся и оглядел спящих — все было тихо, а их спокойный храп казался мне очаровательной музыкой. Потихоньку я вытащил один меч. Шорох ножен раздавался в моих ушах как оглушительный гром, и я ожидал, что в комнате поднимется тревога. Но никто не пошевелился. Второй меч мне удалось вытащить бесшумно, но третий громко зазвенел в ножнах. Теперь, несомненно, кто-то должен был проснуться. Я готов был уже броситься к дверям, чтобы предупредить их нападение, но, к моему

изумлению, никто не тронулся. Или они крепко спали, или производимый мною шум на самом деле был менее сильным, чем мне показалось.

Я уже собирался уйти, когда заметил сложенные револьверы. К сожалению, более одного унести я не мог — я и так был перегружен мечами и не мог быстро двигаться. Пока я вынимал револьвер, взгляд мой упал на окно, находившееся возле самых оружейных пирамид. Это был великолепный путь к бегству. Оно выходило прямо на док, до которого отсюда было менее двадцати футов.

Я уже ликовал от успеха, когда внезапно раздался шум раскрывающейся двери и на пороге выросла фигура начальника стражи! Одного его взгляда, очевидно, хватило, чтобы оценить всю ситуацию, и надо отдать ему должное, он отреагировал с такой же молниеносной скоростью, как и я. Мы одновременно подняли наши револьверы, и выстрелы слились в один звук.

Пуля просвистела у моего уха, а я успел заметить, что он зашатался. Не знаю, ранил я его или убил, потому что в то же мгновение бросился в окно. Через несколько секунд воды Омины сомкнулись над моей головой, и мы все трое лихорадочно плыли к небольшому судну, стоявшему в двадцати футах от нас.

Ксодар поддерживал мальчика, а я плыл с мечами — револьвер я выронил. Несмотря на то, что мы были сильными пловцами, мне казалось, что мы ползем как улитки. Я плыл все время под водой, но Ксодару приходилось часто выныривать, чтобы дать юноше возможность глотнуть воздуха. Удивительно, что преворожденные не сразу обнаружили нас.

Мы уже достигли борта лодки и успели забраться в нее, когда часовой с военного корабля, разбуженный выстрелами, заметил нас. Громкий пушечный залп прокатился глухими раскатами под каменным сводом Омина, и тысячи спящих солдат немедленно проснулись. Тревога на Омине была таким редким событием!

Я успел запустить двигатель раньше, чем замер звук первого пушечного выстрела, и через секунду мы стремительно поднялись с поверхности воды. Устроившись лежа перед пультом управления, я вел наш аппарат, а Ксодар с юношей расположились на палубе прямо за мной.

— Подымайся выше, — прошептал Ксодар, — они не посмеют стрелять из тяжелых орудий по направлению к своду, потому что осколки снарядов упадут обратно на их суда.

Если мы заберемся достаточно высоко, то обшивка корабля защитит нас от ружейного огня.

Я последовал его совету. А под нами в это время воины сотнями прыгали в воду, направляясь к небольшим крейсерам и одноместным аэропланам, привязанным к большим кораблям. Несколько крупных судов быстро следовали за нами, но не поднимались с поверхности воды.

— Держи правей! — вскричал вдруг Ксодар.

Адский шум внизу все усиливался. Ружья трещали, командиры отдавали приказания, воины перекликались с палуб судов, и все звуки покрывались шипением и треском пропеллеров, прорезавших воду и воздух. Я не решался развить максимальную скорость, боясь перелететь отверстие, ведущее из подземного царства во внешний мир, но все же мы мчались очень быстро. Маленькие аэропланы уже поднимались с воды, когда Ксодар закричал: «Отверстие, отверстие!» — и я увидел прямо впереди темную зияющую дыру.

Десятиместный крейсер поднимался прямо впереди нас, чтобы отрезать нам путь к спасению. Это было единственное судно на нашем пути, но, судя по скорости, с которой оно продвигалось, корабль вполне мог успеть перекрыть нам дорогу, встав между нами и выходом.

Крейсер поднимался под углом в сорок пять градусов, явно намереваясь пролететь над нашей палубой и зацепить нас большими крюками. Оставалась слабая надежда на один маневр, и я решил применить именно его. Постараться пролететь над крейсером было бесполезно, он загнал бы нас под самый свод. Опуститься — означало отдаться целиком в его власть, то есть поступить как раз так, как он хотел. Со всех сторон сотни судов спешили к нам. Мое решение казалось полным риска, но ведь и весь наш план бегства был безумной игрой с судьбой, и надежды на успех было немного.

Когда мы приблизились к крейсеру, я обманным движением убедил его, что намерен подняться над ним. Тотчас же, как я и рассчитывал, он поднялся под еще более крутым углом, чтобы принудить меня забраться еще выше. Когда мы оказались почти над ним, я велел моим спутникам как можно крепче держаться и, развив максимальную скорость, накренил нос и резко пустил машину прямо на врага.

Командир понял мои намерения, но ничего уже не смог сделать. Почти в самую минуту столкновения я выравнял аппарат, последовал сильный толчок. Все случилось так, как я и надеялся: крейсер, уже сильно накрененный, пере-

вернулся совершенно. Экипаж с криками и воплями упал в воду, а само судно с вращающимися пропеллерами ушло глубоко в воды Омина.

Нос нашего аппарата расплющился от столкновения, а нас чуть не сбросило с палубы. Ксодару и мне удалось ухватиться за перила, но юноша упал бы за борт, если бы мне не удалось схватить его за ногу.

Аэроплан на бешеной скорости, не управляемый никем, продолжал подниматься все выше и выше к каменному своду. Однако я вовремя подоспел к рулю. До верхних скал оставалось не более пятидесяти футов, когда мне удалось повернуть его и снова направить к отверстию.

Столкновение задержало нас, а преследователи уже настигали наш хрупкий кораблик. Ксодар крикнул мне, что если мы будем подниматься только при помощи подъемной силы отталкивающих лучей, мы ни за что не сможем спастись от погони. Быстроходные аппараты редко снабжались большими резервуарами подъемной силы, и все преимущество должно было оказаться на стороне более крупных судов. Казалось неизбежным, что нас настигнут в проходе и мы будем или убиты, или захвачены в плен.

Но я всегда верил, что как ни бывает трудно, всегда можно найти способ одолеть препятствие. Если нельзя обойти его, то нужно пройти прямо через него. Я знал теперь, что многие суда поднимаются быстрее нашего в силу их большей подъемной мощи, но, тем не менее, я твердо решил достигнуть внешнего мира скорее их или, в случае неудачи, умереть.

— Обратный ход! — завопил сзади меня Ксодар. — Из любви к твоему первому предку, дай обратный ход! Мы уже у прохода!

— Держись! — закричал я в ответ. — Захвати юношу и держись! Мы летим в проход!

Едва я успел проговорить эти слова, как мы очутились у черной дыры. Я повернул аппарат носом вверх, сдвинул рычаг скорости на крайнюю отметку и судорожно ухватился руками за штурвал. У Ксодара вырвался возглас изумления, а юноша засмеялся и проговорил что-то, но ветер с такой силой свистел вокруг меня, что я не разобрал его слов.

Я взглянул наверх, надеясь уловить слабый блеск звезд, чтобы ориентироваться на них и удерживать аппарат точно посередине прохода. Если бы мы на такой скорости ударились об стену тоннеля, то, без сомнения, последовала бы немедленная смерть для всех нас. Но наверху не было видно

ни единой звезды. Всюду царил полнейший непроницаемый мрак.

Тогда я посмотрел вниз и увидел быстро уменьшающийся световой круг — это был освещенный фосфорисцирующими скалами Омина конец прохода. Я старался держать курс как можно ровно, оставаясь в середине светлого круга внизу. Но должен признаться, что в эту ночь мною больше правили инстинкт и удача, чем умение и разум.

Мы стрелою пролетели сквозь проход; это-то и спасло нас. Вероятно, нам сразу посчастливилось взять верное направление. Омин находился в двух милях под поверхностью Марса, а мы мчались со скоростью двухсот миль в час — значит оставались в проходе не более сорока секунд.

Мы уже вылетели из горы и пролетели еще некоторое время, пока я осознал, что мы совершили невозможное. Нас окружала глубокая тьма. Не было видно ни звезд, ни лун. Впервые я наблюдал подобное явление на Марсе, и в первую минуту это поставило меня в тупик. Затем я понял, в чем дело. Мы находились на южном полюсе, и было летнее время. Льды и снега таяли, и облака, неизвестные на большей части Барсума, заволокли небо.

Это было для нас большим счастьем, и я сразу воспользовался этим благоприятным обстоятельством. Все еще держа аппарат под углом, я прорезал непроницаемую завесу облаков и скрылся за ними от преследования.

Мы пробились сквозь холодный сырой туман, не уменьшая скорости, и через минуту очутились уже над облаками, в ярком свете обеих лун и миллионов звезд. Я вывел корабль в горизонтальное положение и взял курс на север. Наши враги остались далеко позади и не имели ни малейшего представления о направлении нашего полета. Мы совершили чудо: спаслись из страны перворожденных и прошли невредимыми через тысячу опасностей. За все века существования Барсума ни одному пленнику не удавалось это сделать, а теперь, когда все уже было позади, мне казалось, что это не так уж и трудно.

Я поделился этой мыслью с Ксодаром.

— Тем не менее это поразительно, — ответил он. — И никто другой не смог бы совершить это, кроме Джона Картера!

Услышав мое имя, юноша вскочил.

— Джон Картер! — воскликнул он. — Джон Картер! Но послушай, ведь Джон Картер умер много лет тому назад. Я его сын!

ГЛАЗА В ТЕМНОТЕ

Мой сын! Я не верил своим ушам. Я медленно встал и внимательно взгляделся в красивое лицо юноши. Теперь, рассмотрев его совсем близко, я понял, почему он сразу произвел на меня такое сильное впечатление. Благородные черты мальчика напоминали несравненную красоту его матери, но это была вполне мужественная красота, а его серые глаза были такими же, как у меня.

Юноша стоял, глядя на меня с надеждой и сомнением.

— Расскажи мне о твоей матери, — попросил я его. — Расскажи все, что сможешь, о тех годах, в течение которых я был оторван от нее безжалостной судьбой.

С криком радости он бросился ко мне и повис на моей шее. Я прижал к себе моего мальчика, слезы подступили к моим глазам, а горло охватил спазм, и я чуть не разрыдался. Но я не жалею и не стыжусь этого. Долгая жизнь научила меня, что мужчина, достаточно сильный в серьезных жизненных ситуациях, может показать свою слабость, если дело это касается любимой женщины и детей.

— Твоя фигура, твои манеры, твое удивительное искусство воина, — сказал мальчик, — как раз такие, как мне описывала их мать, и все же, несмотря на всю очевидность, я не смел поверить правде, хотя жаждал этого всей душой. Как ты думаешь, что убедило меня больше всего?

— Что, мой мальчик? — спросил я.

— Твои первые слова ко мне — они были о моей матери. Никто другой, кроме отца, который, по ее словам, так глубоко любил ее, не подумал бы прежде всего о ней.

— За долгие годы, сын мой, я не помню момента, когда дивный образ твоей матери не стоял бы передо мной как живой. Расскажи мне о ней.

— Те, кто давно ее знают, находят, что она не изменилась и даже стала еще более красивой, если только это возможно. Но когда она думает, что никогда больше не увидит тебя, лицо ее делается таким грустным, таким печальным! Она постоянно думает о тебе, мой отец, и весь народ Гелиума плачет с нею и жалеет ее. Народ деда так любит ее! Они и тебя любят и боготворят память о тебе: ведь ты — спаситель Барсума! Каждую годовщину того дня, когда ты летел через мир умирающих, чтобы открыть тайну закрытой двери, за которой лежала жизнь бесчисленных миллионов, в твою честь устраивается грандиоз-

ный праздник. Но к слезам благодарности примешиваются слезы печали — печали о том, что творец их счастья не с ними, и что он умер, подарив нам радость бытия. На всем Барсуме нет имени более великого, чем Джон Картер.

— Каким же именем твоя мать назвала тебя, мой сын, мой мальчик? — спросил я.

— Народ Гелиума хотел, чтобы мне было дано имя отца, но мать сказала, что ты с ней уже выбрал для меня имя, и чтобы исполнить твое желание, назвала меня Карторисом, именем, в котором соединены ваши имена.

Ксодар, стоявший все это время у руля, пока я разговаривал с сыном, подозвал меня.

— Плохо, что машина все время опускается носом, Джон Картер! — заметил он. — Пока мы шли под углом, это было мало заметно, но теперь, когда я стараюсь держать горизонтальный курс, видно, что где-то поломка. Вероятно, в поврежденном носу образовалась течь в одном из резервуаров лучей.

Это подтвердилось после того, как я обследовал повреждение, более того, дело обстояло много хуже, чем мы ожидали. Прежде всего тот угол, под которым мы были вынуждены поддерживать нос, чтобы сохранить горизонтальное положение, чрезвычайно препятствовал нашему продвижению, но ужасней всего была скорость, с которой мы теряли отталкивающие лучи из носовых резервуаров; через час, или немногим более, мы могли оказаться совершенно беспомощными и упасть.

Из чувства самосохранения мы немного снизили скорость, но теперь я снова взялся за руль и пустил машину полным ходом. Мы опять понеслись к северу с головокружительной скоростью. Ксодар и Карторис с инструментами в руках тщетно старались заделать громадную трещину на носу и как-нибудь остановить потерю лучей.

Было еще темно, когда мы миновали северную границу ледяного пояса и зону облаков. Под нами расстился типичный марсианский ландшафт: волнистые, цвета охры, низменности давно высохших морей, окаймленные низкими грядами холмов; раскинутые там и тут безмольные, мрачные города мертвого прошлого, развалины величественной архитектуры, населенные лишь воспоминаниями и страшными белыми обезьянами Барсума.

Становилось все труднее удерживать наше маленькое суденышко в горизонтальном положении. Нос оседал все ниже и ниже, так что наконец нам пришлось снизиться, иначе полет завершился бы стремительным падением.

Когда взошло солнце и дневной свет рассеял темноту ночи, наше судно в последний раз судорожно нырнуло, накренилось в сторону и вошло в штопор. Мы ухватились за поручни и, зная, что конец близок, прицепили к перилам свои пояса. Болтаясь на ремнях высоко над поверхностью, я попытался еще раз попробовать повлиять на наш спуск. Мне удалось достать кнопку, управляющую отражающими лучами, и умная машина ответила на это прикосновение — мы начали мягко опускаться вниз.

Прошло не менее получаса, прежде чем мы снизились. Прямо к северу от нас поднимался ряд довольно высоких холмов; к ним-то мы и решили направиться, так как они представляли наилучшую возможность укрыться от преследователей, которые, несомненно, должны были обыскать всю эту местность.

Час спустя мы уже были в оврагах среди прекрасных цветущих растений, которыми изобилуют сухие пустынные районы Барсума. Нам посчастливилось найти много крупных кустов, дающих молоко — это странное барсумское растение служит одновременно и пищей, и питьем для диких орд зеленых людей. Для нас эта находка оказалась просто спасением, ведь мы уже почти умирали с голоду.

Затем, в первый раз после многих часов, мы легли спать, укрывшись в зарослях этих кустов, представлявших прекрасное убежище от воздушных разведчиков. Так начался мой пятый день на Барсуме с тех пор, как я внезапно оказался перенесенным из моего коттеджа на берегу Гудзона в долину красоты и ужаса. За все это время я спал только два раза.

Стоял уже полдень, когда я проснулся, почувствовав, что кто-то, схватив мою руку, покрывает ее поцелуями... Удивленный, я открыл глаза и увидел прекрасную Тувия.

— Мой принц! Мой принц! — лепетала она в экстазе. — Это ты, которого я оплакивала как умершего! Мои предки были добры ко мне, я жила не напрасно!

Голос девушки разбудил Ксодара и Карториса. Мальчик с удивлением взглянул на девушку, но она, казалось, не замечала никого, кроме меня. Обняв руками мою шею, она принялась ласкать меня, но я мягко и решительно освободился из ее объятий.

— Успокойся, Тувия, успокойся! — сказал я ей ласково. — Ты слишком взволнована перенесенными тобою лишениями. Ты забываешься и забываешь, что я муж принцессы Гелиума.

— Я ничего не забываю, мой принц! — возразила

она.— Ведь ты никогда не говорил мне ни единого слова любви, и я не жду от тебя ничего. Но ничто не сможет помешать мне любить тебя. Я совсем не мечтаю занять место Деи Торис. Мое самое большое желание — служить тебе, служить вечно, быть твоей рабой. Я прошу об этом, как о милости. Это самая большая честь, на которую я могу надеяться, самое большое счастье, которого я жажду!

Должен сознаться, что редко чувствовал себя так скверно, как в этот момент! Мне был хорошо известен марсианский обычай, позволяющий иметь мужчинам женщин-рабынь, причем высокая рыцарская честь марсианина является достаточной защитой для каждой женщины в его доме. Зная этот обычай, я все же выбирал личных слуг среди мужчин.

— Если я когда-нибудь вернусь в Гелиум, Тувия, то ты поедешь со мной не как раба, а как равня. Ты встретишь там много красивых благородных молодых людей, которые сочтут за счастье завоевать твою улыбку, и ты наверняка скоро выйдешь замуж за одного из них! Сейчас ты ослеплена чувством, выросшим из благодарности, которую твоя невинная душа приняла за любовь. Забудь его, Тувия, я предпочитаю твою дружбу.

— Ты — мой повелитель, да будет так, как ты сказал,— ответила она просто, но в голосе ее прозвучала грустная нотка.

— Как ты попала сюда, Тувия,— спросил я ее.— И где Тарс Таркас?

— Я боюсь, что великий тарк погиб,— ответила она печально.— Он был могущественный воин, но полчища зеленых людей из другой орды напали на нас. Я видела его в последний раз истекающим кровью, когда они уносили его в город, из которого совершили вылазку за нами.

— Значит, ты не уверена, что он умер? — спросил я.— Где город, о котором ты говоришь?

— Он находится как раз за этим хребтом. После того, как ты отправил нас на корабле из страны жрецов, мы два дня бесцельно носились в воздухе. Затем мы решили покинуть судно и пробираться пешком к ближайшему водному пути. Вчера мы прошли эти холмы и приблизились к мертвому городу. Весьма неосторожно мы отправились исследовать его, направляясь к центральной его части, как вдруг на перекрестке они обнаружили нас. Это был целый отряд зеленых воинов. Тарс Таркас успел оттолкнуть меня в ближайший проход, где я должна была прятаться до тех пор, пока не представится случай ускользнуть и,

если будет возможно, пробраться в Гелиум.

— Он успел сказать мне: «Для меня теперь нет спасения, это мои злейшие враги — уорхунцы с юга; они будут биться со мной не на жизнь, а на смерть». Затем он выступил им навстречу. Ах, мой принц, какой это был бой! Целый час они атаквали его, пока на том месте, где он стоял, не образовался холм из мертвых тел. Но их было слишком много даже для такого воина, как Тарс Таркас! Они плотным кольцом все же окружили его, не давая ему возможности поднять большой меч. Из ран его сочилась кровь, он пошатнулся, и враги подхватили его могучее тело и понесли к центру города. Я думаю, что он умер, так как был совершенно неподвижен и не оказывал сопротивления.

— Перед тем, как отправиться дальше, я должен сам удостовериться в его гибели, потому что не могу оставить своего товарища в руках уорхунцев! Сегодня вечером я пойду в город и узнаю, жив ли тарк.

— Я пойду с тобой,— поддержал меня Карторис.

— И я,— отозвался Ксодар.

— Ни один из вас не должен меня сопровождать,— возразил я.— Это дело требует хитрости и ловкости, а отнюдь не силы. Один я имею больше шансов на успех, ваше присутствие может лишь навлечь беду. Если мне понадобится ваша помощь, я вернусь за вами.

Они не одобрили этого, но поскольку оба были дисциплинированными воинами, а меня почитали своим начальником, то подчинились моему приказу. Мне не пришлось долго ждать: солнце уже заходило, и вскоре внезапно наступившая темнота ночного Барсума окутала нас. Я отдал некоторые распоряжения и наставления своим спутникам на тот случай, если не вернусь, попрощался со всеми и быстрым шагом направился к городу.

Когда я вышел из-за холмов, появилась ближняя луна, совершающая свой стремительный полет в небе Барсума, и ее лучи окрасили в серебряный цвет величественные стены древней столицы. Город был выстроен у подножия пологих холмов, которые когда-то спускались к морю; блуждая между ними, я незаметно вошел в город.

Поскольку я был знаком с укладом жизни зеленых людей Барсума, то на окраинах города мне некого было бояться, ведь они, обычно, занимали центральные площади городов и дома вокруг них. Осторожно перебираясь с одной стороны улицы на другую, прячась в тени домов, быстро минув открытые перекрестки, я беспрепятственно добрался до района, где расположились зеленые воины. Еще издалека

услышал я знакомые звуки, издаваемые пасущимися во внутренних дворах домов тотами и зитидарами.

Я задрожал от радости, услышав эти давно знакомые звуки, присущие жизни зеленых людей-кочевников Барсума. Мне казалось, что после долгого отсутствия я пришел домой. Ведь под эти самые звуки зародилась моя любовь к несравненной Дее Торис в древних мраморных залах мертвого города Корада.

Я устроился в тени дома, находящегося на углу квартала, населенного зелеными людьми, и наблюдал за воинами, которые выходили из зданий и направлялись к самому большому строению в центре площади. Мое знание обычаев зеленых марсиан подсказало мне, что здесь либо живет сам вождь, либо расположен зал для аудиенций, в котором джеддак принимает своих подчиненных. Мне стало ясно, что воины собираются на совет, который решит судьбу великого тарка Тарса Таркаса.

Чтобы подойти к этому зданию, мне было необходимо пересечь широкую аллею и часть площади. Звуки, издаваемые животными в каждом дворе, ясно говорили мне, что в окружающих домах собралось много народа, вероятно, несколько общин великой орды южных уорхунцев.

Пройти незамеченным было трудно, но для спасения своего друга я был готов преодолеть и большие препятствия. Я проник в город с юга и теперь стоял на перекрестке двух дорог. Строения с этой стороны площади не были освещены, и казалось, что в них никого нет. Можно попытаться приблизиться к главному зданию на площади пробираясь внутренними дворами строений и темными проходами на первых этажах. Я успешно миновал одно пустое здание и оказался во дворе, где паслось большое стадо тотов и зитидаров; они усердно жевали желтый мох, покрывающий почти все невозделанные площади Марса. Так как ветер дул с северо-запада, я не беспокоился, что животные почуют меня. Если бы это случилось, их хрюканье, ворчание и неистовые крики неминуемо привлекли бы внимание воинов.

Под покровом темноты я прополз через весь двор, прижимаясь к восточной стене под нависшими балконами вторых этажей, и оказался у здания, стоящего на северной стороне двора. Только первые три этажа были освещены, а выше было совершенно темно.

Единственный путь, возможный для меня, лежал через верхние этажи, до которых я мог добраться только по стене. Попасть на балкон второго этажа не составило для меня труда — легкий прыжок дал мне возможность ухва-

титься руками за каменные перила, и через секунду я уже перебрался на балкон.

Через окна я увидел зеленых людей, восседающих на грудах меха и шелка, служивших им постелью. Время от времени они перекидывались односложными репликами, которых было вполне достаточно для содержательного разговора, учитывая их удивительные телепатические способности.

Я напрягся, прислушиваясь к их разговору. В это время в комнату вошел воин и обратился к другому.

— Идем, Тан Гама! — сказал он. — Нам велено отвести тарка к Кабу Кадусу. Возьми кого-нибудь с собой.

Воин, к которому обратился пришедший, встал, сделал знак товарищу, сидевшему рядом с ним на корточках, и все трое вышли из комнаты.

Если бы мне удалось последовать за ними! У меня появилась бы возможность сразу освободить тарка или, по крайней мере, узнать место для заключения. Справа от себя я заметил дверь, ведущую с балкона внутрь дома, за ней шел неосвещенный коридор, куда я, не задумываясь, и поспешил. Коридор оказался длинным и выходил к фасаду здания. По обеим его сторонам были двери в многочисленные апартаменты.

В конце коридора я различил три фигуры воинов, которые только что вышли из комнаты. Они быстро скрылись, повернув вправо. Я помчался за ними вдоль коридора, рискуя быть в любую минуту обнаруженным. Я сознавал всю безрассудность моего поступка, но посчитал случай, предоставленный мне судьбой, знаком ее особой милости ко мне, и ни за что не хотел упускать его.

В конце коридора я натолкнулся на винтовую лестницу, соединявшую верхние и нижние этажи. Три марсианина, которых я искал, очевидно, спустились по ней вниз. В том, что они пошли вниз, а не наверх, я не сомневался, ведь вся верхняя часть дома не была заселена. Я и сам был когда-то пленником уорхунцев, поэтому вполне мог представить эдакий веселенький подвал, где томится мой друг. Весь ужас моего пребывания в плену у этого племени живо воскрес в моей памяти.

Итак, я был уверен, что Тарс Таркас заключен в темной яме под одним из прилегающих зданий, и что в этом направлении нужно искать следы трех зеленых воинов, пошедших за ним. И я не ошибся. Спустившись на площадку нижнего этажа я разглядел шахту, уходящую вниз; я заглянул в нее

и заметил мерцающий факел в руке одного из воинов, которых я выслеживал.

Я последовал за ними на безопасном расстоянии, ориентируясь на свет факела. Они петляли в лабиринте извилистых коридоров, а я старался не отстать от них. Мы прошли, может быть, сотню ярдов, когда они резко свернули направо. Ориентир исчез, и я оказался в крошечной тьме. Я поспешил за ними, шаря руками по стене, и через несколько минут достиг того места, где они пропали. Через открытую дверь я увидел, как они снимают цепь с прикованного к стене тарка.

Понукая пленника грубыми словами и пинками, они так быстро вышли из камеры, что чуть не застали меня врасплох. Мне удалось пробежать по коридору несколько десятков шагов в направлении, противоположном нашему пути сюда. Я вновь оказался вне радиуса света горящего факела, когда они вернулись в коридор. Я предполагал, что они поведут Тарса Таркаса тем же путем, что и пришли за ним, и, значит, будут удаляться от меня. Но неожиданно для меня, они повернули в мою сторону. Мне ничего не оставалось, как бежать впереди них, стараясь не наделать шума. Я не смел даже останавливаться на перекрестках многочисленных коридоров, так как не знал, в каком направлении они пойдут.

Меня не оставляла мысль, что я могу каждую минуту провалиться к тем отвратительным существам, которые населяют подпочвенные пространства под мертвыми городами.

Позади меня струился слабый свет, благодаря которому я мог хоть как-то различать направление извилистых проходов и не ударяться на поворотах о стены. Но на моем пути возник перекресток, от которого уходили пять коридоров. Я пробежал некоторое расстояние вдоль одного из них, как вдруг свет факела позади меня внезапно исчез. Я остановился, чтобы прислушаться к звукам шедших за мной людей, но кругом была гробовая тишина.

Сообразив, что воины с пленником вошли в другой коридор, я поспешил назад, почувствовав значительное облегчение: теперь я мог с большей безопасностью выслеживать их сзади!

Однако дойти обратно до перекрестка оказалось трудной задачей, поскольку в полнейшей темноте мне приходилось ощупывать стены руками и следить за каждым своим шагом, чтобы не пропустить места, где пересекались коридоры. Мне показалось, что прошла целая вечность,

пока я наконец достиг площадки. Чтобы удостовериться в этом, я обошел по кругу весь перекресток, пересчитывая ответвления — их оказалось пять. Но ни в одном из них не было ни малейшего проблеска света.

Я внимательно прислушался, но зеленые воины не носят обуви, и шаги их босых ног не слышны; вдруг, далеко в среднем проходе, я различил звон оружия. Я поспешил на него, временами останавливаясь в надежде, что он повторится. Но вскоре я убедился в своей ошибке. Было совершенно тихо.

Я опять кинулся назад, к месту расхождения дорог, как вдруг, к моему удивлению, наткнулся на еще один перекресток, но уже из трех коридоров! Как я не заметил его прежде! Теперь я и вовсе не знал, по которому мне следовать. Хорошее положение, нечего сказать. Если бы я не уходил с большого перекрестка, то мог бы дожидаться возвращения воинов с Тарсом Таркасом. Я был уверен, что уорхунцы сохранят ему жизнь, чтобы потом насладиться его схватками во время больших игр. Но если я не найду дороги к этому месту, мне предстоит день за днем блуждать в этом ужасном подземелье, пока, измученный голодом и жаждой, я не свалюсь, чтобы умереть или... Я внезапно вздрогнул. Что это такое?

Позади меня послышался тихий шелест, и когда я оглянулся, кровь застыла у меня в жилах. Это был не столько страх настоящей опасности, сколько ужас всплывшего в этот миг воспоминания о том, как я когда-то чуть не сошел с ума в подземной темнице, когда горящие глаза выплыли из темноты и вырвали из моих рук тело убитого мною стражника.

И теперь, в этом черном мраке подвала я вновь увидел те же горящие глаза, которые медленно приближались ко мне. Казалось, они плыли по воздуху. Я не мог даже представить, как они выглядят, эти безмолвные существа. И только глаза, наводящие смертельный ужас и страх, пронизывают вас сквозь темную пустоту.

Крепко сжав в руках мой длинный меч, я начал медленно отступать вдоль коридора, но, по мере того, как я отступал, глаза приближались. При этом не было слышно ни одного звука, даже дыхания, только время от времени повторялся тот шелест, который привлек мое внимание. Я шел все дальше, но не мог уйти от моего мрачного преследователя. Вдруг шелест раздался справа от меня, и, обернувшись, я увидел другую пару глаз, приближавшуюся ко мне со стороны другого коридора. Я продолжал свое

медленное отступление, но скоро услышал шелестящие звуки уже позади себя.

Они окружили меня в точке пересечения двух коридоров, отрезав путь к отступлению со всех сторон. Можно было решиться и напасть на одного из этих зверей, но я не сомневался, что тогда остальные немедленно накинутся на меня сзади. Я мог только догадываться о размерах моих противников, поскольку их глаза были на одном уровне с моими.

Отчего темнота так усиливает сознание опасности? Днем я был готов сражаться с целой ордой, если бы это было нужно, а теперь, парализованный тьмой и неизвестностью, я пасовал перед парой горящих глаз.

Мне казалось, что прошли часы, пока таинственные обладатели магических глаз смыкали круг. Они надвигались все ближе и ближе. Я вдруг почувствовал, что сойду с ума от ужаса. Я судорожно озирался, как загнанный зверь, то в одну, то в другую сторону, чтобы помешать им наброситься на меня сзади. Не выдержав мучительного напряжения, я внезапно ринулся на одного из своих мучителей.

Я был почти у цели, когда животное поспешно отступило передо мной, но тут возня сзади заставила меня обернуться, и я увидел три пары глаз, устремившихся ко мне из глубины. С криком ярости я пошел на них, но по мере того, как я приближался, они отступали, как и их собрат. Тогда, бросив взгляд через плечо, я заметил, что обладатель первых глаз опять крадется ко мне. Вновь я бросился к нему, а он опять отступил в темноту.

Сколько времени продолжалась эта мучительная пытка, я не знаю, но с каждым разом глаза подходили все ближе и ближе. Было совершенно очевидно, что животные только выжидают момента, чтобы наброситься на меня одновременно, и я не сомневался, что они добьются успеха. Я был совершенно измучен безысходностью своего положения.

В этот момент я еще раз обернулся и заметил, что глаза, находившиеся за моей спиной, яростно блеснули и бросились ко мне. Я повернулся к ним, чтобы отразить нападение, но остальные три пары глаз тоже устремились ко мне с другой стороны. Я выбрал первого противника, решив покончить хотя бы с одним из них и обезопасить себя хотя бы с одной стороны.

В коридоре не было слышно ни звука, кроме моего собственного дыхания, но я знал, что три неведомые существа уже совсем подле меня. Я замахнулся мечом, чтобы

нанести сокрушительный удар, но вдруг почувствовал на спине тяжелое навалившееся тело. Что-то холодное, влажное и скользкое сдавило мне горло. Я пошатнулся и упал.

Глава XV

БЕГСТВО И ПОГОНЯ

Я пролежал без памяти не более пяти минут, а очнувшись, увидел свет в коридоре. Горящие глаза неведомых врагов исчезли; я ощупал себя, но не нашел никаких повреждений, за исключением легкого ушиба от удара о каменные плиты.

Живо вскочив на ноги, я сообразил, что свет, появившийся в подземелье, исходит от факела зеленых стражников, сопровождающих пленника обратно в камеру. Они еще не успели заметить меня, так как я, не мешкая, проскользнул в первый встречный проход. На этот раз я предусмотрительно не стал удаляться слишком далеко, чтобы опять не потерять из виду Тарса Таркаса и его провожатых. Отряд быстро проследовал мимо коридора, в котором я затаился, и я неслышно пошел за ними.

Двое стражников остались снаружи, пока третий, с ключами, зашел в камеру, чтобы приковать цепями тарка к стене. Пока он возился с замками, двое его товарищей направились к винтовой лестнице, ведущей из подвала в здание, и вскоре скрылись за поворотом.

Они оставили горящий факел, закрепив его в отверстии у двери, и его света было достаточно и для камеры, и коридора. Выждав немного, я неслышно подошел к камере и встал за дверью. Не в моих правилах было нападать исподтишка, но, поскольку я должен был вернуться в наш маленький лагерь на холме вместе с Тарсом Таркасом, иного выхода у меня не было.

Затаив дыхание, я ждал стражника с занесенным над головой мечом, приготовившись одним ударом покончить с ним. Не стану описывать, что последовало после того, как я услышал шаги выходящего зеленого воина, но минуту или две спустя Тарс Таркас, облачившись в одежду и доспехи уорхунца и прихватив горящий факел, направился вслед за вышедшими стражниками. В нескольких шагах от него, прижимаясь к стене, следовал Джон Картер, принц Гелиума.

Оба товарища человека, лежавшего теперь у дверей камеры Тарса Таркаса с проломленным черепом, только начали подниматься по лестнице, когда тарк показался в коридоре.

— Почему так долго, Тан Гама? — крикнул один из них.

— Да вот, с замком провозился, — глухо проворчал Тарс Таркас. — А теперь оказалось, что я забыл свой короткий меч в камере. Идите, идите, я догоню вас.

— Как знаешь! — ответил тот самый воин, который говорил вначале. — Мы подождем тебя наверху.

— Хорошо, — ответил Тарс Таркас и повернул обратно. Мы дождались, пока те двое не скрылись в верхних этажах, потушили факел и подошли к винтовой лестнице.

На первом этаже коридор упирался в дверь комнаты, в которой было полно уорхунцев, так что мы не могли через него попасть во внутренний двор. Значит, оставался другой вариант: прошмыгнуть на второй этаж и по его коридору выбраться из здания.

Мы осторожно поднялись, прислушиваясь к голосам, доносившимся с верхних этажей, и успешно прошли вдоль всего коридора до балкона, выходящего во двор. Справа от нас светилось окно в комнате, под которым я подслушал разговор стражников перед уходом за пленником. Оба воина уже вернулись, и я снова услышал их голоса.

— Что могло задержать Тана Гаму? — спросил один из них.

— Не может быть, чтобы он так долго искал свой меч в камере! — сказал другой.

— Свой меч? — переспросила женщина, — что вы хотите этим сказать?

— Тан Гама забыл свой короткий меч в камере тарка, — объяснил первый воин, — и вернулся за ним, оставив нас у лестницы.

— Но у него не было с собой короткого меча, он отдал его мне в починку, потому что разбил его в сегодняшнем бою с тарком. Смотрите, вот он!

С этими словами она вытащила короткий меч из-под шелка и меха, служивших ей постелью.

Воины вскочили на ноги.

— Что-то неладное, — промолвил один из них.

— Я как-будто предчувствовал это, когда Тан Гама оставил нас у лестницы, — сказал другой. — Мне показалось, что и голос его звучал как-то странно.

— Идем, идем скорее в подземелье!

Мы не стали слушать дальше. Я быстро связал ремни, помог Тарсу Таркасу спуститься по ним во двор и последовал за ним.

Мы едва ли успели перекинуться дюжиной слов друг с другом с тех пор, как я уложил Тана Гаму у дверей камеры и при дрожащем свете факела увидел на лице великого тарка выражение самого крайнего удивления.

— За время нашей дружбы я научился не удивляться ничему, Джон Картер!

Это было все, что он сказал мне тогда. Ему и не нужно было говорить, что он ценит мою дружбу, во имя которой я вновь рисковал жизнью для его спасения. Этот свирепый зеленый воин был первым марсианином, встретившим меня двадцать лет назад, когда я впервые попал на Марс. Не задумываясь, жестокосердный воин направил на меня огромное копье, намереваясь нанизать на него чужеземца как букашку. А теперь среди марсиан обоих миров у меня не было более преданного и лучшего друга, чем Тарс Таркас, джеддак тарков.

Итак, укрывшись под тенью балкона, мы обсуждали дальнейший план.

— Нас теперь пятеро, Тарс Таркас! — сказал я ему. — Со мной Тувия, Ксодар и Карторис. Нам нужны пять тотов, чтобы спастись.

— Карторис! — воскликнул он. — Твой сын.

— Да! Я нашел его в шадорской тюрьме на море Омин, в стране перворожденных.

— Я не знаю мест, о которых ты говоришь, Джон Картер. Они на Барсуме?

— На Барсуме и ниже, друг мой! Но подожди! Сейчас не время. Ты еще услышишь самую невероятную историю, какую только приходилось слышать барсумцу. Мы должны поскорее увести тототы и постараться отъехать подальше к северу, прежде чем эти молодцы обнаружат, что мы провели их.

Мы благополучно миновали двор и добрались до больших ворот, через которые нам предстояло вывести тототы. Задача почти невыполнимая — захватить пять крупных свирепых животных, таких же диких, как их хозяева. Они повинуются только грубой силе.

Животные уже почуяли чужой запах и встретили нас яростным визгом и ревом. Их головы с открытыми пастьми высоко возвышались над нами на длинных массивных шеях. Они способны внушить страх, даже когда спокойны, но в возбужденном состоянии их соседство крайне опасно.

Тоты достигают десяти футов в высоту; у них блестящая, лишенная шерсти кожа, темно-серого цвета на спине и боках, а брюхо белое. Восемь ног с громадными ступнями без копыт имеют яркую желтую окраску, а длинный плоский хвост позволяет им удерживать равновесие во время бега.

Поскольку тотами можно управлять мысленно на расстоянии, то мы тотчас же выбрали двух животных, которых сумели подчинить нашему молчаливому приказу. Я взобрался на одного из огромных животных, Тарс Таркас овладел другим, и мы направились к большим воротам, удерживая между собой еще трех тотов.

Тарс Таркас, не слезая с тоты, открыл настежь ворота, и мы на бешеной скорости погнали животных к южной границе города. Фортуна не покидала нас. Мы благополучно миновали мертвый город и прибыли в лагерь, не заметив никаких признаков погони.

Хотя барсумцы весьма и весьма сдержанны, но в минуту нашей встречи выказали самую восторженную радость. Мы в нескольких словах описали события прошедшей ночи. Тарс Таркас и Карторис обменялись полным достоинства приветствием, принятым на Барсуме. Но я интуитивно почувствовал, что тарк воспринял моего мальчика с большой симпатией, а Карторис ответил ему тем же. Я представил Ксодара джедаку тарков.

Мы выбрали для Тувии самого послушного тоты и помчались по направлению к юго-востоку по дну высохшего моря навстречу новым опасностям и приключениям. Около полудня следующего дня мы остановились на отдых, так как животные и всадники были измучены бешеной скачкой. Стреножив тотов, все улеглись спать, а Тувия вызвалась стеречь нас.

Мне показалось, что я лишь закрыл глаза, как почувствовал ее руку на своем плече и услышал ее нежный голос, предостерегающий об опасности.

— Вставай, принц! — шепнула она. — Мне кажется, что за нами погоня. Похоже на то, что идет большой отряд.

Девушка стояла, указывая по направлению к городу. На фоне далекого горизонта я увидел темную линию, которая двигалась в нашу сторону. Я разбудил наших товарищей. Тарс Таркас, благодаря своему гигантскому росту, видел дальше других. Он посмотрел на горизонт и сообщил:

— Это большой отряд всадников, и они мчатся во весь опор!

Нельзя было терять ни минуты. Взобравшись на наших тотов, мы галопом помчались на север. Остаток дня и всю

следующую ночь мы неслись по диким бескрайним просторам Барсума, преследуемые уорхунцами. Они медленно настигали нас. Перед наступлением темноты враги подъехали настолько близко, что можно было различить их лица, а ночью слышалось позвякивание их оружия.

В нескольких милях перед нами уже были видны спасительные холмы, и мы смогли бы укрыться там. Но тот Тувиин сильно захромал, изнуренный длительной скачкой. Я ехал рядом с ней, когда бедное животное начало падать, и успел подхватить девушку и пересадить ее на спину своего тотта позади себя. Эта двойная ноша вскоре оказалась непосильной для моего измученного животного. Мы сбавили скорость и замедлили продвижение всей группы. Наш маленький, но сплоченный отряд состоял из представителей разных рас, обычаев и веры, но никто не оставил бы товарищей в беде.

Холмы были уже совсем близко, но уорхунцы настигали нас с такой скоростью, что мы оставили всякую надежду добраться до них. Мы с Тувиной плелись позади всех, и наш тотт шел все медленнее и медленнее. Вдруг я ощутил поцелуй горячих губ девушки на плечо.

— Ради тебя, мой принц! — прошептала она.

Затем она разомкнула руки и соскользнула с тотта, надеясь, что я успею уйти от преследователей. Бедное дитя! Ей следовало лучше знать Джона Картера!

Повернув тотта, я поспешил назад, намереваясь вновь усадить ее рядом с собой. Карторис тоже вернулся вместе со мной. Соскочив со своего тотта, он подбросил Тувию ему на спину, мысленно приказал животному следовать к холмам и нанес ему сильнейший удар рукояткой меча.

Смелый поступок моего мальчика и его рыцарское самопожертвование преисполнили меня гордостью за него. Но мы потеряли последние шансы на спасение. Враги были уже совсем близко. Тарс Таркас и Ксодар, значительно оторвавшиеся от нас, во весь опор мчались к нам на помощь. По-видимому, приближалась развязка моего второго путешествия на Барсум. Как ни тяжело мне было уйти из жизни, не увидев моей дивной принцессы, но, видно, не судьба нам вновь встретиться, и мне следовало стойко принять выпавшее на мою долю испытание. В эти последние минуты перед переходом в вечность я решил не изменять себе и подороже отдать свою жизнь.

Так как Карторис расстался со своим тоттом, я тоже спешился и встал рядом с ним, чтобы вместе встретить атаку настигшего нас отряда. Минутой позже Тарс Таркас и Ксо-

дар встали по обе стороны от нас, отпустив своих тотов.

Уорхунцы были всего в сотне ярдов от нас, как вдруг раздался страшный взрыв, за ним другой. Ряды зеленых воинов смешались, обезумевшие животные носились, не слушаясь седоков, и давили упавших. Взглянув на небо, уцелевшие уорхунцы в панике отступили и обратились в бегство, такое же стремительное, как предыдущая погоня за нами.

Мы обернулись по направлению орудийных залпов и над вершинами холмов увидели большой военный корабль, величественно приближающийся к нам. В этот момент пушка на носу корабля вновь заговорила, посылая вдогонку нашим врагам третий снаряд.

Когда корабль приблизился, я не мог удержать дикого крика восторга: на его носу развевались флаги Гелиума!

Глава XVI

ПОД АРЕСТОМ

В то время, как я, Карторис и Тарс Таркас, замирая от радости, любовались великолепным судном, из-за холмов появились второй и третий корабли, грациозно скользящие вслед за первым.

Человек двадцать воздушных разведчиков бросились с палубы первого корабля и начали быстро спускаться на мох. В следующий момент мы были окружены вооруженными солдатами, а один из них выступил вперед, чтобы обратиться к нам. Увидев Карториса, он с радостным удивлением бросился к нему и, положив руку на плечо мальчика, назвал его по имени:

— Карторис, принц мой! — воскликнул он. — Каор! Каор! Хор Вастус приветствует сына Деи Торис, принцессы Гелиума, и ее супруга Джона Картера! Где ты был, мой принц? Весь Гелиум погрузился в печаль. Ужасные бедствия постигли могущественную нацию твоего прадеда после рокового дня, когда ты покинул нас!

— Не печалься, мой добрый Хор Вастус! — ответил Карторис. — Я вернулся не один, что, надеюсь, наполнит счастьем и радостью сердце моей матери и обрадует мой возлюбленный народ. Со мной спаситель Барсума Джон Картер, принц Гелиума!

Хор Вастус обратил свой взор к нам и, узнав меня, чуть не упал от удивления.

— Джон Картер! — повторил он, и вдруг в глазах его мелькнуло выражение смущения.— Мой принц! Где был ты?..

Тут он запнулся, но я понял, какой вопрос застыл у него на устах. Благородный человек не посмел вырвать у меня признания ужасной правды, что я вернулся с берегов моря Корус, из таинственной долины Дор.

— Ах, принц мой! — продолжал он, как будто ни одна мысль не омрачила нашей встречи.— Достаточно того, что ты здесь! Окажи высокую честь Хору Вастусу, позволив ему первому упасть к твоим ногам!

С этими словами благородный воин вытащил меч из ножен и бросил его на землю передо мной.

Если бы вы знали характер и обычаи красных марсиан, вы могли бы оценить все значение этого поступка для меня и для всех окружающих. Это было равносильно словам: «Мой меч, мое тело, моя душа — твои, и ты можешь делать с ними, что тебе угодно. До самой моей смерти и после нее ты один будешь моим господином. Прав ты или не прав — твое слово будет моей правдой. Мой меч ответит тому, кто поднимет на тебя руку».

Это была клятва верности, которую мужчины дают своему джеддаку, если высокая душа и рыцарские поступки его внушили подданным восторженную любовь. Я никогда не слышал, чтобы подобная честь была оказана обыкновенному смертному. На это был возможен лишь один ответ. Я нагнулся, поднял меч с земли, поднес острие к своим губам и, подойдя к Хору Вастусу, собственноручно вернул ему оружие.

— Хор Вастус! — молвил я, положив руку ему на плечо.— Я не имею ни малейшего сомнения в том, что мне понадобится твой меч, но прими честное слово Джона Картера, что я никогда не потребую, чтобы ты поднял его иначе, как в защиту правды и справедливости.

— Я всегда знал это, мой принц! — ответил он, — и помнил это прежде, чем бросил к твоим ногам мой верный клинок.

Пока мы объяснялись с первыми воинами, высадившимися с корабля, подошли другие воздушные суда всех размеров. К нам была спущена большая лодка, которая могла свободно забрать двенадцать человек. Из нее выпрыгнул офицер и, подойдя, отдал честь Хору Вастусу.

— Кантос Кан желает, чтобы спасенный отряд был немедленно поднят на палубу «Ксавариана».

Когда мы уже подходили к лодке, я оглядел свой ма-

ленький отряд и не нашел среди нас Тувиин. В стремительных событиях никто и не вспомнил о ней и не видел с тех пор, как Карторис, желая спасти ее, направил бешеным галопом тота к холмам. Хор Вастус тут же организовал поиски, направив дюжину воздушных разведчиков по всем направлениям. Да она и не могла далеко отъехать за это время. Остальные вступили на палубу посланного за нами судна, и вскоре мы были на борту «Ксавариана».

Первый, кто приветствовал меня на нем, был Кантос Кан. Мой друг занимал теперь высшую должность во флоте Гелиума, но для меня он оставался все тем же храбрым товарищем, который делил со мной лишения в подвале оурхунцев, зверские ужасы великих игр и опасности при поиске Деи Торис во враждебном городе Зоданг.

А я тогда был еще никому неизвестным странником на чужой планете, он же — простым офицером в гелиумском флоте. Теперь он командовал всем воздушным флотом страны, а я стал принцем из дома Тардоса Морса, джеддака Гелиума.

Он не спросил меня о том, где я был все это время. Подобно Хору Вастусу, он боялся правды и не хотел вызывать меня на объяснения. Он знал, что рано или поздно я сам все расскажу ему, а до тех пор ему было достаточно, что мы вновь вместе. Карториса и Тарса Таркаса он также радостно поприветствовал, но не спросил и их, где они были. Он прямо не мог наглядеться на моего мальчика.

— Ты не знаешь, Джон Картер, — воскликнул он, — как все мы в Гелиуме любим твоего сына! На нем как будто сконцентрировалась вся любовь, которую мы питали к его благородному отцу и его бедной матери. Когда стало известно, что он погиб, весь народ оплакивал его.

— Что ты хочешь этим сказать, Кантос Кан? — прошептал я. — Отчего ты говоришь «бедная мать». — Эти слова показались мне полными какого-то страшного значения.

Он отвел меня в сторону и сообщил следующее:

— В течение целого года с того дня, как Карторис исчез, Дея Торис оплакивает своего мальчика. Удар, поразивший ее много лет назад, был несколько смягчен новыми материнскими обязанностями, так как твой сын родился в ту роковую ночь.

— Она ужасно страдала. Весь Гелиум знал это и весь Гелиум оплакивал вместе с ней смерть ее супруга. Но после того, как пропал ее сын, для нее ничего не осталось. Экспедиция за экспедицией возвращались, не найдя никаких следов Карториса, и наша любимая принцесса горевала

ла все сильнее и сильнее. Всякому, кто видел ее, становилось ясно, что и она скоро последует за своим любимым в долину Дор.

— Наконец ее отец Морис Каяк и дед Тардос Морс решили сами отправиться на поиски. Они снарядили две большие экспедиции, лично возглавив их. Это было с месяц тому назад. Они отправились в путь, тщательно исследуя северное полушарие Барсума. Две недели от них не было никаких известий, затем пронесся слух, что их постигло какое-то ужасное несчастье и что они все погибли.

— К этому времени Зат Аррас вновь попытался уговорить ее выйти за него замуж. С тех пор как ты исчез, он преследует ее повсюду. Она ненавидит и боится его, но в отсутствии отца и деда Зат Аррас стал еще могущественнее, так как является джедом Зоданга, после того как ты отказался от этого предложения Тардоса Морса.

— Шесть дней назад он имел у нее секретную аудиенцию. Что произошло между ними — никому неизвестно, но на следующий день Дея Торис исчезла, а с ней и ее двенадцать телохранителей, включая Солу. Они не уведомили никого о своих намерениях, но так всегда бывает с теми, кто уходит в добровольное странствие, из которого не возвращаются. Только этим все можно объяснить. Дея Торис отправилась искать мужа и сына в долине Дор, а ее преданные стражи вызвались сопровождать ее.

— Зат Аррас был в Гелиуме, когда исчезла принцесса. И сейчас он руководит поисками беглянки. Однако я боюсь, что все попытки напрасны.

Пока мы разговаривали, вернулись летчики, посланные на розыски Тувии, но ни одному не удалось обнаружить ее следов. Я был совершенно подавлен известием об исчезновении Деи Торис, а теперь и эти дурные вести камнем легли на сердце. На мне лежала ответственность за жизнь этой девушки, которую я считал дочерью какого-то знатного барсумского дома и намеревался приложить все усилия, чтобы найти ее.

Я только хотел попросить Кантоса Кана не прекращать поисков Тувии, как на «Ксавариан» прибыла лодка с флагманского корабля с офицером, имевшим поручение от Зата Арраса. Мой друг прочел письмо и обернулся ко мне:

— Зат Аррас приказал мне доставить к нему наших «пленных». Ничего не поделаешь — он сейчас высшее лицо в Гелиуме. Однако было бы благороднее и тактичнее, если бы он прибыл сюда и приветствовал спасителя Барсума со всеми подобающими почестями!

— Ты отлично знаешь, друг мой,— сказал я с усмешкой,— что Зат Аррас имеет достаточно причин ненавидеть меня. Ничто не доставит ему большего удовольствия, как мое унижение, а еще лучше, смерть. Теперь у него появился удачный предлог. Пойдем и посмотрим, хватит ли у него смелости воспользоваться случаем!

Кантос Кан и я со своими друзьями последовали за офицером Зата Арраса в небольшую лодку и отправились на флагманский корабль. Он встретил нас довольно холодно и высокомерно, не удостоив приветствия даже Карториса. На меня же он посмотрел, как будто видит впервые.

— Каор, Зат Аррас! — произнес я дружелюбно, но он не счел нужным ответить мне.

— Почему у этих пленников оружие? — обратился он строго к Кантосу Кану.

— Они не пленники, Зат Аррас! — ответил мой друг.— Двое из них принадлежат к благороднейшей фамилии Гелиума, Тарс Таркас, джеддак тарков — надежный друг и союзник Тардоса Морса, черный человек — друг и товарищ принца Гелиума, для меня этого достаточно.

— Однако этого недостаточно для меня! — возразил Зат Аррас.— Мне недостаточно знать имена тех, кто ушел в последнее странствие. Откуда пришел ты, Джон Картер?

— Я только что вернулся из долины Дор и страны перворожденных, Зат Аррас! — спокойно ответил я.

— А! — воскликнул он с явным удовольствием.— Так, значит, ты этого не отрицаешь? Ты вернулся из владений Иссы?

— Я вернулся из страны ложных надежд и долины мучений и смерти; я вырвался вместе с моими товарищами из тисков палачей. Я вернулся на Барсум, спасенный мною от неминуемой смерти, чтобы на этот раз спасти его от мучительной и страшной смерти.

— Замолчи, богохульник! — вскричал Зат Аррас.— Не надейся спасти свое трусливое тело, измышляя невероятную ложь...

Но он не успел закончить фразу. Джона Картера нельзя безнаказанно назвать лжецом и трусом, и Зат Аррас должен был узнать это. Никто не успел ничего понять, как я уже был подле него и схватил его за горло.

— С неба ли я или из ада возвращаюсь, Зат Аррас, я тот же Джон Картер, каким был всегда. Еще ни один человек, оскорбивший меня, не оставался жить, не извинившись передо мной!

С этими словами я начал сгибать его назад между своими

коленями, все крепче сжимая горло.

— Хватайте его! — прохрипел Зат Аррас.

Подскочили офицеры, чтобы помочь ему. Близко пододвигая ко мне, Кантос Кан тихо шепнул мне на ухо:

— Остановись, прошу тебя! Это только втянет нас всех в драку. Если эти люди поднимут оружие против тебя, я не вынесу этого и брошусь на них. Мои офицеры и солдаты присоединятся ко мне, и у нас будет бунт, который приведет к беспорядкам. Ради Тардоса Морса и Гелиума прошу тебя, остановись!

Я внял просьбе друга, выпустил из рук Зата Арраса и, повернувшись к нему спиной, направился к лодке, доставившей нас сюда.

— Идем, Кантос Кан! — сказал я. — Принц Гелиума желает вернуться на «Ксавариан».

Никто не посмел вмешаться и остановить меня. Зат Аррас, дрожащий и бледный, стоял в окружении своих офицеров. Некоторые из них, не скрывая презрения, подошли ко мне. Один из офицеров, долгое время служивший у Тардоса Морса, тихо сказал мне, когда я проходил мимо него:

— Ты можешь рассчитывать на меня, Джон Картер!

В полном молчании мы перебрались в лодку и отправились на наш корабль. Минут через пятнадцать с флагманского корабля был отдан приказ следовать в Гелиум.

Наше путешествие прошло без всяких приключений и событий. Я и Карторис были погружены в самые мрачные мысли. Кантос Кан был подавлен, предвидя дальнейшие бедствия, которые обрушатся на Гелиум, если Зат Аррас последует древнему обычаю и приговорит беглецов из долины Дор к смерти. Только Ксодар был беззаботен и не терял присутствия духа. Беглец и нарушитель законов своей страны, он вполне справедливо считал, что в Гелиуме ему будет ничуть не хуже, чем дома.

— Будем надеяться, — говорил он, — что мы сумеем омыть свои мечи в благородной красной крови.

Пока мы добирались до города, мне показалось, что офицеры «Ксавариана» разделились надвое. Одни из них явно старались выказать нам с Карторисом поддержку, другие же держались с нами холодно и без обычной симпатии, хотя соблюдали положенный этикет. Их, очевидно, сдерживала слепая вера в учение о долине Дор, веками владевшая их умами, и я не осуждал их.

В их понимании, своим возвращением из долины Дор мы совершили святотатство. Рассказывая о своих приключениях там и приводя факты такими, какими они были в действи-

тельности, мы, безусловно, оскорбляли их религиозные убеждения. Мы казались им богохульниками, лживыми и опасными еретиками. Мне кажется, что даже те, кто из личной любви и преданности нам, остались верны мне и Карторису, в глубине души сомневались в достоверности наших рассказов. Очень трудно отказаться от старой веры даже тогда, когда взамен ее предлагают нечто новое, но нельзя требовать от людей, чтобы они отбросили старые убеждения, ничего не давая им взамен.

Кантос Кан и слышать не хотел о наших злоключениях в стране перворожденных.

— Достаточно того, — сказал он, — что я рискую жизнью и душой, оказывая вам поддержку. Не требуй от меня, чтобы я взял еще больший грех на душу, выслушивая то, что является величайшей ересью.

Я знал, что скоро наступит время, когда мы ясно поймем, кто друзья, а кто враги. Если по прибытии в Гелиум мы не застанем там Тардоса Морса, то окажемся во власти враждебного Зата Арраса. Ведь в отсутствие джедака он возглавлял правительство Гелиума. Выступление против него было равнозначно государственной измене. Большая часть войск несомненно последует за своими офицерами, а я был уверен, что многие знатные и могущественные воины Гелиума и Зоданга, а также весь воздушный флот присоединятся к Джону Картеру.

С другой стороны, большая часть черни станет требовать, чтобы мы были наказаны за святотатство. Тяжелые мысли о моей любимой Дее Торис, признаюсь, заслоняли мрачную перспективу будущего Гелиума и нас самих. Я даже не придал им тогда особого значения.

Передо мной днем и ночью неотступно стояло кошмарное видение: я представлял одну за другой картины мучений и ужасов, через которые должна была пройти моя бедная принцесса, вспоминал ужасных белых обезьян. Ужас охватывал меня, и кровь стыла в жилах, а я не в силах был отогнать навязчивый кошмар.

Был полдень, когда мы пролетели над красной башней большого Гелиума, отличающей его от города-близнеца. Мы описывали большие круги, опускаясь по направлению к докам, а внизу на улицах уже собрались громадные толпы народа. Гелиум был извещен о нашем прибытии радиогаммой.

Карторис, Тарс Таркас, Ксодар и я были переведены с «Ксавариана» в меньшее судно. Нас собирались переправить в храм «Возмездия». В этом храме вершилось правосудие и

награждали героев. Мы опустились на крышу храма, откуда нас провели прямо в предназначенное для нас помещение. Нас постарались изолировать от народа.

Зат Аррас не смел провести меня и Карториса от главных ворот к храму «Возмездия», как это было принято. Он боялся, что любовь народа ко мне и сыну победит ужас перед преступлением, в котором нас обвиняли. Я мог лишь отчасти догадываться о его планах, поскольку нас сопровождали самые близкие его приверженцы.

Из окон комнат в южной стороне храма, где нас поместили, была видна главная дорога до самых городских ворот. На площади возле него и на прилегающих улицах собралась многочисленная толпа. Люди стояли угрюмо и молча, не было слышно ни насмешек, ни аплодисментов, а когда нас увидели в окнах, многие, закрыв лица руками, зарыдали.

После полудня нас посетил посланец Зата Арраса, который сообщил, что нас будет судить собрание старейшин в большом зале храма утром следующего дня.

Глава XVII

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

На следующий день за нами пришел усиленный конвой, который должен был сопровождать нас в большой зал храма. Встав по двое, мы направились по широкому коридору, называемому «дорога надежды», к высокой платформе в центре зала. Вокруг нас шли воины конвоя, а по сторонам сплошной стеной стояли зодангские солдаты.

Взойдя на огороженную платформу, я разглядел наших судей. Я насчитал тридцать одного судью, что соответствовало барсумскому обычаю. Участие в суде определялось жеребьевкой среди старейшин, так как подсудимые принадлежали высшему сословию. Но, к моему удивлению, я не встретил ни одного дружеского лица. Все они были зодангцами, а ведь именно я организовал разгром войск Зоданга, подняв против него орды кочевников, и способствовал подчинению враждебного города власти джеддака Гелиума. Едва ли здесь можно было рассчитывать на справедливый приговор для Джона Картера, его сына и великого тарка, джеддака диких зеленых племен, которые жгли, убивали и грабили поверженный город!

Зал был устроен в виде амфитеатра, который заполнили до отказа представители всех возрастов и сословий. Когда

мы вошли в зал, глухой гул голосов стих, и пока мы добирались до платформы, среди десяти тысяч зрителей царило гробовое молчание.

Судьи сидели вокруг платформы, нас же усадили в самом ее центре лицом к судьям и зрителям. Каждого обвиняемого по очереди вызывали к пьедесталу статуи Правды, где он должен был дать показания.

Сам Зат Аррас сидел на золотом кресле верховного судьи. Когда мы заняли свои места, а наши провожатые встали у основания лестницы, ведущей к платформе, Зат Аррас поднялся и вызвал меня.

— Джон Картер! — громко сказал он. — Займи свое место у пьедестала статуи Правды; ты будешь судим беспристрастно, согласно твоим поступкам, и услышишь здесь приговор судей!

Затем, обращаясь к зрителям то в одну, то в другую сторону, он произнес обвинительную речь:

— Известно ли вам, судьи и граждане Гелиума, — сказал он, — что Джон Картер, бывший принц Гелиума, признался в том, что вернулся из долины Дор, из самого храма Иссы? В присутствии многих свидетелей он богохульствовал, оскорблял жрецов и даже великую Иссу, лучезарную богиню вечной жизни и смерти! Теперь, вы видите его собственными глазами у пьедестала статуи Правды и можете убедиться, что он действительно вернулся к нам из этих священных пределов, нарушив древние обычаи и оскорбив святость нашей религии. Тот, кто умер, не должен снова жить! Тот, кто пытается это сделать, должен стать мертвым навек. Судьи, ваш долг ясен! Что заслужил Джон Картер за поступки, совершенные им?

— Смерти! — вскричал один из судей.

Тут один из зрителей вскочил и, высоко подняв руку, закричал:

— Правосудия! Правосудия!

Это был Кантос Кан, и когда все взоры обратились к нему, он бросился мимо солдат и вскочил на площадку.

— Что здесь за суд? — закричал он, обращаясь к Зат Аррасу. — Подсудимого даже не выслушали и не дали ему возможности защищаться. Именем народа Гелиума я требую справедливого и беспристрастного суда над гелиумским принцем.

Раздались громкие крики среди зрителей: — Правосудия! Правосудия! Правосудия!

Зат Аррас не осмелился противоречить воле народа.

— Говори же, — злобно сказал он, обращаясь ко мне, —

но не богохульствуй и не оскорбляй святынь Барсума!

— Люди Гелиума! — напрягши все силы, что есть мочи я обратился к зрителям через головы судей. — Как может Джон Картер ожидать правосудия от людей Зоданга? Он готов дать отчет, но только народу Гелиума! Он не просит ни у кого снисхождения. Он говорит сейчас не ради себя, а ради своего народа. Он говорит для того, чтобы спасти от поругания прекрасных женщин Барсума. Я собственными глазами видел, каким оскорблениям и пыткам подвергали их в месте, называемом храмом Иссы. Я говорю, чтобы спасти их от мучительных объятий растительных людей, от когтей огромных белых обезьян долины Дор, от жестокого сладострастия святых жрецов, от всего того, для чего холодная злобная Исса отлучает людей от семей, от любви, от жизни и счастья!

— Здесь нет ни одного человека, который бы не знал Джона Картера: как пришел он к вам из другого мира, из плена зеленых людей, пройдя через пытки и испытания, поднялся до высокого титула принца Гелиума! Ни один из вас никогда не слышал, чтобы Джон Картер лгал в свое оправдание, чтобы он сказал что-нибудь во вред народу Барсума или с легкостью отказался от чуждой ему религии, которую он уважал, не понимая ее.

— В этом зале и на всем Барсуме нет ни одного человека, который не был бы обязан мне своей жизнью в тот страшный день, когда я пожертвовал собой и счастьем принцессы, чтобы спасти вас всех. Граждане Гелиума, я думаю, что имею право требовать, чтобы вы поверили мне и позволили служить вам, спасая вас от ужасов Иссы и долины, как когда-то я спас вас от смерти.

— Я обращаюсь к вам, к народу Гелиума. Я хочу рассказать вам всю правду, и тогда пусть судьи вынесут мне приговор; Зат Аррас отобрал у меня мой меч, так что я не опасен им. Согласны ли вы слушать меня?

— Говори, Джон Картер! — вскричал один из зрителей, принадлежавший к высшей знати.

Толпа поддержала его, и здание сотряслось от гула множества голосов. Зат Аррас почувствовал, что ему лучше не вмешиваться и не раздражать толпу. Я говорил с народом в течение двух часов. Дождавшись конца моего рассказа, Зат Аррас немедленно встал и, повернувшись к судьям, сказал тихим голосом:

— Благородные судьи! Вы выслушали Джона Картера; ему была дана полная возможность доказать свою невинность, если бы он был не виновен. Вместо этого он

продолжал богохульствовать! Каков ваш приговор, старейшины?

— Смерть богохульнику! — вскричал один из судей, вскочив на ноги, и в следующий момент все судьи встали с поднятыми мечами в знак единогласного приговора.

Если народ не расслышал обвинения Зата Арраса, то, конечно, все услышали приговор трибунала. По всему амфитеатру пронесся громкий ропот, и Кантос Кан, не покидавший площадки с того момента, как встал рядом со мной, поднял руку, чтобы восстановить тишину. Когда все затихло, он начал ровным и спокойным голосом:

— Вы слышали приговор, который люди Зоданга вынесли благороднейшему герою Гелиума? Долг граждан Гелиума решить: принять его или отвергнуть. Пусть каждый из вас поступит согласно голосу своего сердца. Но вот ответ Кантоса Кана, вождя гелиумского флота, Зату Аррасу и его судьям!

С этими словами он вынул меч из ножен и бросил к моим ногам.

Через минуту солдаты и граждане, офицеры и знать столпились позади зодангской стражи, пытаясь пробиться к нам. Сотни людей высыпали на площадку, сотни мечей зазвенели, падая к моим ногам. Зат Аррас и его офицеры пришли в бешенство, но были бессильны. Один за другим подносил я мечи к своим губам и отдавал их владельцам.

— Идемте! — сказал Кантос Кан, — мы проведем Джона Картера в его собственный дворец!

Люди, поверившие мне, собрались вокруг нас, и мы направились к коридору, ведущему из храма.

— Стойте! — вскричал Зат Аррас. — Солдаты, ни один пленный не должен покинуть храма!

Солдаты Зоданга были единственным организованным отрядом гелиумского войска, допущенным в храм, так что Зат Аррас был уверен, что его приказ выполнят; но я не думаю, что он предвидел бурю, которая поднялась в ту минуту, когда солдаты двинулись к трону.

По всему амфитеатру засверкали мечи. Граждане бросились к солдатам. Кто-то крикнул: «Тардос Морс умер — да здравствует Джон Картер, джеддак Гелиума!»

Когда я услышал это, то понял, что только чудо могло предотвратить бунт и неминуемую затем гражданскую войну. Вскочив на пьедестал статуи Правды, я закричал:

— Стойте! Пусть никто не двигается с места, пока я не кончу говорить! Достаточно одного удара меча сегодня, чтобы толкнуть Гелиум в кровавую войну, результатов кото-

рой никто не может предвидеть. Брат пойдет на брата, и отец — на сына. Нет человека, жизнь которого стоила бы стольких жертв! Лучше мне подчиниться несправедливому приговору Зата Арраса, чем быть причиной кровавой распри в Гелиуме. Пусть каждая из сторон уступит другой в некоторых пунктах; пусть дело останется незавершенным до возвращения Тардоса Морса или Морса Каяка, его сына. Если ни один из них не вернется в течение года, может быть назначен повторный суд, ведь были подобные прецеденты.

И затем, повернувшись к Зату Аррасу, я тихо сказал:

— Если ты не совсем потерял разум, воспользуйся возможностью, которую я даю тебе. Стоит мне сказать слово — и твои солдаты будут сметены народом. Никто на Барсуме, даже сам Тардос Морс, не сможет предотвратить последствий этой резни. Каково твоё решение? Говори же скорее!

Зат Аррас, повинувшись ситуации, обратился к народу:

— Остановитесь, люди Гелиума! — закричал он дрожащим от бешенства голосом. — Приговор суда уже произнесен, но день возмездия не назначен. Я, Зат Аррас, джед Зоданга, принимая во внимание родственные связи пленника и его бывшие заслуги, даю отсрочку на год, или до возвращения Тардоса Морса и его сына Морса Каяка в Гелиум. Можете спокойно разойтись по домам. Идите!

Никто не двинулся. Народ стоял в напряженном молчании, устремив в мою сторону вопрошающие взоры, как бы ожидая моего последнего приказа.

— Очистить храм! — тихо приказал Зат Аррас одному из офицеров.

Предвидя результат его приказа, я поспешил уговорить людей разойтись. Все повернулись и пошли к выходу, угрожая поглядывая на солдат Зата Арраса, которые кипели в бессильной ярости.

Кантос Кан и другие, присягнувшие мне на мечах, не сдвинулись с места, окружив плотным кольцом меня и моих товарищей.

— Идем! — сказал мне Кантос Кан. — Мы проводим вас в твой дворец, мой принц!

Презрительно взглянув на Зата Арраса с высокомерной улыбкой на губах, он повернулся и прошел по ступенькам площадки, ведущим к коридору. Окруженные сотней преданных нам гелиумцев, мы последовали за ним. Никто не посмел преградить нам дорогу, а я почувствовал за спиной взгляды, полные ненависти и злобы.

Уже почти все вышли на улицу, но продолжали стоять

у храма. Народ почтительно расступился, и пока мы шествовали через город к моему дворцу, находившемуся на окраине, множество мечей было брошено к моим ногам. Когда я вошел во дворец, мои старые преданные слуги упали на колени, приветствуя мое возвращение. Им было все равно откуда я вернулся! Достаточно того, что я вновь оказался дома.

— О, господин! — воскликнул один из них. — Если бы только наша божественная принцесса была здесь, что это был бы за день!

Слезы выступили у меня на глазах, я отвернулся, чтобы скрыть свое волнение. Карторис рыдал навзрыд, когда слуги, обступив его, сочувствовали нашей общей утрате.

Тарк Таркас лишь теперь узнал, что его дочь Сола тоже ушла с Деей Торис в последнее странствие. Я не решился раньше сообщить ему об этом. Стойко, как истинный зеленый марсианин, воспринял он скорбную весть, не выказав своей душевной боли, но я знал, как велико его горе. В полную противоположность его соплеменникам, у него были сильно развиты лучшие человеческие чувства — любовь, доброта и дружба.

Грустное общество село в тот день за праздничный стол в большом обеденном зале принца Гелиума. Нас было более ста человек, не считая членов моего небольшого двора, так как мы с Деей Торис держали штат, соответствовавший нашему положению.

Наша семья состояла из трех человек; поэтому и стол, по обычаю марсиан, был треугольный. Карторис и я сидели каждый в центре одной из сторон стола, в центре третьей стояло резное кресло с высокой спинкой. Оно осталось пустым, а его сиденье задрапировали пышным свадебным убором и драгоценностями. Как всегда, за ним стоял раб, словно ожидая появления госпожи. Так было принято на Барсуме, и я еле вынес эту пытку, хотя сердце мое разрывалось на части при виде пустого стула, на котором должна была сидеть моя оживленная, смеющаяся принцесса, наполняя зал звонким смехом.

Справа от меня сидел Кантос Кан. По правую руку отсутствовавшей сегодня хозяйки всегда сидел Тарс Таркас, для которого было специально изготовлено массивное кресло. Это место считалось самым почетным, и оно всегда сохранялось для великого тарка, который часто бывал в Гелиуме.

Хор Вастус занимал место около Карториса. За столом не было оживленных разговоров в тот день, все сидели при-

тихшие и печальные. Так велика была для всех потеря Деи Торис! К ней присоединился страх за жизнь Тардоса Морса и Морса Каяка и озабоченность за дальнейшую судьбу Гелиума, лишенного своего великого джеддака.

Вдруг за окнами послышался нарастающий шум людских голосов. Казалось, большая толпа подошла ко дворцу. В зал вбежали один за другим два невольника, которые принесли добрую весть.

— Дея Торис найдена! — кричал он. — Прибыл посланец Деи Торис!

Я не стал слушать дальше. Большие окна зала выходили на дорогу, ведущую к главным воротам. Меня отделял от них стол, который я преодолел одним прыжком и выскочил на балкон. Под ним на лужайке толпился народ, а в центре внимания был всадник, сидевший на тоте.

Я спрыгнул вниз и побежал навстречу. Подойдя ближе, я разглядел Солу.

— Где принцесса Гелиума? — вскричал я.

Зеленая девушка соскользнула с могучего тота и побежала ко мне со слезами на глазах.

— О, мой принц, мой принц! — воскликнула она. — Принцесса ушла навсегда! Быть может, она сейчас в плену на меньшей луне. Ее похитили черные пираты Барсума!

Глава XVIII

РАССКАЗ СОЛЫ

Я привел Солу в зал, где торжественно поздравившись со своим отцом и всеми присутствующими по установленному на Барсуме ритуалу, она поведала нам о странствиях Деи Торис.

— Семь дней тому назад, после свидания с Затом Аррасом, Дея Торис попыталась незаметно исчезнуть ночью из дворца. Я не знала, что наговорил ей джед Зоданга, но увидела, что это причинило ей страшную душевную боль. Я сразу поняла, что она решила предпринять. Я спешно созвала дюжину самых верных ее телохранителей, объяснила им ситуацию, и мы твердо решили последовать за нашей возлюбленной принцессой, даже если она отправится к священной Иссе в долину Дор. Мы нагнали ее недалеко от дворца. Ее сопровождал только верный Вула. Сначала она рассердилась и приказала нам вернуться, но мы отказались, и когда она поняла, что мы все равно не отпустим ее одну в

последнее странствие, расплакалась, обняла нас всех, и мы отправились дальше под покровом ночи.

— На следующий день нам повстречалось стадо тототов, которых мы отловили и использовали в дальнейшем пути. Мы довольно быстро продвигались на юг, когда на утро пятого дня увидели большую флотилию военных судов, направляющую на север. Нас заметили, и через несколько минут мы были окружены ордой чернокожих. Телохранили до конца исполнили свой долг, но силы были неравны. Их перебили всех до единого, и мы с Деей Торис остались одни.

— Дея Торис попыталась лишиться себя жизни, но один из врагов успел вырвать у нее кинжал. После этого они крепко связали нас. Подобрав нас, чернокожие продолжили путь на север. Флотилия состояла из двадцати крупных военных судов и значительного числа небольших быстроходных крейсеров. В тот вечер один из малых крейсеров, шедший далеко впереди всех, вернулся с пленницей — молодой красивой женщиной, которую, по их словам, они подобрали под самым носом трех военных судов красных марсиан.

— Из обрывков разговоров, долетевших до нас, мы уяснили, что черные пираты преследуют отряд беглецов, ускользнувших от них несколько дней назад. Они, по-видимому, придавали большое значение захвату женщины, потому что командир флотилии долго допрашивал ее. Ее также связали и поместили в нашу каюту.

— Она рассказала нам, что много лет тому назад покинула двор своего отца, джеддака Птарты, и ушла в добровольное странствие. Ее звали Тувия, принцесса Птарты. Потом Дея Торис назвала свое имя, услышав которое, Тувия упала перед ней на колени и начала целовать ее связанные руки. Тут она рассказала, что еще утром видела Джона Картера, принца Гелиума, и его сына Карториса.

— Сначала Дея Торис не могла ей поверить, но когда девушка рассказала ей обо всех чудесных событиях, случившихся с ней со времени встречи с Джоном Картером, и передала ей рассказ Джона Картера о его приключениях в стране перворожденных, Дея Торис поняла, что это — никто иной, как принц Гелиума. «Кто же еще, — сказала она, — на всем Барсуме мог бы совершить такие подвиги, кроме Джона Картера?» А когда Тувия рассказала Дее Торис о своей любви к Джону Картеру и про его верность избранной им принцессе, Дея Торис не выдержала и разрыдалась, проклиная Зата Арраса и жестокую судьбу, вы-

равшую ее из Гелиума всего за несколько дней до возвращения ее возлюбленного супруга и сына. «Я не осуждаю тебя за то, что ты любишь его, Тувия! — сказала она. — Я верю, что твое чувство к нему искренно и чисто, поскольку ты так откровенно призналась в нем».

— Флотилия продолжала идти на север, дойдя почти до самого Гелиума. Прошлой ночью, поняв, что Джон Картер от них ускользнул, они опять взяли курс на юг. Вскоре после этого в нашу каюту вошел офицер и потащил меня на палубу.

— В стране перворожденных нет места для зеленой женщины! — сказал он и сильным ударом сшиб меня с палубы. Вероятно, он не решился убить меня сам, выбрав более подходящий способ избавиться от меня.

— Но судьба смилостивилась ко мне, я отделалась всего легкими ушибами. Когда я падала, сердце мое сжалось от ужаса при мысли, что я разобьюсь, так как судно шло на высоте в тысячу футов. Но к моему крайнему удивлению, я упала на мягкий мох, пролетев не более двадцати футов! Всю ночь пролежала я неподвижно. Утром я увидела объяснение этой счастливой случайности. Оказалось, что я упала на самую высокую вершину холмов, окружавших высохшее морское дно. В нескольких милях от меня поблескивал большой канал. Добравшись до него, я встретила красных марсиан, которые сообщили мне, что он принадлежит Гелиуму, дали мне тот, и вот я здесь.

* * *

В течение нескольких минут никто не сказал ни слова. Дея Торис — во власти перворожденных! Я содрогнулся при одной мысли об этом. Но во мне вновь вспыхнул огонь непобедимой веры в себя, я взял себя в руки и дал обет найти мою принцессу, спасти и отомстить за нее. Мои гости тотчас же присоединились ко мне и поклялись отдать свои жизни за освобождение принцессы.

Я поблагодарил верных друзей за поддержку и, оставив Карториса с гостями, удалился в кабинет с Кантосом Каном, Тарсом Таркасом, Ксодаром и Хором Вастусом для обсуждения плана поисков.

Мы долго обсуждали подробности экспедиции. Ксодар был готов поклясться, что Исса изберет обеих — Дею Торис и Тувию — чтобы они служили ей в течение года.

— На этот период времени они, по крайней мере, в сравнительной безопасности, — сказал он, — и мы знаем, где их искать.

Снаряжение флота для передвижения по подземному морю было поручено Кантосу Кану и Ксодару. Необходимо было выбрать суда для их переоборудования. Наш черный друг уже много лет занимался переделкой судов из флота красных марсиан для плавания в водах Омина, и ему была хорошо знакома конструкция необходимых приспособлений, непроницаемых переборок и двигателей.

Мы подсчитали, что потребуется не менее полугода, чтобы закончить наши приготовления, учитывая, что работы придется вести в строжайшем секрете от Зата Арраса. Кантос Кан был уверен, что честолюбивый джед Зоданга метит в джеддаки Гелиума.

— Я сомневаюсь даже, — добавил Кантос Кан, — будет ли он рад возвращению Деи Торис. Это приблизит к трону другого. Когда ты и Карторис сойдете с его пути, ничто не помешает ему добиться титула джеддака, и я уверен, что когда Зат Аррас захватит власть, он постарается уничтожить нас всех!

— Я знаю слово, — промолвил Хор Вастус, — которое преградило бы ему путь раз и навсегда!

— Какое же? — спросил я.

Он улыбнулся. — Я только шепну его здесь, но наступит день, когда я буду стоять под куполом храма «Возмездие» и кричать его громко на радость толпы, стоящей внизу.

— Какое же это слово? — спросил Кантос Кан.

— Джон Картер — джеддак Гелиума, — произнес Хор Вастус медленно и тихо.

Мои верные друзья встретили это с радостью и обратили ко мне свои взоры, но я покачал головой.

— Нет, друзья мои! — сказал я. — Я благодарю вас, но этого не следует делать. По крайней мере, сейчас, пока мы доподлинно не узнаем, что Тардос Морс и Морс Каяк ушли навеки. Если я буду здесь, то и сам приму участие в выборах нового джеддака, свободных выборах народа Гелиума. Тот, кого он изберет, сможет рассчитывать на мою преданность и поддержку, но я не буду искать этой чести для себя. Но пока Тардос Морс — по-прежнему джеддак Гелиума, а Зат Аррас — второе лицо в государстве.

— Как тебе угодно, Джон Картер! — сказал Хор Вастус. — Но... что это такое? — прошептал он, указывая на окно, выходящее в сад.

Он тут же выскочил на балкон.

— Вот он! — возбужденно закричал Хор Вастус. — Стража! Там внизу! Стража!

Мы последовали за ним и успели заметить человека,

стремительно пробежавшего небольшой газон и скрывшегося в ближайших кустах.

— Он был на балконе, я заметил его! — закричал Хор Вастус.— Скорее! Догоним его!

Мы выбежали в сад и тщательно обыскали каждый куст, но не нашли никаких следов беглеца.

— Что ты скажешь об этом, Кантос Кан? — спросил Тарс Таркас.

— Это шпион, подосланный Затом Аррасом. Он всегда прибегает к их помощи!

— Он передаст много интересного своему господину,— прибавил, смеясь, Хор Вастус.

— Надеюсь, что он слышал только вторую половину нашего разговора,— сказал я, встревожась не на шутку.— Если он подслушал наши планы спасения Деи Торис, это приведет к гражданской войне. Зат Аррас постарается помешать нам, а я не потерплю этого! Я не посчитался бы даже с Тардосом Морсом, если бы он препятствовал мне, или даже если это приведет Гелиум к кровавой распре, я не оставляю своего намерения спасти принцессу. Ничто не остановит меня, только смерть, а если я умру, то поклянитесь мне, друзья, продолжить поиски и вернуть Дею Торис ко двору ее деда!

— Клянемся! — в один голос отозвались на мой призыв все присутствующие и подняли мечи в знак клятвы.

Затем было решено, что корабли, требующие переоборудования, будут отправлены в Хастор, гелиумский город, расположенный на юго-западе страны. Кантос Кан полагал, что в доках этого города мы сумеем подготовить по меньшей мере шесть военных судов. Как главнокомандующему флота ему не составит труда отправить суда на ремонт в этот город и держать их там подальше от глаз шпионов, пока мы готовимся к экспедиции на Омин.

Мы разошлись поздно ночью, но план был разработан до мельчайших подробностей и каждый имел перед собой определенную задачу. Кантосу Кану была поручена подготовка судов, а Тарс Таркас должен был вернуться к таркам и выяснить, как его народ отнесется к возвращению джеддака из долины Дор. Если зеленые марсиане все-таки поддержат его, он должен был организовать большое количество тарков для отправки прямо в долину Дор и храм Иссы, а в это время корабли попытаются проникнуть в Омин и разгромить флот перворожденных.

На Хора Вастуса была возложена трудная миссия — организовать секретный отряд летчиков из тех, кто дал клят-

ву Джону Картеру. Нам надо было подобрать команды для тысячи больших военных судов, которые переправят зеленых марсиан в долину Дор, а это — нелегкая задача.

После их ухода я пожелал спокойной ночи Карторису, чрезвычайно уставшему после всех перенесенных испытаний, и отправился в свои апартаменты в надежде, что мне удастся наконец хорошо выспаться в первый раз после моего возвращения на Барсум. Но и на этот раз я обманулся.

Не знаю, как долго я спал, но, внезапно проснувшись, увидел возле себя с полдюжины крепких воинов. Они ловко заткнули мне рот и крепко связали руки и ноги. Я не успел даже окончательно проснуться, так ловко и быстро они справились со мной. Они не сказали ни слова, подняли меня и направились к выходу. Когда они проносили меня мимо окон, сквозь которые в комнату проникали лучи дальней луны, я увидел на их лицах шелковые маски.

В коридоре они направились к секретному ходу, ведущему в подвалы дворца. Я был уверен, что никто, кроме моих домашних, не знает об этом проходе. Однако предводитель шайки ни минуты не колебался. Он подошел прямо к той части стены, где была скрыта пружина, и нажал на нее. Дверь открылась, а он встал рядом и пропустил своих сообщников со мной на руках. Затем он закрыл дверь и последовал за нами.

Мы спустились в подвал и пошли по длинному извилистому коридору, выход из которого я сам никогда не исследовал. Мы шли довольно долго, и можно было предположить, что далеко за собой оставили границы дворцовых земель. Вдруг коридор резко увел нас вверх, и мы остановились перед стеной. Предводитель три раза ударил по ней острием своего меча, и после небольшой паузы последовали еще два удара. В следующий миг стена раскрылась, и меня внесли в ярко освещенную комнату, в которой сидели трое богато одетых мужчин. Один из них обернулся ко мне с улыбкой на устах. Это был Зат Аррас!

Глава XIX

ЧЕРНОЕ ОТЧАЯНИЕ

— А-а! — протянул Зат Аррас. — Какой счастливой звезде я обязан визитом принца Гелнума?

Когда он заговорил, один из стражей вынул кляп из моего рта, но я не ответил. Я стоял, сохраняя спокойствие

и глядя прямо в глаза джеду Зоданга. И я не сомневаюсь, что он ясно прочел на моем лице презрение, которое я к нему испытывал.

Взоры присутствующих устремились сначала на меня, потом на Зата Арраса, пока наконец краска гнева не разлилась у него на лице.

— Джон Картер! — сказал он. — Согласно законам и обычаям Барсума, а также приговору беспристрастного суда — ты должен умереть. Народ не спасет тебя. Один я могу это сделать. Ты в моей власти: я могу убить тебя, могу дать свободу. Разумней всего было бы убить тебя. Но если ты будешь спокойно жить в Гелиуме в течение года, народ, наверное, не даст привести приговор в исполнение. А это не входит в мои планы. Вот что я предлагаю тебе: ты можешь свободно уйти через две минуты при одном условии. В течение года Гелиум должен избрать нового джедака. Ни Тардос Морс, ни Морс Каяк, ни Дея Торис никогда не вернутся в Гелиум. Зат Аррас будет джедаком Гелиума. Дай слово, что поможешь мне в этом. Такова цена твоей свободы. Я кончил!

Я задумался над его предложением. На свободе я мог бы продолжить поиски Деи Торис...

Я знал, что Зат Аррас задался целью уничтожить меня. Если бы я умер, он бы легко стал джедаком Гелиума. Если бы я умер, мои храбрые товарищи едва ли смогли бы выполнить наши планы. Отказывая в его требовании, я нисколько не препятствовал ему стать джедаком Гелиума и приговаривал Дею Торис к ужасной смерти в храме Иссы! Что предпринять? Я был в отчаянии — но всего одну минуту. Гордая дочь тысячи джедаков предпочла смерть унижительному союзу с Затом Аррасом; Джон Картер должен сделать для Гелиума не меньше, чем его принцесса!

Я повернулся к Зату Аррасу и решительно ответил:

— Соглашения между изменником Гелиума и принцем дома Тардоса Морса быть не может. Я не верю тебе, Зат Аррас! Я твердо убежден, что великий джедак жив!

Зат Аррас пожал плечами:

— Джон Картер! — сказал он. — Тебя скоро перестанут интересовать твои собственные мнения, поэтому хорошенько подумай сейчас. Ты еще вспомнишь о великодушном предложении, которое я тебе сделал. Сегодня ночью ты отправишься в тюрьму. Если ты не согласишься на мое требование, то никогда не выйдешь из нее. Ты даже не узнаешь, в какую минуту рука с кинжалом лишит тебя последнего шанса вновь ощутить тепло и радость внешнего мира.

Кончив говорить, Зат Аррас хлопнул в ладоши. Появилась стража, которой было приказано увести меня.

— В подвал! — сказал он.

Четыре воина вывели меня из комнаты и отправились со мной по бесконечным подземным коридорам. Наконец мы добрались до большого помещения, в котором стены были увешаны цепями с металлическими кольцами. Везде были разбросаны человеческие кости и черепа, вероятно, предыдущих постояльцев. Они обвинили железным кольцом мою ногу и скрепили его массивным замком. Уходя, они унесли с собой фонарь, и я оказался в полной темноте.

Несколько минут до меня доносился еще звон их оружия, но все слабей и слабей. Вскоре наступила полная тишина. Я остался один со своими печальными мыслями.

Не знаю, долго ли я простоял, прислушиваясь во мраке, но не услышал не единого шороха. Опустившись на твердый пол моей темницы, я уснул, прислонившись головой к каменной стене.

Прошло, наверное, несколько часов, когда я проснулся от яркого света. Передо мной стоял молодой человек. В одной руке его был фонарь, в другой — миска с кашей.

— Зат Аррас шлет тебе привет, — сказал юноша, — и велит передать, что, хотя ему хорошо известен заговор, имеющий целью сделать тебя джеддаком Гелиума, он все же не отказывается от того предложения, которое сделал тебе. Чтобы обрести свободу, тебе необходимо лишь известить через меня Зата Арраса, что ты принимаешь его условия.

В ответ я лишь молча покачал головой. Юноша ничего больше не сказал, поставил еду на пол рядом со мной и вышел, захватив с собой фонарь.

В течение долгих недель он два раза в день приходил в мою камеру с едой и с тем же приветствием от Зата Арраса. Я пытался втянуть его в разговор, но он не хотел говорить, и я наконец отступился.

Целые месяцы я напряженно думал, как бы известить Карториса о том, где я нахожусь. Целые месяцы я пытался перетереть о камень одно из звеньев массивной цепи и незаметно выйти вслед за юношей по извилистому коридору и выбраться на свободу.

Неизвестность за судьбу моих друзей и за исход экспедиции по спасению Деи Торис приводила меня в отчаяние. Я знал, что Карторис не оставит задуманного нами плана. Но я прекрасно понимал, что и он мог оказаться пленником Зата Арраса. Может быть, мои друзья уже пали жертвами

коварного Зата Арраса? Может быть, все они уже давно заключены в тюрьму?

Я решил еще раз попытаться вывести что-нибудь у юноши и пошел на хитрость. Я заметил, что он был довольно красивой наружности и примерно одного возраста с Карторисом. Но его жалкие лохмотья совсем не подходили к полной достоинства благородной внешности. И я решил подкупить его.

— Ты был очень добр ко мне все это время,— заговорил я с ним вновь,— и так как жить мне осталось совсем немного, то я хочу отблагодарить тебя за доброту и внимание ко мне. Ты ежедневно заботливо приносишь мне еду, никогда не воспользовался моим незащищенным положением — не оскорбил и не ударил меня. Ты всегда был вежлив и внимателен ко мне, и я глубоко благодарен тебе за это! Мне хочется подарить тебе что-нибудь на память.

— В кладовых моего дворца много красивых украшений. Пойди туда и выбери себе полное вооружение — оно будет твоим! Я прошу только, чтобы ты всегда носил его. Скажи, что ты исполнишь это!

Пока я говорил, глаза мальчика заблестели от радости, и я заметил, что он перевел взгляд со своей бедной рваной одежды на мой великолепный наряд. Он помедлил с минуту, а я, затаив дыхание, ждал, что он ответит. Как многое зависело от его ответа!

— Если я пойду во дворец принца Гелиума с такой просьбой, там просто осмеют меня и вышвырнут вниз головой на мостовую. Нет, это невозможно, хотя я благодарен тебе за предложение. Если бы Зат Аррас подозревал, о чем мы говорим с тобой, он приказал бы вырвать мне сердце...

— Это не причинит тебе никакого вреда, мой мальчик! — горячо убеждал я его. — Ты можешь отправиться туда ночью с запиской от меня к Карторису. Прочти записку перед тем, как передать ее, и ты будешь спокоен, что в ней не содержится ничего плохого для Зата Арраса. Мой сын никому ничего не скажет: об этом будем знать только мы трое. Это такой безобидный поступок, что тебя никто не осудит!

Он опять помолчал, по-видимому, охваченный внутренней борьбой.

Я продолжал: — Среди оружия ты найдешь короткий меч, усыпанный драгоценными камнями. Пусть Карторис отдаст его тебе. Я завоевал его в бою с джеддаком далеко на севере Барсума. Тогда во всем Зоданге не будет юноши, вооруженного лучше тебя! Когда ты в следующий раз на-

вестишь меня,хвати перо и бумагу, и через несколько часов ты будешь одет соответственно твоей наружности и происхождению.

Все еще раздумывая над моим предложением и не сказав ни слова, юноша повернулся и оставил меня. Я так и не понял, какое решение он принял.

Если он примет письмо к Карторису, это будет означать, что мой сын жив и свободен. Если он придет ко мне в доспехах и с мечом, я буду знать, что Карторис получил мое письмо и узнал, что я жив. Получив письмо из рук зодангца, он догадается, что я в плену у Зата Арраса.

Когда на следующий день юноша вошел в мою камеру, я едва скрывал свое волнение, но ни о чем не спросил его, а только поприветствовал. Ставя, как всегда, миску на пол, он положил возле меня бумагу для письма.

У меня чуть сердце не выпрыгнуло из груди от радости! Я выиграл! С минуту я с притворным изумлением смотрел на бумагу, потом взял перо в руки и написал короткое распоряжение Карторису выдать Партаку доспехи по его выбору и короткий меч. Это было все, но для меня и Карториса это означало очень многое. Я оставил письмо на полу, Партак поднял его и ушел, не проронив ни слова.

Я уже около трехсот дней провел в темнице, и если можно было еще успеть сделать что-либо для спасения Деи Торис, нужно было поторопиться. Ведь избраницы Иссы живут только один год!

Я сгорал от нетерпения, когда на следующий день слышал шаги Партака. Он был в моем дворце, видел моего сына, его блестящие доспехи укажут мне, что Карторис извещен обо мне. Представьте мое разочарование, когда вместо Партака заявился кто-то другой!

— Что случилось с Партаком? — спросил я его, но тюремщик не ответил, молча поставил еду на пол, повернулся и вышел.

Дни снова пошли за днями. Новый сторож никогда не заговаривал со мной, даже не отвечал на самые простые вопросы. Я мог только предполагать о причинах исчезновения Партака. Вероятнее всего, это письмо, врученное мною, оказалось для него роковым.

После стольких дней ожидания и надежд, мне казалось, что мое состояние духа намного ухудшилось. Я не знал даже, жив ли Карторис, так как Партак вполне мог обмануть меня и передать письмо Зату Аррасу, доказывая свою преданность господину.

Прошло тридцать мучительных дней с тех пор, как я

передал письмо юноше, и триста тридцать — как меня заковали в цепи. По моим подсчетам, оставалось не более тридцати дней до исполнения над Деей Торис кровавого ритуала Иссы...

Картины, одна страшнее другой, вставали передо мной. Подумать только, что когти жестоких белых обезьян будут рвать прекрасное тело моей принцессы! Мой возбужденный рассудок говорил мне, что через тридцать дней моя несравненная Дея Торис окажется во власти диких зверей на арене перворожденных, что они будут таскать по грязи и пыли ее окровавленное тело, пока, наконец, лучшая его часть не будет подана на стол Иссы!

Я думаю, что сошел бы с ума, если бы время от времени не раздавались шаги моего тюремщика. Это немного отвлекло меня от ужасных образов, всецело завладевших моим рассудком. Однажды в моей голове зародился дерзкий план. Я решился на сверхчеловеческий поступок ради свободы.

Заслышав шаги сторожа, я бросился на пол камеры возле стены, замер в судорожной позе, как будто умер в конвульсиях. Когда он наклонится надо мной, я схвачу его рукой за горло и нанесу сильный удар цепью, которую крепко сжал в правой руке.

Все ближе и ближе подходил приговоренный мною человек. Я слышал, как он остановился передо мной. Раздалось неясное восклицание, и он шагнул ближе. Я почувствовал, как он опустился на колени рядом со мной, и крепче сжал цепь. Он нагнулся ко мне совсем близко. Теперь мне нужно было открыть глаза, найти его горло и нанести молниеносный смертельный удар.

Все случилось так, как я рассчитал. Мне некогда было размышлять — так стремительно я нанес удар, хотя, к своему ужасу, успел заметить, что лицо, так близко склонившееся ко мне, было лицом Карториса...

Боги! Что за лукавая и жестокая судьба придумала этот страшный конец? Что за удивительная цепь событий привела моего мальчика как раз в тот момент, когда я мог убить его? В эту страшную минуту providение помутило мой разум, и я упал без сознания на безжизненное тело моего единственного сына.

Придя в себя, я почувствовал, что мне на лоб легла прохладная рука. В течение минуты я не открывал глаз. Я старался собрать обрывки мыслей, блуждавших в моем усталом, переутомленном мозгу. Наконец в сознании всплыла жестокая действительность, и тогда я не посмел открыть своих

глаз, боясь увидеть того, кто лежал рядом со мной. Но кто же пытается привести меня в чувство?

Вероятно, Карторис привел с собой товарища, которого я не заметил. Что же! В конце концов я должен увидеть неизбежное! И я со вздохом открыл глаза...

Надо мной склонился Карторис с огромным кровоподтеком на лбу, но, слава богу, живой! С ним никого не было. Изнемогая от безумного счастья, охватившего меня, я заключил в объятия моего мальчика. Он сказал, что пролежал без сознания некоторое время, как долго — он не знал.

— Но как ты вообще попал сюда? — спросил я, удивляясь, что он нашел меня без проводника.

— Благодаря находчивости, с которой ты известил меня через Патрака о своем существовании. До того, как он пришел за доспехами и оружием, мы считали, что ты погиб. Прочтя твое письмо, я выполнил твое приказание и дал Патраку понравившиеся ему доспехи и меч, усыпанный драгоценностями. Но на этом, я считал, мои обязательства по отношению к нему окончились, и я начал расспрашивать его о тебе и том месте, где ты заключен. Он упорно молчал, сохраняя верность Зату Аррасу и отказываясь сообщить что-либо. Отчаявшись, я велел отвести его в подвал, где он теперь и находится. Никакие угрозы, никакие подкупы, даже баснословные, не помогли. Он все время бормотал лишь одну фразу, что когда бы ни умер Партак, сейчас или тысячу лет спустя, никто не сможет сказать, что в долину Дор ушел изменник!

— Наконец Ксодар, который находчив, как бес, придумал способ, которым мы сумели выведать у него все необходимое. Мы переодели Хора Вастуса в доспехи зодангского воина и заковали в цепи в одной камере с Партаком. Благородный Хор Вастус пятнадцать дней томился в подвале, но не напрасно. Мало-помалу он завоевал доверие Партака, и сегодня юноша, ничего не подозревая, объяснил ему, в какой камере ты находишься.

— Мы отыскиали в архиве планы гелиумских подвалов, но найти тебя все же оказалось делом нелегким. Колодцы, из которых можно попасть в подвалы, расположены под правительственными зданиями и всегда охраняются. Поэтому, когда я спустился в один из них, то повстречался там с зодангским солдатом, несущим караул. Я оставил бедолагу там же, на посту, но, увы, мертвым. А сюда я подоспел как раз вовремя, чтобы быть укокошенным тобою, — заключил он со смехом свой рассказ.

Сообщая мне все это, Карторис возился с замком на це-

пи, через минуту он с радостным возгласом бросил его на пол, а я с облегчением поднялся на ноги, освободившись от ужасного железного кольца, которое столько времени растирало кожу моей ноги.

Сын принес для меня длинный меч и кинжал. Полностью вооруженные, мы пустились в обратный путь к моему дворцу. У выхода из колодца мы наткнулись на мертвого часового. Его еще не успели обнаружить, и мы, чтобы сбить с толку преследователей, затащили тело в небольшую камеру главного коридора, ведущего в другую от моей темницы сторону.

Карторис уверенно провел меня по запутанным подземным коридорам, и через полчаса мы оказались у колодца, расположенного под нашим собственным дворцом. В моем кабинете нас с нетерпением ждали верные друзья.

После радостных приветствий, я засыпал их вопросами относительно планов подготовки к поисковой экспедиции.

— Мы соблюдали строжайшую тайну, что стесняло наши действия. Пришлось потратить гораздо больше времени на переоборудование кораблей, чем мы предполагали. Притом шпионы Зата Арраса подстерегали нас повсюду. Насколько мне известно, до этого негодая так и не дошел наш замысел. На сегодня в больших доках в Хасторе стоит в полной готовности флот из тысячи могучих военных кораблей. На каждом судне имеется экипаж, обученный управлять машиной как в воздухе, так и в водах Омина.

— На каждом военном корабле имеются пять крейсеров, рассчитанные на десять человек каждый, десять судов на пять человек и сто легких одноместных аппаратов-разведчиков. Всего, таким образом, у нас имеется сто шестнадцать тысяч судов, способных как летать, так и плавать.

— В Тарк переправлено девятьсот больших кораблей для транспортировки зеленых марсиан, а также значительное количество судов для их сопровождения. Уже семь дней тому назад все было готово, но мы не теряли надежды, что освободим тебя и ты сам возьмешь командование экспедицией на себя. Мы поступили правильно, мой принц!

— Тарс Таркас,— спросил я,— как примирились люди Тарка с твоим возвращением?

— Они направили в Гелиум делегацию из пятидесяти вождей для переговоров со мной,— отвечал Тарс Таркас.— Мы народ справедливый. Поэтому, когда я рассказал им о своих злоключениях, они единодушно решили, что поступят со мной так же, как Гелиум поступит с Джоном Картером. По их просьбе я вернулся в Тарк и опять стал джед-

даком всех тарков. Я сумел договориться с соседними разоренными общинами о совместных действиях в предстоящем походе в долину Дор. Все племена от северного до южного полюса поддерживали меня, и сейчас наше войско состоит из двухсот тысяч зеленых воинов. Я выполнил свою задачу.

— Сегодня вечером они соберутся в нашей столице, готовые по моему зову идти в страну перворожденных и биться там под моим командованием. Они просят только позволить им захватить свою долю добычи и увезти ее в свою страну, когда закончатся военные действия. Я кончил!

— А ты, Хор Вастус! — спросил я, — что удалось тебе?

Он с гордостью ответил мне: — Команды всех боевых кораблей составляют миллион бойцов-ветеранов. Я подбирал их на всех каналах Гелиума, и они приняли присягу верности и тайны. Все они надежные люди. Безусловно, я обошел вниманием воинов Зоданга!

— Прекрасно! — вскричал я. — Каждый из вас с честью выполнил свой долг. Не могли бы мы немедленно, еще до восхода солнца, отправиться в Хастор?

— Не будем же терять времени, мой принц, — ответил Кантос Кан. — А то уже жители Хастора проявляют любопытство к нашей экспедиции. Я удивлен, как слух о ней не дошел до Зата Арраса! Крейсер ждет нас на крыше твоего дворца. В дорогу!

Его речь оборвал залп выстрелов, донесшийся из дворцового сада. Все выбежали на балкон, наблюдая, как дюжина молодых из моей дворцовой охраны преследовала кого-то. Прямо под нами на лужайке стражники окружили неподвижное распростертое тело.

По моему приказанию тело перенесли в комнату, где мы совещались. Его опустили к нашим ногам, и мы разглядели краснокожего молодого человека, вооруженного и облаченного в доспехи рядового воина.

— Еще один из шпионов Зата Арраса, — воскликнул Хор Вастус.

— По-видимому, да! — заметил я, обращаясь к стражникам, и прибавил. — Унесите прочь это тело!

— Постойте, — сказал Ксодар. — Джон Картер, вели принести кусок сукна и небольшой сосуд с маслом.

Я кивнул в знак согласия одному из солдат, который тотчас же исполнил приказание. Чернокожий встал на колени возле тела и, обмакнув кусок сукна в масло, потер им слегка лицо убитого. Затем он с улыбкой обернулся ко мне и показал результат своей работы. На лице из-под краски

проступил кусочек белой кожи, как моя собственная. Тогда Ксодар ухватился за черные волосы и резким движением сорвал их прочь: под ними был лысый череп!

Стражники и офицеры окружили труп, распростертый на мраморном полу, плотным кольцом, издавая возгласы изумления.

— Это младший жрец! — прошептал Тарс Таркас.

— Боюсь, что гораздо хуже, — возразил Ксодар. — Посмотрите!

С этими словами он вытащил кинжал и вскрыл им кошелек убитого, висевший на поясе. Из него он вытащил золотой обруч, украшенный большим драгоценным камнем. Именное такое же украшение я позаимствовал у убитого мною Сатора Трога.

— Это был святой жрец, — сказал Ксодар. — Наше счастье, что ему не удалось уйти.

В эту минуту в комнату вошел взволнованный офицер.

— Принц, смею доложить, что товарищ этого молодца скрылся от нас. Полагаю, что это произошло не без помощи одного или нескольких людей, приставленных к воротам. Я приказал арестовать их всех.

Ксодар передал ему масло и сукно. — С помощью этого средства ты можешь выявить шпионов, — сказал он.

Я немедленно распорядился о проверке всей стражи. Полчаса спустя офицер караула снова явился с докладом. Наши худшие опасения подтвердились: половина стражников у ворот оказалась переодетыми и разукрашенными под красных марсиан жрецами.

— Идемте! — воскликнул я. — Дорога каждая минута! Мы немедленно отправляемся в Хастор. Если жрецы попытаются задержать нас, это приведет к крушению всех планов и полному отказу от экспедиции.

Под покровом ночи мы вылетели в Хастор, готовясь нанести первый удар на пути к спасению Деи Торис.

Глава XX

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Через два часа после того, как мы покинули дворец в Гелиуме, то есть около полуночи, Кантос Кан, Ксодар и я прибыли в Хастор.

Карторис, Тарс Таркас и Хор Вастус отправились в Тарк на другом корабле.

Им было дано поручение организовать немедленную отправку транспортных судов к южному полюсу, а военный флот из Хастора должен был нагнать их утром следующего дня.

В Хасторе все уже было готово. Поскольку Кантос Кан тщательно обдумал все детали операции, то через десять минут после нашего прибытия первый корабль уже выплыл из дока, а за ним через небольшие промежутки времени поднялись в небо остальные суда, образовав в темном небе длинную линию, тянувшуюся к югу.

Только когда мы вошли в каюту, я спросил у Кантоса Кана, какое сегодня число. Ведь я так точно и не знал, сколько дней я провел в темнице Зата Арраса. Сердце мое сжалось в смертельной тоске, когда я услышал ответ! Триста шестьдесят пять дней уже прошли — было слишком поздно что-либо предпринимать для спасения Деи Торис.

Я не сказал об этом Кантосу Кану, не сказал ему, что даже если войдем в храм Иссы, то вряд ли найдем там принцессу Гелиума. Ее могли уже убить, ведь я не знал точного числа, когда она в первый раз увидела Иссу.

Я не стал огорчать своих друзей, решив нести свою печаль в одиночку, и никому не сказал о том, что мы опоздали. Если мы не спасем принцессу, то хотя бы отомстим ее убийцам! Кроме того народ Барсума должен был воочию убедиться в жестоком обмане, державшем их долгие века. Будут спасены тысячи людей от страшной судьбы, которая уготована им в конце добровольного паломничества в долину Дор.

Несомненно, эта экспедиция должна принести красным людям Барсума открытие плодородных земель в долине, которые дадут богатые урожаи без орошения. Это была самая плодородная местность на всей поверхности умирающей планеты. Только здесь бывали дожди, падала роса, только здесь имелись неиссякаемые источники воды. И все это находилось во власти жестоких и злобных существ; остатки некогда могучих рас преграждали путь остальным барсумцам в эту прекрасную плодородную страну. Если бы мне только удалось сломить преграду религиозных суеверий, которая удерживала красных людей вдали от этого марсианского Эльдорадо! Я достойно увековечил бы этим память о моей бесценной Дее Торис и снова послужил бы на пользу Барсума, а мучительная гибель принцессы не была бы напрасной.

На утро следующего дня с первыми лучами рассвета мы заметили вдали транспортные корабли и обменялись с

ними сигналами. Тарс Таркас сообщил, что у них все благополучно. Мы нагнали их, и огромный военный флот продолжил путь к южному полюсу, держась довольно близко к поверхности, чтобы не быть обнаруженным раньше времени. Мы приближались к владениям жрецов.

В авангарде цепь воздушных разведчиков оберегала нас от неожиданного нападения. Таким же образом мы были защищены с флангов и в арьергарде; весь наш флот растянулся в цепочку длиной в двадцать миль. Через несколько часов один из воздушных разведчиков, шедший впереди, доложил, что виднеется отверстие в горе — это был вход в Омин. Почти в ту же минуту с левого фланга на бешеной скорости прилетел другой.

Едва небольшой воздушный кораблик опустился на палубу нашего судна, как разведчик выпрыгнул из него и бросился к нам на капитанский мостик.

— С запада приближается большое соединение военных кораблей! — закричал он. — Их около тысячи, и они направляются прямо на нас.

— Шпионы жрецов не напрасно проникли во дворец Джона Картера, — заметил Кантос Кан. — Ждем твоих приказаний!

— Послать десять военных кораблей для охраны входа в Омин с заданием не выпускать и не впускать ни одно вражеское судно. Мы должны отсечь большой флот первоначальных.

— Остальным военным кораблям выстроиться клином по направлению на юго-восток. Транспортным судам следовать за боевыми кораблями внутри клина до встречи с противником. Крыльями клина мы окружим врага. Пока боевые суда примут первый удар на себя, тарки должны высадиться в садах и разбить святых жрецов, чтобы те помнили об этом до конца веков. Я не собирался нападать на них, но теперь ясно, что они не оставят нас в покое, пока наш флот находится вблизи долины Дор, и будут всячески препятствовать нашему возвращению во внешний мир.

Кантос Кан немедленно через своих помощников отдал необходимые приказания, и в несколько минут флот перестроился; десять кораблей, предназначенных для охраны входа в Омин поспешили вперед, а транспорты укрылись за боевыми судами.

Был отдан приказ идти с наивысшей скоростью, и флот помчался по воздуху как стая борзых собак. Мы появились так быстро и неожиданно, что наша атака застала врагов врасплох. Наши огромные суда клином вошли в линию вра-

жеских кораблей, а транспортные корабли беспрепятственно долетели до храмов жрецов, высадив в садах сто тысяч зеленых воинов, а остальные корабли со ста пятьюдесятью тысячами тарков продолжали кружить над горами, поливая неприятеля метким огнем.

Флот жрецов оправился от неожиданности, перестроился и принял бой. Оба огромных флота сошлись в смертельном бою высоко над роскошными садами жрецов. Медленно соединились концы перестроившегося гелиумского флота и образовали замкнутый круг, который непрерывно вращался вокруг врага.

Корабли развивали все большую скорость, что затрудняло действие вражеской артиллерии. Попытки прорвать наше кольцо не имели успеха. С палубы своего корабля я наблюдал, как одно за другим падают в бездну неприятельские суда. Мы постепенно продвигали круг смерти вперед, пока не зависли над садами жрецов, где сражались наши зеленые воины. Им был послан приказ оставить сады и вновь на транспортных судах подняться в воздух.

Между тем, огонь со стороны неприятеля прекратился. Жрецам так попало от нас, что они были рады отпустить нас с миром. Но едва мы двинулись от горы Оц по направлению ко входу в Омин, как увидели на горизонте черную линию, приближающуюся к нам с севера. Это мог быть только военный флот.

Чей же это флот и каковы его задачи? Мы терялись в догадках. Вскоре по радиотелеграфу к нам пришла депеша. Кантос Кан прочел ее и передал ее мне.

«Кантос Кан!

Именем джедака Гелиума приказываю тебе сдаться, в противном случае вы все будете уничтожены.

Зат Аррас».

Жрецы, очевидно, перехватили эту радиограмму, потому что вдруг возобновили стрельбу, надеясь на скорую поддержку. Еще Зат Аррас не приблизился к нам на расстояние выстрела, а мы были вновь вовлечены в новую схватку с флотом жрецов. Вскоре и он подоспел, осыпая нас градом снарядов из тяжелых орудий. Один за другим наши корабли выбывали из строя под ураганным перекрестным огнем врагов.

Надо было спасать транспортные корабли, и я приказал таркам снова высадиться в садах жрецов.

— Отомстите им,— приказал я своим зеленым союз-

никам,— потому что к ночи не останется никого, кто отомстил бы за вас.

Неожиданно показались десять военных кораблей, посланные охранять вход в Омин. Отстреливаясь на ходу, они явно пытались избавиться от преследователей. Это был еще один неприятельский флот! Положение было удручающим, я подумал, что экспедиция обречена на гибель. Ни один человек, принявший в ней участие, не вернется к себе на родину через страшное ледяное поле! Как страстно желал я в тот момент встретиться лицом к лицу с виновником нашего поражения Затом Аррасом, прежде чем смерть настигнет меня!

Посланные десять кораблей спешно приближались, а за ними шел целый флот. В первый момент я не поверил своим глазам, но вскоре убедился, что нашу экспедицию постигло самое страшное из возможных бедствий. Весь флот перворожденных, который я считал блокированным в подземном Омине, разворачивал против нас свои орудия. Злой рок посылал на нас неудачи и несчастья! Может быть, на мне действительно лежат проклятия Иссы?! Вероятно, в этом отвратительном теле обитает необычайно злобное божество! Я не хотел этому верить и, чтобы не думать об этом, бросился на нижнюю палубу, куда высадились воины-жрецы с их подошедшего вплотную корабля. Враги хлынули на нашу палубу, и закипел бой. Видя перед собой реальных врагов и круша их налево и направо, я почувствовал, что вновь обрел уверенность в своей непобедимости.

Моя решительность передалась остальным членам команды, и нам удалось вытеснить с нашей палубы нападавших жрецов и даже перейти на их корабль. Командир неприятельского судна спрыгнул вниз в знак поражения и капитуляции.

Затем я снова вернулся на капитанский мостик, присоединившись к Кантосу Кану, который наблюдал оттуда за общим ходом боя. Он отдал приказание своим помощникам перед моим приходом, и вскоре борта нашего флагманского корабля расцвели вымпелами правящего дома Гелиума. Наш экипаж радостными криками поддержал этот шаг, и он был подхвачен другими кораблями нашего флота.

Кантос Кан приказал поднять на нашем корабле сигнал, понятный всем воинам этой смертельной схватки:

«Люди Гелиума! За принца Гелиума, против всех врагов его!» — означал сигнал.

Спустя короткое время на одном из кораблей Зата Ар-

раса появился такой же выпел, затем еще и еще. Было видно, что на некоторых судах начались ожесточенные бои между членами экипажей, состоящих как из зодангцев, так и гелиумцев. Вскоре на каждом корабле флота Зата Арраса появился выпел Гелиума — мой выпел. Его не оказалось только на флагманском судне Зата Арраса.

Зат Аррас привел с собой пять тысяч судов. Небо потемнело от огромного количества кораблей, приходилось применять крайнюю осторожность при маневрировании.

Флагманское судно Зата Арраса очутилось рядом с нашим. С того места, где я стоял, можно было отчетливо разглядеть лица команды. Мы яростно перестреливались. Все ближе и ближе суда подходили друг к другу. У бортов лежали специальные крючья, чтобы с их помощью пристать к борту противника. Мы готовились к смертному бою с нашим заклятым врагом.

Как только суда столкнулись, я пробился сквозь ряды воинов и первым спрыгнул на палубу корабля, где находился Зат Аррас. За мною с громкими проклятиями ринулись лучшие бойцы Гелиума. Никто не мог противостоять их бешеному натиску. Зодангцы были сметены с нижней палубы, а я кинулся вверх, где стоял Зат Аррас.

— Ты мой пленник, Зат Аррас! — крикнул я. — Сдавайся, и тебя ждет пощада!

Минуту он стоял в нерешительности, как бы раздумывая, принять ли мое предложение или встретить меня с обнаженным мечом. Затем, отбросив оружие, он повернулся и побежал в конец палубы. Я не успел догнать его, как он перепрыгнул через борт судна и полетел вниз головой со страшной высоты.

Такой конец избрал Зат Аррас, джед Зоданга!

Грандиозное сражение все продолжалось, причем, жрецы и чернокожие не объединились в бою против нас, а наоборот, их корабли обстреливали и уничтожали друг друга, давая нам неожиданную поддержку. Я отдал приказ нашим кораблям постараться выйти из боя и занять позиции к югу и юго-западу от сражающихся жрецов и перворожденных, а также послал корабль-разведчик к зеленым воинам, уничтожающим в садах жрецов, с приказом погрузиться на транспортные суда и присоединиться к нам.

Искусно маневрируя, наши командиры сталкивали жрецов и чернокожих, а сами ускользали от открытого и прямого боя. Мой план вполне удался. Перед закатом солнца остатки моего могучего флота собрались в двадцати милях к юго-

западу от горы Оц, где все еще продолжалась битва между жрецами и чернокожими.

Я отправил транспортные суда и пять тысяч боевых кораблей под командованием Ксодара прямо к храму Иссы, а мы с Карторисом и Кантосом Каном и остатками нашего флота направились ко входу в Омин.

Наш план состоял в том, чтобы на рассвете следующего дня одновременно напасть на храм Иссы: Тарс Таркас со своими зелеными воинами и Хор Вастус во главе красных марсиан под общим командованием Ксодара должны были высадиться в садах Иссы или на прилегающей к ним равнине. Между тем, Карторис, Кантос Кан и я взялись провести наши меньшие силы через подземный проход, находящийся под храмом, с которым так хорошо был знаком мой сын.

С большой осторожностью под покровом темноты мы приблизились к шахте. На расстоянии нескольких миль от входа я приказал всем остановиться и отправил Карториса на одноместном аэроплане в разведку. Через полчаса он вернулся и сообщил, что не встретил ни одной сторожевой лодки, а потому мы бесшумно и быстро двинулись к Омину, уже не опасаясь встречи с флотом перворожденных, первый удар которого приняли посланные мною десять кораблей. У отверстия мы снова задержались, давая возможность судам перестроиться, а затем наше флагманское судно первым быстро опустилось в черную пропасть. За нами последовали и остальные.

Весь наш план был рассчитан на то, что мы незаметно подойдем к храму из-под земли. Оставлять сторожевые корабли у входа было бессмысленно, так как в случае возвращения флота перворожденных они не составили бы ему серьезного препятствия, поэтому я решил не ослаблять свой и так малочисленный отряд.

Успех нашей дерзкой атаки зависел от внезапности и неразберихи, которая неизбежно возникнет, когда мы опустимся в воды Омина. Четыреста кораблей уже были на поверхности моря, прежде чем стража поняла, что это неприятельский флот и прозвучал первый выстрел. Бой был коротким и жестоким. Исход был ясен с самого начала: перворожденные, уверовавшие в неприступность своего подземного мира, оставили для охраны огромной гавани всего несколько устаревших негодных судов.

По совету Карториса, мы поместили пленных на острове под охраной, затем на буксире подтянули корабли чернокожих и забили ими вход в Омин.

Обезопасив вход от внезапного возвращения непри-

ятельского флота, мы почувствовали себя более уверенно и спокойно. Пройдет немало времени, пока враги сумеют разобратъ завал и попасть в подземный мир, а мы рассчитывали добраться до храма Иссы. Первым делом мы заняли остров, где у причала находилась подводная лодка. Немногочисленная охрана не оказала сопротивления, и лодка оказалась в наших руках. Выставив усиленную охрану, я остался на острове, поджидая Карториса и других.

Среди пленников был Эрстед, командир подводной лодки. Он узнал меня, так как три раза переправлял в лодке в храм Иссы и обратно.

— Счастье изменчиво, — сказал я ему. — Как чувствуешь ты себя в положении пленного своего бывшего пленника?

Он зловеще улыбнулся. — Ненадолго, Джон Картер! — ответил он. — Мы ждали тебя и приготовились.

— Что-то не видно! — процедил я сквозь зубы. — Вы все точно приготовились стать моими пленниками и даже без боя.

— Флот, вероятно, разминулся с тобой, — возразил он, — но он вернется в Омин, и тогда все будет по-другому.

— Не знаю, разминулся ли флот со мной, — ответил я загадочно.

Но он, конечно, не понял значения моих слов и только удивленно взглянул на меня. Я спросил его:

— Много ли пленников ты перевез к Иссе на твоём мрачном судне, Эрстед?

— Очень много!

— Может быть, ты вспомнишь одну пленницу, которую звали Деей Торис?

— Да, конечно, я помню ее. Во-первых, она была очень красива, а во-вторых, она оказалась женой первого смертного, который убежал от Иссы за все века ее божественного владычества. Говорят, что Исса тоже помнит, что Дея Торис — жена и мать тех, кто подняли руку на богиню вечной жизни.

Я задрожал при мысли о страшной мести, которую Исса, вероятно, изобрела для невинной принцессы за дерзость и святотатство ее сына и мужа.

— Где она сейчас? — спросил я, холодея.

Я знал, что он произнесет ужасные для меня слова, но я так измучился неизвестностью, что не смог удержаться от этой возможности услышать о моей любимой от человека, который только недавно видел ее. Мне казалось, что так я стану ближе к ней.

— Вчера был совершен ежемесячный ритуал Иссы,— ответил Эрстед,— и я видел Дею Торис, сидящей на своем обычном месте у ног богини.

— Как? — воскликнул я.— Она жива?

— Да, конечно,— ответил чернокожий.— Ведь не прошло еще года с того дня, когда она в первый раз удостоилась взглянуть на лучезарный лик божества.

— Не прошло года? — прервал я его.

— Конечно, нет,— повторил Эрстед.— Она не может умереть раньше трехсот семидесяти или трехсот восьмидесяти дней.

Мне все стало ясно. Как я был глуп! Я едва удержался от взрыва бурной радости. Я совершенно позабыл, что между земным и марсианским годами такая большая разница! Десять земных лет, которые я провел на Барсуме, составили всего пять лет и девяносто шесть дней по марсианскому календарю! День на Барсуме на сорок одну минуту длиннее нашего, и в году шестьсот восемьдесят семь дней!

Я прибыл вовремя! Вовремя!!! Слова эти как звон колокола раздавались у меня внутри, и, вероятно, я громко произнес их вслух, потому что Эрстед покачал головой.

— Вовремя, чтобы спасти свою жену? — И не дожидаясь ответа, продолжил.— Ну, нет, Джон Картер, Исса не выпустит своей добычи! Она знает, что ты придешь, и если даже нога твоя вступит в священный храм, да сохранит нас от подобной беды великая Исса, Дея Торис будет отправлена в такое место, откуда нет спасения.

— Ты хочешь сказать, что ее убьют мне назло? — спросил я.

— Нет, не то,— ответил он.— Слышал ли ты о храме Солнца? Вот туда-то и поместят Дею Торис. Этот храм находится далеко во внутреннем дворе храма Иссы, и его тонкий шпиль высоко возвышается над всеми шпилями и куполами окружающих его больших храмов. Под этим шпилем, в подвале, скрыт вход в главную часть храма Солнца. Она состоит из шестисот восьмидесяти семи изолированных комнат, расположенных по кругу. Ко всем этим комнатам через массивную скалу ведет только один ход.

— Исса помещает туда тех, на кого она гневается, но которых не пришло время казнить. Весь храм Солнца совершает одно полное обращение за год, соответствующее обращению Барсума вокруг Солнца, но только раз в год вход в каждую комнату совпадает с единственным ходом во внешний мир.

— Иногда Исса наказывает перворожденного, сажая

его на год в комнату храма Солнца. Впрочем, она часто помещает вместе с осужденными и палача, назначая смерть на какой-то определенный день. В комнату ставится пища, достаточная для поддержания жизни на все время заточения.

— Такою смертью умрет Дея Торис, и первая вражеская нога, которая переступит порог храма, убьет ее.

Значит, в конце концов меня все-таки ждало поражение! Несмотря на чудеса храбрости, несмотря на то, что я находился всего-то в нескольких минутах ходьбы от моей обожаемой принцессы, на самом деле я был от нее так же далек, как если бы стоял на берегу Гудзона в сорока восьми миллионах миль от Барсума!

Глава XXI

ЧЕРЕЗ ОГОНЬ И ВОДУ

Сообщение Эрстеда убедило меня, что нельзя терять ни минуты. Мне необходимо тайком проникнуть в храм Иссы прежде, чем зеленые воины во главе с Тарсом Таркасом нападут на рассвете на храм. Только бы мне пробраться внутрь ненавистного храма! Я был уверен, что сумею одолеть стражу и вырвать Дею Торис из лап божества, тем более имея за спиной значительную поддержку.

Как только Карторис и остальные присоединились ко мне, началась переброска нашего отряда через канал к туннелю, ведущему в храм. Пришлось проделать много рейсов на маленькой подводной лодке, прежде чем мы все были вместе. Всего нас было пять тысяч человек, все испытанные бойцы самого воинственного народа — красных людей Барсума.

Так как один Карторис знал подземные ходы, то мы не могли разделиться на несколько отрядов и атаковать храм одновременно с нескольких сторон. Поэтому было решено, что он поведет нас всех самым коротким путем к храму.

Мы уже собирались покинуть бассейн и войти в бесконечный лабиринт коридоров, когда один из моих начальников обратил внимание на странные волны в бассейне. Вода, как будто, бурлила и кипела. Я предположил, что приближается другая подводная лодка в погоне за нами. Но вскоре стало ясно, что поднимается уровень воды — не слишком быстро, но так, что вскоре вода должна была перелиться через край и затопить пол.

В первую минуту я недооценил опасности этого явления, но Карторис знал причину и последствия наводнения.

— Живей! — вскричал он. — Если мы будем медлить, мы погибнем! Они остановили насосы Омина! Нас затопят, как крыс в ловушке. Нужно добежать до верхних коридоров, пока вода не настигла нас, или мы не выберемся отсюда никогда! Скорее!

— Веди нас, Карторис! Мы пойдем за тобой! — крикнул я сыну.

Юноша побежал по одному из коридоров, и все следовали за ним. Солдаты встали по двое, и в полном порядке каждая рота вступала в коридор только по приказанию своего командира.

Когда последняя рота вышла из пещеры, где находился бассейн, вода доходила уже до щиколотки, и солдаты, видимо, нервничали. Совершенно не привыкшие к воде и не умеющие плавать, красные марсиане не могли превозмочь ужас перед этой стихией, но природная храбрость и железная дисциплина заставляли их бесстрашно идти вперед.

Я покинул коварную пещеру последним. Вода уже доходила до колен. В коридоре она стояла на такой же высоте, потому что он был на одном уровне с полом пещеры, и довольно долго не было заметно никакого подъема.

Отряд продвигался вперед с максимальной скоростью, но большое количество людей и узкий проход не позволяли нам опередить преследующий нас поток. Я шел последним и скоро заметил, что вода начала подниматься быстрее. Вероятно, вода все выше поднималась в самой пещере, увеличивая скорость потоков воды, растекающейся по коридорам. Было ясно, что вода накроет нас раньше, чем мы все успеем достичь верхних коридоров.

Я ломал себе голову, как предотвратить панику и спасти обреченных солдат. Вода доходила уже до пояса. Вдруг я заметил уходящий круто вверх направо коридор. Нужно было немедленно что-то предпринять. Еще момент — и в безумном страхе они бросятся вперед, произойдет свалка и многие погибнут.

Я громко приказал последним рядам:

— Отзовите назад последние двадцать пять рот, здесь есть путь к спасению. Вернитесь и следуйте за мной.

Около трех тысяч солдат вернулись и поспешили к коридору, который я им указал. Я предупредил командира первой роты, чтобы они слушались моей команды и ни под каким видом не выходили наружу, прежде чем я не подойду к нему и не выйду первым. Я прибавил вполголоса:

— Если я не подойду, вы будете знать, что я умер прежде, чем смог дойти до вас.

Командир сдержанно поклонился и пошел. Солдаты быстро мелькали мимо меня. Вода поднялась уже до груди. Люди спотыкались, барахтались, падали. Многих мне удалось схватить и вновь поставить на ноги, но я один не мог справиться с этой непосильной задачей, и многие солдаты были снесены бурлящим потоком. Наконец командир десятой роты пришел мне на помощь. Это был храбрый солдат по имени Гур Тус; он и еще два офицера помогли мне поддерживать подобие порядка среди совершенно перепуганных солдат и спасти утопающих.

Когда подошла последняя рота, вода поднялась до шеи, но мы держались за руки и оставались на нашем посту, пока последний солдат не исчез в боковом проходе. Здесь пол сразу круто поднимался, так что через несколько футов мы уже вышли из воды.

Несколько минут мы быстро продвигались, и я надеялся, что этот ход выведет нас в храм Иссы. Внезапно далеко впереди я услышал крики: «Пожар! Пожар!» Затем раздались вопли ужаса и громкая команда офицеров, старавшихся вывести людей. Вскоре я услышал крики о помощи. — Они подожгли проходы! Мы окружены огнем и водой! Спаси нас, Джон Картер! Мы задыхаемся! — Вслед за этим клубы густого дыма заволокли туннель, и мы, задыхаясь, вынуждены были отступить.

Оставалось только искать новый выход. Огонь и дым были в тысячу раз страшнее воды, а поэтому я кинулся в первую попавшуюся галерею, где можно было вздохнуть. Я направил в нее солдат, а сам остался у входа. Пробежали около двух тысяч человек, но я не знал, все ли спаслись, и, желая в этом убедиться, быстро побежал вверх по направлению к пламени.

Было нестерпимо душно, но огонь освещал коридор, и я убедился, что между мной и завесой пламени никого нет; что было за ней, я не знал, но ни один человек не смог бы пройти живым сквозь огненный ад. Убедившись, что здесь моя помощь никому не нужна, я повернул назад и быстро побежал к коридору, через который спаслись мои солдаты. Однако, к моему ужасу, я обнаружил, что путь к отступлению отрезан массивной стальной решеткой, очевидно, спущенной сверху.

У меня не оставалось сомнений, что все наши передвижения известны перворожденным. Нападение их флота накануне доказало, что за нами следят. Нельзя было также

считать случайными остановку насосов и пожар как раз в том коридоре, по которому мы продвигались. Во всех этих действиях чувствовался хорошо обдуманный план.

Стальная решетка, преградившая мне дорогу, ясно указывала на то, что за нами неотступно следят какие-то таинственные глаза. Безумец, и я еще надеялся спасти Дею Торис! Мне приходилось бороться с невидимыми врагами, от которых не ускользало ни одно мое движение! Как я бранил себя, что рискнул спуститься в этот лабиринт! Я должен был догадаться, что это — ловушка! Теперь я понял, насколько разумнее было бы не дробить наши силы, а всем вместе напасть на храм со стороны долины! Возможно, что мы победили бы перворожденных и освободили Дею Торис.

Дым огня гнал меня все дальше и дальше обратно к воде, журчание которой я уже ясно различал в темноте. Мрак был полнейший. Солдаты унесли с собой факелы, а стены коридора не излучали фосфорисцирующего света, как те скальные породы в гавани. Это обстоятельство подсказало мне, что я недалеко от поверхности.

Наконец я ощутил ногами холодную воду. Густой дым настигал меня сзади. Страдания мои были невообразимы. Оставалось выбрать более легкую смерть, а потому я двинулся по коридору, пока воды Омина не поглотили меня, и поплыл в полнейшем мраке. Куда?

Инстинкт самосохранения силен в человеке даже тогда, когда он чувствует, что неминуемая смерть витает над его головой. Я продолжал медленно плыть, каждую минуту ожидая, что моя голова коснется потолка коридора. А дальше — того места, где вода доходит до самого потолка...

К моему удивлению, я достиг главного коридора, а между поверхностью воды и потолком все еще оставалось небольшое пространство. Я повернул вверх по главному коридору в том направлении, куда полчаса назад прошел Карторис с головной колонной. Я знал, что приближаюсь к тому месту, где снова почувствую почву под ногами. Искра надежды на спасение придала мне силы, я вновь надеялся достичь храма Иссы и спасти прекрасную пленницу, томившуюся там.

Совсем неожиданно для меня я ударился головой о верхние своды коридора. Случилось самое худшее, что могло приключиться. Я попал в то место, где туннель внезапно опускался на более низкий уровень. Я знал, что где-то впереди он снова поднимется вверх, но что мне было до этого? Я ведь не ведал, как долго тянется этот отрезок, заполненный водой доверху.

У меня оставался слабый шанс. Отчаявшись, я наполнил легкие воздухом и нырнул в воду. Время от времени я поднимался, вытягивал руку и исследовал свод над собой, но каждый раз убеждался, что вода доходит до самого верха. Я задыхался и чувствовал, что не выдержу долго, а о возвращении нечего было и думать. Я знал наверное, что вернуться назад у меня не хватит сил.

Смерть стояла рядом со мной. Никогда не чувствовал я так близко ее ледяные объятия.

Собрав остатки быстро тающих сил, я делал последние отчаянные усилия. Изнемогая, я в последний раз поднялся к потолку, уже совсем задыхаясь. Я глубоко вздохнул, ожидая, что вода хлынет в мои легкие и наступит конец, но вместо этого почувствовал живительное дыхание свежего воздуха. Я выплыл!

Несколькими бросками достиг я места, где мои ноги нащупали пол и вскоре совсем выбрался из воды. Как безумный я бросился вдоль коридора. Если я не мог спасти Дею Торис, то сумею хотя бы отомстить за нее. В этот миг я жаждал смерти Иссы, той злобной силы, которая была причиной всех страданий на Барсуме.

Не помню, как я добежал до какой-то двери, которую я принял за выход в храм. Но коридор уходил дальше, и в нем виднелись еще другие двери. Выбирать не имело смысла. Разве я знал, куда они ведут? Поэтому, не дожидаясь того, чтобы меня опять обнаружили и выследили, я быстро толкнул дверь. Дверь медленно подалась внутрь, и я одним прыжком очутился в комнате. Рассвет еще не наступил, но помещение было ярко освещено. На низком ложе, в дальнем углу комнаты, лежала какая-то спящая женщина. Судя по роскоши драпировки и богатству убранства, можно было подумать, что это спальня какого-то жреца, быть может, самой Иссы.

При этой мысли кровь закипела у меня в жилах. Что если судьба так милостива ко мне, и сама отдает в руки эту отвратительную старушонку? Заполучив ее в заложницы, я могу заставить перворожденных принять все мои требования. Я осторожно направился к спящей.

Я подходил все ближе и ближе, но не прошел и половины комнаты, как женщина проснулась, приподнялась и взглянула мне прямо в глаза. Я бросился к ней.

Сначала на ее лице отразился ужас, затем изумленное недоверие, сменившееся выражением надежды и радости.

Сердце стучало у меня в груди, к глазам подступили слезы. Слова, готовые сорваться непрерывным потоком,

замерли у меня на устах. Я раскрыл объятия и прижал к груди ту, которая составляла смысл всей моей жизни — мою любимую Дею Торис!

Глава XXII

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

— Джон Картер! Джон Картер! — повторяла она, положив голову мне на плечо и прерывая слова рыданиями. — Даже теперь я не верю своим глазам. Когда Тувия рассказала мне, что ты вернулся на Барсум, я слушала и не понимала ее. Я не могла поверить, что такое счастье выпало на мою долю. Наконец, когда я поняла, что это правда, и узнала, в каком страшном месте я нахожусь в качестве пленницы, я засомневалась, что даже тебе удастся выручить меня. Шли дни, проходил месяц за месяцем, не принося никаких известий о тебе, и я уже покорилась судьбе. А теперь ты здесь! Час тому назад я услышала внутри дворца какой-то шум, бряцание оружия. Я не знала, что все это означает, но в глубине души надеялась, что это ты с друзьями пришел за мной; но скажи мне, что с нашим сыном?

— Он был со мной час назад, — ответил я. — Вероятно, это его отряд ворвался в храм и сражается с перворожденными. А где Исса? — спросил я внезапно.

— Она послала меня под охраной в эту комнату как раз перед началом боя и сказала, что придет за мной потом. Она казалась очень разгневанной и объята ужасом. Я никогда не видела ее такой нерешительной и растерянной. Теперь я понимаю, что она, вероятно, узнала, что приближается Джон Картер, принц Гелиума, требующий у нее ответа за свою принцессу.

Шум борьбы, бряцание оружия, крики и топот босых ног доносились к нам со всех сторон. Я знал, что мое присутствие там необходимо, но никак не мог решиться оставить Дею Торис одну, а увести ее с собой в сумятицу и опасность сражения было безумием. Я вспомнил о подземных коридорах, откуда сам только что вышел. Почему бы не спрятать ее там, пока я не вернусь за ней и не увезу навсегда из этого страшного места? Я объяснил ей свой план.

Она прижалась ко мне еще крепче. — Я даже на минуту не могу теперь перенести разлуки с тобой, Джон Картер, — сказала она. — Мне так страшно при мысли остаться одной здесь, где меня может найти это ужасное существо. Ты ведь

знаешь ее! Целых полгода я была свидетелем ее свирепой жестокости. Я не верила даже тому, что видела собственными глазами!

— В таком случае я не покину тебя, моя дорогая,— ответил я ей.

Минуту она молчала, затем поцеловала и слегка кивнула в сторону выхода.

— Иди, Джон Картер! Там наш сын и солдаты Гелиума сражаются за меня. Ты должен быть там, где они. Мне не следует думать о себе. Спрячь меня в пещеру и иди.

Я повел ее к двери, через которую вошел в ее комнату из коридора, прижал ее к себе, еще раз крепко поцеловал и закрыл за ней дверь, хотя сердце мое разрывалось и было полно мрачных предчувствий и сомнений.

Из комнаты я бросился на шум борьбы. Пробежав шесть комнат, я попал в самую гущу боя. Чернокожие сосредоточились у входа в большой зал, стараясь преградить путь во внутренние помещения храма отряду красных людей. Выйдя изнутри, я оказался у них в тылу и, не задумываясь, безрассудно в одиночку набросился на них сзади.

— За Гелиум! — крикнул я громко, нанося первый удар, а затем, размахивая мечом, врезался в их ряды. Мой живой голос воодушевил красных воинов, и с моим именем на устах они еще яростнее начали пробиваться ко мне. Мое неожиданное появление привело чернокожих в замешательство, их ряды сбились, и гелиумские солдаты ворвались в зал.

Сражение, разыгравшееся перед храмом достойно занесения на скрижали барсумской истории. Пятьсот человек встретились в бою, красные против черных. Никто не просил пощады, и никто не щадил врага.

Я думаю, мы все понимали, что от исхода этого боя зависит будущее положение обеих рас на Барсуме. Это была борьба между старым и новым миром, но я ни разу не усомнился в ее исходе. Я сражался за торжество красных людей Барсума и за полное освобождение их от рабства безобразного суеверия.

Пол был залит кровью и устелен телами погибших так, что некуда было ступить. В разгаре борьбы я оказался возле больших окон, выходящих в сады Иссы, и затрепетал от радости, увидев все происходящее там.

— Глядите, перворожденные! — вскричал я торжествуя. — Глядите!

На минуту бой прекратился. Все замерли и обратили свой взор в сад. Перворожденные, вероятно, посчитали

картину, увиденную там, плодом дикой фантазии.

Поперек всего сада, от края до края, стояли рядами чернокожие, которых теснила орда зеленых воинов на могучих тотах. В это время могучий тарк отделился от остальных, выехал вперед и громко отдал приказ своему страшному легиону. Это был Тарс Таркас, джеддак Тарка. Воины взяли наизготовку свои огромные копья. Тогда нам стало понятно значение его команды. Всего несколько футов отделяло теперь зеленых воинов от рядов перворожденных. Он еще раз что-то громко крикнул, и с диким боевым кличем кочевники бросились в атаку. Чернокожие не выдержали бешеного натиска зеленых воинов, а огромные животные носились по саду, оставляя за собой поверженных врагов.

Вслед за тарками следовали пешие отряды красных людей. Зеленые воины оцепили храм, а красные вошли в него. Мы обернулись, чтобы продолжить бой в зале, но врага не было. Чернокожие скрылись!

Моя первая мысль была о Дее Торис. Сообщив Карторису, что я нашел его мать, я бросился бегом туда, где оставил ее. Карторис бежал следом, а за ним — остатки нашего маленького отряда. Войдя в комнату, я понял, что здесь кто-то побывал после меня. На полу лежала шелковая накидка, которой раньше не было, а рядом валялись кинжал и украшения, будто их сорвали с кого-то. Дверь в коридор, где я спрятал Дею Торис, была открыта. Одним прыжком я оказался возле нее и выбежал в туннель. Дея Торис исчезла! Я звал ее по имени, но ответа не было. В эту минуту я был близок к сумасшествию. Не помню, что я говорил, что делал, но мной овладела безудержная ярость.

— Исса! — завопил я. — Исса! Где Исса? Обыщите храм и найдите ее, но пусть ее приведут ко мне. Только Джон Картер будет вершить над ней суд. Карторис, где ее апартаменты?

— За мной, сюда! — крикнул юноша и бросился сломя голову к центру храма. Он прямо летел, но я не отставал и еще торопил его.

Через большую резную дверь мы вошли в огромный зал. Здесь стоял трон Иссы, окруженный рабами и рядами солдат. Мы так быстро набросились, что они не успели опомниться. Я буквально разметал солдат, стоящих на моем пути, и оказался рядом с троном.

Отвратительная старуха, дрожа от страха, пыталась ускользнуть в потайной ход, но на этот раз я не дал себя одурачить и успел схватить ее за руку. Охрана богини ринулась на меня со всех сторон, но я, выхватив кинжал, при-

ставил его к мерзкой старушонке и приказал им остановиться.

— Стойте! — закричал я. — Стойте! Или мой кинжал пронзит сердце Иссы!

Они остановились в нерешительности. В это время в храм ворвались тысячи воинов с Кантосом Каном, Хором Вастусом и Ксодаром, заполнив весь тронный зал.

— Где Дея Торис? — закричал я Иссе.

Ее глаза дико блуждали по залу. Я думаю, она не сразу осознала истинное положение — храм пал под натиском людей из внешнего мира. А это означало потерю власти, разоблачение обмана, в котором она так долго держала свой народ. К ней подошел главный священнослужитель, ее первый министр и высшее лицо в государстве.

— Исса, богиня смерти и вечной жизни! — воскликнул он. — Яви могущество своего справедливого гнева и одним мановением божественной руки ниспошли смерть этим богохульникам! Ни один из них не должен уйти от возмездия! Лучезарная Исса, твой народ уповает на тебя. Дочь меньшей луны, ты одна всемогуща! Ты одна можешь спасти нас. Мы ждем исполнения твоей воли. Порази их!

И тут она сошла с ума. В моих руках извивалась жалкая безумная женщина. Она визжала и лепетала бессвязные слова, кусалась и царапалась в бессильной ярости, и хохотала зловещим страшным смехом, от которого стыла кровь. Рабыни в ужасе закричали и разбежались. Она плевалась и скрежетала зубами им вслед. Боже, сколь отвратительной была эта картина!

Я потряс ее, надеясь хоть на минуту привести в чувство.

— Где Дея Торис? — заорал я ей в лицо.

Страшная ведьма начала бормотать непонятные слова, но затем в ее безумных глазах засветился хитрый огонек.

— Дея Торис? Дея Торис? — и снова раздался визгливый нечеловеческий хохот.

— Да! Дея Торис! Знаю, знаю, — бормотала она. — И Тувию, и Файдору, дочь Матана Шанга! Все они страх как любят Джона Картера. Ха-ха-ха! Вот потеха! Теперь им придется целый год всем вместе размышлять о своей любви к нему в храме Солнца, вот только, пожалуй, пищи у них будет маловато! Ха-ха! Они съедят друг друга, когда у них ничего не останется!

Ужас почти парализовал меня. Вот, значит, что уготовило чудовищное злобное существо принцессе Гелиума. Я дрожал от ярости и тряс ее изо всех сил.

— Отмени свой приказ! — орал я. — Отмени приказание! Живее, или ты умрешь!

— Поздно! Вот потеха! Ха-ха-ха! — и она снова начала бормотать и визжать.

В порыве ярости я занес свой кинжал над ненавистной старухой, но что-то вовремя остановило мою руку; и я рад этому, ведь недостойно воину убивать своей рукой женщину. Я решил по-другому распорядиться судьбой «божественной» Иссы.

— Перворожденные! — обратился я к стоящим в зале чернокожим. — Вы видели бессилие Иссы, а ведь боги всемогущи! Исса — не богиня! Она всего лишь жалкая, злобная старушонка, обманывавшая вас и игравшая вами. Возьмите ее! Джон Картер не желает пачкать свои руки ее кровью!

С этими словами я столкнул с пьедестала бешеное животное, которому поклонялся весь Барсум как божеству всего полчаса тому назад. Ее ожидал обманутый народ, горящий жаждой мщения.

Подозвав Ксодара, я велел ему немедленно вести меня к храму Солнца. Я даже не обернулся посмотреть, как встретят перворожденные свою богиню, и выбежал из зала в сопровождении Ксодара, Карториса, Хора Вастуса, Кантоса Кана и других военачальников.

Ксодар провел нас залами храма во внутренний двор, вымощенный прозрачным мрамором поразительной белизны. Перед нами стоял золотой храм, отделанный алмазами, рубинами, сафирами, бирюзой, изумрудом и тысячами безымянных драгоценных камней Марса, которые красотой и блеском превосходят самые драгоценные камни Земли.

— Сюда! — вскричал Ксодар, увлекая нас в тоннель.

В это время из храма Иссы раздался страшный шум, а затем из ближних дверей выбежал один из командиров, чтобы вернуть нас.

— Черные подожгли храм, — кричал он, — он горит со всех сторон. Спешите выбраться в сады, или вы погибли!

Мы оглянулись. Из больших окон, выходивших на храм Солнца, вырывались густые клубы дыма, окутавшего высокий шпиль храма Солнца.

— Ступайте назад! — вскричал я всем сопровождающим меня. — Ксодар выведи их отсюда. Я один пойду за своей Деей Торис.

— Следуй за мной, Джон Картер! — ответил Ксодар и, не дожидаясь ответа, стрелой метнулся в туннель.

Мы пробежали несколько ярусов галерей, пока наконец

не попали в коридор, в конце которого оказалась освещенная комната. Массивная решетка преградила нам дальнейший путь, но за ней я увидел свою несравненную Дею Торис, а с ней Тувию и Файдору. Увидев меня, она бросилась к решетке, которая разделяла нас. Комната уже повернулась настолько, что лишь небольшая часть входа в нее приходилась на зарешеченный конец коридора. Но и этот просвет продолжал медленно сокращаться, скоро останется небольшая щель, а потом и она закроется; целый барсумский год комната будет медленно вращаться, пока снова на один короткий день выход из нее не совпадет с коридором!

Но что ждет бедняжек внутри этой темницы!

— Ксодар! — вскричал я. — Разве нельзя как-нибудь остановить этот кошмар? Неужели нет человека, который знает секрет этой решетки?

— Боюсь, что сейчас мы не сумеем отыскать хранителя этой тайны. Во всяком случае, я пойду и попытаюсь. Жди здесь.

Я остался у решетки и смог говорить с Деей Торис, которая протянула сквозь нее свои прелестные руки. Тувия и Файдора тоже подошли, но Тувия, заметив, что мы желаем остаться одни, деликатно отошла в дальний угол комнаты. Дочь Матана Шанга поступила иначе.

— Джон Картер! — сказала она. — Сегодня ты видишь нас в последний раз. Скажи, что ты любишь меня, и я умру счастливой.

— Я люблю только свою принцессу, Дею Торис, — ответил я спокойно. — Мне жаль тебя, но другого ответа дать не могу.

Она закусила губу и отвернулась, бросив злобный взгляд на Дею Торис. После этого она немного отошла, но не настолько, как мне хотелось бы — ведь я так много должен успеть сказать перед новой долгой разлукой своей возлюбленной.

Несколько минут мы тихо переговаривались, а отверстие становилось все уже и уже. Скоро даже стройная фигурка Деи Торис не сможет пройти через него. О, почему Ксодар так медлит! Сверху доносились слабые отзвуки боя. Это красные и зеленые люди пробивали себе дорогу сквозь пылающий храм Иссы.

Сквозняк донес и до нас запах дыма. По мере того, как мы стояли, ожидая возвращения Ксодара, дым становился все гуще и гуще. Вскоре мы услышали в дальнем конце коридора крики и приближающиеся шаги.

— Вернись назад, Джон Картер! Вернись назад! —

кричал кто-то.— Горят подземные ходы!

Несколько человек пробились к нам сквозь густой едкий дым. Это были мои верные друзья: Карторис, Кантос Кан, Хор Вастус и Ксодар, которые не могли оставить меня одного в беде.

— Надежды нет, Джон Картер! — воскликнул Ксодар.— Мы нашли человека охранявшего эту решетку, но он убит и ключей при нем не оказалось. Нам остается только потушить этот пожар и довериться судьбе, что через год ты найдешь Дею Торис живой и невредимой. Мы принесли запасы еды. Когда щель закроется, дым перестанет проникать к ним, и если нам удастся затушить пламя, то, я думаю, несчастные узники все же останутся живы!

— Спасибо, Ксодар, а теперь ступай и заberi с собой остальных! — решительно ответил я.— Я останусь здесь, около своей возлюбленной, пока милосердная смерть не освободит меня от моих страданий. Мне больше незачем жить!

Не теряя времени, Ксодар и Карторис успели перекинуть в комнату огромное количество жестянок. Щель была уже не более дюйма, и Дея Торис еле виднелась. Она не переставала шептать мне слова ободрения и умоляла спастись самому.

Вдруг я увидел позади нее красивое лицо Файдоры, искривленное злобной ненавистью. Наши глаза встретились, и она заговорила:

— Не думай, Джон Картер, что так легко оттолкнуть любовь Файдоры, дочери Матана Шанга. И не надейся, что тебе удастся когда-либо вновь обнять твою Дею Торис! Жди год, долгий год, но когда он пройдет, тебя встретят объятия Файдоры! Деи Торис не будет в живых! Смотри, она умирает!

С этими словами она занесла кинжал над моей принцессой. В ту же секунду я увидел метнувшуюся к ней Тувию. Что было дальше — не знаю. Густые клубы дыма застлали все перед моими глазами. Раздался крик, пронзительный крик умирающей.

Когда дым немного разошелся, перед нами была лишь глухая стена. Щель закрылась.

Целый год тайна комнаты будет скрыта от человеческих глаз!

Мои спутники торопили меня.

— Через минуту будет поздно,— кричал Ксодар.— Я приказал пустить в ход насосы, и через несколько минут все ходы будут затоплены. Если мы не хотим утонуть,

нужно спешить наверх и проскочить через горящий храм!

Я твердо ответил: — Идите, идите скорее! Дайте мне умереть возле Деи Торис! Для меня нет надежды, нет счастья. Когда через год вы вернетесь забрать ее тело, то найдете и тело ее мужа.

У меня осталось смутное воспоминание о том, что случилось потом. Кажется, я с кем-то боролся, от кого-то отбивался, но наконец меня подняли с пола и унесли. Я никого не расспрашивал об этом, а со мной никто не смел заговаривать на эту тему. Ах! Если бы только я мог знать! Какая тяжесть была бы снята с моих плеч! Но только время раскроет тайну той страшной комнаты и поведает, чью грудь пронзил кинжал Файдоры!

ВЛАДЫКА МАРСА

Глава I

НА РЕКЕ ИСС

В спасительной тени леса, окружающего багряную поляну мертвого озера Корус в долине Дор, освещенной быстро бегущими лунами Марса, я крался следом за темной фигурой, пробирающейся вперед. Настойчивость, с которой выслеживаемый мною человек избегал света, выбирая темные места, указывала на его недобрые намерения. Уже шесть долгих марсианских месяцев бродил я в окрестностях ненавистного мне храма Солнца, в медленно вращающемся сердце которого, глубоко под поверхностью Марса, томилась в заточении моя Дея Торис. Жива ли она? Этого я не знал. Поразил ли кинжал злобной Файдоры хрупкое тело моей возлюбленной? Только время могло раскрыть истину.

Шестьсот восемьдесят семь марсианских дней пройдет, прежде чем дверь темницы снова окажется напротив конца туннеля, где я последний раз видел сквозь сужавшуюся щель свою прекрасную Дею Торис.

Половина этого срока уже истекла, или, вернее, истечет сегодня утром. Но я так ясно вижу ту страшную картину, как будто это случилось вчера. Передо мной и сейчас живо встает искаженное злобой лицо Файдоры, дочери Матана Шанга, когда она с кинжалом бросилась на мою жену, а также красной девушки Тувии, принцессы Птарты, бросившейся вперед, чтобы предотвратить злодеяние.

Дым пылающего храма скрыл на минуту картину трагедии, но в моих ушах еще звучал чей-то пронзительный крик. Затем наступило молчание, а когда дым рассеялся, комната с тремя прекрасными пленницами скрылась от нас.

Много важных событий произошло с тех пор, но я ни на минуту не забывал о своей принцессе. Я старался как можно чаще бывать в храме Солнца, где томилась мать моего Карториса.

Мы разгромили перворожденных на суше, море и в воздухе, и теперь я принимал участие в создании нового государства. В течение многих веков раса перворожденных поклонялась Иссе, считая ее богиней жизни и смерти. После моего изобличения ее в обмане и лжи, народ чернокожих оказался в состоянии полнейшего упадка. Привыкшим к самопоклонению и владычеству над всеми расами Марса, перворожденным пришлось испить горькую чашу унижения.

Божество их пало, а вместе с ним пал весь сложный организм их религии. Флот их был наголову разбит превосходящими силами красных людей Гелиума, дикие и свирепые зеленые кочевники с высохшего дна марсианского моря вытоптали священные сады храма Иссы, а Тарс Таркас, джеддак тарков, самый свирепый из них, правил перворожденными, пока союзники решали судьбу побежденного народа.

Почти единодушным решением древний трон черных людей был предложен мне, но я не согласился. Мое сердце не лежало к народу, который так недостойно обошелся с моими женой и сыном.

По моему совету джеддаком перворожденных стал мой друг Ксодар. Он сам был перворожденным и занимал высокое положение датора до того времени, пока Исса не разжаловала его. Более подходящего человека было трудно найти.

Когда сопротивление черных воинов было окончательно подавлено, зеленые воины вернулись в свои пустынные равнины, а мы, гелиумцы, возвратились в свою страну. Здесь мне снова был предложен трон, потому что об исчезнувших джеддаке Гелиума Тардосе Морсе и Морсе Каяке, его сыне и отце Деи Торис, по-прежнему не было никаких вестей. Прошло уже больше года, как они отправились в экспедицию к северному полюсу в поисках Карториса. Ходили слухи об их гибели, и опечаленный народ, наконец, поверил им. Но я опять отказался от трона, потому что не хотел верить, что могучий Тардос Морс и его сын погибли.

— Пусть вами правит их потомок до тех пор, пока они не вернутся! — сказал я собравшимся сановникам.

Произнося эти слова, я стоял у пьедестала статуи Правды в храме Возмездия на том самом месте, где год тому назад услышал от Зата Арраса смертный приговор. Единодушные крики восторга встретили мое предложение. Десять тысяч мечей взвились над головами собравшихся в знак приветствия Карториса, нового джеддака Гелиума.

Этот титул он получил пожизненно, по крайней мере,

если не вернутся его дед и отец. На другой же день я пустился в обратный путь к долине Дор, чтобы быть рядом с храмом Солнца до того дня, когда откроется дверь в темницу моей возлюбленной.

Я убедил своих верных друзей, Хора Вастуса и Кантоса Кана, остаться с Карторисом. Я был спокоен за сына, который мог опереться на честных, смелых и мудрых сынов Гелнума. Один Вула, мой марсианский пес, сопровождал меня.

Этой ночью верное животное бесшумно следовало за мной. Величиной с шотландского пони, с безобразной головой и страшными клыками, с десятью короткими сильными лапами, Вула казался ужасным чудовищем, но для меня он стал воплощением любви и преданности.

Темная же фигура, двигавшаяся впереди нас, был Турид, датор перворожденных. Я нажил себе вечного врага в тот день, когда голыми руками победил его — его, знаменитого воина и силача! В том поединке я умудрился даже связать руки датора перед толпой зеваяк его же собственным ремнем.

Подобно большинству его товарищей, внешне он примирился с изменившимся положением вещей и присягнул Ксодару, новому правителю перворожденных. Но я знал, что он ненавидит меня, и был уверен, что зависть и ненависть к Ксодару также нашли приют в его груди. Поэтому я не переставал тайно следить за всеми его действиями и убедился, что он замышляет какую-то интригу.

Уже несколько раз я замечал, что после наступления темноты он покидает город перворожденных, направляясь в страшную долину Дор, известную своими обитателями. Вот и этой ночью он быстро продвигался вдоль опушки леса, а потом свернул на ярко-красную поляну к берегу мертвого озера. Лучи ближнего месяца, низко плывущего над долиной, переливались многоцветными искрами на драгоценных камнях его доспехов, а его черная кожа отливала как атлас. Дважды он оглянулся на лес, проверяя, нет ли погони.

Я не отважился следовать за ним по открытой, ярко освещенной луной поляне. Я боялся вспугнуть его своим присутствием, ведь мне необходимо было выяснить, что влечет сюда ночного хищника. Простояв в тени деревьев, пока Турид не скрылся за крутым берегом озера, я бегом пустился через поляну вслед за черным датором. Гробовая тишина лежала над таинственной долиной. Вдали могучей стеной вздымались Золотые Скалы, поражая великолепием

драгоценных камней, вкрапленных в их породу. Позади меня темной полосой тянулся лес, напоминающий ухоженный парк с подстриженными когтями растительных людей деревьями.

Передо мной блесло озеро Корус и вилась серебряная лента таинственной реки Исс, воды которой бурным потоком низвергались из горной расщелины, пополняя воды озера, к мрачным берегам которого в течение стольких веков тянулись вереницы несчастных обманутых паломников.

Растительные люди с отвратительными руками, высасывающими кровь, и чудовищные белые обезьяны, рыскающие днем в долине Дор, попрятались на ночь в свои норы. Не было и святого жреца, несущего караул на выступе Золотых Скал и извещающего зловещим криком кровожадных чудовищ о приближении жертвы, плывущей по реке Исс.

Красные воины Гелиума вместе с перворожденными очистили крепости и храмы от жрецов, так как те отказались сдаться и признать новый порядок, уничтоживший их религию, построенную на лжи и обмане. Но жрецы сохранили свое влияние в некоторых отдаленных странах Барсума. Сам Матан Шанг, отец святых жрецов, их хеккадор, бежал, и все усилия отыскать и захватить его не увенчались успехом. Ему удалось скрыться с несколькими жрецами.

Осторожно подойдя к краю скалы, нависающей над мертвым озером, я увидел Турида, плывущего на маленьком челноке по блестящим водам озера. Эти челноки мастерили сами жрецы и разбрасывали по берегам Иссы в расчете на несчастных людей, отправившихся в последний путь.

На берегу была еще дюжина таких же лодочек, и рядом с каждой из них лежал длинный шест, один конец которого заканчивался веслом, а другой — острым копьём. Турид плыл вдоль берега, и как только он скрылся за ближайшим мысом, я спустил один из челноков на воду, подозревал Вулу и отправился следом за ним.

Мы продвигались вдоль берега к устью Иссы. Дальняя луна светила у самого горизонта, и скалы по берегам озера бросали на воду длинные тени. Ближняя луна должна была появиться не раньше, чем через четыре часа, и я вполне мог рассчитывать на скрытый маневр.

Черный воин упорно плыл вперед. Подойдя к устью Иссы, он свернул вверх по реке, стараясь держаться берега, где течение было не так сильно. Мы с Вулой следовали за ним, сократив расстояние, разделяющее нас, до минимума,

потому что Турид был так занят напряженной борьбой с течением, что уже не оглядывался и не озирался по сторонам. Вскоре он добрался до того отверстия в Золотых Скалах, откуда вытекала вода. Сюда-то он и направил свою лодку.

Казалось безнадежным делом следовать за ним в эту беспросветную тьму, где я не мог различить даже собственной руки. Я уже собрался отказаться от преследования и повернуть обратно, как вдруг за поворотом заметил впереди слабое сияние. Оказалось, что в свод пещеры вмонтированы куски фосфорисцирующей породы, излучающей ровный свет. И я вновь решился последовать за чернокожим датором.

Это было мое первое путешествие по реке Исс, и то, что я увидел, навеки останется в моей памяти. Даже теперь, после страшных разоблачений барсумской религии, на небольших островах реки бродили какие-то жалкие тени, которых ждала голодная смерть. Повсюду были разбросаны обглоданные кости и целые скелеты. Это были останки тех людей, которые в предчувствии страшного конца и страха неизвестности, останавливались здесь, не доходя до долины. Почти везде по берегам одичалые безумцы, бормоча и повизгивая, боролись между собой за жизнь.

Турид, видимо, привыкший к этим сценам, не обращал ни малейшего внимания на жалкие воюющие существа, которые обращались к нему то с угрозами, то с мольбой, и продолжал спокойно подниматься по реке. Проехав с милю, он переплыл к левому берегу и втащил свой челн на берег.

Я остановился у противоположной стены под нависшей скалой, бросающей густую тень на воду. Отсюда я мог следить за Туридом, не опасаясь быть замеченным.

Чернокожий стоял у лодки неподалеку от меня и смотрел вверх по реке, напряженно ожидая кого-то. Сильное течение все время относило мой челн на середину реки, так что я с трудом удерживался в спасительной тени скал. Я отплыл немного дальше, надеясь найти место поудобнее, но безуспешно. Боясь потерять Турида из виду, я, рискуя быть обнаруженным, вновь приблизился к нему.

Пока я боролся с течением, Турид приподнял обе руки над головой, приветствуя кого-то, и произнес «каор». К нему приближалась длинная ладья, в которой сидели шесть человек. Пятеро из них гребли, а шестой — очевидно, главный — восседал на корме, богато украшенной дорогими шелками. Белая кожа, развевающиеся желтые волосы париков, прикрывающих голые черепа, роскошные диадемы

в виде золотых обручей с камнями — все это указывало на то, что передо мной — святые жрецы.

Когда они подошли к месту, где их поджидал Турид, сидящий на корме встал, сошел на берег, и я узнал в нем Матана Шанга, отца святых жрецов. Меня изумила сердечность, с которой они встретились и обменялись обычными фразами приветствия. Черные люди и белые жрецы — заклятые враги, и до этой минуты мне не доводилось наблюдать подобных сцен. Очевидно, крушение религии, на которой существовала их власть, породило этот странный союз. Теперь я понял, почему Турид зачастил по ночам в долину Дор, замышляя нечто против меня и моих друзей.

Как мне хотелось подобраться поближе к заговорщикам и послушать их разговор! Но об этом нечего было и думать, поэтому я остался на своем месте, издали наблюдая за ними. Они и не предполагали, как близко от них находится враг и как легко можно покончить с ним!

Несколько раз Турид указывал рукой в моем направлении, но это было просто совпадением. Вскоре он и Матан Шанг вошли в большую лодку, которая, развернувшись, поплыла в мою сторону. По мере их приближения я тоже уводил свой челн все дальше и дальше к крутому берегу, но вскоре понял, что их лодка держится того же курса. Она шла с такой скоростью, что мне пришлось налечь на весла. Каждую минуту нос моей лодки мог удариться о береговую скалу, но ее все еще не было видно. Вместо полосы крошечной тьмы, впереди забрезжил свет. Тогда я догадался, что плыву по подпочвенной реке, которая вливалась в Иссу как раз в том месте, где я прятался.

Ладья была совсем близко от меня. Правда, шум их весел, ударяющих о воду, заглушал плеск моего весла, но каждую минуту меня могли заметить с лодки. Я повернул свой челн направо и пристал к скалистому берегу. Матан Шанг и Турид приближались, держась середины реки. Когда они подплыли ближе, до меня донеслись их голоса.

— Я уверяю тебя, жрец, — вкрадчиво проговорил черный датор, — что горю желанием лишь отомстить Джону Картеру, принцу Гелиума. Никакой ловушки для тебя тут нет. Что мне от того, если я выдам тебя тем, кто разорил мой народ и меня?

— Хорошо! Остановимся здесь! Говори мне свой план, — сказал хеккадор. — Мы вместе обсудим свои действия и взаимные обязательства.

Гребцам был отдан приказ причалить к берегу, и их лодка подошла к берегу всего в нескольких шагах впереди

меня. Если бы они остановились ниже, они, конечно, увидели бы меня на фоне света, но теперь я был в безопасности.

Услышанные фразы разожгли мое любопытство, и я жаждал узнать, что замышляет Турид против меня.

— Ни о каких обязательствах не может быть и речи, святой отец,— продолжал перворожденный.— Туриду, датору Иссы, не нужно награды. Когда дело будет сделано, я буду рад, если ты посодействуешь мне получить службу, соответствующую моему древнему роду и высокому положению, при дворе какого-нибудь народа, еще сохранившего веру в нашу религию. Я не смогу вернуться в долину Дор или в другое место, подвластное Гелиуму. Впрочем, я не требую даже этого — все будет зависеть от твоего желания!

— То, что ты просишь, будет исполнено, датор,— ответил ему Матан Шанг.— Но это еще не все. Я не пожалею для тебя никаких богатств, если ты вернешь мне мою дочь Файдору и передашь в мои руки Дею Торис, принцессу Гелиума.

— О! — продолжал он со злобной усмешкой,— пусть человек Земли искупит все оскорбления, которые навлек на святая святых! Самые гнусные пытки не будут достаточны для его жены. Если бы я только мог предать позору краснокожую принцессу и унизить Джона Картера!

— Скажи только слово — и она будет в твоей власти раньше, чем пройдет день,— промолвил Турид.

— Я знаю о храме Солнца, датор,— ответил Матан Шанг,— но никогда не слышал, чтобы пленников освобождали раньше назначенного им срока. Как же ты сможешь осуществить невозможное?

— В любую комнату храма Солнца есть доступ,— ответил Турид.— Только Исса знала это, но не в ее интересах было раскрывать свои тайны. Случайно после ее смерти мне в руки попал старинный план храма, в нем подробно показано, как пройти в камеры. В прошлом многие проникали туда по поручению Иссы, чтобы принести пленникам смерть или мучения. Но те, которые узнавали секретные ходы, таинственно умирали, едва успев вернуться и доложить об исполнении ее приказа.

— В таком случае будем действовать! — воскликнул после некоторого молчания Матан Шанг.— Я доверяюсь тебе, но помни, что нас шестеро против тебя одного!

— Я не боюсь,— ответил Турид.— Наша ненависть к общему врагу — достаточная гарантия для честного отношения друг к другу, а после того, как мы расправимся с Деей Торис, нам необходим еще более крепкий союз, если

только я не ошибаюсь в характере ее мужа!

После этого краткого разговора Матан Шанг сделал знак гребцам, и лодка медленно двинулась вверх по притоку.

С трудом удержался я, чтобы не наброситься на них и не убить гнусных заговорщиков, но понял все безумие подобного поступка: я убил бы единственного человека, который мог указать путь к темнице Деи Торис раньше, чем длинный марсианский год завершит свой бесконечный круг. Если Турид может провести Матана Шанга в неприступные камеры храма Солнца, то он проведет туда и Джона Картера, принца Гелиума.

Тихо, едва касаясь воды веслом, следовал я за большой лодкой.

Глава II

ТАЙНЫ ЗОЛОТЫХ СКАЛ

Река, по которой мы плыли, вытекала из глубин горы Оц, проходила под Золотыми Скалами и несла свои темные воды в реку Исс. Слабый свет, еле брезживший впереди нас, перешел постепенно в достаточно яркое фосфорисцирующее сияние скальных пород. Река расширилась и образовала озеро в пещере, свод которой, отражаясь в воде, сверкал алмазами, сапфирами, рубинами и всеми бесчисленными безымянными драгоценными камнями Барсума. За освещенным озером стоял густой мрак. Что скрывалось за ним — я не знал.

Я не мог следовать за лодкой жрецов по освещенной водной глади и остановился, пережидая, пока большая лодка не достигнет противоположного берега. Только тогда я смог пересечь озеро в том же направлении.

Когда я достиг верхнего конца озера, жрецы с Туридом уже скрылись из виду. Река в этом месте, пробив отверстие в основании скалы, несла свои воды в чашу озера. Оно было так мало, что я лег на дно лодки, прижимая к себе Вулу, когда мы проследовали в него. За узким проходом потолок подземного туннеля снова поднимался, но свет не был столь ярким, как на озере. Я попал в небольшую пещеру, в которой сходились три водных подземных туннеля.

В каком же из них скрылись жрецы? Наобум выбрав путь, я направил лодку в центральное русло. Здесь царил мрак, туннель был узким, и я постоянно натыкался на стены. Далеко впереди себя я услышал глухой рев, который

усиливался по мере моего продвижения вперед и перешел в оглушительный грохот, когда я выплыл из-за крутого поворота.

Прямо передо мной, с высоты нескольких сот футов, река низвергалась могучим водопадом, заполняя водой все ущелье. Оглушительный рев падающей воды отдавался грохотом в подземной пещере! Турид и жрецы не могли пойти этой дорогой. Я оказался на ложном пути и потерял их след. Они, вероятно, настолько опередили меня, что я не смогу догнать их, если вообще сумею разыскать их!

Мое путешествие обратно в пещеру, где сходились три рукава, заняло несколько часов. Оставались еще два неисследованных пути. И снова я стоял перед выбором, боясь ошибиться и навсегда потерять след заговорщиков. Сколько я себя помню, никогда в своей жизни я не страдал так от нерешительности, как в эту минуту!

Часы, потерянные мною, могли решить судьбу Деи Торис, если она вообще была еще жива. Потратить еще часы, а может быть дни на бесполезные исследования другого неверного пути! Новая ошибка, без сомнения, будет иметь роковые последствия.

Я несколько раз направлял лодку в правый туннель и вновь возвращался обратно. Как будто что-то удерживало меня от этого выбора. Наконец, я решил отправиться в левый рукав, однако, перед тем, как повернуть лодку, я бросил последний нерешительный взгляд на темные воды, вытекающие из правого рукава. И тут я увидел, как из темноты канала потоком вынесло скорлупу большого сочного плода сорапуса.

Я едва сдержал крик радости при виде этого молчаливого вестника, проплывшего мимо меня. Теперь я знал наверняка, что по правому каналу движутся люди: кто-то ел чудесный плод и выбросил скорлупу за борт. Это могла быть только та компания, которую я искал!

Я отбросил все сомнения и уверенно направил лодку в правый туннель, который постепенно расширился. Скалы излучали слабый свет, позволяющий разглядеть опасные повороты. Я очень спешил, потому что почти на день отстал от жрецов. Мы с Вулой ничего не ели с прошлого дня, но он вполне мог обходиться без пищи по несколько дней. О себе же я и не думал, гонимый мыслью о горячо любимой Дее Торис, над которой нависла новая страшная опасность.

Вдруг река сузилась, а течение стало стремительнее и опаснее. Я с трудом продвигался вперед. Мне удалось преодолеть не более двухсот футов, когда за поворотом я

увидел пороги, через которые, бурлясь и пенясь, перекаты-
валась вода!

Сердце мое похолодело. Ореховая скорлупа обманула
меня. Мое внутреннее чутье подсказывало мне верный путь.
Следовало выбрать левый канал!

Будь я женщиной, я бы заплакал. По правую руку от
меня медленно закручивалась воронка большого водоворо-
та. Я пустил свой челн по кругу, чтобы дать хоть немного
отдохнуть усталым мышцам. Я был совсем убит. Снова
нужно терять полдня на обратный путь, возвращаясь к
последнему неисследованному каналу! Какая дьявольская
рука подтолкнула меня на два неправильных пути из трех?

Пока течение повело меня по большому кругу водово-
рота, мой челн дважды ударился о берег. Когда последовал
еще один удар, то глухой звук удара о дерево удивил меня.
Я весь встрепенулся...

Здесь не могло быть дерева, кроме принесенного людь-
ми. Я протянул руку, и пальцы мои нащупали борт другого
судна. Я замер, напряженно всматриваясь в темноту, ста-
раясь разглядеть, занята ли лодка.

Возможно, что в лодке находились люди, которые не
догадывались о моем присутствии. Другим бортом лодка
жрецов ударялась в скалы, и более мягкий удар моего чел-
нока мог остаться незамеченным. Было так темно, что, не-
смотря на все мои старания, я ничего не разглядел. Мне
почудился было звук дыхания, я прислушался, но ничего,
кроме шума воды и мягкого трения бортов лодок, не рас-
слышал.

На дне моего челна лежала предусмотрительно захвачен-
ная мною веревка. Я привязал один конец ее к кольцу на
носу своей лодки и осторожно перелез в соседнюю. В одной
руке я держал веревку, в другой — меч. Лодка слегка кач-
нулась под моей тяжестью. Обыскав лодку от носа до кормы,
я убедился, что она пуста.

Я ощупал руками скалу, у которой она была привязана,
и нашел небольшой выступ. Тут начиналась тропинка! По
ней, вероятно, вернутся те, которые скрылись от меня. Я был
уверен, что это лодка, на которой плыли жрецы и Турид

Позвав Вулу, я вступил на выступ. Большое дикое жи-
вотное с ловкостью кошки прыгнуло за мной. Проходя че-
рез лодку, принадлежащую заговорщикам, Вула издал глу-
хое рычание, а когда он подошел ко мне, я погладил его, по-
чувствовав, как его шерсть поднялась дыбом. Мне кажется,
что он телепатически ощутил присутствие врага, потому
что я до сих пор не делал никаких попыток объяснить ему

цель наших поисков. Я попытался внушением и словами исправить свою оплошность. Вскоре легкое мурлыканье указало мне, что Вула понял, что мы выслеживаем врагов. Я повернул направо, но едва сделал пару шагов, как Вула потянул меня в противоположное направление — я доверился его чутью.

Он вел меня сквозь полный мрак по узкому карнизу над бурным потоком. Мы вышли к тускло светящимся скалам, и я разглядел, что тропинка выбита в скале и давала возможность миновать пороги. Уже более часа мы двигались по берегу речки. Мне вдруг пришла мысль в голову, что мы идем по направлению к храму Солнца под долиной Дор. Вула внезапно остановился перед узким проходом, отполз от него и притаился в расщелине.

Яснее слов его действия подсказали мне, что где-то поблизости нас подстерегает опасность. Я осторожно подполз к Вуле и заглянул поверх его головы в проем.

Я разглядел просторное помещение, служившее, судя по обстановке, сторожевой комнатой. В одном углу стояли ружейные козлы, а по стенам были нары для воинов, на которых устроились два жреца из сопровождения Матана Шанга. Не подозревая, что их подслушивают, они вели между собой серьезный разговор.

— Я говорю тебе, — сказал один из них, — что не доверяю этому черномазому. Не было никакой необходимости оставлять нас здесь, якобы, для охраны пути. Против кого, скажи на милость, охранять нам эту давно забытую подземную тропинку? Поверь, это — просто хитрость с его стороны, чтобы разделить нас. Потом он уговорит Матана Шанга оставить других где-нибудь еще, тоже под тем или иным предлогом, а затем нападет на нас со своими товарищами и перебьет всех порознь.

— Я согласен с тобой, Лакор, — ответил другой. — Между жрецами и перворожденными не может быть ничего, кроме ненависти и коварных измен. А что думаешь ты обо всей этой сказке с лампами, излучающими свет?

«Пусть, — сказал, — свет горит с силой трех радиоединиц в течение пятидесяти секунд, а затем одну минуту с силой в одну радиоединицу, и, наконец, в течение двадцати пяти секунд с силой в девять радиоединиц».

— Вот что он приказал. И подумать только, что старый мудрый Матан Шанг слушал такую чепуху!

— Действительно, это глупо, — ответил Лакор. — Разве таким способом откроешь что-нибудь? Должен же был он что-нибудь ответить Матану Шангу, когда тот напрямик

спросил его, что он собирается предпринять, когда дойдет до храма Солнца. Вот он и выдумал ответ. Бьюсь об заклад, что сам он не в состоянии был бы повторить снова эту фразу.

— Чего же мы медлим, сидя здесь, Лакор? — проговорил другой жрец. — Может быть, если мы поспешим за ними, то успеем спасти Матана Шанга и отомстить черному датору. Как ты думаешь?

— Никогда за всю свою долгую жизнь, — ответил Лакор, — я не ослушался ни одного приказа отца святых жрецов. Если он не вернется и не прикажет мне покинуть пост, я умру на этом месте.

Его товарищ покачал головой в знак несогласия. — Я подчиняюсь тебе, — промолвил он наконец, — и ничего не могу сделать без твоего согласия. Но все же я думаю, что мы совершаем большую глупость, оставаясь здесь.

Я тоже считал, что они сглупили, оставаясь в комнате, через которую мне надо было пройти. Я не питал особой нежности к этим самовлюбленным жрецам, однако охотно прошел бы мимо, не причинив им вреда, если бы это было возможно. Во всяком случае, следует попробовать мирно разрешить этот вопрос, ибо я не хотел задерживаться и подвергать жизнь опасности, если ее можно избежать.

Дав знак Вуле следовать за мной, я решительно шагнул в комнату и очутился перед жрецами. Увидев меня, они обнажили свои мечи, но я остановил их.

— Я ишу Турида, черного датора, — объяснил я им. — У меня с ним старые счеты. Дайте мне мирно пройти, поскольку, как мне показалось, он для вас такой же враг, как и для меня, и у вас нет причин защищать его.

Они опустили мечи, и Лакор заговорил:

— Я не знаю, кто ты такой. У тебя белая кожа жреца и черные волосы перворожденных. Если бы речь шла только о безопасности Турида, то мы не помешали бы тебе. Скажи нам, кто ты и по чьему поручению здесь? Может быть, тогда и мы пропустим тебя, и ты сумеешь исполнить свой долг.

Я удивился, что они не узнали меня. Мне казалось, что все жрецы на Барсуме знают меня лично, или понаслышке, и сумеют опознать меня в любой части планеты. Действительно, ведь я был единственным белым человеком на Марсе с черными волосами и с серыми глазами — за исключением моего сына Карториса.

Объявить свое имя жрецам означало спровоцировать их на бой: каждый жрец на Барсуме был моим тайным врагом, потому что все они знали, что именно мне обязаны крушением вековой власти над умами и душами всех обитателей

планеты. С другой стороны, моя репутация непобедимого воина заставит их призадуматься, а возможно, что и отказаться от мысли схватиться со мной.

По правде сказать, я и не рассчитывал на последнее, так как на воинственном Марсе нет трусов: всякий — будь он джедаком, жрецом или простым смертным — не отступит от поединка с врагом. А потому я еще крепче сжал рукоятку меча, когда обратился к Лакору.

— Я думаю, вы сами поймете, что разумнее пропустить меня, — сказал я. — Становясь на моем пути, вы обрекаете себя на смерть в глубине Барсума, а зачем вам такой бесславный конец? Неужели, чтобы защитить вашего заклятого врага Турида, датора перворожденных?! А то, что вы падете от моего меча, без сомнения, подскажет вам мое имя. Я Джон Картер, принц Гелиума!

В первую минуту мое имя, казалось, прализовало жрецов, а затем младший жрец с громкими проклятиями кинулся на меня с обнаженным мечом. Во время наших переговоров он стоял чуть немного впереди своего товарища, но Лакор успел схватить его за пояс и оттащить назад.

— Стой! — прогремел Лакор. — У нас будет достаточно времени сразиться с ним. Конечно, каждый жрец на Барсуме мечтает пролить кровь богохульника и святотатца, но теперь его руками мы сумеем расправиться с ненавистным чернокожим датором. Пусть он идет и убьет черного. Мы же останемся здесь, а на обратном пути он встретится с нами и никогда уже не выйдет отсюда. Мы освободимся от двух врагов сразу и не нарушим приказа отца святых жрецов, оставаясь на месте.

Пока он вразумлял товарища, я внимательно следил за ним. Его коварное выражение глаз и обостренное чувство опасности подсказали мне, что не стоит верить даже столь логичным рассуждениям жреца. Когда младший жрец, пораженный словами Лакора, обернулся к нему, тот успел шепнуть что-то на ухо незадачливому вояке, после чего он поостыл и отошел в сторону.

— Иди, Джон Картер, — сказал Лакор. — Но знай, что если тебя не уложит Турид, то здесь ждем тебя мы и постараемся, чтобы ты никогда больше не увидел света солнца. Иди же!

Во время нашего разговора Вула, ошетилившись, рычал и терся об меня, заглядывая мне в глаза и умоляюще выл, как бы выпрашивая разрешения броситься на врагов. Он тоже почувствовал коварство за гладкой речью жреца.

В комнату выходило несколько дверей, и на одну из них, крайнюю справа, указал Лакор.

— Эта дорога ведет к Туриду,— сказал он.

Но когда я подозревал Вулу, чтобы отправиться указанным путем, умное животное принялось выть и не двинулось с места. Затем он перебежал к другой двери, слева, остановился и начал лаять, как бы приглашая меня последовать за ним. Я посмотрел на Лакора и заявил ему:

— Мой пес редко ошибается. Я, конечно, не сомневаюсь в твоей осведомленности, но все же думаю, что будет лучше, если я послушаюсь не тебя, а моего верного пса, который предан мне.— При этих словах я усмехнулся, давая понять жрецам, что не доверяю им.

— Как хочешь,— ответил он, пожимая плечами.— В конце концов, это то же самое!

Я повернулся и последовал за Вулой в левую дверь, чутко прислушиваясь, не преследуют ли меня жрецы, но все было тихо. Коридор был скудно освещен радиолампами, затрачивающими минимальное количество энергии.

Скоро нам стали попадаться коридоры, пересекающие наш, но Вула ни разу не колебался в выборе пути. Из одного из них, справа от меня, мне почудился звон металлического оружия. Вула тоже слышал его. Он остановился, зарычал, обнажая ряды блестящих клыков. Я жестом приказал ему молчать, и мы тихо отступили в другой боковой коридор.

Затаившись, мы выжидали. Вскоре на полу главного коридора появились тени двух мужчин. Они двигались крайне осторожно, а звон оружия, привлечший мое внимание, больше не повторялся. Тихо ступая, они остановились рядом с нами. Я ничуть не удивился, признав в них Лакора и его товарища с обнаженными мечами в руках.

— Неужели они опередили нас? — сказал Лакор.

— Может быть, животное повело его по неверному следу? — ответил другой.— Ведь путь, по которому шли мы, гораздо короче, конечно, для того, кто его знает. Но для Джона Картера он стал бы короткой дорогой к смерти. Жалко, что он не воспользовался им, по твоему совету.

— Да,— заметил Лакор,— никакое бойцовское мастерство не спасло бы его от вращающейся плиты! Он наверняка лежал бы теперь на дне колодца! Проклятый калот предостерег его от той дороги.

— Ничего! Он еще получит свое,— сказал товарищ Лакора.— Ему не удастся избежать остальных ловушек, даже если он уйдет от нас.

— Много бы я дал, чтобы своими глазами посмотреть,

как он выкрутится, если зайдет в комнату...

Я тоже отдал бы многое, чтобы услышать конец разговора и знать, что ожидает меня впереди. Но тут вмешалась судьба и мое естество: в эту минуту, в самую неподходящую минуту, я чихнул.

Глава III

ХРАМ СОЛНЦА

Теперь оставался только один выход — принять бой! И надо же было так не вовремя чихнуть! Когда я выскочил в коридор с мечом в руке, жрецы уже приготовились к встрече со мной.

Никто из нас не произнес ни слова. Да и к чему слова? И так было ясно, что они намерены покончить со мной, а я разгадал и предвидел их планы.

Закипел бой, и я должен признаться, что хоть и ненавистно мне само слово жрец, но они оказались отважными и сильными противниками. Мною, как всегда, овладело радостное опьянение боя. Дважды я спасся от смертельных ударов благодаря особому проворству и ловкости, но в тот день я был на волосок от смерти в мрачном коридоре, глубоко под поверхностью Барсума. Лакор подстроил мне такую шутку, с которой мне не доводилось встречаться за всю свою жизнь на обеих планетах.

Я сражался в тот момент с младшим жрецом и оттеснил его к стене, нанеся десятка два кровоточащих ран, но никак не мог подступиться к нему для решительного удара. Вот тогда-то Лакор отстегнул свой пояс и, пользуясь моментом, — я был полностью поглощен борьбой с его товарищем — закинул один конец ремня вокруг моей левой лодыжки, крепко обвив ее, затем быстро дернул за ремень и повалил меня на спину.

С проворностью и яростью пантеры ринулись они на мое распростертое тело. Но жрецы не учли моего Вулу. Верный пес, рыча как дьявол, бросился на них. Представьте себе десятиное чудовище, вооруженное могучими когтями, с огромной пастью, в которой блестили три ряда длинных белых клыков, наделите его легкостью и свирепостью голодного бенгальского тигра, силой двух быков — и вы будете иметь слабое представление о том, что представлял собой в тот момент Вула.

Он раздавил в лепешку Лакора одним ударом своей

могучей лапы и буквально разорвал на куски другого жреца. Однако, когда я приказал ему остановиться и отойти, он послушно подошел ко мне, повиливая хвостом, как провинившийся щенок.

Золотой обруч с драгоценным камнем на голове Лакора указал мне, что он был святым жрецом. По украшениям его товарища было ясно, что он достиг уже девятого цикла, последнего перед высшим циклом святых. Стоя над растерзанными телами жрецов, я припомнил случай, когда воспользовался париком и доспехами святого жреца Сатора Трога, убитого Тувией. Я решил еще раз прибегнуть к той же хитрости.

Не долго думая, я сорвал желтый парик с лысой головы и водрузил его на свою собственную. Була не одобрил сей метаморфозы. Он долго обнюхивал меня и зловеще рычал. Только когда я погладил его огромную голову и ласково поговорил с ним, он успокоился и покорно отправился со мной в путь.

Я продвигался теперь еще осторожнее, не отступая от Вулы ни на шаг в расчете на то, что зоркость наших четырех глаз и его нюх упредят об опасности, столь любезно сообщенной мне жрецами.

Коридор резко поворачивал в обратном направлении, а потом снова делал крутой поворот и выходил в большую, плохо освещенную пещеру, где по полу в огромном количестве ползали ядовитые змеи! Попытка пересечь пещеру привела бы к немедленной смерти. Я, было, упал духом, но вспомнил, что Турид и Матан Шанг прошли же эту преграду, и сообразил, что существует какой-то обход.

Более отвратительного сборища гадов мне не приходилось видеть. Было бы бесполезно описывать их земным людям, потому что они так не похожи на все земные существа как в прошлом, так и в настоящем. Яд у них неслыханной силы, так что, по сравнению с ними, наша земная кобра казалась бы безвредной, как дождевой червь.

Увидев меня, они бросились ко входу, где мы стояли, но свет радиоламп, размещенных вдоль пещеры, заставил их остановиться. Они, очевидно, не посмели перейти сей рубикон, и ведь нам не встретила ни одна змея в коридоре.

Я оттащил Вулу немного назад и начал тщательно осматривать пещеру. Мне удалось разглядеть в ее дальнем конце галерею, из которой выходили два коридора. Подойдя поближе к порогу, я проследил глазами продолжение галереи и заметил, что она проходит над всей пещерой, а вход

в нее открывается прямо над моей головой на высоте не более фута от пола коридора.

Я запрыгнул на галерею и позвал за собою Вулу. По ней мы благополучно миновали ужасную пещеру, не встретив пресмыкающихся. Минут десять мы шагали по коридору пока не попали в огромное круглое помещение, выложенное белым мрамором. Стены зал были сплошь покрыты странными золотыми иероглифами перворожденных. По центру возвышалась огромная колонна, упиравшаяся в высокий купол. Оглядевшись, я заметил, что колонна медленно вращается. Я достиг оси храма Солнца!

Где-то надо мной находилась злосчастная комната, а в ней — Дея Торис, Файдора, дочь Матана Шанга, и Тувия, красная девушка из Птарты. Но как дойти до них — неразрешимая загадка!

Медленно я обошел колонну, случайно наткнувшись на золоченую зажигалку с родовым гербом Турида. «Значит, я на верном пути!» — подумал я радостно и сунул безделушку в небольшую сумку, висевшую у меня на поясе. С новым рвением принялся я искать вход, который должен был быть где-то в колонне. Вскоре я действительно наткнулся на небольшую дверцу, так искусно вделанную в колонну, что менее внимательный наблюдатель прошел бы мимо нее.

Итак, передо мной была дверь, которая вела внутрь темницы, но как открыть ее? Я много раз тщательно исследовал каждый дюйм ее поверхности, но не нашел ничего, кроме крошечного отверстия почти в середине дверцы. Оно было немногим более булавочной головки и казалось случайным повреждением мрамора.

Я старался заглянуть в эту дырочку, но никак не мог понять, проходила ли она насквозь (по крайней мере, никакого света за ней не было видно). Затем я приложил к ней ухо и прислушался: стояла полная тишина. Вула не спускал глаз с двери. Его чутью можно было довериться. Я решил окончательно удостовериться, что нахожусь на верном пути и, притворившись, что отхожу от двери, позвал Вулу и велел ему следовать за мной. Минуту он колебался, а затем прыгнул, визжа и дергая меня за пояс. Я отошел еще на некоторое расстояние, чтобы посмотреть, что он предпримет.

Он потащил меня обратно прямо к загадочной двери и снова занял позицию перед дверцей, не отводя глаз от ее блестящей поверхности. Я промучился целый час над загадкой тайны, которая открыла бы дверь.

Я припомнил, что Тувия открыла потайную каменную стену в лабиринтах Золотых Скал ключом, похожим на иглу.

Не попробовать ли мне ввести нечто похожее в отверстие в мраморной двери? Я поспешно высыпал на пол все содержимое своей сумки. Если бы только мне найти тонкую стальную проволоку!

Перебирая коллекцию всевозможных предметов, которые всегда найдутся в сумке марсианского воина, мне на глаза попалась зажигалка черного датора. Я хотел было отложить ее в сторону, как вдруг случайно заметил странные знаки, выцарапанные на золотом футляре.

Из любопытства я рассмотрел поближе эти свеженацарапанные знаки, но мне они ни о чем не поведали. Это были три ряда цифр, один под другим:

3—50 с.

1—1 м.

9—25 с.

32

Я повертел еще немного зажигалку в руках и намеревался уже сунуть ее обратно в сумку, как в моей памяти отчетливо встал разговор между Лакором и его товарищем. Я вспомнил, как младший жрец, издеваясь, приводил слова Турида: «А что ты думаешь об этой странной истории со светом? Пусть свет горит с силой трех радиоединиц в течение пятидесяти секунд...» — ведь это был первый ряд знаков на футляре!

Вся формула подходила как нельзя лучше, но что это могло означать?

Вдруг мне показалось, что я понял, и, схватив из сумки сильное увеличительное стекло, принялся тщательно исследовать мрамор вокруг отверстия. Он был испещрен вокруг отверстия едва заметными частицами обуглившихся электродов, которые осыпаются с зажигалок!

Очевидно, веками радиозажигалку прикладывали к этому отверстию. Для чего? Ответ был ясен: механизм замка приводится в действие световыми лучами, и я, Джон Картер, держу в руках нужную комбинацию лучей, нацарапанную рукой моего врага на его собственной зажигалке!

На золотом браслете, украшавшем мою руку, был вмонтирован барсумский хронометр, отмечавший секунды, минуты и часы марсианского времени. С необычайной тщательностью приступил я к операции: приложил зажигалку к отверстию и регулировал силу света небольшой пружиной, находящейся на футляре сбоку.

Сначала в течение пятидесяти секунд я светил в отверстие с силой трех радиоединиц, затем одну минуту дал ток в

одну радиоединицу, наконец, в течение двадцати пяти секунд переменял его на девять радиоединиц. Эти последние двадцать пять секунд были самыми долгими в моей жизни.. Откроется ли замок по истечении этого бесконечного времени?

Двадцать три! Двадцать четыре! Двадцать пять!

Я потушил свет. Семь секунд я ждал. В механизме замка не было заметно никакого действия. Неужели я неверно решил эту задачу?

Но что это? Галлюцинация, или дверь действительно шевельнулась? Медленно и беззвучно отодвигался в сторону массивный камень; нет, это не галлюцинация!

Дальше и дальше отодвигалась дверь, пока не открылся узкий коридор, шедший параллельно наружной стене. Едва проход раскрылся, как я и Вула проскочили вовнутрь, а затем дверь бесшумно закрылась за нами.

За поворотом я увидел слабый отблеск света. Мы кинулись туда и очутились в небольшом круглом ярко освещенном зале, из которого наверх уходила винтовая лестница. Мы находились в самом центре храма Солнца. Лестница по спирали вела вверх мимо внутренних стен камер. Где-то надо мной была Дея Торис, если только Турид и Матан Шанг не успели похитить ее.

Я двинулся вверх по лестнице, но Вула заметался взад и вперед, хватая меня за руки и пояс, и вел себя так, что я подумал, что он взбесился. Я оттолкнул его и снова ступил на лестницу, но он ухватился челюстями за мою руку и потащил обратно в зал, подтаскивая меня к другой двери. Встав между мной и дверью, он глянул мне в лицо, как бы спрашивая, хочу ли я добровольно следовать за ним, или он вновь прибегнет к силе. Взглянув на правую руку, на которой ясно выступали следы его страшных клыков, я решил довериться его чутью.

Какое счастье, что я последовал за ним! Пройдя небольшое расстояние по коридору, который оказался за дверью, мы внезапно попали в хорошо освещенное большое помещение. Несколько раз ударившись головой о прозрачные стеклянные стены, я понял, что это лабиринт, составленный из хрустальных перегородок.

Мы ринулись в него, но вскоре Вула вдруг издал страшное рычание и кинулся на перегородку слева от нас. Его лай раскатами прокатился по подземным коридорам. За многими толстыми прочными стенами налево от нас смутно виднелись фигуры восьми людей — трех женщин и пяти мужчин.

В ту же минуту, очевидно, испуганные воем Вулы, они остановились и оглянулись. Внезапно одна из женщин протянула ко мне руки, и даже на таком большом расстоянии я увидел, что это была Дея Торис, моя вечно прекрасная, вечно юная Дея Торис!

С ней были Тувия, Файдора, ее отец, Турид и трое жрецов. Турид издали погрозил мне кулаком, а двое жрецов грубо схватили за руки Дею Торис и Тувию, увлекая их за собой. Минуту спустя они вышли из стеклянного лабиринта и скрылись в коридоре.

Говорят, что любовь слепа. Но такая огромная любовь, как любовь Деи Торис, помогла ей узнать меня даже под личиной жреца сквозь туманную даль хрустального лабиринта!

Глава IV

ТАИНСТВЕННАЯ БАШНЯ

У меня нет желания рассказывать вам монотонные приключения тех утомительных дней, в течение которых мы с Вулой выбирались из стеклянного лабиринта и подземных извилистых ходов под долиной Дор и Золотыми Скалами. Мы все-таки выбрались на склоны горы Оц, с которой мы спустились к подножию гор, преодолевая крутые обрывы, проползая по краю страшных пропастей. След похитителей вновь привел нас в долину Дор, где мне не раз пришлось сражаться. Наконец мы подошли к узкому ущелью, которое с каждым шагом становилось все непроходимее. Но мы добрались по нему к могучей крепости, которая, казалось, срослась с высокими скалами.

Это было тайное убежище Матана Шанга, отца святых жрецов. Здесь, окруженный горсткой правоверных, жил хеккадор древней веры, некогда властвовавшей над всем Барсумом. Отсюда посылал он свои духовные наставления тем немногим народам, которые упорно продолжали держаться старой религии.

Солнце уже садилось, когда мы подошли к неприступным стенам старой крепости. Опасаясь быть замеченным, я спрятался с Вулой за гранитную глыбу в зарослях колючего красного кустарника, который покрывает склоны горы Оц. Мы пролежали в кустах до темноты, а потом подползли к крепостным стенам.

По небрежности ли, или из сознания полной непри-

ступности убежища, массивные ворота оказались приоткрытыми. За ними виднелась группа стражников, забавлявшихся одной из барсумских игр. Я не обнаружил среди них ни одного жреца, сопровождавшего Матана Шанга и Турида. Поэтому, вполне полагаясь на свой маскарад, я смело прошел через ворота и подошел к ним.

Они прекратили игру и взглянули на меня без признаков подозрения. Недовольно ворчащий Вула также не произвел на них никакого впечатления.

— Каор! — произнес я марсианское приветствие.

Воины поздоровались со мной.

— Я только что прибыл с Золотых Скал, — продолжал я, — и мне нужна аудиенция у хеккадора Матана Шанга. Где я могу найти его?

— Следуй за мной, — сказал один из стражников и повел меня через двор ко второй крепостной стене.

Не знаю почему, но удивительная легкость, с которой мне удалось обмануть их, не возбудила во мне никаких подозрений. Я беспечно и добровольно последовал за своим провожатым прямо в объятия смерти.

Позже я узнал, што шпионы предупредили жрецов о моем приходе за несколько часов до того, как я достиг крепости. Ворота нарочно были оставлены открытыми, чтобы заманить меня. Стражники великолепно разыграли спектакль. И я, опытный воин, прошедший сквозь столько опасностей, попал, как мальчишка, в расставленную мне ловушку!

В дальнем углу двора виднелась узкая дверь; сторож вынул ключ и отворил ее, затем, отступив назад, жестом пригласил меня и сказал:

— Матан Шанг во внутреннем дворе.

Я спокойно вошел с Вулой в открытую дверь, и она быстро захлопнулась за нами. Хохот, донесшийся из-за толстой стены был первым предупреждением, что не все так гладко, как мне представлялось.

Я очутился в маленькой комнате внутри стены. Передо мной была дверь, которая, по всей вероятности, вела во внутренний двор. Минуту я колебался, во мне зашевелились сомнения. Однако, пожав плечами, я открыл дверь и шагнул во внутренний двор, освещенный факелами.

Прямо напротив меня возвышалась башня высотой в триста футов. Стены башни покрывали рисунки сложного орнамента, а сама она была выстроена в новом барсумском стиле. На высоте тридцати футов над двором нависал широкий балкон, на котором действительно стоял Матан Шанг.

Рядом с ним я разглядел Турида, Файдору, Тувию и Дею Торис, руки последних были скованы цепями. Несколько воинов-жрецов охраняли их.

Глаза всех стоящих на балконе устремились на меня. Злая усмешка искривила тонкие губы Матана Шанга. Турид бросил в мою сторону какое-то оскорбление, фамильярно положил руку на плечо моей возлюбленной. С яростью тигрицы она обернулась к нему и нанесла в ответ удар своими цепями.

Он, наверное, прибил бы ее, если бы не вмешался Матан Шанг. Я сразу обратил внимание, что между союзниками не слишком-то дружеские отношения. Матан Шанг надменно и властно объяснил перворожденному, что принцесса Гелиума является его личной собственностью и никто другой не смеет трогать ее. В обращении Турида с хеккадором тоже не было заметно былого почтения.

Разрешив конфликт, Матан Шанг обратился ко мне.

— Человек Земли, — сказал он, — ты заслужил более страшную казнь, чем та, к которой наша власть может приговорить тебя. Но чтобы смерть твоя сегодня стала вдвое горше, знай, что, как только ты умрешь, твоя вдова станет на целый марсианский год женой Матана Шанга, хеккадора жрецов. К концу же этого срока, как полагается по нашему обычаю, она будет смещена. Но она не получит, как обычно, титул высшей жрицы в какой-нибудь святой обители, где провела бы остаток дней в спокойной и почетной жизни. Я отдам ее на забаву моим помощникам или, может быть, твоему врагу датору Туриду.

Он остановился, ожидая, взрыва ярости с моей стороны, что, несомненно, доставило бы ему садистскую радость. Но я не стал подыгрывать ему, раззадорив еще больше его злобу и ненависть. Я был уверен, что в случае моей смерти Дея Торис найдет способ умереть раньше, чем они предадут ее позору.

Зная, что жрецы с благоговением относятся к своим желтым парикам, прикрывающим лысые головы, и золотым обручам с драгоценными камнями, означающим принадлежность к высшему рангу жрецов, я сорвал их с головы и пренебрежительно бросил на плиты двора. Затем я спокойно вытер ноги о желтые кудри, а когда с балкона раздались крики возмущения, еще и плюнул прямо на священную диадему.

Матан Шанг затрясся от гнева, но на губах Турида промелькнула довольная улыбка. Для него эти символы не являлись священными.

— Вот так же я поступил с вашей богиней-шарлатанкой, бросив ее на растерзание толпы.

Веселье вмиг сбежало с лица Турида, поскольку он был одним из любимцев Иссы.

— Пора кончать с этим богохульником! — вскричал он, обернувшись к отцу жрецов.

Матан Шанг встал и, перегнувшись через перила балкона, издал зловеющий клич. Подобный я уже слышал в былые времена с маленького балкона Золотых Скал, выходящего на долину Дор. Так они созывали полчища белых обезьян и растительных людей покончить с несчастными паломниками, приплывающими по таинственной реке Исс к мертвому озеру Корус.

— Смерть! — завопил отец жрецов.

Немедленно внизу башни открылись двери и двенадцать злобных бенсов выскочили во двор. Не в первый раз встречаясь я лицом к лицу со свирепым марсианским львом, но мне никогда не приходилось видеть перед собой одновременно целую дюжину... Несмотря на помощь Вулы, в такой неравной схватке мог быть только один исход.

Ослепленные светом факелов, звери на минуту остановились. Но вскоре их глаза привыкли к свету, они почуяли меня и Вулу и, оцетинив гривы, с глухим ревом пошли на нас, размахивая сильными хвостами.

В последнюю минуту своей жизни я бросил прощальный взгляд на Дею Трис: ее прекрасное лицо искал ужас, наши глаза встретились, она протянула ко мне руки и бросилась бы вниз, если бы стражники силой не удержали ее. Когда бенсы были уже близко от меня, она, не выдержав пытки, отвернулась и закрыла лицо руками.

Тувия, красная девушка из Парты, стояла рядом с ней. Вдруг она резко перегнулась через перила, глаза ее возбужденно сверкали. Еще мгновение — и я буду растерзан бенсами. У меня мелькнула мысль положиться на свои мышцы и спастись от них, запрыгнув на балкон. Но как решиться оставить на съедение страшным зверям своего верного Вулу? Это было не в моих правилах, оставлять товарища в беде.

У меня только возникла смутная догадка загадочного взгляда Тувии, как с ее губ сорвался тихий мурлыкающий напев. Однажды я уже слышал его, когда Тувия созвала им свирепых бенсов и увлекла за собой, как пастушка послушное стадо ягнят. Заслышав ее голос, бенсы вскинули головы и разглядели на балконе Тувию. Стражники подскочили к Тувии, стараясь оттащить ее и помешать усмирить зверей. Но было уже поздно. Они послушно завияли хво-

стами и направились к своим клеткам.

— Тебе нечего больше их бояться, Джон Картер, — воскликнула она. — Они не причинят никакого вреда ни тебе, ни Вуле.

Она спасла нас! Теперь надо действовать. Я разбежался и, высоко подскочив, ухватился за выступ балкона. Мои враги заметались. Матан Шанг отшатнулся, а Турид подскочил с обнаженным мечом, намереваясь столкнуть меня вниз. Ему помешала Дея Торис, преградив путь. Тогда Матан Шанг грубо схватил ее и потащил в башню. С минуту Турид колебался, но затем бросился вдогонку за отцом святых жрецов и Деей Торис.

Одна Файдора сохранила присутствие духа. Она приказала двум стражникам увести Тувию, остальным велела отразить мое нападение. Потом она обернулась ко мне и сказала:

— Джон Картер! В последний раз Файдора, дочь хеккадора, предлагает тебе свою любовь. Прими ее — и твоя принцесса будет возвращена в Гелиум, а тебя ожидает счастье. Ты не сможешь спасти ее. Если ты и на этот раз откажешь мне, ее постигнет судьба, уготованная моим отцом, а тебя ничто уже не спасет! Ты не сумеешь добраться до того места, где ее упрятут, а выхода из крепости тебе нет. Отвечай же!

— Ты ведь прекрасно знаешь мой ответ, Файдора, — ответил я. — Дорогу! — закричал я стражнику. — Джон Картер, принц Гелиума, хочет пройти!

С этими словами я перемахнул через перила и оказался на балконе, с обнаженным мечом ожидая врагов. Их было трое. Файдора, предвидя исход боя, развернулась и убежала, в очередной раз услышав отказ. Стражники разом набросились на меня, что дало мне преимущество, поскольку площадь балкона не позволяла им развернуться. Они толкались и только мешали друг другу. А выдвинувшийся вперед воин сам напоролся на мой меч.

Вид крови пробудил во мне боевой пыл. Меч летал по воздуху с такой точностью, что мои противники пришли в отчаяние. А когда я поразил второго жреца, последний бросился бежать. Надеюсь, что он укажет мне путь, я не стал его удерживать и опрометью бросился за ним. Лестница привела нас в небольшую комнату, в которой было лишь одно окно, выходящее на гору Оц и долину потерянных душ.

Обезумевший от страха жрец подскочил к глухой стене и стал отчаянно царапать ее. Я сразу понял, что он ищет

потайной ход и остановился, давая ему возможность открыть дверь. Мне не нужна была его смерть, я хотел найти путь к Дее Торис.

Но стена не поддавалась, и он отступился и повернулся ко мне.

— Иди своей дорогой, жрец, — сказал я ему, указывая на лестницу. — Мне не нужна твоя жизнь. Ступай!

Вместо ответа он бросился на меня с мечом. Это было столь неожиданно, что я чуть не упал от первого же его удара. Мне было так жаль терять время на поединок с ним, но иного выхода у меня не было.

Жрец был искусным бойцом, а главное — необыкновенно хитрым и коварным. Казалось, что ему не ведомы определенные правила борьбы, переступить которые не осмелился бы ни один честный барсумский воин. Он унился даже до того, что стащил с головы парик и бросил его мне в лицо в надежде ослепить меня и нанести решительный удар. Но это ему не удалось — я вывернулся. Мне приходилось сражаться со жрецами, и я знал, что они самые бесчестные противники на Марсе, поэтому я все время ожидал какого-нибудь нового дьявольского приема.

Но он перешел всякие границы. Вытащив свой кинжал, жрец метнул его в меня, а сам бросился ко мне с мечом. Я же успел поймать его рукой и отбросил далеко назад. Кинжал ударился о стену и со звоном упал на пол. Я резко отскочил в сторону, так что удар врага пришелся в пустоту, а мой меч поразил его. С отчаянным воплем жрец рухнул на пол.

Я бросился к стене, через которую поверженный мною противник пытался пройти. Надо во что бы то ни стало раскрыть секрет замка, но сколько я не бился, стена не сдвинулась с места. Мне даже почудилось, что за стеной раздавался торжествующий хохот.

Видя бесплодность своих усилий, я подошел к единственному окну комнаты. Я скользнул взглядом по склонам горы и далекой долине, сосредоточив все внимание на стенах башни, покрытых орнаментом. Где-то внутри этой каменной громады скрывали от меня Дею Торис! Вероятно, эта стена и есть единственный путь к ней. Риск был большой, но ведь речь шла о судьбе самой замечательной женщины в мире!

Я взглянул вниз. Огромные острые глыбы гранита лежали на краю страшной пропасти, над которой возвышалась башня. Одно неловкое движение — и верная смерть ждала меня на дне бездны! Однако другого пути не было!

Должен сознаться, что я слегка вздрогнул, когда поставил ногу на внешний выступ окна и начал свой отчаянный подъем.

К своему ужасу, я заметил, что края орнаментов, украшавших башню, были сточены, и держаться за них было очень неудобно. В пятидесяти футах надо мной начинались ряды выступающих каменных рустов. Они были выложены по кругу на расстоянии двух футов друг от друга и выступали на несколько дюймов на ровной кладке башни. Если бы только добраться до них!

Медленно, с трудом карабкался я все выше, преодолевая расстояние до ближайших рядов окон. Любая случайность — кашель или дуновение ветерка — могла низвергнуть мое тело в пропасть. И вот моя рука уже уцепилась за выступ окна, а я вдруг услышал голоса, поскольку окно было раскрыто.

— Он никогда не сумеет разгадать секрета дверного замка...— Это был голос Матана Шанга.— Идем быстрее в ангар. Нам нужно как можно скорее убраться отсюда на север, пока он не добрался до нас, хотя мне кажется это невозможным.

— Для этого дьявола все возможно,— ответил другой голос, в котором я узнал голос Турида.

— Тогда поспешим,— сказал Матан Шанг.— Но на всякий случай я оставляю здесь двух стражников для охраны лестницы. Они на другом аэроплане догонят нас в Каоле.

Слушая их разговор, я весь сжался, судорожно цепляясь за выступ руста. Если бы меня сейчас увидел Турид! Ему стоило только выглянуть из окна и острием меча столкнуть меня в бездну...

Вскоре их голоса затихли, и я возобновил свой рискованный подъем. Теперь мне следовало избегать окон.

Матан Шанг говорил об ангаре и аэропланах, что подсказало мне конечную цель моего безумного предприятия. Самый опасный и трудный участок подъема был пройден, и я с облегчением почувствовал усталыми пальцами последние ряды рустов. В десяти футах от крыши стена слегка наклонялась внутрь. Ползти наверх стало легче, и я довольно быстро преодолел последний до крыши отрезок. Подтянувшись до уровня карниза, я увидел на ней готовый к отлету аэроплан, на палубе которого уже находились Матан Шанг, Файдора, Дея Торис, Тувия и несколько воинов-жрецов. Турид стоял рядом с аэропланом, намереваясь перейти на его палубу.

Он был не более чем в десяти шагах от меня и смотрел в

противоположную сторону. Когда моя голова появилась над карнизом крыши, он случайно обернулся, наши глаза встретились, и на его лице появилась злорадная улыбка. Он подскочил ко мне, пока я пытался перелезть через карниз.

Дея Торис, вероятно, тоже увидела меня, так как вдруг истошно закричала, предупреждая меня об опасности. В ту же минуту Турид нанес мне ногой сильнейший удар прямо в лицо. Я пошатнулся и полетел через карниз крыши.

Глава V

ДОРОГА В КАОЛ

Если судьба и бывает ко мне жестока, но в ту минуту она, вероятно, проявила все-таки милосердие и оберегла меня. Я падал с башни в страшную бездну, прощаясь с жизнью. Турид, очевидно, был уверен в моей гибели, поскольку даже не потрудился взглянуть вниз.

Я пролетел всего десять футов; петля моего ремня зацепилась за один из рустов, и я повис в воздухе. Я долго не мог поверить в чудо, которое спасло меня от неминуемой смерти, и продолжал висеть почти без памяти, обливаясь холодным потом.

Наконец, осторожно, с неимоверными усилиями, принял более устойчивое положение. Однако подыматься снова я не решался — ведь наверху меня могли поджидать. Но вскоре до моих ушей дошло жужжание пропеллера, которое с каждой секундой удалялось. Сообразив, что аэроплан отлетел на север, я решил вернуться на крышу. Долго я не мог заглянуть через карниз. Преодолев неприятное чувство, я все же заглянул и обнаружил, что крыша пуста. Добежать до ангара и вытащить из него единственный стоящий там аэроплан было делом нескольких минут. И когда оба жреца, оставленные Матаном Шангом охранять лестницу, оказались на крыше, я пролетел над ними, хохоча и осыпая их презрительными словами.

Затем я быстро нырнул во внутренний двор, где оставил Вулу. К моей огромной радости верное животное было еще здесь. Все двенадцать бенсов лежали у дверей своих клеток, зловеще рыча, но не нарушая приказаний Тувии. Я благодарил судьбу, что Тувия, будучи пленницей жрецов в лабиринтах Золотых Скал, приобрела дар укрощать свирепых животных.

Увидев меня, Вула радостно запрыгал и тотчас же вско-

чил в аэроплан, когда я на мгновение коснулся плит двора. Провожаемые злобными криками растерявшихся стражников, мы вихрем промчались над последним оплотом святых жрецов и взяли курс на северо-восток, где находился Каол, и куда отправился Матан Шанг с прекрасными пленниками.

Уже поздно вечером я заметил далеко впереди их аэроплан. За ночь я значительно сократил расстояние между нами, и они, вероятно, тоже заметили мое судно. Всю ночь мы мчались над Барсумом, пролетая над холмами и высохшими морями, над мертвыми покинутыми городами и населенными пунктами красных марсиан, над ухоженными полями вдоль водных путей, рукотворных каналов Марса.

Утром я сумел довольно близко разглядеть аэроплан жрецов. Он был больше моего и не такой быстроходный, но все же он покрыл огромное расстояние с тех пор, как началась погоня.

Сменившаяся растительность внизу подсказала мне, что мы движемся к экватору. Я был теперь так близко от неприятеля, что мог бы пустить в ход пушку, но боялся стрелять по судну, на котором находилась Дея Торис.

Почувствовав опасность, Турид решил избавиться от погони. Он сам навел орудие на меня и произвел несколько выстрелов. Один из них попал в нос моего корабля, разворотив резервуары. Судно было обречено. Я едва успел привязать Вулу к палубе и прикрепить свой пояс к перилам, когда аэроплан качнулся и резко начал падать.

Резервуары в кормовой части не были повреждены, поэтому машина падала сравнительно медленно. Но Турид продолжал непрерывно стрелять, задавшись целью уничтожить меня. Лишь чудо спасло нас от пуль и осколков вражеских снарядов. Догадавшись, что Турид успокоится только тогда, когда увидит меня мертвым, я завис на перилах, имитируя смерть. Хитрость удалась. Турид прекратил стрельбу, и неприятельский аэроплан стал поспешно удаляться от нас.

Наше поврежденное судно медленно опустилось на мягкий мох, мы выбрались из обломков корабля и огляделись. Недалеко от нашего места падения был лес, что крайне удивило меня, поскольку до сих пор я встречал его лишь в долине Дор, у мертвого озера Корус.

Из книг и от путешественников я знал кое-что о малоизвестной стране Каол, которая расположена вдоль экватора далеко на востоке от Гелиума. Границы ее простираются по всей низменности в этой части планеты, и климат можно

сравнить с земными тропиками. Страна населена краснокожими, которые по внешнему виду, обычаям и образу жизни мало отличаются от остальных красных народов Барсума. Я знал, что народ Каола остался верен религии святых жрецов. И, конечно, Матан Шанг найдет приют и ласковый прием у них, а Джон Картер мог рассчитывать только на позорную смерть.

Ни один водный путь не соединяет Каол с другими странами, поэтому, изолированные от других народов, жители страны живут замкнуто. Плодородная увлажненная почва низменности позволяет собрать хорошие урожаи, а высокие горы и пустыни на месте высохших морей надежно защищают страну от набегов воинственных племен Барсума. О джеддаке Каола также было мало что известно, тем более о народе, которым он управлял.

Отдельные экспедиции, в основном охотников, забредали иногда в этот забытый уголок Барсума, но аборигены всегда так враждебно встречали их, что даже интересная охота на диких неведомых зверей каольских джунглей в последние годы не привлекала отважных искателей приключений.

Я знал, что очутился где-то на границе этой неведомой страны. Но где искать Дею Торис? Как далеко мне придется проникнуть на ее территорию? Обо всем этом я не имел ни малейшего представления.

Я положился на Вулу, который, едва я его развязал, высоко поднял голову и уверенно углубился в лес в том направлении, которого мы держались во время полета.

Лес закончился, и впереди нас ждал глубокий овраг. Мне приходилось буквально бежать за Вулой, спотыкаясь на каждом шагу за корни огромных деревьев, верхушки которых совершенно закрывали небо. Легко понять, почему каольцы обходились без воздушного флота! Их города, спрятанные в самой чаще этого могучего леса, были совсем невидимы сверху. К ним могли спуститься только маленькие аэропланы, да и те не без риска.

Я не представлял себе, как Турид и Матан Шанг посадят свой корабль в этом лесу. Только потом я узнал, что в каждом большом городе Каола существует сторожевая башня, на открытой верхней площадке которой устроены посадочные платформы. Днем и ночью их стерегут дозорные, чтобы предотвратить неожиданное нападение враждебных флотов. На одной из них и совершил посадку аэроплан святых жрецов.

Когда мы с Вулой спустились на дно оврага, почва

оказалась такой влажной и мягкой, что мы с большим трудом преодолевали фут за футом. Нас окружала буйная растительность, похожая на папоротник с красными и желтыми листьями, значительно превышающая мой рост, разнообразные ползучие растения, стебли которых перекидывались с дерева на дерево. В этом экзотическом лесу нам встретились и растения-убийцы. У одного из них были «глаза» и «руки», которыми они ловили насекомых, служащих им пищей.

Здесь же я повстречал отвратительное дерево, имеющее на конце каждой ветки сильные челюсти. Оно способно погубить даже довольно крупных животных. Вула и я несколько раз подвергались опасности со стороны этих прожорливых растительных чудовищ.

Иногда попадались поляны с более твердой почвой, где можно было передохнуть. На одной из таких лужаек я решил расположиться на ночь. Поужинав сочными вкусными плодами с ближайших деревьев, мы улеглись спать и сразу же заснули.

Я был разбужен среди ночи глухим рычанием Вулы. В полной темноте, окутавшей лес, я ничего не мог разглядеть, но услышал шорох листьев и мягкие крадущиеся шаги. Я вскочил, обнажив свой меч, и приготовился к нападению. Внезапно рядом с нами раздался дикий рев. Какая глупость, что я не выбрал на ночь более безопасного убежища для нас с Вулой!

Наша поляна была окружена со всех сторон неизвестными животными, зеленые глаза которых сверкали во мраке ночи тут и там, и все они периодически издавали оглушительный рев, наводящий страх и ужас. Так мы провели остаток ночи. Я не мог понять, почему звери не напали на нас, вероятно, они не решались выйти на открытую поляну.

Забрезжил рассвет, и я разглядел наших опасных соседей. Трудно представить более страшное сборище свирепых чудовищ, чем то, которое открылось нашим взорам. С восходом солнца они начали потихоньку разбредаться, и когда последний зверь исчез в чаще джунглей, мы вновь отправились в путь.

В течение дня мы не раз видели хищников, но всегда успевали добежать до открытой поляны, на которую они не смели ступить. К полудню мы добрались до дороги, которая шла в нужном нам направлении. Древняя дорога была выстроена искусными строителями, но чувствовалось, что ею пользуются и поныне. Я заключил, что она приведет нас в один из главных городов Каола.

Только мы ступили на дорогу, как из джунглей показа-

лось огромное чудовище, бешено мчавшееся в нашем направлении. Оно напоминало шершня величиной с быка.

Мой меч выглядел жалкой игрушкой по сравнению с его пастью, откуда в несколько рядов выглядывали огромные клыки. На хвосте чудовища я заметил жало. Я не надеялся, что мне удастся увернуться от него или спастись от нескольких глаз, расположенных по разным сторонам головы. Этими глазами животное глядело сразу во всех направлениях. Даже мой бесстрашный и свирепый Вула выглядел рядом с ним беспомощным котенком. Бежать было бесполезно, я остался на месте, решив умереть в бою.

Чудовище налетело на нас, намереваясь поразить ядом своего жала. Я приказал Вуле наброситься ему на голову и, по возможности, сковать его движения. Могучие челюсти десятиного сомкнулись на безобразной голове нашего врага, а блестящие клыки вонзились в огромные глазницы. Я бросился к хвосту зверя, предчувствуя главную опасность именно в нем. Животное, лишившееся хвоста от удара моего меча, отбросило меня задней лапой далеко в заросли джунглей. Я упал, тяжело дыша. Все тело ныло, хорошо еще, что я не налетел на дерево — такой страшной силы был удар.

Я едва держался на ногах, но, пошатываясь, побрел на помощь Вуле. Чудовище кружилось, подскакивая на десять футов от земли и яростно размахивая всеми шестью ногами, стараясь стряхнуть вцепившегося Вулу. Я подбежал к ним и стал колоть в живот чудовища острием меча. Зверь с размаху опустился на меня, и прежде чем я успел отскочить, ухватил за плечо и поднял в воздух, нанося страшные удары ногами. Еще несколько минут этой бойни превратило бы меня в лепешку.

Поднятый на несколько футов в воздух, я окинул взором дорогу. В ту минуту, когда я уже отказался от всякой надежды на спасение, я увидел, как из-за поворота на великолепном тоте, каких обычно выращивают красные марсиане, выехал красный воин с длинным копьем в руках. Завидев нас, он перешел на галоп и на всем скаку вонзил копьё в нашего противника.

Чудовище судорожно вздрогнуло, челюсти разжались, и я упал. Животное накренилось на бок и рухнуло на дорогу вместе с Вулой, который так и не отцепился от него. Пока я вставал и помогал Вуле выползти из-под зверя, незнакомец вернулся. Я принялся благодарить его за помощь, но он решительно перебил меня.

— Кто ты? — спросил он. — Как осмелился ты вступить в страну Каол и охотиться в лесах джеджада?

Но заметив сквозь пыль и кровь, покрывавшие меня, белую кожу, он изумился и прошептал изменившимся тоном:

— Неужели ты святой жрец?

Я мог бы обмануть его, как обманывал других, но ведь желтый парик и диадема жреца остались во дворе крепости. Кроме того, мой обман наверняка очень скоро открылся бы.

— Я не жрец,— признался я откровенно и, отбросив всякую осторожность, прибавил.— Я Джон Картер, принц Гелиума, чье имя, быть может, немного знакомо тебе.

Мой вызов настолько изумил его, что я покрепче сжал рукоятку меча, ожидая, что после моего заявления последует немедленная расплата. Однако этого не произошло.

— Джон Картер, принц Гелиума,— тихо повторил он, как будто не веря моему признанию.— Джон Картер — самый могучий воин на Барсуме.

Он спешился и положил руку мне на плечо, в знак дружеского расположения.

— Я обязан убить тебя,— сказал он,— но я всегда восхищался твоей смелостью и верил в твою искренность. Я сам не очень-то ревностный сторонник религии святых жрецов. Если бы при дворе Кулана Тита узнали об этом, то мне грозила бы смерть. Когда тебе понадобится помощь Торкара Бара, двара каольской дороги, ты можешь располагать мною.

Честность и искренность воина вызвали во мне симпатию и дружеское расположение. Титул двара каольской дороги объяснял его неожиданное появление в чаще дикого леса. Все дороги на Барсуме охраняются самыми уважаемыми и храбрыми воинами, и служба эта считается очень почетной.

— Я уже в большом долгу у тебя, Торкар Бар! — ответил я, указывая на поверженное чудовище, в котором торчало его длинное копьё.

Красный человек улыбнулся.— Счастье, что я подошел,— сказал он.— Сита можно убить, только пронзив отравленным копьём его сердце. Находясь в этих лесах, мы всегда вооружаемся длинными копьями, конец которых пропитан ядом самого сита. Ни один яд не действует на них так быстро, как их собственный. Смотри,— сказал он, вытаскивая кинжал.

Он надрезал хвост животного, немного повыше жала, и вырезал две железы, каждая из которых содержала в себе около пяти бутылок ядовитой жидкости.

— Таким образом мы пополняем наши запасы. Яд сита идет и на другие цели. К счастью, они встречаются все реже и реже. А в прежние времена ситы представляли

настоящее бедствие для Каола. Эти чудовища целыми стадами в двадцать, тридцать голов налетали на города, унося женщин, детей и даже воинов!

Пока он говорил, я размышлял о том, как объяснить ему цель, приведшую меня в его страну. Но его следующая фраза избавила меня от необходимости объяснять ему что-либо.

— А теперь несколько слов о тебе, Джон Картер, — сказал он. — Я не спрашиваю тебя, какое дело привело великого воина к нам. Можешь ничего не объяснять. У меня есть глаза и уши. Вчера утром я видел компанию, прибывшую в Каол с юга на небольшом аэроплане. Я требую у тебя одного: дай мне слово, Джон Картер, что ты не замышляешь ничего против народа Каола и его джеддака.

— Я даю тебе это слово, Торкар Бар, — ответил я.

— Мой путь лежит по каольской дороге, уходящей далеко от города Каол, — продолжал он. — Я ничего не видел, слышишь? Джона Картера — меньше всего! Ты тоже не видел Торкара Бара и не слышал о нем. Понял?

— Вполне, — ответил я.

Он еще раз положил руку на мое плечо и сказал:

— Эта дорога ведет прямо в город Каол. Удачи тебе!

И, вскочив на тот, он умчался, даже не оглянувшись назад.

Уже наступила ночь, когда мы с Вулой заметили сквозь поредевший лес высокую городскую стену. Немногие прохожие, которые повстречались нам, с удивлением разглядывали огромного калота, но я не вызвал у них подозрений, так как предусмотрительно покрыл тело красной краской.

Как проникнуть в хорошо охраняемый город джеддака Каола Кулана Тита? Проходя через ворота, я был обязан, по обычаю Барсума, сообщить о себе правдивые и подробные сведения. Я не надеялся, что мне удастся провести начальника стражи городских ворот, посему решил воспользоваться излюбленным способом — под покровом темноты тайком пробраться в город и спрятаться в каком-нибудь густонаселенном квартале.

Обходя городскую стену в поисках подходящего места, я обратил внимание, что все деревья рядом с ней вырублены. Несколько раз пытался я вскарабкаться на нее, но даже мои земная ловкость и мышцы не могли справиться с хитрым укреплением. Стена состояла из трех частей примерно по тридцать футов каждая. Нижняя часть выдавалась вперед, за ней следовала вертикальная часть, ну а последняя была выложена с уклоном внутрь. Поверхность каменной

кладки была словно полированное стекло. После многочисленных и бесплодных попыток я вынужден был признать, что наконец встретился с барсумской стеной, которую даже я не могу одолеть.

В печали я удалился в лес и залег у широкой дороги, которая вела в город с востока.

Глава VI

ГЕРОЙ В КАОЛЕ

Было уже светло, когда я проснулся, разбуженный какими-то неясными звуками. Казалось, будто кто-то украдкой пробирается в чаще леса. Вула насторожился и смотрел в сторону дороги, которую скрывал густой кустарник.

Сначала я ничего не мог рассмотреть, но потом что-то замелькало между красными, желтыми и малиновыми листьями. Подав знак моему верному другу, я осторожно пополз вперед и спрятался за стволом толстого дерева. Вдоль зарослей кустов у дороги, насколько я мог видеть, в сторону города тянулась цепочка зеленых воинов. Вероятно, они поджидали в засаде отряд красных воинов из ближайших ворот.

Я не присягал джеддаку Каола, но он принадлежал к той же расе красных людей, что и Дея Торис, поэтому я не мог остаться равнодушным к готовящейся расправе над красными людьми со стороны жестоких демонов барсумских пустынь.

Я вернулся за Вулой и приказал ему следовать за мной. Нам пришлось сделать значительный крюк, обходя зеленых воинов, но мы незаметно подошли к городской стене. Направо от меня, всего в двухстах футах, возвышались ворота, откуда, очевидно, должно было выступить войско, но подойти к ним, не попав в поле зрения зеленых было невозможно. Я вспомнил о других воротах, в миле отсюда, и побежал к ним, предвидя, что известие, которое я сообщу в Каоле, послужит мне лучшим пропуском в город. Но должен сознаться, что главной причиной моего рвения было все-таки желание пробраться в город, а не забота о каольских воинах. И хоть мне не составило бы труда лишний раз обнажить свой меч, у меня было более важное и спешное дело, чем проливать кровь незнакомых мне воинов.

Только бы мне пробраться за городскую стену! Там, в суматохе, я найду повод проникнуть во дворец джеддака.

Я был уверен, что Матан Шанг с пленницами размещены во дворце. Но едва я пробежал сотню шагов к дальним воротам, как услышал из-за стены топот марширующего войска, бряцание оружия и визг тотов. Я понял, что они на подходе к ближним воротам. Была дорога каждая минута! Сейчас ворота распахнутся, колонна выступит на дорогу и, ничего не подозревая, попадет прямо в лапы смерти.

Я повернул обратно и помчался вдоль стены; нет, я не бежал, а преодолевал расстояние своими огромными прыжками в тридцать, пятьдесят, сто футов, так поразившими всех и принесшими мне известность на Барсуме. Зеленые воины заметили меня и поняли, что их коварный план открыт. Ближайшие ко мне вскочили, надеясь перезасть дорогу. В тот же момент огромные ворота открылись и показали первые ряды красных воинов. Дюжина зеленых отделяла меня от каольцев, но они не имели ни малейшего представления, против кого сражаются.

Я сходу ринулся в бой, нанося удары направо и налево. Когда зеленые воины начали сильно теснить меня, я перелетел через них и нанес, как это делают растительные люди, одному из них смертельный удар по голове. Красные воины устремились к нам, а из джунглей навстречу им неслась дикая орда зеленых людей. Через минуту я очутился в центре жестокого кровавого боя.

Каольцы были отважны, да и зеленые воины экватора отказались не менее воинственными, чем их жестокие сородичи умеренного пояса. Не раз наступали моменты, когда одна из сторон могла бы отступить и прекратить резню, но они вновь и вновь нападали друг на друга с безумным ожесточением. И я понял, что бой окончится только полным уничтожением одной из сторон.

Во мне, как всегда, проснулся боевой дух, и я ощутил радость битвы. Мои подвиги подогревались возгласами одобрения каольцев, которые, несомненно, оценили мое боевое искусство.

Если иногда кажется, что я излишне горжусь своими подвигами, то не надо забывать, что война — мое призвание. Положим, ваше призвание — подковывать лошадей или писать картины. Если вы делаете это лучше ваших товарищей, то вы просто глупы, не ощущая гордости за ваше превосходство над другими. Итак, я откровенно горжусь, что на обеих планетах нет более великого бойца, чем Джон Картер!

В этот день я превзошел самого себя. Я хотел получить признательность каольцев... и доступ в город. И мне не пришлось разочароваться.

Мы сражались весь день, пока дорога не пропиталась кровью и не оказалась заваленной трупами. Бой шел все время на дороге, перемещаясь все дальше от ворот. И вход в Каол ни разу не подвергся серьезной опасности. В редкие минуты затишья мне удавалось переброситься парой фраз с красными воинами. И даже сам джеддак Кулан Тит подошел ко мне и, положив руку на мое плечо, спросил мое имя.

— Я Дотор Соджет, — ответил я, вспомнив имя, данное мне тарками много лет тому назад. По их обычаю это имя было составлено из имен двух вождей, убитых мною.

— Ты могучий воин. Дотор Соджет, — ответил джеддак. — Когда кончится этот ужасный день, я приму тебя в большом зале для аудиенций.

Вокруг нас вновь закипела битва, мы были оттеснены друг от друга, но я добился своего. Воодушевленный разговором с джеддаком ринулся я в самую гущу сражающихся воинов и бился до тех пор, пока последний зеленый воин не отступил в спасительный лес.

Только когда закончилось сражение, я узнал, куда направлялось в тот день войско каольцев. Оказалось, что Кулан Тит намеревался встретить на расстоянии дневного перехода от Каола своего единственного союзника — могущественного джеддака, страна которого расположена к северу от Каола.

Теперь поход был отложен до утра, но Кулан Тит не вызвал меня сразу после боя, а послал ко мне одного из придворных, который предложил мне апартаменты в той части дворца, где жили начальники гвардии.

Здесь мы с Вулой хорошенько выспались и отдохнули. Ведь он тоже весь день сражался рядом со мной как настоящая марсианская боевая собака, которые довольно часто сопровождают на войне диких зеленых воинов. Мы оба порядком пострадали в бою, но чудесные целебные мази Барсума оказали за ночь свое действие, и мы проснулись свежими и бодрыми.

Я позавтракал в обществе каольских военачальников и нашел, что они так же любезны и гостеприимны, как красные люди Гелиума, которые славятся прекрасным воспитанием и вежливостью обращения. В самом конце завтрака явился посланник Кулана Тита с приглашением на встречу.

Когда я вошел в роскошно обставленный зал аудиенций, джеддак поднялся с трона и пошел мне навстречу. Этой высокой чести удостоиваются обычно лишь джеддаки других стран.

— Каор, Дотор Соджет,— приветствовал он меня.— Я просил тебя прийти, чтобы передать тебе благодарность моего народа. Ты герой вчерашней битвы. Если бы ты не предупредил нас вовремя, наши потери были бы значительно большими. Расскажи мне о себе: из какой ты страны, и какое дело привело тебя ко двору Кулана Тита?

— Я из Хастора,— ответил я.

У меня действительно был небольшой дворец в этом южном городе, принадлежавшем Гелнуму.

— Мое присутствие в стране Каол,— добавил я,— вызвано несчастным случаем: мой аэроплан потерпел крушение на окраине леса к югу от Каола. Я как раз искал вход в стене города, когда заметил засаду зеленых воинов, поджидающих ваши войска.

Может быть, Кулан Тит и удивился, зачем моему аэроплану понадобилось подлетать к самой границе его владений, но его любезность и этикет не позволили ему более расспрашивать об этом. Пока мы беседовали с джеджаком, в зал вошли какие-то люди; я не видел их, так как стоял спиной ко входу. Кулан Тит, сделав мне знак следовать за ним, направился к ним, чтобы представить нас друг другу.

Я повернулся и с трудом смог сохранить спокойствие и невозмутимый вид: передо мной стояли мои злейшие враги и слушали хвалебные речи Кулана Тита в мой адрес.

— Святой хеккадор! — сказал джеджак.— Благослови Дотора Соджета, доблестного чужеземца из далекого Хастора, чьи беспримерная храбрость и доблестный подвиг спасли вчера моих воинов от гибели.

Матан Шанг шагнул вперед и положил руку на мое плечо. Лицо его не дрогнуло: очевидно, моя красная кожа сделала меня неузнаваемым. Он ласково поговорил со мной и представил Туриду. Чернокожий тоже ничего не заподозрил. Затем Кулан Тит, к моему удовольствию, начал расписывать мои подвиги на поле сражения. Самое большое впечатление на него произвела моя ловкость в тот момент, когда я, перепрыгивая через группу зеленых воинов, на смерть поразил одного из них.

Мне почудилось, что в этот момент на лице Турида промелькнуло удивление, и он принялся пристально разглядывать меня. А тут еще Кулан Тит так некстати поведал о диком калоте, который сопровождал меня и сражался наравне с хозяином. В глазах Матана Шанга тоже мелькнуло какое-то беспокойство, или мне это только показалось?

В конце аудиенции Кулан Тит объявил, что желает, чтобы я сопровождал его в церемонии встречи высокого гостя, и

поручил одному из командиров подобрать для меня соответствующие доспехи и подходящего тотта. Я поблагодарил за оказанную честь и распрощался с присутствующими в зале гостями. Матан Шанг и Турид, казалось, искренне выразили удовольствие от знакомства с таким замечательным воином. Выйдя из зала, я вздохнул с облегчением. Конечно, только мое двусмысленное положение заставило меня усомниться в том, что враги не узнали меня.

Полчаса спустя мы выехали из городских ворот с отрядом войск, сопровождавшим Кулана Тита. Несмотря на мое страстное желание разузнать что-нибудь о Дее Торис и Тувии из Птарты, ни во время нашей беседы во дворце, ни потом я так и не видел их и ничего не услышал о них. И все же я был убежден, что они спрятаны где-то во дворце, и с удовольствием остался бы там, пока джеддак отсутствовал.

К полудню мы встретились с передовым отрядом, который сопровождал иностранного гостя. Великолепный караван растянулся на целые мили по широкой каольской дороге. В авангарде была кавалерия, доспехи которой, украшенные драгоценными камнями и металлами, ярко блестели на солнце. За ней двигались тысячи богато убранных повозок, запряженных огромными зитидарами, на спинах которых восседали юноши-возницы. Повозки были полны детей и женщин, разряженных в пестрые шелка. Вся эта картина воскресила в моей памяти первые дни на Барсуме, двадцать два года назад, когда я впервые увидел живописный караван зеленых тарков.

Я впервые встретил прирученных зитидаров на службе у красных людей. Эти животные, напоминающие мастодонтов, достигают огромной величины и кажутся исполинами даже рядом с гигантскими зелеными людьми и их тоттами. Красные люди показались мне лилипутами рядом с этими экзотическими зверями.

Зитидары были убраны яркими шелковыми попонами и блестящей сбруей, усеянной бриллиантами, жемчугами, рубинами и изумрудами. На повозках развевались флаги, знамена и вымпелы.

Впереди ехал сам джеддак на белоснежном тотте очень редкой породы, за ним свита: стрелки, копыеносцы и знать. Это была действительно величественная картина! Караван двигался почти бесшумно. Изредка раздавался звон доспехов, случайный визг тотта или гортанный рев зитидара. Тотты и зитидары не имеют копыт и мягко ступают своими плоскими ступнями, а широкие колеса, отлитые из упругой массы,

не издают никакого шума. Иногда слышался веселый женский смех или детские голоса.

Красные марсиане — веселый, жизнерадостный и общительный народ в отличие от угрюмых и замкнутых зеленых людей.

Церемония встречи обоих джеддаков заняла целый час, а затем мы повернули и двинулись обратно в Каол. К наступлению темноты передовой отряд воинов, среди которых был и я, достиг городских ворот, но весь караван втянулся в город лишь к утру. После пышного и бесконечного банкета я удалился наконец в свою комнату, не решившись в эту ночь начать поиски Деи Торис.

Я брел по коридору к своей спальне, когда почувствовал, что за мной следят. Быстро оглянувшись, я успел заметить какую-то фигуру, скрывающуюся в открытой двери в ту минуту, когда я обернулся. Я опрометью бросился к тому месту, но никого не нашел. Однако готов поклясться, что в тот короткий миг я успел заметить белое лицо и длинные желтые волосы. Наверняка это один из жрецов Матана Шанга шпионил за мной. Значит, я не обманул хеккадора своим маскарадом. Если это так, то даже большие услуги, которые я оказал Кулану Титу, не спасут меня от расправы жрецов.

Неприятное открытие не помешало мне моментально заснуть, зарывшись в шелковые одеяла. Мне не позволили оставить Вулу во дворце, и я отвел его в помещение, где содержались тоты джеддака. Много бы я отдал, чтобы он был в эту ночь со мной. Будь так, не случилось бы того, что произошло в эту ночь.

Я проспал, вероятно, не более четверти часа, когда внезапно проснулся от прикосновения чего-то холодного и липкого к моему лбу. Я немедленно вскочил на ноги и протянул вперед руки. Моя рука коснулась человеческого тела, я бросился к нему, но в темноте запутался в одеялах и упал на пол.

Пока я снова встал и включил свет, мой посетитель успел скрыться. Тщательный осмотр комнаты не дал мне ничего. Кто же был этот ночной гость и по какому делу вздумал посетить меня в столь неурочный час?

Поскольку на Барсуме нет воров, я отбросил версию воровства. Несостоявшееся убийство? Мало вероятно, так как во сне незваный гость мог легко расправиться со мной. Я терялся в догадках и собирался уже снова заснуть, когда десять вооруженных стражников вошли в мою спальню. Во главе стражников был один из офицеров, с которыми я зав-

тракал. Но теперь на его лице не было и признаков бывшего дружелюбия.

— Кулан Тит приказал мне привести тебя к нему, — сказал он сурово. — Идем!

Глава VII

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Стражники препроводили меня в большой зал для аудиенций, находящийся в центре огромного здания. Когда я вошел в ярко освещенное помещение, наполненное знатными людьми Каола и свитой иностранного джеддака, все устремило взор на меня. В противоположном от входа конце зала стоял трон Кулана Тита, а по обе стороны от него восседали высокие гости: Матан Шанг и чужеземный джеддак.

В гробовом молчании стражники провели меня по залу и остановились у трона.

— Тебе слово, Турид, — промолвил Кулан Тит, обратившись в сторону стоявших поблизости придворных.

Черный датор перворожденных отделился от них и подошел ко мне.

— Благородный джеддак, — начал он, обращаясь к Кулану Титу, — у меня сразу возникло подозрение в отношении этого инопланетянина. Твое описание его дьявольской ловкости очень напоминало повадки злейшего врага истины на Барсуме! В подтверждение своей догадки я послал к нему одного из жрецов. Посмотрите на результат его визита! — и Турид пальцем указал на мой лоб.

Присутствующие во все глаза разглядывали меня. Я один не понимал, что особенного они нашли в моем лице. Начальник стражи, догадавшись, что я в недоумении, вынул из своей сумки небольшое зеркальце и поднес его к моему лицу. Я взглянул — и мне сразу все стало ясно! На моем лбу красовалось белое пятно! Красная краска была стерта руками коварного жреца, пробравшегося ко мне ночью...

Кулан Тит сдвинул брови и грозным взглядом окинул меня. Турид на минуту замолчал, выдерживая паузу, нагнетающую драматизм моего разоблачения. Затем он продолжил:

— Перед твоим троном, о Кулан Тит, — воскликнул он, — стоит тот, кто осквернил храмы богов Барсума, тот, кто поднял целый мир против древней религии! Перед то-

бой, благородный джеддак Каола, находится сам Джон Картер!

Кулан Тит посмотрел на Матана Шанга, ища у последнего поддержки обвинений Турида. Святой жрец кивнул головой в знак согласия с датормом.

— Это действительно тот самый богохульник, — сказал он. — Он последовал за мной в твой дворец, Кулан Тит, с единственной целью убить меня. Он...

— Он лжет! — перебил я его. — Кулан Тит, выслушай меня, если хочешь узнать правду! Я скажу тебе, зачем Джон Картер последовал за Матаном Шангом в твой дворец. Выслушай меня, а затем будешь судить, насколько мои поступки соответствуют понятиям барсумцев о чести.

— Молчать! — заревел джеддак, вскочив с трона и схватившись за рукоятку меча. — Молчать, безбожник! Кулан Тит не позволит осквернить своды своего дворца кощунственной ересью, которая исходит из твоей нечестивой глотки! Мне нечего судить тебя! Ты сам обрек себя на смерть. Остается только определить, какую смертью ты умрешь. Даже услуги, оказанные Каолу, не помогут тебе. Они были частью коварного плана, позволившего тебе получить мое доверие и расположение, чтобы добраться до святого человека, на жизнь которого ты посягаешь! В пещеру его! — закричал он, обращаясь к начальнику стражи.

Хорошенькое положение, нечего сказать! Что я мог поделаться — один против целой толпы каольцев и их гостей? Как мог я надеяться на снисхождение религиозного фанатика Кулана Тита, подстрекаемого отцом святых жрецов и датормом перворожденных? Турид злорадно расхохотался мне прямо в лицо.

— На этот раз тебе уже не вырваться из наших рук, пришелец с планеты Земля, — насмеялся он.

Стражники окружили меня. Красный туман застлал мне глаза. Кровь воинственных предков закипела в моих жилах. Безумная жажда борьбы и мщения овладела мной. Одним прыжком я оказался возле Турида. Дьявольская усмешка не успела исчезнуть с его лица, как я размахнулся и ударил его кулаком по зубам. Отработанный земной прием сделал свое дело: черный даторм отлетел на десять футов и упал, захлебываясь кровью, хлеставшей изо рта. Затем я обнажил меч и встал, всем своим видом показывая, что не побоюсь помериться силами с целым залом.

Воины обступили меня со всех сторон, но прежде чем пролилась кровь, раздался грозный окрик, и могучий

чужеземный джедак, растолкав всех, оказался между мной и противниками.

— Стой! — вскричал он. — Если ты дорожишь моей дружбой, Кулан Тит, и вековым союзом, который связывал наши народы, останови своих оруженосцев! Знай, кто бы ни напал на Джона Картера — рядом с ним до самой смерти будет биться Туван Дин, джедак Птарты.

Крики смолкли, воины опустили мечи, и тысячи изумленных глаз устремились сперва на Тувана Дина, а затем на Кулана Тита. Джедак Каола побледнел от ярости, но совладал с собой и обратился к Тувану Дину ровным и спокойным тоном, как подобает по этикету. Он медленно, тщательно подбирая слова, начал говорить:

— Туван Дин должен иметь чрезвычайно важные причины, чтобы вступить за человека, попирающего древнюю религию Барсума. Он забыл, что он мой гость, и чтобы мне не забыться так, как это случилось с моим великим другом, я предпочитаю молчать, пока джедак Птарты не разъяснит нам причины, побудившей его на столь неслыханный поступок, и не убедит меня в своей правоте.

Я видел, что джедак Птарты был готов объясняться силой, но он переборол себя и повел ответную речь.

— Туван Дин прекрасно знает и почитает законы гостеприимства и дружбы. Но закон благодарности выше всего остального для меня. Слишком велик долг Тувана Дина перед Джоном Картером!

— Много лет тому назад, Кулан Тит, — продолжал он, — во время твоего очередного посещения моей страны, ты был очарован красотой моей единственной дочери Тувии. Ты видел, что я обожаю ее, а потом до тебя дошла весть, что по непонятному капризу она отправилась в добровольное паломничество к берегам таинственной реки Исс. Ты знал, как велико мое горе!

— Несколько месяцев назад я впервые услышал о Джоне Картере, вступившем в борьбу со святыми жрецами. Я узнал о жестокости, веками царившей в долине Дор, где несчастных паломников ожидала страшная смерть. Мне стало известно, что тысячи пленников были освобождены, но немногие решились вернуться обратно в свои города из страха верной смерти, ожидавшей возвратившихся из долины Дор.

— Первое время я не верил всем этим слухам о лицемерии и коварстве жрецов и молился, чтобы моя дочь Тувия умерла прежде, нежели совершит кощунственный поступок и вернется во внешний мир. Но отцовская любовь пере-

сила слепую веру. И я поклялся скорее заслужить вечное осуждение, чем оттолкнуть свою дочь, когда она вернется ко мне.

— Я послал гонцов в Гелиум и на юг к перворожденным. Все вернувшиеся рассказали мне одну и ту же историю о бесчеловечных зверствах, чинимых святыми жрецами над беззащитными жертвами их религии. Многие бывшие пленники видели и знали мою дочь. От жрецов, отказавшихся от старой религии и бывших в близком окружении хеккадора, я узнал, что он лично подвергал оскорблениям мою дочь. Как я обрадовался, узнав, что Матан Шанг у тебя в гостях! Я отдал бы всю свою оставшуюся жизнь, чтобы найти и рассчитаться с ним!

— О многом еще поведали мне гонцы. О рыцарском отношении Джона Картера к моей дочери, как он сражался и освободил ее, как спас от диких уорхунцев. Будешь ли ты удивляться после всего услышанного, что Туван Дин готов рисковать своей жизнью, миром своего народа, даже нашей с тобой дружбой, которую я высоко ценю, за Джона Картера?

Кулан Тит молчал. По выражению его лица было видно, что он смущен. Затем, после долгого раздумья, он заговорил:

— Туван Дин, — молвил он печальным, но наполненным дружеским теплом голосом. — Могу ли я судить своего ближнего? В моих глазах отец жрецов — святой, и религия, которую он исповедует, — истинная религия. Но если бы передо мной возникли такие же проблемы, как перед тобой, я не сомневаюсь, что чувствовал и поступал бы так же, как и ты.

— Что касается Джона Картера, то его в сохранности доставят к границе моих владений; он свободен и может идти, куда ему будет угодно. Но под страхом смерти ему навсегда запрещено вступать в пределы моей страны.

— Матан Шанг и ты — оба мои гости. И если у вас дойдет до ссоры, то вы и без моего напоминания прекрасно знаете обычаи, — ваша ссора может быть решена только после того, как вы оба покинете Каол. Удовлетворен ли ты, Туван Дин?

Джеддак Птарты кивнул головой, но при этом бросил злобный взгляд на отца святых жрецов, не предвещавший для него ничего доброго.

— Но совсем не удовлетворен Джон Картер! — воскликнул я, грубо разрывая с трудом налаженный мир. — Пока я преследовал Матана Шанга, смерть десятки раз

подстерегала меня. И теперь, когда я достиг цели ценой бесконечных лишений и нечеловеческой борьбы, меня хотят вывести из игры. И вы думаете, что я покорно пойду у вас на поводу, как одряхлевший тот на бойню?

— Тувану Дину, джеддаку Птарты, наверняка не-безынтересно выслушать меня до конца и узнать, зачем я преследовал Матана Шанга и черного датора Турида от самой долины Дор, пройдя половину Барсума. Думаете ли вы, что Джон Картер унижится до убийства? Неужели Кулан Тит насколько глуп, что может поверить низкой лжи, опутавшей его стараниями хеккадора и Турида? Я преследую Матана Шанга не для того, чтобы убить его, хотя, видит мой бог, у меня чешутся руки вцепиться в его поганое горло. Я преследую его, Туван Дин, потому что с ним находятся две пленницы — моя жена Дея Торис и твоя дочь Тувия! Я покину Каол только с матерью моего сына, а твоя дочь должна быть возвращена тебе, Туван Дин.

Оглушенный неожиданным поворотом событий, Туван Дин обернулся к Кулану Титу. В глазах его сверкнула ярость, но он опять огромным усилием воли овладел собой и заговорил ровным голосом:

— Знал ли ты это, друг мой? Знаешь ли ты, что моя дочь пребывает в твоём дворце в качестве пленницы?

— Он не мог этого знать, — вмешался испуганный Матан Шанг, дрожащим голосом. — Он не мог этого знать, потому что это — ложь!

Я хотел убить его на месте, но тяжелая рука Тувана Дина опустилась на мое плечо и остановила меня.

— Подожди, — сказал он, а затем обратился к Кулану Титу. — Джон Картер никогда не лжет. Ответь мне, Кулан Тит!

— Действительно три женщины прибыли с отцом свя-тых жрецов, — ответил джеддак Каола. — Это Файдора, его дочь, и еще две ее рабыни. Но если это неправда, если эти женщины — Дея Торис и Тувия, то они завтра же будут возвращены вам.

При этих словах он взглянул на Матана Шанга не как на первосвященника, а как грозный правитель смотрит на исполнителя своей воли.

Отцу жрецов, как и мне, стало ясно, что наше разоблаче-ние его лжи и коварства значительно поколебали веру Кулана Тита. Малейшего повода было достаточно, чтобы окончательно обратить могучего джеддака в открытого вра-га жрецов. Но предрассудки и суеверия настолько сильны в человеческих душах, что даже великий Кулан Тит не

решился сразу порвать со своей древней религией.

У Матана Шанга хватило ума и хитрости сделать вид, что он охотно подчиняется приказанию своего духовного сына. Он пообещал привести обеих женщин в зал аудиенций.

— Теперь уже утро, — сказал он, — и мне бы не хотелось прерывать сон моей дочери. Иначе я бы сразу же представил их вам, чтобы Джон Картер убедился, что он ошибается.

Последняя фраза, произнесенная нарочито подчеркнуто, оскорбила меня, но я не мог придаться к ней открыто. Я протестовал против отсрочки и требовал, чтобы привели ко мне Дею Торис немедленно, но Туван Дин считал такую поспешность излишней.

— Мне тоже хотелось бы увидеть и обнять мою дочь тот час же, — сказал он, — но я не буду настаивать, если Кулан Тит даст мне гарантию, что за ночь никто не покинет дворца и что ни Дее Торис, ни Тувии не будет причинено никакого вреда, считая с этой минуты.

— Никто не покинет дворца ночью, — ответил джеддак Каола, — А Матан Шанг даст нам слово, что обе женщины будут доставлены в этот зал в полной сохранности.

Жрец в знак согласия кивнул головой. Кулан Тит объявил, что прием окончен, а Туван Дин пригласил меня в свои апартаменты. Мы просидели с ним до рассвета, и я рассказал ему все свои похождения на Барсуме и все, что мне было известно самому и со слов Тувии о ее жизни в плену у жрецов.

Отец Тувии пришелся мне по сердцу, и наша долгая беседа положила начало крепкой дружбе.

С первыми лучами солнца явились гонцы от Кулана Тита, пригласившие нас в зал. Здесь Туван Дин после долгих лет разлуки должен был встретить свою дочь, а я — свою любимую Дею Торис после двенадцати лет, проведенных на Земле и в поисках ее на Барсуме.

Сердце мое так сильно билось в груди, что я даже оглянулся, предполагая, что окружающие заметили этот стук. Все мое существо рвалось к Дее Торис, вечная молодость и красота которой были только внешними проявлениями ее дивной души.

Наконец вернулся гонец, посланный за Матаном Шангом. Я подался вперед, чтобы поскорее увидеть, кто следует за ним, но гонец возвратился один. Остановившись перед троном, он обратился к джеддаку громким голосом, который было слышно во всех концах зала.

— О, Кулан Тит, могущественнейший из джеддаков, —

произнес он, — твой гонец возвратился один. Когда я пришел в апартаменты, отведенные хеккадору, то нашел их пустыми, пусты также комнаты его свиты!

Кулан Тит побледнел. Глухой стон сорвался с губ Тувана Дина, который стоял рядом со мной. Гробовая тишина воцарилась в зале. Кулан Тит первым прервал ее. Он спустился с возвышения, на котором стоял трон, и бросился к Тувану Дину. Слезы блеснули в глазах обманутого джеддака, когда он положил обе руки на плечи своего старого друга.

— О Туван Дин, — воскликнул он, — и это несчастье случилось здесь, во дворце твоего лучшего друга! Собственными руками задушил бы я Матана Шанга, если бы догадался, какое коварство таит он в низкой душе! В прошлую ночь вы поколебали мою веру в святость проклятого жреца, а сегодня она разбилась вдребезги, но увы, слишком поздно, слишком поздно! Стоит тебе только приказать, и весь Каол, все силы моего воинства — в твоём распоряжении. Мы сделаем все, чтобы вырвать твою дочь и жену этого доблестного воина из лап хищников. Что нужно сделать? Скажите!

Я выступил вперед и обратился к нему. — Во-первых, нужно выяснить, кто из твоих подданных помог Матану Шангу бежать. Здесь не обошлось без помощи дворцовой стражи. Найди виновных и узнай у них, как и в каком направлении бежали жрецы.

Прежде чем Кулан Тит успел отдать приказ о расследовании, из толпы вышел молодой офицер с красивым открытым лицом и сказал:

— О, Кулан Тит, могущественнейший из джеддаков! Я один несу ответственность за это печальное происшествие. В последнюю ночь я командовал дворцовой стражей. Во время ночного разбирательства здесь в зале я дежурил в другой части дворца и ничего не знал о том, что здесь произошло. Поэтому, когда отец святых жрецов вызвал меня и сказал, что ты хочешь, чтобы он поскорее покинул город из-за смертельного врага, покушающегося на его жизнь, я беспрекословно повиновался ему. Ведь отец святых жрецов имел власть выше твоей! Я один виноват, судите меня. Остальные стражники выполняли только мое приказание.

Кулан Тит взглянул сначала на меня, а затем на Тувана Дина, как бы советуясь с нами. Искренность молодого командира была очевидна, а за неумышленную поддержку хеккадора и его спутников не было нужды требовать для него наказания.

— Как бежали они? — спросил Туван Дин, — и в каком направлении?

— Они покинули Каол на том же аэроплане, что и прибыли сюда. — ответил командир. — Я проследил за огнями судна после того, как они поднялись в небо, и видел, что они направились на север.

— Где на севере Матан Шанг может рассчитывать на убежище? — спросил Туван Дин у Кулана Тита.

Тот опустил голову и на несколько мгновений погрузился в глубокое раздумье. Затем он радостно приподнялся и заговорил.

— Знаю! — воскликнул он. — Еще вчера Матан Шанг рассказывал мне о народе, совершенно непохожем на нас и других людей, живущем далеко к северу. Он говорил, что святые жрецы давно знают этот народ — это верные и набожные последователи древней религии. Он хвастался, что среди них он найдет убежище, где никакие вероотступники и еретики не найдут его. Я уверен, что он направился именно туда!

— И во всем Каоле не сыщется ни одного аэроплана, на котором можно было бы организовать погоню! — воскликнул я с отчаянием.

— Ближе, чем в Птарте, ты не найдешь аэроплана, — ответил Туван Дин.

— Постойте, — воскликнул я. — Там, к югу от границы большого леса остался мой поврежденный корабль. Если вы дадите мне людей, я почию его в два дня.

Вначале я не особенно доверял джеддаку Каола, не веря в искренность его раскаяния и вероотступничества, но он принял такое участие и оказал мне поддержку в подготовке судна, что все мои сомнения поневоле рассеялись. Через два дня аэроплан, готовый к отлету, стоял на крыше сторожевой башни. Оба джеддака предлагали мне своих воинов. Миллионы бойцов были в моем распоряжении, но на моем маленьком судне оставалось лишь одно свободное место. Когда я уже стоял на палубе, Туван Дин занял место рядом со мной. Я с измучением взглянул на него. Он же обратился к главному военачальнику своего войска, которое сопровождало его в Каол, со следующим приказом:

— Отведешь мою свиту обратно в Парту и передашь моему сыну, что я возлагаю на него правление страной в мое отсутствие. Я не могу отпустить Джона Картера одного в страну врагов. Я все сказал! Прощайте!

В ПЕЩЕРАХ КАРИОНА

Днем и ночью без посадок мы летели к северу. На вторую ночь воздух стал заметно свежеть, и, судя по расстоянию, которое мы преодолели, наш аэроплан приближался к северному арктическому краю планеты. Теперь от нас требовалась величайшая осторожность. Я знал, что бесчисленные экспедиции, пытавшиеся исследовать эту скрытую за огромным ледяным барьером страну, не возвращались обратно. Никто не знал, что сталося с ними. Люди исчезали навсегда в этой угрюмой и таинственной полярной стране.

Расстояние от ледяного барьера до полюса было не очень велико — всего несколько часов лету на быстроходном аэроплане. Поэтому барсумские ученые предполагали, что все корабли, преодолевая ледяной барьер, терпят катастрофу, попадая в «запретную страну», как стали называть марсиане этот край.

Приближаясь к барьеру, я уменьшил скорость хода. Я решил осторожно продвигаться над ледяным массивом, чтобы не попасть в ловушку, а постараться вовремя ее обнаружить. Действительно ли у полюса существует неведомая страна? Только здесь, подумал я, Матан Шанг может чувствовать себя в безопасности от Джона Картера.

Мы парили на высоте в несколько футов от поверхности, буквально ощупывая наш путь в темноте. Ночь была необыкновенно темна. Обе луны зашли, а небо было окутано облаками, которые на Марсе встречаются только у полюсов. Внезапно прямо перед нами выросла огромная белая стена. Я круто повернул руль и дал задний ход, но было уже поздно. Избежать катастрофы не удалось.

Раздался страшный треск, аэроплан дрогнул и закачался. Судно остановилось, а потом упало вниз с высоты двадцати футов. К счастью, ни один из нас не разбился. Мы вылезли из-под груды обломков, и когда показалась меньшая луна, разглядели, что упали у подножия огромного ледяного барьера. Он упирался в гранитные глыбы, которые, казалось, сдерживают длинные языки ледников.

Какая насмешка судьбы! Мы потерпели крушение в самом конце перелета, упав по эту сторону отвесной неприступной стены! Я взглянул на Тувана Дина, который безнадежно пожал плечами.

Остаток ночи мы провели в глубоком снегу, лежащем у подножия стены, дрожа от холода. С наступлением утра

мое подавленное настроение сменилось обычной бодростью, хотя, надо сознаться, надежды на спасение было очень мало.

— Что будем делать? — спросил Туван Дин. — Как мы перейдем через этот непреодолимый барьер?

— Мы должны прежде всего оставить мысль, что стена непроходима, — ответил я. — Я только тогда признаю, что нам не пройти через нее, когда обойду ее кругом и приду на это же место. И чем скорее мы двинемся в путь, тем лучше, потому что иного выхода у нас нет. Путешествие по этой ледяной пустыне займет не меньше месяца.

Уже пять дней брели мы по трудному смерзшемуся снегу, страдая от холода и лишений. Свирепые пушные звери нападали на нас днем и ночью. Каждую минуту можно было ожидать появления какого-нибудь огромного северного чудовища.

Самым опасным нашим врагом оказался апт. Это огромное животное, покрытое белым мехом, имело шесть конечностей. Четыре из них служили ему ногами, а две другие, прикрепленные к плечам по обеим сторонам его сильной шеи, оканчивались безволосыми руками. Ими животное хватало свою добычу. Голова с огромной пастью похожа на голову гиппопотама, только на нижних челюстях выступают большие клыки, слегка загибающиеся книзу. Его два огромных глаза пробудили мой живейший интерес. Они занимают почти всю голову от макушки до пасти, так что кажется, будто клыки вырастают из нижней части глаз. Каждый глаз состоит из нескольких отдельных глазков, каждый из которых снабжен самостоятельным веком, так что животное может открывать и закрывать столько глазков, сколько ему захочется.

Такое построение глаз показалось мне сперва излишним для животного, охотящегося на ослепительно белой снежной поверхности; но я тогда же сообразил, что природа снабдила его таким сложным глазом, потому что апт большую часть своей жизни проводит в темных подпочвенных пещерах.

Вскоре мы наткнулись на самого крупного апта, которого нам пришлось видеть. Он был восьми футов в высоту и покрыт гладким лоснящимся мехом. Он стоял, повернув к нам голову, и глядел на нас, пока мы шли прямо на него. Мы решили, что избегать встречи с этими животными — напрасная трата времени, потому что их было много. Они все равно нападают на все живое, замечая жертву издали.

Удивительно, но даже насытившись, они все равно нападают и убивают просто из кровожадности. Поэтому я был несколько удивлен, когда огромный апт не кинулся на нас, а

повернулся при нашем появлении и удалился. Случайно я разглядел на его шее золотой ошейник. Туван Дин тоже заметил его, и это обстоятельство пробудило в нас обоих какую-то неопределенную надежду.

Только человек мог одеть апту ошейник. И так как ни одна известная нам раса марсиан никогда не приручала свирепых аптов, то он принадлежит, вероятно, какому-то северному народу, о существовании которого мы не знали. Быть может, это и есть мифическая желтая раса Барсума, некогда сильная, которую считали вымершей, хотя некоторые исследователи допускали, что она может существовать где-то на далеком севере.

Мы немедленно отправились по следу животного. Я объяснил Вуле наши намерения. Мой верный пес повел нас по следу. Около двух часов мы шли параллельно барьеру, а затем резко повернули к нему и пошли по неровной тропе. Огромные гранитные глыбы, разбросанные в хаотичном беспорядке, преграждали нам дорогу на каждом шагу; глубокие трещины во льду грозили поглотить нас при малейшей неосторожности, а легкий ветерок, дувший с севера, доносил до нас неопишемое зловоние, от которого мы почти задыхались.

Нам понадобилось целых два часа, чтобы преодолеть несколько футов по направлению к ледяной стене. Обогнув последнюю гранитную глыбу на пути, мы вышли на ровную площадку у самого основания барьера и увидели перед собой темный вход в пещеру. Именно оттуда исходило удушливое зловоние. Оглядевшись, Туван Дин остановился и удивленно воскликнул:

— Клянусь предками, я никогда не думал, что мне придется своими глазами убедиться в существовании мифических пещер Кариона! Если это они, то мы нашли путь сквозь ледяной барьер!

— Древние летописи первых историков Барсума, настолько древние, что мы считали их мифами, сообщают о великом переселении желтой расы под натиском зеленых полчищ. Это случилось в то время, когда высохли моря, а процветавшие некогда народы были изгнаны из крепостей и городов. Остатки желтых племен, преследуемые на каждом шагу врагами, нашли путь через северную ледяную стену к плодородной долине у полюса.

— Из этих же летописей мы узнали, что у входа в спасительный туннель произошла великая битва. Желтые победили. Они завалили пещеры, по которым можно было проникнуть на их новую родину горами трупов зеленых и жел-

тых людей, чтобы зловоние удержало их врагов от дальнейшего преследования.

— И с того самого давно минувшего дня всех умерших этой мифической страны относят в пещеры Кариона, чтобы и после смерти они служили родине, ограждая ее от нашествия неприятеля. Легенда говорит, что сюда сбрасывают все отбросы, чтобы усилить страшное зловоние.

— Смерть на каждом шагу подстерегает путника, решившегося проникнуть в пещеры; в них нашли приют свирепые апты. Это страшная дорога, но единственная, которая ведет к нашей цели!

— Значит, ты уверен, что мы нашли дорогу в страну желтых людей? — воскликнул я.

— Насколько можно верить древней легенде; я вижу столько совпадений со старинным преданием о желтой расе!

— Если это правда, и дай бог, чтобы это было правдой, — сказал я, — то мы, быть может, откроем тайну исчезновения Тардоса Морса, джедака Гелиума, и его сына Морса Каяка. В течение двух лет была обследована вся планета, кроме северного полюса. Последние вести, пришедшие от них, сообщали, что они искали моего сына Карториса где-то на севере.

В это время мы дошли до входа в пещеру, и, переступив порог, я перестал удивляться, что в древности зеленые кочевники не преодолели ее. Пласт скелетов в первой пещере достигал человеческого роста, а над ним лежала гниющая масса разлагающегося мяса, сквозь которую апты пробили себе дорогу во вторую пещеру. Воздух был тяжел, и казалось, что можно мечом прорубить себе дорогу.

— Разве может человек дышать этим смрадом и не умереть? — спросил Туван Дин, задыхаясь.

— Думаю, что долго дышать им нельзя, — ответил я, — и потому поспешим. Я пойду первым, ты позади, а Вула — в середине. Идем!

И с этими словами я бросился вперед через вонючую массу гнили.

Мы прошли не встретив препятствий, семь пещер разной величины, мало отличавшихся друг от друга. Но в восьмой пещере мы наткнулись на берлогу аптов. Два десятка огромных зверей расположились в ней. Одни спали, другие дрались между собой. Здесь мне стало ясно назначение их огромных глаз: внутренние пещеры погружены в полный мрак.

Попытка пройти через стадо лютых животных даже мне казалась полнейшим безумием, и я предложил Тувану Дину

вернуться вместе с Вулой во внешний мир. Они вдвоем смогли бы найти дорогу в ближайшую страну, а затем вернуться обратно с подкреплением, перебить аптов и сломить все дальнейшие препятствия, лежащие на пути.

— За это время,— продолжал я,— я сумею, быть может, найти дорогу и пробьюсь в страну желтых людей, а если мне не удастся, то пусть погибну я один. Ведь если мы вдвоем пойдем вперед и умрем, то никого не останется, кто мог бы привести сюда экспедицию для спасения твоей дочери и Деи Торис.

— Я не вернусь назад и не оставляю тебя одного, Джон Картер,— решительно ответил джеддак Птарти.— Победа или гибель ждет нас впереди, джеддак Птарти останется с тобой.

По его тону было видно, что спорить бесполезно, а потому я пошел на компромисс и решил отправить обратно Вулу с запиской, вложенной в металлический футляр, привязанный к его шее. Я приказал верному животному вернуться в Гелиум и найти Карториса. Хотя между нами лежало полсвета и на пути встретятся бесчисленные препятствия, я был уверен, что Вула исполнит поручение.

Наделенный от природы удивительной выносливостью, выдержкой и свирепостью, он мог справиться с любым врагом, а его инстинкт и чутье помогут ему успешно выполнить поручение.

Вула не мог послушаться моего приказания, но покинул нас с явной неохотой. Я не сдержался и обнял на прощание верного друга. Он потерся своей щекой о мою в прощальной ласке и помчался через пещеры Кариона ко внешнему миру.

В записке к Карторису я подробно указал местонахождение пещер Кариона. Я подчеркнул возможность проникновения в страну именно этим путем, не предпринимая попытки преодолеть ледяной барьер на аэропланах. Я написал ему также, что не могу даже представить себе, что лежит за восьмой пещерой, но уверен, что где-то по ту сторону ледяного барьера во власти Матана Шанга находится его мать, а может быть, и его дед, и прадед, если они еще живы.

Я посоветовал ему обратиться к Кулану Титу и сыну Тувана Дина и объединить военную мощь трех стран. Экспедиция должна быть тщательно подготовленной, чтобы обеспечить себе успех с первого же удара.

И еще, я попросил сына призвать с собой Тарса Таркаса; если я останусь жив, когда прибудет экспедиция, то самой

большой радостью для меня станет поддержка и опора старого верного друга.

После того, как Вула покинул нас, Туван Дин и я, спрятавшись, начали строить различные планы действий. С того места, где мы затаились, было видно, что драка между аптами прекратилась, и многие из них улеглись спать. Вероятно, через некоторое время все свирепые чудовища мирно заснут, а тогда, возможно, мы попробуем через их логовище.

Один за другим звери заваливались спать на куче костей на полу берлоги. Не лег лишь один: он беспокойно бродил по пещере. Иногда он останавливался то у одного, то у другого входа в пещеру. По всему было видно, что он стережет сон других.

Мы убедились, к сожалению, что он не ляжет, пока другие спят, а потому начали соображать, как бы нам его провести. Наконец мы решились на отчаянный шаг.

Туван Дин тесно прижался к стене налево от входа в восьмую пещеру, а я тем временем нарочно показался апту, когда он взглянул в нашу сторону. Затем я быстро отпрыгнул к правой стене от входа и вжался в нее. Не издав ни единого звука, огромный зверь стремительно двинулся к нам. Он просунул голову в узкое отверстие, соединяющее пещеры, но его ожидали с обеих сторон удары наших острых мечей. Он не успел даже зарычать, как его голова покатилась к нашим ногам.

Окинув взором пещеру, мы убедились, что ни один апт не проснулся. Мы перелезли через огромную тушу, загорадившую нам дорогу, и осторожно вошли в пещеру. Нам пришлось, затаив дыхание, бесшумно обходить огромных зверей. А когда мы были посередине пещеры, один из аптов беспокойно зашевелился. Как раз в ту минуту я поднял ногу над его головой, чтобы перешагнуть через него, и замер, балансируя на другой. Я сжал меч и направил его острие прямо в сердце огромного хищника. Но апт успокоился, вздохнул и мерно задышал во сне. Туван Дин шел следом за мной, и через минуту мы очутились у противоположного выхода.

Пещеры Кариона состоят из двадцати семи сообщающихся гротов, которые, по-видимому, были когда-то промыты большой рекой, русло которой уходило на юг. Остальные девятнадцать пещер нам удалось пройти без всяких приключений.

Впоследствии мы узнали, что только один раз в месяц апты собираются все вместе. Обычно они бродят парами или

в одиночку по всей цепочке пещер, так что пройти вдвоем через все двадцать семь пещер, не наткнувшись на них, невозможно. Только раз в месяц они ложатся спать на целые сутки, и наша счастливая звезда привела нас как раз в такой день!

Выйдя из последней пещеры, мы увидели унылую картину: нагромождение каменных глыб и снег со льдом. Часа через два пути по еле заметной тропе мы подошли к крутому склону, который спускался в долину.

Неподалеку от нас мы обнаружили группу людей. Их кожа была лимонного цвета, и у всех — черные бороды.

— Желтые люди Барсума! — воскликнул Туван Дин. Даже теперь, когда он воочию убедился в их существовании, ему трудно было поверить в это.

Мы спрятались за ближайшую глыбу, откуда была хорошо видна вся компания. Они столпились у другой глыбы, спиной к нам. Их было шестеро, одетых в красивые полосатые шкуры, черные с желтым. Один из них выглядывал из-за камня, как бы поджидая кого-то, кто должен подойти с другой стороны.

Вскоре мы увидели приближающегося желтокожего человека, но в великолепной белоснежной шкуре апта.

Желтые люди были вооружены двумя мечами и коротким дротиком каждый. На левой руке висел круглый вогнутый щит размером с тарелку. Щиты показались мне бесполезной игрушкой, которая не защитит от меча, но потом я видел, с какой поразительной ловкостью владеют ими желтые люди.

Как я уже сказал, каждый воин имел при себе два меча. Один из них сразу привлек мое внимание. Я называю его мечом за неимением другого подходящего слова, но в сущности это был не меч, а острое лезвие, конец которого был загнут крючком. Другой меч, совершенно прямой и обоюдоострый, был такого же размера, как оружие с крюком на конце. На поясе у каждого воина висел внушительных размеров кинжал.

При приближении человека в белой шкуре воины в полосатых шкурах приготовились к встрече: прямой меч оказался в правой, а оружие с крюком — в левой руке, которая была защищена небольшими щитами, прикрепленными к ней металлическими браслетами.

Когда одинокий воин подошел к глыбе, все шестеро бросились на него с диким ревом, напоминающим боевой клич американских индейцев. Желтокожий в белой шкуре моментально схватился за свои мечи, и мы увидели захватывающий бой.

Нападающие старались крюками захватить противника, который ловко уворачивался, подставляя каждый раз свой щит. Ему же удалось поймать своим крюком одного из врагов; он притянул его к себе и сразил другим мечом.

Но силы были неравны. Хотя воин в белой шкуре был, несомненно, отважным и отлично владел оружием, нападающие теснили его, и исход боя был ясен.

Мои симпатии я отдал храбрецу и не мог равнодушно наблюдать как его одолеют враги. Полагаю, что главной причиной моего вмешательства в драку был боевой дух, впитанный с молоком матери, и я не устоял от искушения. Не успел Туван Дин меня остановить, как я уже стоял рядом с желтокожим в белой шкуре, отражая вместе с ним натиск оставшихся пяти противников.

Глава IX

ЖЕЛТЫЕ ЛЮДИ БАРСУМА

Туван Дин, конечно, последовал за мной, и мы втроем, несмотря на необычное оружие незнакомцев, быстро расправились с бородачами.

Когда схватка окончилась, наш новый знакомый снял с руки щит и протянул его мне. Я не знал значения этого жеста и решил, что это форма выражения благодарности. Позднее я узнал, что передача щита — символ предложения своей жизни в ответ на какую-то большую услугу. И я инстинктивно поступил правильно, отказавшись от него.

— Тогда прими от Талу, джеда Марентины, знак моей благодарности.

Он снял браслет с руки и одел его на мою руку. Ту же церемонию проделал он и с Туваном Дином.

Затем он спросил, кто мы и откуда родом. Казалось, он был прекрасно знаком с географией внешнего мира. При упоминании Гелиума он приподнял брови.

— А! — сказал он, — вы, верно, ищите своего правителя и его спутников?

— Ты что-нибудь знаешь о них? — спросил я торопливо.

— Знаю только, что они попали в плен к моему дяде Салензию Оллу, джеддаку и правителю всего Окара. Но о дальнейшей их судьбе мне ничего неизвестно. Я воюю с дядей. Он пытается лишить меня власти в Марентине. Воины, от которых вы только что спасли меня, были подсланы им.

Они подстерегли меня с тем, чтобы убить. Салензий Олл знает, что я частенько охочусь один на священных аптов, которых он так почитает. И меня он ненавидит также из-за того, что я презираю его религию. Ну, а больше всего дядюшка боится моего растущего влияния. В стране образовалась сильная партия, которая намерена сместить его и предложить мне титул джеддака Окара.

— Он жестокий тиран, которого все ненавидят. Я мог бы за одну ночь поднять против него целую армию. Смести тех немногих, которые остались верны ему, легко. Мой собственный народ предан мне, и Марентина уже целый год не платит дани Салензию Оллу. Джеддак не может силой расправиться с нами: в долину Марентины ведет один узкий проход, который вполне могут защитить две дюжины воинов, сражаясь против целой армии. Но довольно обо мне. Перейдем к вашим делам. Чем я могу помочь вам? Мой дворец — в вашем распоряжении, если вы пожелаете оказать мне честь вашим посещением.

— Мы с удовольствием воспользуемся твоим предложением, но не теперь, — ответил я. — Укажи нам место, где томятся пленники, ведь среди них наши близкие.

Талу неодобрительно посмотрел на наши гладкие безбородые лица, на красную кожу Тувана Дина и на мою белую.

— Для начала вам все-таки придется отправиться в Марентину, — сказал он безоговорочным тоном. — Вам нет смысла пробираться в какой-либо город Окара, пока вы совершенно не измените свою внешность. У вас должны быть желтые лица и черные бороды, а также одежда и снаряжение, не вызывающие подозрений. У меня во дворце есть человек, который мастерски сделает из вас желтых людей.

Его совет показался нам очень разумным. Другого способа обеспечить себе доступ в Кадабру, столицу Окара, не было. Мы отправились с Талу, джедом Марентины, в его маленькую окруженную горами страну.

Дорога была очень тяжелая, почти непроходимая. Марентина, защищенная со всех сторон, была практически не доступна вражескому нападению, так как в стране не было ни тотов, ни аэропланов. Вид на город открылся с небольшого возвышения в полумиле от него.

Город расположен в небольшой котловине и абсолютно весь накрыт одним огромным стеклянным куполом. Вокруг него — снег и лед, но на куполе их не было. Желтые люди победили суровую полярную природу и жили в роскоши и комфорте среди вечных льдов. Их города были настоя-

щими оранжереями, и я был восхищен познаниями и строительным искусством этой древней расы.

Как только мы вошли в город, Талу снял свою меховую одежду, и я увидел, что его наряд мало чем отличается от наряда красных людей Барсума. За исключением кожаных лат, богато украшенных золотом и драгоценными камнями, на нем ничего не было, да никакой одежды и нельзя было носить под стеклянными сводами этой теплицы.

Мы гостили три дня у джеда Талу, и все это время он осыпал нас знаками внимания, продемонстрировав нам все, что было интересного в его владениях.

В Марентине имеется большая атмосферная фабрика, которая сможет бесконечно долго поддерживать жизнь в городах у северного полюса, даже когда жизнь в остальных частях умирающего Марса замрет окончательно. Талу показал нам систему отопления, основанную на солнечной энергии. Солнечные лучи накапливаются в огромных резервуарах, находящихся под городом. Расход их невелик, под куполом всегда поддерживается ровная летняя температура.

Широкие улицы покрыты ярко-желтым мхом — это то самое растение, которое встречается на Барсуме повсюду. По желтым улицам бесшумно снуют легкие изящные автомобили, несколько напоминающие по внешнему виду аэропланы. Иного способа передвижения у них не существует. Широкие шины этих оригинальных машин, полые внутри, заполняют восьмым лучом, синтезированным на Барсуме. Это одно из поразительных открытий марсиан. Он приводит в действие все машины и механизмы на планете.

Езда на элегантных машинах, бесшумно скользящих по мягкому дерну улиц, — невыразимо приятное ощущение. Вдоль улиц тянутся ярко-красные лужайки и деревья с изумительной красоты причудливыми цветами, которыми так богата марсианская растительность.

К концу третьего дня придворный цирюльник — я не могу придумать более подходящего названия этому мастеру — настолько изменил нашу внешность, что даже наши собственные жены не узнали бы нас. Наша кожа приобрела лимонный цвет, а большие черные бороды и усы были прочно приклеены к нашим лицам. Полное снаряжение воинов Окара дополняло маскарад. Для странствий за пределами городов у каждого из нас была одежда из полосатой шкуры орлука.

Талу дал нам подробные указания относительно путешествия в Кадабру, столицу страны желтых людей, и даже

прошел с нами часть пути. Прощаясь, он пообещал и впредь помогать нам. И еще он одел мне на палец кольцо тонкой работы с черным матовым камнем, похожим на кусочек угля. Этот камень считался самым дорогим и ценным на Барсуме.

— В моих владениях есть большой камень, от которого отколоты еще три кусочка кроме того, который я тебе вручаю. Кольца носят мои приближенные, которые пользуются полным доверием. Все они сейчас посланы с тайными поручениями ко двору Салензия Олла. Если ты окажешься на расстоянии пятидесяти футов от кого-либо из них, ты почувствуешь в пальце импульс, посылаемый камнем. Тот, кто носит подобное кольцо, испытывает подобное ощущение. С помощью этого кольца ты узнаешь, что рядом есть друг, к которому, в случае нужды, ты можешь обратиться за помощью.

— Но если другой обладатель одного из этих камней обратится к тебе, не отказывай ему в поддержке, а если смерть будет угрожать тебе, проглоти кольцо, но не давай ему попасть в руки врагов. Береги камень как зеницу ока, Джон Картер.

После этих наставлений наш друг повернул обратно в Марентину, а мы направились в Кадабру, ко двору Салензия Олла, джеддака всего Окара.

В тот же вечер мы подошли к городу. Он тоже был обнесен стеной и покрыт стеклянным куполом. Кадабру окружали скалы, покрытые вечным снегом. С высоты прохода в горах, ведущего в долину, открылся чудесный вид на северную столицу. Ее хрустальные купола сияли под ослепительными лучами солнца, величественно возвышаясь над городской стеной, посеребренной инеем.

Стена, опоясывающая город, имела примерно сто миль в окружности. На равных расстояниях друг от друга возвышались большие ворота. С того места, где мы стояли, было видно, что все они закрыты. По совету Талу, мы не пытались войти в город вечером, а отложили это до следующего утра.

В ближайших холмах оказалось много пещер, в одной из которых мы и устроились на ночь. Теплая одежда из меха орлука согревала нас, и мы прекрасно выспались, проснувшись после наступления рассвета.

В городе царило обычное утреннее оживление. Из ворот периодически выходили группы желтых людей. Точно следуя указанию нашего друга, мы еще несколько часов провели в пещере, пока не высмотрели несколько воинов,

прошедших мимо нашего убежища по той дороге, которая привела нас сюда накануне. Они скрылись из виду, мы же с Туваном Дином вышли из пещеры и нагнали их, когда они уже вошли в горные отроги.

Я громко окликнул их, и вся компания остановилась, обернувшись в нашу сторону. Наступил решающий момент. Если нам удастся обмануть их, то и в дальнейшем можно рассчитывать на удачу.

— Каор! — сказал я, подходя к ним поближе.

— Каор! — ответил за всех командир отряда.

— Мы из Иллада, — продолжил я, называя небольшой и самый отдаленный город, с которым почти не поддерживалось связи. — Мы прибыли только вчера, а сегодня утром начальник караула у ворот сообщил нам, что вы отправляетесь на охоту за орлуками. В наших местах они вообще не встречаются, и нам очень хотелось бы присоединиться к вам. Возьмите нас с собой!

Начальник любезно разрешил нам влиться в их отряд. Моя догадка, по подсказке Талу, оказалась верной. Дорога, по которой мы шли, вела в обширные долины, где водятся орлуки, гигантские пушные хищники, похожие на слонов. По этой дороге обычно ходили только охотники.

Но на этот раз удача покинула нас. Мы так и не увидели ни одного орлука. Впрочем, нам это пошло на пользу, желтые люди решили вернуться в город через другие ворота, так как выходя, хвастливо обещали начальнику стражи у ворот кусочек добытого меха. Поэтому мы приблизились к Кадабре с другой стороны и избежали щекотливых расспросов и объяснений со стражей, на начальника которой мы сослались.

Мы уже совсем близко подошли к городу, как мое внимание привлек высокий черный столб, возвышающийся на несколько сот футов. Вокруг него валялись груды обломков, засыпанные снегом. Я не решился выяснять его назначение, дабы не выдать свое незнание обычаев и законов страны. Но еще до входа в город я сам успел разобраться в нем.

Мы были уже почти у ворот, когда один из охотников окликнул своих товарищей и указал на юг. Взглянув в указанном направлении, я различил корпус большого корабля, быстро несущегося из-за гребня ледяного барьера.

— Очередные безумцы, пытающиеся разгадать тайну запретной страны! — сказал командир отряда вполголоса. — Неужели они никогда не прекратят безуспешные попытки?

— Конечно, нет, — возразил другой. — Иначе откуда бы

мы брали рабов и кто бы нас развлекал?

— Это-то так, но все же какое это дурачье! Упорно лезут в страну, откуда еще никто не вернулся!

— Обождем и подлюбуемся, чем все это кончится! — предложил один из охотников.

Начальник взглянул по направлению к городу и сказал:

— Часовой их уже заметил. Останемся здесь, может быть, мы понадобится.

Из города вышла колонна в несколько сот воинов. Они приближались неторопливым шагом. Вскоре я убедился, что им действительно незачем было спешить.

Корабль шел на большой скорости, но его пропеллеры были неподвижны. Он несся прямо на столб. Я видел, как судорожно задвигались огромные лопасти, пытаюсь дать задний ход, но корабль неотвратно шел на коварный столб. На палубе царил паника. Люди растерянно бегали взад и вперед, собираясь спустить маленькие одноместные аэропланы, целая флотилия которых находилась на каждом большом военном корабле. Судно набирало скорость. Когда оно было почти у самого столба, сотня маленьких суденышек как рой бабочек отделилась от палубы. Но едва они успели взлететь, как все тоже устремились к столбу, гонимые неведомой силой.

Последовала очень быстрая развязка. Корабль ударился о черную громадину, люди во все стороны посыпались с палубы, а обломки пополнили трофеи у подножия столба. За большим кораблем посыпались маленькие, как градины с неба. Я обратил внимание, что поврежденные машины, падая, все время соприкасались со столбом, но падение их не было стремительным, как можно было ожидать. Внезапно я понял тайну столба и причину, по которой ни один из перелетевших через ледяной барьер кораблей не вернулся обратно.

Столб — сильнейший магнит. Он притягивал к себе алюминиевую обшивку барсумских судов. Как только корабль попадал в радиус его притягательной силы, ничто не могло предотвратить конца. Позже я узнал, что столб установлен на точке магнитного полюса Марса, что, вероятно, придавало ему еще большую силу.

Вот чем, оказывается, объясняется долгое отсутствие Тардоса Морса и Морса Каяка! Эти отважные смельчаки не побоялись опасностей таинственного севера, отправившись на поиски Карториса, и потерпели крушение.

Как только упал последний аэроплан, чернородые желтые воины как саранча налетели на обломки машин.

Они забрали в плен оставшихся в живых, приканчивая попутно тех раненых, кто пытался оказать сопротивление. Несколько красных воинов вступили в неравный бой с жестоким врагом, но большинство из них были так подавлены происшедшим, что покорно дали одеть на себя цепи.

Заковав последнего пленника, наш отряд вернулся в город, у ворот которого мы встретили аптов с золотыми ошейниками. Каждого зверя сопровождали по два воина, удерживавших его на золотой цепи. За воротами воины выпустили лютых зверей, и они бросились к зловещему черному столбу. Мне не нужно было спрашивать, с какой целью! Если бы в городе Кадабра не было тех, кому моя помощь нужней, я кинулся бы на страшных чудовищ, которые были посланы на расправу с несчастными умирающими на обломках кораблей.

Передо мной стояла другая задача, и мне пришлось с поникшей головой последовать за желтыми воинами и благодарить судьбу, давшую мне возможность сравнительно легко попасть в столицу Окара.

Очутившись в городе, мы без труда отделились от наших попутчиков и направились в гостиницу.

Глава X

НОВЫЙ СОПЕРНИК

Гостиницы на Барсуме, как мне пришлось убедиться, почти все на один лад. Отдельные комнаты предоставляют только супружеским парам. Если мужчина один, его проводят в общую комнату. Пол здесь, как правило, из белого мрамора или толстого стекла и всегда безукоризненно чист. Гости раскладывают на нем свои шелковые и меховые одеяла, если у них нет с собой спальных принадлежностей, то хозяин гостиницы предоставляет ему их, всегда чистые и свежие.

С момента, когда вошедший водрузит в комнату свои вещи, он считается гостем, и это место принадлежит ему до самого отъезда. Поскольку на Марсе нет воров, то за них не приходится беспокоиться. Учитывая воинственность барсумцев, хозяева гостиниц обычно содержат стражу, которая обходит помещения днем и ночью. По числу стражников и убранству их оружия и доспехов можно судить о доходах владельца.

Рядом с каждой спальней комнатой расположена ван-

ная. Каждый гость обязан ежедневно принимать ванну, иначе ему придется покинуть гостиницу.

Обычно на втором или третьем этажах расположены комнаты для женщин. Обстановка в них мало чем отличается от помещений для мужчин. Прислуживают им рабыни, а стражники круглые сутки находятся у входа в комнаты.

Я с удивлением обнаружил, что стража гостиницы, где мы остановились, сплошь состояла из красных людей. Я узнал, что это рабы, которых владельцы гостиниц покупают у правительства. Человек, несший охранную службу в нашей комнате, был раньше командующим флотом большой марсианской державы. Судьба занесла его судно за ледяной барьер, и оно попало в радиус действия притягательной силы магнитного столба. С тех пор уже много лет томится он в рабстве у желтых людей.

Он рассказал мне, что среди рабов, прислуживающих желтой расе, много джедов и даже джеддаков. Но когда я поинтересовался, не слышал ли он что-нибудь о судьбе Тардоса Морса и Морса Каяка, он отрицательно покачал головой. Ему хорошо были известны имена этих правителей, но он впервые узнал, что они в плену у желтых.

Он ничего не ведал также и о прибытии в Окар отца святых жрецов и черного датора перворожденных, но объяснил это тем, что ему вообще мало что известно о событиях, происходящих при дворе. Я заметил, что он немного удивлен интересом, проявленным желтым человеком к судьбе красных пленников.

Увлеченный расспросами, я совсем забыл о своем маскараде, и только изумленное лицо стражника вовремя предупредило меня. Мне вовсе не хотелось без всякой нужды раскрывать свои карты первому встречному. Да он ничем и не мог помочь мне, а я надеялся в недалеком будущем помочь ему и тысячам других пленников, томящимся в рабстве у желтокожих в Кадабре.

Всю ночь мы с Туваном Дином прошептались, сидя на одеялах в спальне гостиницы, переполненной спящими желтыми людьми. Наметив на следующий день тщательное обследование города и пожелав друг другу спокойной ночи, уже под утро мы улеглись спать.

После завтрака мы отправились осматривать город. Мы обладали достаточным количеством окарских монет, благодаря щедрости джеда Марентины, и смогли нанять себе автомобиль. В Марентине нас обучили мастерству вождения, и теперь мы свободно колесили по всему городу. Мы нашли здание на центральной площади, которое описывал

Талу, и остановились возле него. Смело пройдя мимо вооруженной стражи, мы вошли внутрь, где нас встретил красивый раб, поинтересовавшийся целью нашего визита.

— Передай Сораву, твоему господину, что два воина из Иллада желают получить место в дворцовой охране.

Сорав был начальником войск, охранявших дворец. Талу уверил нас, что он охотно примет пришлых воинов на службу в дворцовую охрану, так как Салензий Олл не доверяет своим подданным, постоянно затевающим заговоры и интриги. Поэтому он отдавал предпочтение людям из далеких городов Окара.

Талу подготовил нас к испытаниям, которым подвергаются все вступающие на службу. Они состояли из двух этапов. Самым сложным для нас представлялся второй, когда сам Салензий Олл должен был оценить наше боевое искусство и ловкость. Поскольку мы были еще мало знакомы со странным мечом с крючком на конце и маленьким щитом, надежды на успех было мало. Мы рассчитывали, что у нас будет в запасе несколько дней, пока джеддак найдет время для нас.

После нескольких минут ожидания нас ввели в приемную Соравы. Чернобородый свирепого вида начальник принял нас достаточно вежливо. Он выяснил, кто мы и откуда, задал еще несколько вопросов, к которым мы были готовы, и, вызвав помощника, после десятиминутной беседы приказал ему записать нас кандидатами и проводить в специальное помещение во дворце.

Помощник провел нас в небольшое помещение, где нас сфотографировали, взвесили и измерили, а также взяли отпечатки пальцев. Затем он передал нас дежурному командиру, который привел нас в комнату на втором этаже дворца в угловой башне здания.

Оказавшись взаперти, мы удивились таким мерам предосторожности с кандидатами во внутреннюю охрану дворца. Солдат, сопровождавший нас, пояснил, что между вновь принятыми кандидатами и старожилыми гвардии часто возникают ссоры, приводящие к гибели воинов. Дабы избежать неприятностей новичков всегда изолируют от остальных солдат.

Это расстроило все наши хорошо обдуманные планы. Мы фактически сделались пленниками во дворце до тех пор, пока Салензию Оллу не заблагорассудится подвергнуть испытанию нашу боевую выучку. А мы так рассчитывали заняться поисками Деи Торис и Тувии! Наше разочарование было безмерно, когда за солдатом щелкнул замок.

С искаженным от злости лицом я повернулся к Тувану Дину. Мой товарищ только печально покачал головой и направился к одному из окон в дальнем конце комнаты.

— Смотри! — сказал Туван Дин, указывая вниз на сад.

Я увидел двух женщин, гулявших в закрытом саду. Я сразу узнал их: это были Дея Торис и Тувия из Птары! Это были те, вслед за которыми я прошел весь Барсум с одного полюса до другого! Всего десять футов и массивная металлическая решетка отделяли меня от них.

Я замахал руками и закричал, надеясь привлечь их внимание. Дея Торис взглянула прямо мне в лицо, гордо откинула голову, выражая полнейшее презрение, и повернулась ко мне спиной.

Мое тело покрыто шрамами от старых ран, полученных в боях, но никогда за всю свою жизнь ни одна рана не доставляла мне таких страданий, как сердечная рана, нанесенная холодным взглядом любимой женщины.

Я со стоном отвернулся и закрыл лицо руками. Туван Дин громко позвал дочь по имени, но и дочь тоже не признала его!

— Они и слушать нас не хотят, — горько сказал Туван Дин. — Зажали обе уши и убежали в дальний конец сада. Это невероятно, их, верно, околдовали.

Я набрался мужества и снова подошел к окну. Я так любил ее. Хотя она и отвернулась от меня, я не мог лишить себя радости созерцания ее божественной красоты. Она заметила, что я смотрю на нее, и снова отвернулась.

Я терялся в догадках. Пусть Дея Торис разлюбила меня, но почему Тувия отвернулась от отца? Это было так нелепо, так невероятно! Неужели она предпочла веру в лживых святых Барсума моей любви? Может быть, она презирает меня, потому что я побывал в долине Дор и посмел вернуться оттуда? Или не простила мне осквернения святых храмов и развенчания отца святых жрецов? Неужели?..

Но ничем другим я не мог объяснить ее странное поведение. Даже такая любовь, как ее ко мне, не смогла преодолеть религиозных предрассудков!

Пока я с грустью смотрел на удаляющуюся спину моей возлюбленной, в противоположном конце сада открылась калитка, и из нее вышел мужчина. Он подошел к стражнику, стоящему за ней, и сунул что-то ему в руку. Подкупив сторожа, он направился к женщинам. Это был никто иной, как Турид, черный датор перворожденных!

Он подошел к ним и заговорил. Я видел, как они обернулись на его голос, и Дея Торис отшатнулась от него. С гад-

ким выражением на лице он вновь подступил к ней еще ближе и снова заговорил. Я не мог расслышать его тихих слов, но ее ответ ясно донесся до меня.

— Внучка Тардоса Морса скорее умрет,— сказала она,— чем согласится на твои условия!

Черный негодяй упал на колени и, ползая у ее ног, о чем-то умолял. Я слышал только часть того, что он говорил. Было видно, что он сильно возбужден, но боится повысить голос.

— Я спас бы тебя от Матана Шанга...— долетели до меня его слова.— Ты знаешь, какую судьбу уготовил тебе хеккадор. Разве ты не предпочтешь меня ему?

— Я не выбрала бы ни одного из вас, даже если бы была свободна,— гордо ответила она.— А ты отлично знаешь, что я не свободна!

— Ты свободна! — закричал он.— Твой муж разбился!

— Я не верю этому. Но даже если бы он и умер и мне нужно было выбрать другого мужа, то я скорее предпочла бы растительного человека или большую белую обезьяну, чем Матана Шанга или тебя, черный калот,— страстно вскричала она.

Внезапно грубое животное потеряло всякую власть над собой. С проклятиями и ругательствами бросился Турид на хрупкую женщину и сдавил ей горло своими грубыми ручищами. Тувия взвизгнула и бросилась на помощь подруге. Я обезумел от ярости и начал трясти решетку на окне. Она выпала, как будто была из тонкой проволоки.

Я спрыгнул в сад и побежал к тому месту, где черный душил мою Дею Торис. Не проронив ни слова, я оторвал его грязные руки от прекрасной шеи и так же молча отбросил его на двадцать футов от себя.

Турид, с пеной у рта, вскочил на ноги и бросился на меня как взбесившийся бык.

— Желтокожий! — визжал он,— ты не знаешь, до кого ты посмел дотронуться своими нечистыми руками, но теперь я тебе объясню, что значит оскорблять перворожденного!

Он бросился на меня, стараясь вцепиться в горло, но я применил свой излюбленный финт: когда он по инерции пронесся мимо меня, я пригнулся под его вытянутой рукой, затем встал и нанес ему сильнейший удар в челюсть. Он развернулся по оси всем телом и рухнул к моим ногам. В эту минуту за моей спиной раздался чей-то голос.

Он принадлежал человеку властному, привыкшему повелевать. Я обернулся и очутился лицом к лицу с гигант-

ским желтым человеком. Не трудно было догадаться, что это сам Салензий Олл. По правую руку от него стоял Матан Шанг, а за ними виднелись десятка два стражников.

— Кто ты? — вскричал он. — И по какому праву ты ворвался к женщинам в сад? Я не могу припомнить твоего лица! Как ты вошел сюда?

Я совсем забыл, что принял личину желтого человека, и готов был брякнуть, что я Джон Картер, но последний вопрос заставил меня вовремя опомниться. Указав рукой на сорванные решетки нашего окна, я заявил:

— Я кандидат в дворцовую стражу. Нас поместили в эту башню до окончательного испытания. Из окна я увидел, как этот скот, — я указал на Турида, — напал на женщину. Я не мог спокойно наблюдать, как мерзавец мучает женщину.

Мои слова, по-видимому, произвели на него положительное впечатление. Он обернулся и обратился к женщинам, которые подтвердили мой рассказ, сопровождая его взглядами, полными ненависти, в сторону Турида.

Я заметил, как глаза Матана Шанга злобно засверкали, когда Дея Торис рассказывала о домогательствах Турида. О моем же вмешательстве она сказала с благодарностью, но в глазах ее застыл немой вопрос. Я не удивился, что в присутствии других она обращалась со мной, как с чужим, но ее отречения от меня, когда они с Тувией были в саду одни, я не мог вынести.

Пока шло разбирательство, Турид внимательно разглядывал меня, а потом внезапно расхохотался прямо мне в лицо. Салензий Олл обратился к нему.

— Что ты можешь сказать в свое оправдание? — спросил он грозным голосом. — Как смеешь ты желать ту, которую выбрал отец свитых жрецов, ту, которая могла бы стать женой даже самого джеддака Окара?

При этих словах бородатый тиран бросил сладострастный взгляд на Дею Торис. Мне показалось, что он что-то замышляет. Турид собирался ответить и со злобной усмешкой уже указал пальцем на меня, но последние слова и поведение Салензия Олла остановили его. В его глазах мелькнул хитрый огонек, и я понял по выражению его лица, что он хотел сказать нечто другое.

— О, могущественнейший из джеддаков, — начал он, — мужчина и женщина оба лгут. Он проник в сад, чтобы помочь им бежать. Я был за стеной и все слышал. Когда я вошел, женщина завизжала, а мужчина прыгнул на меня и чуть не убил. Что ты о нем знаешь? Он чужой, и я смею уверить,

что ты найдешь в нем врага и шпиона. Предай суду его, Салензий Олл, а не твоего друга и гостя Турида, датора перворожденных.

Салензий Олл, видимо, был смущен. Он обернулся и пристально посмотрел на Дею Торис. Турид близко подошел к нему и что-то прошептал на ухо. Я не расслышал его слов. Желтый джеддак обернулся к одному из своих начальников стражи и отдал приказ.

— Упрячьте этого человека в тюрьму, пока я не разберусь во всем, — приказал он. — А так как решетка не удержит его, закуйте в цепи.

Затем он повернулся и ушел из сада, забрав с собой Дею Торис. Турид и Матан Шанг пошли следом за ним, и когда они дошли уже до калитки, черный датор обернулся и снова громко захохотал мне вслед.

Что значила его внезапная перемена ко мне? Как он узнал меня? Возможно, что прием, которым я сразил его уже второй раз, выдал меня?

Стражники, взявшись за мои руки, потащили меня куда-то, а сердце мое разрывалось на части. К двум безжалостным врагам, которые так давно преследовали мою возлюбленную, прибавился третий, еще более могущественный! Я был бы слепым глупцом, если бы не заметил внезапной страсти к Дее Торис, которая зажглась в груди Салензия Олла, джеддака и правителя всего Окара.

Глава XI

ТАНТАЛОВЫ МУКИ

Три дня протомился я в темнице Салензия Олла, закованный в тяжелые цепи. Мысли о судьбе Тувана Дина, джеддака Птарты, не покидали меня.

Мой храбрый товарищ последовал за мной в сад, когда я напал на Турида. Когда все удалились, оставив Тувию в саду, Туван Дин тоже задержался там. По своему виду он ничем не отличался от стражников, и, по-видимому, на него не обратили внимания. Когда меня уводили, я успел заметить, что он выжидает, когда все разойдутся. Неужели им удалось бежать? Трудно было поверить в это, но я всем сердцем желал, чтобы так было на самом деле.

На третий день моего заключения за мной в темницу явились двенадцать воинов для сопровождения в тронный зал, где сам Салензий Олл должен был судить меня. Зал

был переполнен знатью Окара, и среди присутствующих я увидел только Турида, а Матана Шанга не было.

Дея Торис, ослепительно красивая принцесса Гелиума, сидела на небольшом троне рядом с Салензией Оллом. Сердце мое сжалось при виде безнадежного отчаяния на ее прелестном лице. Она сидела рядом с самым джедаком Окара! Это не означало ничего хорошего ни для нее, ни для меня, и я твердо решил, что не уйду без нее из этого зала.

Мне приходилось сражаться голыми руками и с более сильными воинами, чем Салензий Олл. Я поклялся, что убью его, если это будет единственным возможным вариантом спасения моей жены. Я сознавал, что меня растерзают его воины, но мне незачем жить без горячо любимой Деи Торис. Пусть я погибну, но уберу с ее пути Салензия Олла. Итак, пока я составлял план мести, начался суд.

Салензий Олл вызвал Турида.

— Датор Турид, — сказал он, — ты сделал мне странное предложение, причем пообещав, что оно послужит исключительно моим интересам. Я решил принять его. Ты сказал также, что сумеешь изобличить пленника, что откроет путь к исполнению моего самого пламенного желания.

Турид кивнул головой.

— В таком случае я оглашу его здесь перед лучшими людьми моей страны, — продолжал Салензий Олл — Уже год, как трон рядом со мной пуст. Я решил взять в жены ту, которая считается самой прекрасной женщиной на Барсуме, и никто не осмелится отрицать истинность этого утверждения! Люди Окара, обнажите мечи и поприветствуйте Дею Торис, будущую королеву Окара. К концу положенных десяти дней она станет женой Салензия Олла.

По странному обычаю, все обнажили мечи и высоко подняли их над головой. Но в эту минуту Дея Торис поднялась с трона и, высоко подняв голову, закричала громким голосом, заставившим всех замолчать.

— Я не могу стать женой Салензия Олла, потому что я уже жена и мать. Джон Картер, мой муж, жив. Я знаю, что это так! Я сама слышала, как Матан Шанг говорил об этом своей дочери Файдоре. Он видел моего мужа в Каоре при дворе Кулана Тита. По закону, джедак не может взять в жены чью-то жену. Салензий Олл не нарушит закона Барсума!

Салензий Олл злобно посмотрел на Турида.

— Так вот тот сюрприз, который ты поберег для меня? — гневно вскричал он. — Ты меня уверял, что между мною и этой женщиной не существует препятствий, от ко-

торых нельзя было бы сравнительно быстро избавиться. Что все это значит? Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— А если я отдам в твои руки Джона Картера, Салензий Олл? Тогда я исполню твое желание и ты будешь доволен, не так ли? — вкрадчиво спросил Турид.

— Нечего валять дурака, — заорал взбешенный джеддак, — я не мальчишка, чтобы со мной играли!

— Я говорю с тобой, — ответила Турид, — как воин, который верен данному слову. И я знаю, что могу исполнить все, что обещал!

— Тогда доставь мне Джона Картера в течение десяти дней, или тебя самого ожидает печальный конец, — сказал джеддак, грозно хмуря брови.

— Тебе незачем так долго ждать, Салензий Олл, — ответил Турид и, внезапно повернувшись, указал на меня. — Вот он! Перед вами Джон Картер, муж Деи Торис!

— Глупец! — зарычал Салензий Олл. — Идиот! Муж Деи Торис — белый человек, а этот — такой же желтый, как и я! Лицо Джона Картера гладкое — Матан Шанг описал мне его — а у этого пленника — черная борода, как у всякого окарца! Живо, стража, бросьте чернокожего безумца в темницу! Пусть он жизнью заплатит за то, что осмелился дурачить вашего правителя!

— Подождите! — закричал Турид. Он резко бросился ко мне и сорвал с меня парик и бороду, обнажив белую кожу и короткие черные волосы.

В тронном зале Салензия Олла поднялся невообразимый шум. Офицеры, обнажив мечи, бросились защищать джеддака, воображая, что я замышляю убийство, другие теснились и давили друг друга из любопытства, чтобы взглянуть на человека, имя которого гремело от полюса до полюса.

Когда меня разоблачили, Дея Торис вскочила и раньше других в этой неразберихе подбежала ко мне. Глаза ее сияли невыразимой радостью и любовью.

— Джон Картер! Джон Картер! — воскликнула она, когда я прижал ее к своей груди.

И тут я понял, почему она отреклась от меня в дворцовом саду. Какой глупец! Она просто не узнала меня под искусным гримом!

— И это ты говорил со мной из башни! Но как я могла предположить, что под страшной бородой и желтой маской скрывается мой любимый виргинец!

Она так нежно произнесла «мой виргинец», что после стольких лет разлуки, услышав ласковое имя из ее уст, которым она называла меня в наши прежние годы, я не мог

сдержаться — глаза мои наполнились слезами и голос дрогнул от волнения.

Наше счастье продлилось всего минуту, потому что Салензий Олл, свирепый от злобы и ненависти, протиснулся к нам.

— Вяжите его! — приказал он воинам, и грубые руки оторвали от меня Дею Торис.

Что мог я поделать против толпы с голыми руками?! Я отбивался от врагов, стремясь пробиться к трону, куда желтокожий джеддак увлек мою любимую. У его ступенек меня повалили на пол и связали руки. Но прежде, чем я потерял сознание под ударами немилосердных противников, я услышал слова Деи Торис, вознаградившие меня за все страдания. Гордо стоя перед желтокожим гигантом, грубо схватившим ее за руку, она указала в мою сторону и гневно заговорила.

— Неужели ты думаешь, Салензий Олл, что я, жена такого человека, как он, предаю его память, даже если он тысячу раз умрет, и выйду замуж за низшего смертного? Найдется ли во всем мире такой мужчина, как мой муж? Существует ли другой человек, который пробился бы через всю планету, сражаясь с дикими животными и дикими людьми, движимый любовью к женщине? Я, Дея Торис, навсегда принадлежу только ему. Он сражался за меня и завоевал мою любовь. Если ты настоящий воин, ты должен уважать его храбрость. Сделай из него раба, если пожелаешь, но пощади его жизнь! Я согласна быть женой такого раба, как он, чем королевой Окара!

— Ни королева, ни рабыня не смеют приказывать Салензию Оллау, — ледяным тоном ответил джеддак — Джон Картер умрет естественной смертью в «Яме Изобилия», и в тот день, когда он умрет, ты станешь моей женой.

Я не слышал ее ответа, потому что сильный удар в голову лишил меня сознания. Когда я пришел в себя, тронный зал был пуст, и только дюжина стражников стояла возле меня. Один из них ткнул меня мечом в бок и приказал встать. Затем меня отвели по бесконечным коридорам во внутренний двор, находящийся в центре дворца. Посередине была глубокая яма, у края которой меня поджидали несколько других стражников. В руках у одного из них я заметил веревку, которую он принялся разматывать при нашем приближении.

Нас отделяло от ямы не более пятидесяти футов, как вдруг я почувствовал импульс в одном из пальцев руки. Я не сразу сообразил, в чем дело, но затем вспомнил о

кольце Талу, джеда Марентины. Я взглянул на воинов, к которым мы приближались, и как бы невзначай поднял левую руку к лицу, чтобы кольцо заметили. Почти одновременно со мной один из ожидавших воинов тоже поднял левую руку, приглаживая волосы, и на одном из пальцев я увидел такое же кольцо, как у меня.

Мы обменялись быстрыми взглядами, а потом я отвернулся от него, чтобы не возбудить подозрений у стражников.

Воины обвязали меня веревкой и спустили в огромную яму, которой, казалось, не было конца. Один из них успел шепнуть мне на ухо: — Мужайся!

Яма, показавшаяся бездонной моему воображению, на самом деле имела не более ста футов в глубину, но стены ее были такими гладкими, будто их отлили из стекла. Я не смог бы выбраться из нее без посторонней помощи.

Целый день я просидел в темноте. Внезапно яркий свет залил мою темницу. К этому времени я был изрядно голоден, так как уже сутки ничего не ел, и к моему удивлению я увидел в стенах ямы полки, уставленные самыми изысканными яствами и напитками, какие только существуют в Окаре. С воплем радости я подскочил к ним, чтобы выбрать себе что-нибудь, но свет погас, едва я успел сделать пару шагов. Обшарив все стены, насколько хватило моего роста, я убедился в тщетности поисков. Стены были абсолютно гладкими.

После того, как я явно видел соблазнительную пищу, приступ голода начал мучить меня. Ко всему прочему во тьме я явно слышал издевательский хохот.

На следующий день не произошло ничего примечательного. Я старался не думать о еде и не воскрешать в уме увиденную еду. В конце дня свет вспыхнул вновь, и передо мной снова оказались большие сосуды с чистой водой, бутылки с вином и превосходные блюда. Как бешеный голодный зверь я опять бросился к ним, чтобы успеть схватить еду, но свет опять померк, и я оказался у ровной поверхности стены. И снова прозвучал злорадный хохот.

Яма Изобилия!

Какой дьявол изобрел эту адскую пытку? День за днем повторялась та же история. Я был близок к помешательству. Тогда я вспомнил подвал уорхунцев, где сумел взять себя в руки и подавил подступающее умопомрачение. Огромным усилием воли я овладел своим голодным рассудком и принудил себя к спокойствию. Мои усилия увенчались успехом: когда в следующий раз вновь зажегся свет, я продолжал

сидеть и равнодушно смотрел на еду. Я был очень рад, что мне это удалось, так как сохраняя спокойствие, мне, возможно, удастся разрешить тайну исчезновения яств.

Мои мучители оставили свет в надежде, что я в конце концов не выдержу и снова потешу их своими бесплодными отчаянными попытками. Но я сидел и спокойно смотрел на полки, ломившиеся от обилия всевозможных кушаний. И вдруг я понял, в чем дело! Стены моей темницы действительно были стеклянными, а за ними были выставлены блюда с едой, причинявшие мне танталовы муки.

Прошло восемь дней. Я ослаб от жажды и голода, но не страдал. Я свикся с отсутствием еды. И вот, на девятый день, из темноты сверху к моим ногам упал небольшой сверток. Подумав, что это новые ухищрения моих мучителей, я без энтузиазма принялся искать его. Оказалось, что это галеты, завернутые в бумагу, сам сверток был обвязан тонкой, но прочной бечевкой.

— Вероятно, отравленные, — подумал я.

Но что из этого? Почему не положить сразу конец моим непрерывным мучениям и не тянуть еще несколько дней, прозябая в яме? Медленно поднес я ко рту одну из галет.

— Прощай, Дея Торис! — прошептал я. — Я жил для тебя, сражался, а теперь — я умру за тебя! — и откусив кусок, проглотил его.

Я съел их все, одну за другой. Это была самая вкусная еда, которую мне пришлось отведать за всю мою жизнь, так мне тогда показалось. Я ел их, сознавая, что эти галеты, вероятно, содержат мучительную смерть. Ожидая конца, я сидел спокойно на дне моей темницы. Моя рука нащупала бумагу, в которую были завернуты галеты, и я машинально стал теревить и складывать ее. Пока мысли мои вихрем пробежали по прожитым годам, полным невероятных приключений, счастья и лишений, руки нащупали на гладкой поверхности бумаги выпуклые закорючки. Они выстраивались в одну строчку за другой. Всего их было четыре. Конечно, это — письмо.

Я сосредоточился, тщательно проверяя свою догадку. Марсианский язык на письме — нечто среднее между иероглифами и стенографическими знаками. На всем Барсуме принят один разговорный язык, а письменность в каждой стране своя. Очень долго я бился над разгадкой марентинских знаков, но сумел все-таки разобрать первое слово — «мужайся».

Мужайся! Это слово прошептал мне на ухо желтый

стражник, когда я стоял на краю ямы! Весть была от него, и я знал, что это мой друг. Окрыленный надеждой, я принялся разбирать остальные слова, и мои труды увенчались успехом; я прочел следующее: «Мужайся! Следуй за веревкой!»

Глава XII

«СЛЕДУЙ ЗА ВЕРЕВКОЙ!»

Что бы это значило? «Следуй за веревкой». Какая веревка?

Я вспомнил о бечевке, на которой болтался пакет, и нащупал ее. Она свешивалась откуда-то сверху, и когда я подергал за нее, выяснилось, что она к чему-то привязана и вполне может выдержать человека. На уровне роста я обнаружил еще одно письмо. «Возьми веревку с собой. За узлами — опасность», — гласило оно. Это было все. Поскольку трудно было представить положение хуже моего теперешнего, то я не очень-то задумался о последнем предостережении. Не теряя времени, я ухватился за спасительную веревку и полез вверх.

Прежде чем выбраться из проклятой ямы, я прислушался к возне наверху. Крышка ямы оказалась сдвинутой, и на фоне неба я различил фигуры желтых воинов. Неужели это — ловушка?

Я поднялся еще на несколько футов, как над моей головой появился огромный рычащий апт, которого воины осторожно спускали через край ямы. Затем я обнаружил, что веревка, на которой я болтался, уходит в отверстие в стене как раз на уровне того места, где я находился в этот момент. Я успел заползти в него, когда апт проследовал мимо меня вниз. Он дико зарычал и протянул ко мне свои страшные лапы, щелкнул челюстями и завыл.

Вот какой конец уготовил мне Салензий Оал! После мучительной пытки голодом, он решил расправиться со мной окончательно. Тут я вспомнил, что прошло уже девять дней из положенных по обычаю десяти, когда джеддак мог назвать Дею Торис своей женой. Ему непременно сегодня нужно было избавиться от меня!

Да, апт подоспел как нельзя вовремя. Враги, обнаружив на дне ямы одного апта, решат, что он сожрал меня, а потому не догадаются о моем побеге и не станут искать. Подтянув веревку, как было указано в записке, я огляделся

и заметил, что она тянется дальше. Туннель, по которому я полз, был узким и темным. Я прополз, должно быть, несколько сот футов, когда нащупал руками узел. «За узлами — опасность» — вспомнил я предостережение. Теперь я двигался с величайшей осторожностью, и через минуту крутой поворот привел меня к двери в большое хорошо освещенное помещение.

Туннель все время поднимался вверх, поэтому я предположил что попал теперь ко входу на первый этаж дворца. В комнате беседовали два человека за длинным столом, а на стене я заметил развешенные инструменты, назначение которых мне было неизвестно.

Сидевший ко мне лицом оказался маленьким желтокожим дряхлым старикашкой с большими глазами. Его собеседник был чернокожий, и я сразу угадал в нем Турида, так как другого перворожденного к северу от ледяного барьера не было. Я подполз ближе и услышал голос Турида.

— Солан, поверь мне, здесь нет никакого риска, а награда будет большая. Ты же ненавидишь Салензия Олла и всегда говоришь, что тебе доставляет большое удовольствие расстраивать его планы. А ведь сейчас он задумал взять в жены прекрасную Дею Торис. Но я надеюсь, что с твоей помощью она достанется мне. Подумай! От тебя ничего другого не требуется, как уйти на минуту из этой комнаты, когда я подам тебе знак. Я сам сделаю все остальное, а потом ты сможешь вернуться и поставить большую стрелку на место, — и все станет по-прежнему. Мне нужен час, один час времени, чтобы благополучно выбраться за пределы дьявольской силы, которой ты управляешь из этой комнаты. Посмотри, как просто, — и с этими словами черный датор встал со своего стула, прошел через комнату и положил руку на большой блестящий рычаг, выступающий из стены.

— Нет! Нет! — закричал старичок и с диким визгом подскочил к нему. — Только не этот! Этот рычаг регулирует объем солнечных лучей в резервуарах. Если ты повернешь его, вся Кадабра окажется спаленной солнцем, прежде чем я успею повернуть его обратно. Ступай прочь! Ты не понимаешь, чем ты играешь! Вот рычаг, который нужен тебе. Запомни его хорошенько — белый знак на черной поверхности.

Турид внимательно осмотрел рукоятку рычага.

— А, магнит! — сказал он, как бы про себя. — Запомню. Значит, решено, ты согласен? — вновь обратился он к старику.

Тот колебался. На его сморщенном лице сменялись выражения страха и алчности.

— Увеличь сумму вдвое, — сказал он наконец. — Даже и тогда она будет слишком мала в сравнении с услугой, о которой ты просишь. Ведь я рискую своей жизнью, даже просто принимая тебя здесь, в запретной для всех смертных станции. Узнай об этом Салензий Олл, он бросил бы меня аптам раньше, чем сядет солнце!

— Ты прекрасно знаешь, Солан, что он никогда не посмеет сделать это! — возразил черный. — В твоих руках сосредоточена слишком большая сила и жизнь всего Окара. Салензий Олл не рискнет даже угрожать тебе. Прежде чем его слуги прикоснуться к тебе, ты ведь можешь повернуть тот рычаг и уничтожить весь город.

— И себя самого впридачу, — сказал Солан, содрогнувшись.

— Во всяком случае, если бы смерть подступила к тебе, ты нашел бы в себе мужество сделать это!

— Да, — пробормотал Солан, — я часто размышлял об этом. Ну, так как же, перворожденный, стоит ли принцесса той платы, которую я прошу за услугу, или ты уйдешь без нее, а завтра увидишь Дею Торис в объятиях Салензия Олла?

— Ты получишь, сколько требуешь, желтолицый, — выругавшись, ответил Турид — Половину — теперь, остальное, когда исполнишь договор.

С этими словами датор швырнул на стол туго набитую деньгами сумку.

Солан открыл ее и дрожащими руками пересчитал содержимое. Глаза его алчно горели, нечесаная борода и усы нервно подергивались. Видно было, что Турид выбрал правильный ход, раскусив его жадность. Убедившись, что вся сумма в его руках, Солан ссыпал деньги обратно в сумку и поднялся из-за стола.

— Ну, а теперь, — сказал он, — уверен ли ты, что знаешь путь к свободе? Ты должен дойти до пещеры и затем оттуда к великой силе всего за час, больше я не могу дать тебе времени.

— Я опишу тебе весь путь, чтобы ты убедился, что я твердо знаю его.

— Говори! — ответил Солан.

— Мне нужно выйти через эту дверь, — начал Турид, указывая на дверь в дальнем конце комнаты. — Потом я пойду по коридору, миную три боковых коридора по правую руку и заверну в четвертый коридор направо. Оттуда сле-

дует идти прямо до того места, где соединяются три коридора. Потом опять пойду по правому из них, плотно прижимаясь к левой его стене, чтобы не упасть в колодезь. В конце коридора будет винтовая лестница, по которой я спущусь вниз. После этого нужно идти все время прямо. Правильно?

— Все правильно, датор,— ответил Солан,— а теперь уходи поскорее! Ты и так искушаешь судьбу, оставаясь так долго в запретном месте.

— Значит, сегодня ночью или завтра жди сигнала,— сказал Турид, вставая.

— Сегодня ночью или завтра,— повторил Солан.

Когда за гостем закрылась дверь, старик вернулся к столу, что-то бормоча. Он снова высыпал содержимое сумки и долго перебирал кучу блестящих монет. Он укладывал их в столбики, считал, пересчитывал, любовался своим богатством и напевал вполголоса.

Неожиданно он переменялся. Пальцы перестали играть монетами, а глаза его устремились на дверь, через которую вышел Турид. Благодушное мурлыканье перешло в сердитое бормотание, а затем в злобное шипение. Старик вдруг вскочил из-за стола и потряс кулаком по направлению к закрытой двери. Он заговорил громче, и его слова ясно донеслись до меня.

— Вот дурак! — бормотал он. — Неужели ты воображаешь, что Солан отдаст жизнь за твое счастье? Ведь если ты убежишь, то Салензий Олл поймет, что только я мог помочь тебе. Он расправится со мной! И что же ты посоветуешь мне сделать? Превратить город и себя в пепел? Ну, нет, голубчик! Я знаю способ получше: и деньги твои сохраню, и Салензию Оллу отомщу.

Он подленько захихикал.

— Несчастный дурак! Верти, верти большую стрелку, которая должна дать тебе доступ к свежему воздуху, а затем отправляйся со своей краснокожей принцессой прямо в лапы смерти. Что может помешать Солану переставить стрелку на то же место, которое она занимала до того, как ты тронешь ее своими гнусными руками? Ничто! И тогда Страж Севера потребует тебя и твою женщину, а Салензий Олл, обнаружив ваши мертвые тела, догадается, что вы хотели бежать.

Затем его речь опять перешла в неясное бормотание, которого я не мог разобрать, как ни напрягал слух, но я и так уже достаточно услышал, чтобы догадаться об их планах. Само providение привело меня к этой комнате в ту минуту,

когда заговорщики обсуждали коварный план, угрожавший Дее Торис!

Мне нужно было пройти мимо старика. Веревка, почти невидимая на полу, тянулась прямо через его обитель к двери в дальнем углу. Я не мог ослушаться совета «следуй за веревкой!». Другого пути у меня не было, но как пройти незамеченным стариком, я не представлял. Конечно, я мог бы расправиться с ним голыми руками, но тогда его место займет другой, и Турид не появится здесь с Деей Торис.

Пока я ломал голову, следя за каждым движением старика, он поднялся, взял сумку с деньгами и прошел в противоположный от нужного мне угла конец комнаты. Встав на колени, он начал разбирать стену у самого пола. Я сразу догадался, что там был тайник, в котором он хранил свои сокровища.

Получив единственный шанс, я осторожно вошел в комнату, не отводя глаз от старикашки. Мне нужно было пройти всего тридцать шагов, но моему расстроенному воображению казалось, что до спасительной двери — целые мили. Наконец я достиг ее, а старый скряга все еще продолжал копошиться в своем углу. Моя рука легла уже на кнопку двери, когда он встал и повернулся, но в противоположную от меня сторону. Я вышел и осторожно прикрыл дверь.

В коридоре я остановился и приложил глаз к щели, чтобы убедиться, что он так ничего и не заметил. Все было тихо. Я повернулся и пошел по коридору, следуя за веревкой и сматывая ее за собой.

Неожиданно веревка оборвалась у места перекрестка пяти коридоров. Что же делать? Какой дорогой идти? Осмотрев конец веревки, я увидел, что она перерезана. Мозг напряженно заработал, подсказывая мне упоминания об узлах на веревке. Я столкнулся лишь с одним. Значит, должны быть еще и другие. Положение мое было незавидное: я не знал, каким коридором идти и где меня ожидает опасность. Ничего не оставалось, как выбрать наугад один из них, чтобы не терять драгоценного времени.

Я выбрал центральный коридор и вошел в полумрак. Туннель уходил вверх и минуту спустя оборвался перед тяжелой дверью. Из-за нее не доносилось никаких звуков, поэтому я смело толкнул дверь... и оказался в комнате, переполненной желтыми воинами. Все они были из дворцовой стражи и сразу же узнали меня. Почти одновременно они бросились ко мне. В этот критический момент я вновь ощутил в пальце импульс, посылаемый кольцом, и первым ко мне подбежал обладатель такого же кольца. Он успел шеп-

нуть мне на ухо: «Сдайся мне!», — а затем, размахивая передо мной двумя мечами, громко закричал.

— Белый человек, ты мой пленник!

И Джон Картер покорно сдался, не оказав сопротивления. Меня окружили воины и стали задавать массу вопросов. Я упорно молчал. Наконец тот, кому я сдался, объявил, что отведет меня обратно в яму.

Командир приказал нескольким другим воинам сопровождать меня, и мы отправились обратной дорогой, по которой я только что пришел. По пути он затеял пустую болтовню со мной, а товарищи постепенно перестали слушать его. Он понижал голос, пока не перешел на шепот. Мы даже немного отстали от остальных и смогли поговорить наедине. Конечно, он поинтересовался, почему я не последовал за веревкой. Я объяснил ему причину как раз в тот момент, когда мы подошли к месту пересечения пяти коридоров.

Он придержал меня и быстро прошептал:

— Беги в первый коридор направо! Он ведет в сторожевую башню в южной стороне. Я направляю погоню в другой коридор.

С этими словами он толкнул меня в темный туннель, а сам упал на пол, призывая охранников на помощь. Позади меня раздались возбужденные голоса стражников, но постепенно шум становился все слабее. Посланник Талу повел их по ложному пути.

Я несли по темному подземному коридору, улыбаясь при воспоминании о ловкой проделке марентинца. Путь мой шел все время прямо и окончился у винтовой лестницы. Я взбежал наверх и оказался на первом этаже круглой башни.

В комнате работали двенадцать красных рабов, охраняемых всего тремя желтыми воинами. Стены комнаты были увешаны всевозможным оружием, которое и ремонтировали невольники. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить всю картину. Здесь был целый арсенал, вполне подходящий для такого количества красных воинов! И сюда попал Джон Картер, который так нуждался и в оружии, и в воинах!

Все разом оглянулись на меня. Я схватил первый же меч, попавшийся под руку. Один из стражников бросился ко мне.

— Кто ты? — вскричал он. — Что тебе нужно?

— Я пришел за Тардосом Морсом, джеддаком Гелиума, и его сыном, Морсом Каяком, — громко заявил я, указывая на двух красных пленников, сидевших рядом и изумленно глядевших на меня.

Все пленники были гелиумцами, захваченными желтыми людьми.

— Подымайтесь, красные воины! Оставим о себе достойную память в истории Кадабры на славу Гелиума!

Стражники бросились ко мне, и бой закипел. Отражая их удары, я заметил, что красные рабы не могут прийти мне на помощь, так как крепко прикованы цепями к полу!

Глава XIII

МАГНИТНАЯ СТРЕЛКА

Стражники, не опасаясь нападения со стороны пленников, ринулись на меня. Рабы тоже вооружились, но мне не пришлось ждать помощи от них, так как цепи прочно удерживали их.

Вскоре желтолицые убедились, что имеют дело с опытным бойцом. Успев надеть на левую руку щит, я успешно отражал удары их крюков. Будь у меня мой собственный меч, я бы показал им себя!

Один из моих противников, оттеснив меня к стене, сделал выпад, я увернулся, и его оружие прочно застряло в стене. Не медля ни секунды, я расправился с ним. Двух других, осыпая ударами меча, я заставил приблизиться к рабам, которые тут же расправились с ними. Один из поверженных врагов успел перед смертью бросить крик о помощи, и мы слышали топот бегущих людей, звон оружия и команды офицеров.

— Дверь! Джон Картер, загороди дверь! — вскричал Тардос Морс.

Из окна я увидел стражу, спешащую по двору к башне. Через несколько секунд они будут здесь. Одним прыжком я оказался у тяжелой двери и с треском захлопнул ее.

— Засов! — завопил Тардос Морс.

Я старался задвинуть огромный засов, но он не поддавался.

— Приподними его, чтобы он попал в защелку! — закричал один из красных людей.

Я уже слышал топот желтых воинов по плиткам у самой двери башни. Засов приподнялся и захлопнулся в тот миг, когда первый из них толкнул дверь с внешней стороны. Засов выдержал! Я вовремя успел, опередив всего на секунду подбежавших стражников.

Нужно было спешно освободить закованных в цепи плен-

ников. Но оказалось, что ключи есть только у начальника стражи, который со своим отрядом штурмовал дверь башни. Решено было перерубить цепи. Я бросился к Тардосу Морсу и несколькими ударами меча сумел освободить его. Дверь трещала под ударами желтолицых.

Мне казалось, что мы мучительно долго возимся с оковами, так как под натиском врага от нее начали отлетать отдельные куски. Тардос Морс, схватил оружие, бросился к образовавшейся в ней щели и поумерил пыл противника, сразив нескольких желтолицых. Наконец остался только один пленник, который никак не мог освободиться от цепей.

В это время массивная дверь с грохотом упала под ударами тарана.

— Бегите наверх! — закричал красный воин, все еще прикованный к полу. — Бегите! Там вы сможете обороняться от целой армии Кадабры! Не задерживайтесь из-за меня. Я не желаю себе лучшей смерти, чем за жизнь Тардоса Морса и Джона Картера!

Мое чувство долга перед боевыми товарищами не позволило мне оставить отважного героя.

— Рубите цепи! — приказал я двум гелиумцам, — а мы постараемся задержать врага!

Теперь нас было десять, и я ручаюсь, что древняя башня Кадабры не видела в своих мрачных стенах более горячего боя.

Последний из пленников был наконец свободен, и нас теперь стало тринадцать. Многие гелиумцы были ранены, но никто не погиб. Все новые отряды солдат Салензия Олла заполняли двор перед башней, а из нижнего коридора, по которому я попал в комнату, слышались крики и звон оружия. С минуты на минуту нас могли атаковать одновременно с двух сторон. Силы наши были явно недостаточны для дальнейшего сопротивления, и мы решили отступить.

— Всем наверх, — скомандовал Тардос Морс властным голосом, и мы начали отходить к винтовой лестнице, ведущей на верхние этажи.

Желтолицые успели ворваться в комнату и бросились нам наперерез. Пробивая путь, пал один из наших бойцов, потеря которого была тяжела для нашего маленького отряда. Мы все же пробились к лестнице и начали подъем. Я остался внизу, чтобы дать возможность остальным добраться до верхнего этажа.

Мои товарищи сгрудились возле лестницы, пропустили меня и достойно встретили неприятеля. Я позволил себе небольшую передышку и подошел к прозрачной стене.

С башни открывался вид на несколько десятков миль во все стороны. К югу от нее до самого снежного барьера тянулась белая пустыня. К востоку и западу, и далеко на север виднелись очертания других ожарских городов, а совсем близко передо мной, сразу за стенами Кадабры, возвышался магнитный столб.

Затем я рассеянно оглядел улицы города. Каково же было изумление, когда я обнаружил, что в городе царит паника! Я отчетливо разглядел сражающихся воинов на улицах и площадях, а за городскими стенами шли на приступ ближайших к нам ворот внушительные колонны войск.

Я не поверил своим глазам! Но сомнений быть не могло, и я радостным криком оповестил своих товарищей, стараясь перекрыть звон оружия и поток проклятий желтолицых. Подозвав Тардоса Морса, я указал ему вниз на улицы Кадабры и на приближающиеся войска, впереди которых развевались знамена Гелиума.

Полюбовавшись видом сей неожиданной для нас картины, мы вынуждены были сменить уставших бойцов нашего отряда у лестницы. Да, наши войска вступали в Кадабру, кругом кипел бой, но до победы еще было далеко и дворец держался.

Мы разделились на две группы, поочередно сменяя друг друга. Пока одна отражала неприятеля, другая наблюдала за событиями в городе и сообщала о них.

Нам хорошо было видно сверху, как распахнулись дворцовые ворота и в бой вступила личная гвардия джеддака, цвет армии Окара. Она устремляется вперед, намереваясь добить расстроенные ряды гелиумских полков. Кажется, ничто уже не может спасти наше войско от полного поражения. Но вот появляется благородный воин верхом на могучем тоте, представителе фауны дна высохших морей. Храбрец буквально прорубает себе дорогу в гуще врагов, а за ним вновь встают, смыкая ряды, красные люди Гелиума. Он высоко поднял голову, и я вижу его лицо. Сердце мое затрепетало от счастья и гордости, когда красные воины, следуя за своим военачальником, отвоевывают обратно утерянные позиции. Отважный воин на могучем тоте — мой сын Карторис!

Рядом с ним наравне со всеми сражается огромная марсианская собака, в которой я, конечно же, узнаю Вулу, верного Вулу, который выполнил мой приказ и так вовремя привел их сюда.

Мое внимание привлекла новая колонна воинов, подошедшая к городской стене. Все они были верхом на огромных

татах, а в руках у них я заметил длинные копья. Не было сомнений, что это зеленые люди Барсума, дикие кочевники, живущие далеко к югу на дне высохших морей. В роковом молчании они стремительно налетели на ворота. Когда зеленые воины ворвались в обреченный город и повернули ко дворцу джедака, я увидел впереди них могучую фигуру моего верного друга Тарса Таркаса, джедака тарков. Сбылось мое желание! Я снова вижу в бою моего старого друга, в который раз пришедшего мне на помощь.

Тем временем бой в башне не затихал ни на минуту. Враги все прибывали и прибывали, протискиваясь через горы тел поверженных смельчаков. Они уносили раненых и убитых, расчищая себе дорогу к смерти!

Настала моя очередь защищать вместе с другими вход в наше убежище, когда Морс Каяк, наблюдавший за событиями в городе, испуганно вскрикнул. В его возгласе было столько отчаяния, что я сразу кинулся к нему. Он указал мне на снежную пустыню к югу от города.

— Какой ужас! Какая страшная судьба ожидает их! И мы ничем не можем помочь им или предупредить!

Из-за ледяного барьера к Кадабре приближался могучий воздушный флот Гелиума. Корабли летели вперед со все увеличивающейся скоростью.

— Роковой столб, который они нарекли Стражем Севера, уже притягивает их к себе,— печально заметил Морс Каяк.— Вот так же он притянул и наши корабли. Посмотри на жалкие обломки нашей экспедиции — это мрачное свидетельство разрушительной силы, которую ничто не может остановить!

Я взглянул на столб и обломки, и вдруг ясно всплыла передо мной тайная комната, посередине которой стоял длинный стол, а за ним старикашка, жадно пересчитывающий деньги. Но яснее всего я отчетливо представил себе большую стрелку на стене, на черной ручке которой был белый знак.

И я решился. Сжав покрепче свой меч, я велел своим товарищам у лестницы посторониться.

— Дорогу Джону Картеру! — кричал я, пробивая себе путь сквозь толпу ошеломленных стражников.

Щедро одаривая налево и направо ударами моего клинка желтолицых, я навел на них такой страх, что они решили, будто на них напал целый отряд. Многие повернулись и бросились бежать. Вскочив в комнату на первом этаже — она оказалась пуста — я повернул к двери, ведущей в подземный коридор. Здесь я помчался со всех ног по направлению

к перекрестку пяти коридоров, а оттуда бросился в тот из них, который привел меня на станцию.

Как вихрь я ворвался в комнату. Старик сидел за столом. Увидев меня, он вскочил и выхватил меч. Не обращая на него внимания, я подскочил к большой стрелке, но каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что старикашка очутился здесь раньше меня!

Не понимаю, как ему только удалось обогнать меня! Ведь никто на Барсуме не мог превзойти мою ловкость! Как тигр бросился он на меня, и я понял, почему именно Солану доверил Салензий Олл судьбу Кадабру.

Поединок проходил всего в трех футах от заветной стрелки, а я не продвинулся к ней ни на дюйм! Но я и не отступил. Так прошли первые пять минут боя. Я знал, что у меня в запасе всего несколько секунд, которые решат судьбу тысяч гелиумцев. Я использовал против Солана все свои лучшие приемы и выпады, но он не двинулся с места, а я сам едва не напоролся на острие его меча.

Тогда я пошел на хитрость. Я сделал выпад, рассчитывая, что Солан, отражая мой удар, отвернется на нужное мне расстояние. Так и случилось. Большая стрелка на какой-то миг оказалась всего на расстоянии вытянутой руки. Я резко направил свой меч в сторону стрелки и повернул ее концом меча, рискуя в любой момент получить смертельный удар в незащищенную грудь.

Солан был так поражен и пришел в такой ужас, что упустил момент расправиться со мной. Вместо этого он бросился с визгом к стрелке, но это был его последний вопль: прежде чем рука дотронулась до рычага, острие моего меча пронзило его сердце.

Глава XIV

БОЙ В ТРОННОМ ЗАЛЕ

Однако последний крик Солана привлек внимание стражников. Они ворвались в комнату, но я успел-таки сломать рычаг и скрыться в первом попавшемся коридоре. Воины, вероятно, услышали мой топот и бросились догонять меня. Как досадно задерживаться в подземелье, когда наверху кипит бой и моя помощь там так нужна!

Они нагоняли меня, и я решил, что лучше спрятаться в какой-нибудь нише, пропустить их и вернуться обратно.

Ведь я знал дорогу в башню, или, если не повезет, можно попытаться выйти прямо на улицу.

Коридор круто поднимался вверх, а потом довольно долгое время я шел по нему, не чувствуя подъема. В хорошо освещенном туннеле охранники наверняка сразу же разглядели бы меня. По обеим сторонам коридора появились двери, и я наугад вошел в одну из них. Судя по убранству, мне показалось, что я попал в переднюю перед большим залом. В нее выходила еще одна дверь, занавешенная тяжелым занавесом, из-за которой доносился шум голосов. Я раздвинул его и заглянул в зал.

Я не ошибся. Это был приемный зал Салензия Олла, в котором в этот момент собрались придворные, а сам джеддак восседал на троне и беседовал с ними.

— Назначенный час пришел, — услышал я, — и хотя враги Окара в стенах города, ничто не остановит Салензия Олла! От пышной церемонии придется отказаться, достаточно присутствия пятидесяти моих приближенных, чтобы соблюсти обычай и провозгласить новую королеву Окара. Вся процедура не займет много времени, и мы сразу же вернемся на улицы Окара, дабы новая королева смогла убедиться в величии и непобедимости своего владыки и полном разгроме и уничтожении армии бывших соотечественников.

Затем он тихим голосом отдал какой-то приказ одному из придворных, который поспешил к небольшой двери в дальнем конце зала и, широко распахнув ее, торжественно провозгласил:

— Дорогу Дее Торис, будущей королеве Окара!

В дверях появились два дюжих стражника, тащивших за собой строптивую «невесту». Руки несчастной женщины были крепко связаны за спиной, волосы растрепались. Она ступала, тяжело дыша. Салензий Олл встал и обнажил меч. Остальные последовали его примеру, образовав коридор, по которому должна была пройти моя бедная принцесса.

Окруженная священнослужителями и стражниками, Дея Торис медленно продвигалась к трону. Вдруг я заметил черное лицо, мелькнувшее из-за драпировки позади трона. Стражники, грубо подталкивая Дею Торис, буквально волокли ее к трону джеддака. Кровь бешено застучала у меня в висках. Священнослужитель открыл книгу и начал что-то бормотать. Салензий Олл потянулся за рукой будущей королевы.

Сначала я намеревался дождаться подходящего момента для моего появления на сцене, отбить и вывести Дею Торис

из дворца. Когда это произойдет — до шутовской церемонии или после — не имело никакого значения. Однако я не выдержал, когда Салензий Олл протянул свою гнусную лапу к нежной ручке моей возлюбленной. Не успели придворные сообразить, что произошло, как я уже стоял рядом с принцессой и джеддаком.

Я ударил плашмя мечом по руке владыки Окара и закрыл собой Дею Торис. Теперь, стоя спиной к драпировкам за тронем и лицом к залу, я ждал нападения Салензия Олла и его царедворцев. Джеддак оказался гигантом, он был выше меня на несколько голов. Грубое животное задержалось в ярости. Рыча от гнева, бросился он на меня с обнаженным мечом, но мне не довелось испытать его бойцовское искусство. Дея Торис стояла за моей спиной, а это придало мне сверхчеловеческие силы — никто уже не мог противостоять мне.

«За принцессу Гелнума!» — закричал я и проткнул мечом прогнившее сердце джеддака. Салензий Олл скатился по ступенькам к подножию трона.

Схватка шла в бешеном темпе. Иногда мне казалось, что после поединка с Соланом моя рука приобрела какую-то волшебную силу. Один за другим враги падали возле трона джеддака, а я вдруг ощутил позади себя какое-то движение. Я как раз отбивался сразу от двоих нападавших, поэтому не мог оглянуться назад. Может быть, Дея Торис решила занять место рядом со мной? Но я не заметил ее рядом. Не слыша больше ее голоса, я решил, что она спряталась где-то рядом, в более безопасном месте.

Уже полчаса я отражал атаки придворных Окара, но ни одна нога не ступила на подиум трона. Оставшиеся в живых решились разом напасть на меня. Едва они двинулись на меня, как в зал вбежал запыхавшийся гонец и закричал на ходу.

— О, великий джеддак? Где же он?! Город пал под натиском врагов, прибывших из-за барьера. Они овладели дворцовыми воротами и заполонили все подступы ко дворцу. Где Салензий Олл? Он один может поднять боевой дух наших войск. Он один может спасти Окара! Где Салензий Олл?!

Желтолицые расступились, и один из них молча указал на труп джеддака. Гонец пошатнулся от нового удара.

— Бегите отсюда, они идут! Ничто не может спасти нас!

Я продолжал стоять на помосте у трона и увидел моего старого друга Кантоса Кана. Это он привел сюда небольшой отряд, который пробил себе дорогу в самое сердце

дворца Салензия Олла. Конечно, я должен помочь им и напасть на желтых сзади. Сообщив через плечо Дее Торис о своем решении, я бросился через зал к отступающим желтолицым.

На бегу я заметил открывшуюся потайную дверь в стене, а в ней — отца святых жрецов Матана Шанга и его дочь Файдору. Они бегло оглядели все происходящее. Испуг и ужас отразились в их глазах, когда они остановили взгляд на мертвом Салензии Олле, придворных, павших возле трона и, наконец, на мне.

Они не вошли в зал, а лишь цепким взором оглядели его. Выражение злобы появилось на лице Матана Шанга, и змеиная улыбка заиграла на губах Файдоры. Затем они удалились, а Файдора перед уходом захохотала мне прямо в лицо. Мне некогда было разбираться в причине ее веселья, но я почувствовал, что оно не предвещает мне ничего хорошего.

Минуту спустя я уже был за спиной у желтолицых, и когда красные воины Гелиума увидели меня, то разлались крики радости и приветствия.

— За Джона Картера! — закричали они. — За джеда Гелиума! — и как голодные львы набросились на слабоющего врага.

Попав в безнадежное положение, желтолицые бойцы стояли насмерть, прекрасно сознавая, что это их последний бой. Казалось, что исход битвы ясен, но тут, следом за отрядом Кантоса Кана, подошел еще один отряд окарцев. Теперь мои друзья оказались меж двух огней!

Остатки первого отряда желтолицых развернулись ко мне. Я даже засомневался, смогу ли я справиться с ними. Второй отряд выманил гелиумцев в коридор, а один из желтых воинов запер дверь в зал. Теперь я остался один на один с двенадцатью противниками. За все время боя я не имел свободной секунды хотя бы взглянуть на нее. Было странно, что я не слышу ее голоса, придавшего мне столько силы.

Итак, я медленно отступал обратно к трону через весь зал, методично расправляясь со своими противниками. У самого подножия трона упал последний желтолицый, пронзенный моим неумолимым мечом.

Но... радостный крик замер у меня на губах, а руки безжизненно упали. Шатаясь, как смертельно раненный, взобрался я по ступенькам к трону...

Дея Торис исчезла!

ДОЛГОЖДАННАЯ НАГРАДА

Несомненно, исчезновение Деи Торис связано с появлением черного лица, прятавшегося за драпировками позади трона. Почему я был так неосторожен и пренебрег этим предупреждением судьбы? Я корил себя за беспечность, но, увы, ничего не мог исправить.

Снова Дея Торис попала в руки Турида, этого черного дьявола. Опять напрасны все мои поединки на пути к ее спасению. Теперь-то я понял причину неуместного смеха Файдоры и ярость ее отца Матана Шанга. Вероятно, хеккадор явился в зал, чтобы помешать Салензию Оллу завладеть принцессой, и может быть, он даже стал свидетелем похищения Деи Торис у меня из-под носа.

Ну а радость Файдоры была неподдельной.

Я спрыгнул с помоста и рванул драпировку. За ней оказался узкий проход. Нет сомнений, что именно этой дорогой бежал Турид. К тому же на полу я нашел украшение, усыпанное драгоценными камнями, с отпечатком герба дома Деи Торис. Расцеловав этот посланный мне знак, я как безумный бросился по извилистому коридору, который вводил меня все ниже и ниже в галереи дворцовых катакомб.

Очень скоро дошел я до потайной комнаты Солана. Его мертвое тело все еще находилось там, где я его сразил мечом. Но я не заметил никаких признаков посторонних. Сюда никто не входил. Однако Турид и Дея Торис должны были пройти здесь!

Я стоял с минуту в недоумении. Какой из бесчисленных выходов должен вывести меня на верный путь? Как сквозь густой туман, в моей памяти всплыли наставления Солана, которому Турид подробно описывал свой план побега.

Не теряя ни минуты, бросился я по этому пути; я бежал, пренебрегая осторожностью, хотя прекрасно знал, что меня ожидает впереди. Сначала было очень темно, особенно в том коварном месте, где был колодез. Мне удалось нащупать узкую полосу, оставленную вдоль него. Я успешно миновал ловушку, в которую непосвященный обязательно бы угодил. В конце последнего коридора я неожиданно вышел на поверхность и очутился в поле, покрытом снегом и льдом. Почти голый, я, конечно, сразу околел и вернулся обратно в туннель. Отчаяние охватило меня. Идти вперед и наверняка погибнуть раньше, чем я смогу достичь цели и спасти Дею Торис!

Пока я раздумывал, мой взор упал на маленький кусочек меха, видневшийся из-под щели. Я потянул за него, и вдруг открылась дверь в небольшую комнатку, по стенам которой была развешана меховая одежда. Вероятно, здесь придворные, выходя наружу, переодевались, устроив возле выхода гардеробную. Конечно же, Турид знал о ее существовании и одел Дею Торис и себя, раскидав второпях вещи.

Я быстро облачился в высокие меховые сапоги и шубу из меха орлука. Теперь-то мне не был страшен никакой мороз! Выскочив из туннеля я огляделся и обнаружил совсем свежие следы беглецов. Перепрыгивая через глубокие сугробы, я шел по их следу. Он привел меня к засыпанному снегом рву, уходящему к вершине ближних холмов. У узкого прохода между скал следы Деи Торис оборвались, но через небольшой отрезок тропы вновь появились. Конечно, она доставляла массу хлопот Туриду, упираясь и не желая идти, временами ему приходилось нести ее на руках.

Обогнув скалу, я увидел на небольшой площадке перед пещерой серебристый аэроплан, а возле него четырех человек. Сердце мое бешено застучало. Это были Дея Торис, Файдора, Турид и Матан Шанг. Мужчины яростно спорили, хеккадор угрожал датору, а чернокожий издевательски смеялся над ним.

Соблюдая осторожность, я стал приближаться к ним. Мужчины, видимо, придя к какому-то соглашению, втащили сопротивляющуюся Дею Торис на палубу аэроплана и привязали ее там. Файдора скрылась в каюте на корме корабля, а Турид и Матан Шанг опять спустились и принялись возиться с пропеллером. Мне оставалось до них с четверть мили, когда Матан Шанг заметил меня. Он схватил Турида за плечо и указал на меня. Теперь мне нечего было скрываться, и я стремительно помчался к аэроплану. Быстро устранив неполадку, они бросились к веревочной лестнице, ведущей на палубу, раньше, чем я пробежал половину расстояния. Турид первым добежал до лестницы и с проворством обезьяны вскарабкался на палубу. Он бросился к пульту управления и нажал на кнопку подъемной силы. Судно медленно поднялось вверх, но недостаточно резко, как следовало бы.

Я был еще в сотне футов от них, когда заметил, что они поднимаются. Судно начало взлетать, а Матан Шанг все еще карабкался на палубу. Турид со злобшей гримасой на лице подошел к борту корабля.

С машиной было что-то не в порядке. Она поднялась

на небольшую высоту и неподвижно зависла в воздухе. Матан Шанг был уже почти у цели, а его длинные пальцы тянулись к металлическим поручням. Внезапно Турид склонился над ним и занес кинжал, словно молния блеснувший в его руке. Издав безумный вопль, хеккадор вцепился в руку предателя.

Я почти добежал до веревки, но мне вновь страшно не повезло. Я споткнулся и ударился головой о глыбу льда. Теряя сознание, я видел конец веревки, болтавшийся прямо над моей головой. Вероятно, я пролежал без чувств всего несколько секунд. Когда я открыл глаза, аэроплан отлетел от меня всего на двести футов, а веревка поднялась на тридцать футов от поверхности. Турид боролся с Матаном Шангом, я же, собрав все свои силы, кинулся вперед и резко подпрыгнул. Мне удалось ухватиться за веревку, но она обледенела, и пальцы мои скользили по ней, лишая меня последней возможности попасть на корабль. Какое облегчение я ощутил, почувствовав под рукой спасительный узел на веревке, и начал медленно карабкаться вверх.

Я не видел своих врагов, но слышал шум упорной борьбы: жрец сражался за свою жизнь, а Турид стремился освободить судно от лишней тяжести. Если Турид одолеет жреца раньше моего появления на палубе, то он наверняка заметит меня и обрежет веревку. Я глянул вниз — мы пролетали над бездонной пропастью.

Наконец рука моя ухватила за поручни на борту аэроплана, и в тот же миг я услышал страшный вопль. Кровь застыла у меня в жилах, пока я смотрел, как жалкая фигурка, кувыркаясь в воздухе, стремительно падает в бездну.

Это был последний полет святого хеккадора Матана Шанга, отца святых жрецов...

Я вновь посмотрел на палубу, и мой взгляд наткнулся на злобные глаза Турида. Он был примерно посередине судна, а я поднимался со стороны кормы. Нас разделяли всего несколько шагов.

Я крепче сжал левой рукой поручень, а правой схватился за свой кинжал. Вся моя жизнь прошла в сражениях, и теперь я умру в бою.

Турид уже поравнялся с дверью каюты, как появился еще один участник кровавой трагедии, которая разыгралась на палубе аэроплана.

Это была Файдора. С разгоряченным лицом и растрепанными волосами, с глазами, полными слез, сбросив маску гордой богини, Файдора выскочила на палубу, оказавшись между мной и Туридом. В ее руке блестел кинжал...

Я все понял! Бросив прощальный взгляд на свою возлюбленную, я смело посмотрел на Файдору, ожидая удара.

Никогда еще она не была так прекрасна, как в эту роковую минуту. Казалось невероятным, что такая красота таит в себе столько жестокости и бессердечия. Но я успел прочесть в ее глазах нечто новое — невыразимое страдание и боль.

Датор оттолкнул ее, намереваясь первым нанести удар. Но тут случилось то, чего я совершенно не ожидал. Все произошло так быстро, что я не поверил своим глазам.

Файдора левой рукой крепко схватила растерявшегося датора, а правую, с кинжалом, высоко подняла над головой.

— Это тебе за Матана Шанга! — крикнула она и глубоко вонзила лезвие в грудь датора. — Это тебе за мучения Деи Торис! — снова опуская кинжал на окровавленную грудь чернокожего. — А вот тебе еще, еще и еще, — пронзительно кричала она, — за Джона Картера, — и при каждом слове она втыкала свой кинжал в уже безжизненное тело датора. Затем с презрительной гримасой она сбросила труп перворожденного с палубы.

— Ты удивлен, Джон Картер, — сказала она, — и не понял, что изменилось во мне? Я скажу тебе. Это любовь переменяла мою душу, любовь к тебе.

Я нахмурил брови, но она подняла руку.

— Постой, — сказала она. — Я не о себе. Как ни странно, но именно любовь твоей жены Деи Торис к тебе открыла мне истинную любовь. Моя эгоистическая страсть была столь далека от настоящих чувств. Теперь я стала другой. Теперь я могла бы любить тебя так, как любит тебя Дея Торис. Я счастлива, что вы вновь будете вместе, потому что лишь в ней одной твое счастье.

— Но мне мучительно сознавать, сколько зла я совершила. Хотя я и считаю себя бессмертной, всей моей жизни не хватит, чтобы искупить грехи. Сегодня я, наконец, сделала первый шаг на пути покаяния и спасения души. А чтобы ты не сомневался в искренности моих слов и поступков, я докажу тебе единственно возможным для меня способом: дочь святого хеккадора Файдора спасла тебя для другой и уходит с твоей дороги...

С этими словами она стремительно повернулась и бросилась с палубы корабля в бездонную пропасть.

Крик ужаса вырвался у меня из груди. Я подбежал к борту судна, намереваясь спасти жизнь той, которую еще совсем недавно предпочел бы видеть мертвой. Но было слишком поздно. Глаза мои наполнились слезами, и я от-

вернулся, чтобы не видеть конца несчастной девушки.

Минуту спустя я разрезал путы, связывавшие Дею Торис, и когда ее прелестные руки обвились вокруг моей шеи и дивные губы прижались к моим, сразу позабыл все ужасы, свидетелем которых мне пришлось стать, и все страдания, которые я перенес.

Глава XVI

ВЛАДЫКА БАРСУМА

Аэроплан, на палубе которого мы с Деей Торис волей судьбы остались вдвоем, оказался неисправным. Резервуары с лучами подъемной силы дали течь, и машина перестала слушаться руля. Мы беспомощно висели над полярными льдами. Небольшой ветерок пронес нас сначала над пропастью, где остались Матан Шанг, Турид и Файдора, а затем над невысокой грядой холмов. Я открыл предохранительные клапаны и медленно опустился. Как только аэроплан коснулся заснеженной поверхности, мы покинули его и вернулись в Кадабру.

Мы вошли в тот же туннель, по которому я недавно бежал в таком диком отчаянии. Но мы шли медленно — нам так много нужно было сказать друг другу!

Дея Торис поведала мне о той ужасной минуте несколько месяцев назад, когда дверь их вращающейся темницы внутри храма Солнца медленно закрылась надвинувшейся стеной. Файдора бросилась на нее с кинжалом, но Тувия закричала, поняв злобное намерение дочери святого жреца. Это был тот самый крик, который звучал в моих ушах и мучил долгие месяцы. Теперь я узнал, что Тувия успела вырвать кинжал у Файдоры, прежде чем он коснулся Деи Торис или ее самой.

Вскоре мы дошли до комнаты Солана. Мы продвигались вперед столь беспечно, не принимая никаких мер предосторожности, потому что я был уверен, что город и дворец находятся в руках моих друзей.

Так случилось, что, войдя в комнату, мы оказались лицом к лицу с десятью придворными Салензия Олла. Они, вероятно, намеревались скрыться тем же путем, которым мы только что прошли. Увидев нас, их предводитель злобно усмехнулся и воскликнул, указывая в нашу сторону:

— Нам везет! Смотрите, вот виновник всех наших бед! Пусть мы побеждены, но мы отомстим за джеддака и павший

город! Вот он, час нашей мести и расплаты с тобой, богохульник! Пусть ваши друзья найдут здесь изуродованные трупы Джона Картера и его жены. Пусть они полюбуются, как умеют мстить желтые люди Барсума! Готовься к смерти, Джон Картер, но чтобы твой конец был еще горше, знай, что я, быть может, не приговорю Дею Торис к милосердной смерти, а сохраню ее для своей забавы и потехи своих приближенных!

Мы с Деей Торис стояли у той самой стены, где находились все рычаги. Она взглянула на меня удивленно: воины приблизились к нам с оружием в руках, а мой меч все еще оставался в ножнах, и я ждал их приближения с улыбкой на губах.

Желтые воины остановились в недоумении и нерешительности, опасаясь какой-нибудь хитрости с моей стороны. Когда расстояние между нами сократилось до размера меча, я поднял руку, положил ее на полированную рукоятку большого рычага и, продолжая зловеще улыбаться, взглянул своим врагам прямо в лицо.

Они разом замерли, испуганно переглядываясь между собой.

— Стой! — завопил предводитель. — Ты не знаешь, что делаешь!

— Ошибаешься, — ответил я спокойно. — Джон Картер знает, что делает. Если кто-то из вас сделает хоть один шаг к Дее Торис, то я поверну рычаг — мы умрем с ней вместе, но это будет и ваш конец!

Придворные отпрянули и несколько минут шептались. Наконец предводитель обратился ко мне.

— Ступайте своей дорогой, а мы пойдем своей, — сказал он.

— Пленные не вольны в выборе своего пути, — возразил я, — а вы мои пленные.

Они не успели ответить, поскольку дверь в другом конце комнаты открылась, и отряд желтых воинов заполнил все помещение. Придворные вздохнули с облегчением, но ненадолго. Во главе желтых людей шел Талу, мятежный джед Марентины. Приближенные Салензия Олла знали, что им нечего ждать от него пощады.

Талу с первого взгляда все понял и улыбнулся.

— Все верно, Джон Картер! — закричал он. — Ты используешь против них их же силу! Какое счастье для Окара, что ты оказался здесь и помешал им бежать! Это сборище величайших негодяев нашей страны, а этот, — он указал на предводителя, — намеревался объявить себя джеддаком

вместо убитого Салензия Олла. Случись так, у нас появился бы еще более гнусный правитель, чем ненавистный тиран, павший от твоего меча.

Придворные молча покорились и дали связать себя. Сопротивление означало для них смерть. В сопровождении воинов Талу мы отправились в большой тронный зал. Здесь собрались лучшие воины Барсума: рядом с красными людьми Гелиума и Птарты стояли желтые воины Севера и черные перворожденные, прибывшие ко мне на помощь под предводительством Ксодара. Здесь были дикие зеленые воины со дна высохших морей дальнего юга и небольшие отряды белокожих жрецов, отказавшихся от своей религии и присягнувших Ксодару.

Здесь были Тардос Морс и Морс Каяк, и статный воин — мой сын Карторис, облаченный в ослепительные воинские доспехи. Увидев нас, все трое бросились к Дее Торис. Они чуть не задушили ее в своих объятиях, хотя проявление бурных чувств не характерно для марсиан.

Над всеми возвышался могучий исполин Тарс Таркас, джеддак таржов, и рядом с ним стоял Кантос Кан. Мой дорогой Вула, обезумев от счастья, радостно прыгал и дергал меня за доспехи.

Нас оглушил гром приветственных криков, когда мы вошли в зал. Раздался звон металла — воины всех марсианских народов высоко подняли свои мечи и скрестили клинки в знак всеобщей победы. Я прошел сквозь ряды ликующих воинов, джедов и джеддаков, но в сердце мое закралась боль. Среди друзей я не встретил двух любимых лиц и все бы отдал, чтобы видеть их в эту минуту. В тронном зале не было Тувана Дина и его дочери Туви.

Я принялся расспрашивать о них, и наконец один желтый воин сказал мне, что они пробирались к яме, когда их захватила дворцовая стража. Мне не нужно было спрашивать, зачем направились туда отважный джеддак и его мужественная дочь. Воин сказал, что их заточили в темницу в ожидании приговора джеддака Окара.

Я немедленно отправил отряды воинов на поиски. Они обыскали дворец сверху донизу и, к моему счастью, привели девушку и ее отца в зал. Тувия со слезами радости на глазах бросилась к Дее Торис; они обнялись и принялись рассказывать друг другу о своих приключениях.

— Воины Барсума! — громко сказал я. — Кадабра пала, и вместе с ней — ненавистный северный тиран. Но самостоятельность Окара должна быть сохранена. Всеми народами на планете управляют джеддаки, избранные ими са-

мими. И среди вас, желтые воины, есть человек, достойный древнего титула джеддака Севера. Люди Окара, поднимите мечи в знак признания вашего нового правителя Талу, мятежного джеда Марентины!

Свободные люди Марентины и жители побежденной Кадабры встретили это известие с ликованием. Они даже не ожидали такого предложения, уверовав в то, что им навяжут красного джеддака. Воины Гелиума также с радостью восприняли мое решение.

Улучив момент, мы с Деей Торис покинули шумный зал, сбежав в живописный сад джеддака, расположенный во внутреннем дворе дворца. За нами следовал мой верный Вула, но на резной скамейке в беседке, увитой дивными красными цветами, мы увидели пару, опередившую нас — это были Тувия из Парты и Карторис из Гелиума.

Юноша сидел, низко склонив свою благородную голову к лицу прекрасной девушки. Я обнял Део Торис и, улыбаясь, прошептал:

— Почему бы нет?

Действительно, что значат годы в стране вечной юности?

Мы остались в Кадабре на церемонию присяги нового джеддака Талу. Перед нашим отъездом, по его приказанию, был уничтожен магнитный столб, унесший столько жизней.

— Отныне,— сказал он, когда от столба ничего не осталось,— все корабли народов Барсума могут так же свободно летать над ледяным барьером, как над своими странами. Пещеры Кариона будут очищены, чтобы все могли свободно попасть к нам, а священных кровожадных аптов мы уничтожим.

Мы распрощались с нашими желтыми друзьями и отплыли вместе со всем большим флотом в Парту. Здесь мы гостили у Тувана Дина целый месяц, а когда настал день отъезда, Карторис уезжал с большим сожалением. Мне показалось, что не будь у него обязанностей в Гелиуме, он бы с удовольствием остался бы здесь навсегда.

Навестили мы и страну лесов Каол, укрепив узы дружбы между ее народом и красными людьми Гелиума. И наконец, после долгих странствий увидели вдалеке высокие башни Гелиума.

Литературно-художественное издание

Эдгар Райс Берроуз

ВЛАДЫКА МАРСА

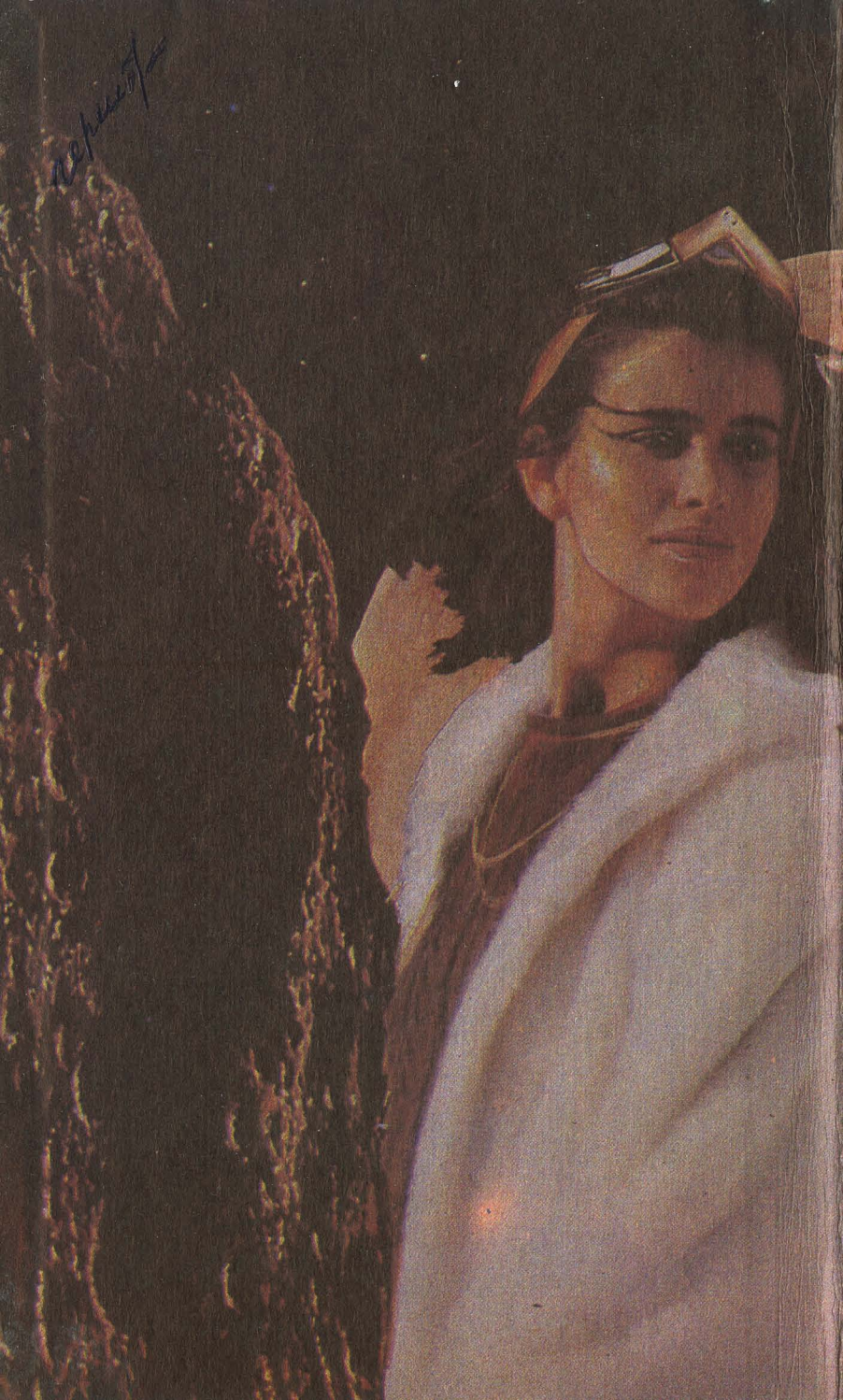
Переводчик В. К а р о т а м

Редактор Г. С о р к и н а

Сдано в набор 5.02.92. Подписано в печать 20.10.92. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Гарнитура «Академическая». Высокая печать с ФПФ. Печ. л. 13,0. Тираж 200 000 экз. Заказ 1918.

Акционерное общество «Принтэст». Эстония, Таллинн, Пярнусское шоссе, 10.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

22/10/07/08

А / О П Р И Н Т Э С Т